

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Куно

ОПАЛЬНЫЙ КАПИТАН

СПАСТИ НОВУЮ ЗЕМЛЮ

Annotation

Патрульный звездолет «Галалэнд» готов к вылету. Пилот просчитывает курс, бортовой врач отпускает ехидные шуточки — все идет своим чередом. Но капитана корабля внезапно арестовывают: Рейер Макнэлл обвиняется в убийстве собственной жены... Но так ли все просто, как кажется на первый взгляд? Быть может, совершенное преступление — лишь верхушка айсберга? И теперь под угрозой не только будущее опального капитана, но и целой планеты.

- [Ольга Куно](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Ольга Куно

**ОПАЛЬНЫЙ КАПИТАН. СПАСТИ
НОВУЮ ЗЕМЛЮ**

Пролог

За три часа до вылета из космопорта приписки патрульный космолет ВБС^[1] чрезвычайно напоминал муравейник. Все пребывали здесь в постоянном движении, и, невзирая на то, что движение это казалось со стороны беспорядочным, в действительности каждый член экипажа и работник космопорта в точности знал свою цель. Грузчики переправляли последние контейнеры с провиантом, предметами первой необходимости и техническим оборудованием; механики скрупулезно проверяли готовность корабля к полету и надежность каждого винта; радисты надоедали своим стационарным коллегам вызовами по всем каналам, а системные администраторы... эти, как и всегда, были погружены в мир компьютеров.

Старпом, пытавшийся уследить за всем одновременно, ненадолго возвратился на капитанский мостик, дабы выпить пару глотков кофе, а заодно выяснить, как идут дела у работающих там специалистов. Вопреки названию он не имел ничего общего с мостом, да и предназначен был, мягко говоря, не для одного капитана. Это был просторный круглый отсек с рабочими местами для полторы дюжины членов экипажа, ответственных за разные сферы патрульной службы. Кто-то еще успел подняться на борт, а другие были заняты размещением в личных каютах.

Томас Дебург, старший помощник, направился ко второму пилоту (не характерно ли, что тот прибыл на службу раньше, чем первый?) и главному системщику.

— Кофе? — сразу же предложил последний, вынырнув из глубин мало понятной Дебургу голограммы.

Этот парень, пребывая в дебрях своего компьютерного мира, каким-то непостижимым образом умудрялся одновременно отслеживать краем глаза все, что происходило на корабле.

— Не помешает, — буркнул старпом.

Системщик с понимающей ухмылкой активировал с десятков сенсоров виртуальной клавиатуры, посылая заказ кофеварочной машине. Вот, спрашивается, зачем это делать, когда до самой машины достаточно пройти всего три шага? Но у представителей каждой профессии свои причуды.

— Капитан еще не появлялся? — спросил Дебург, плюхаясь в крутящееся рабочее кресло с удобной спинкой.

— Вроде бы нет. — Проводивший расчеты пилот на миг поднял глаза от экрана.

— Понятно.

Старпом вздохнул. Рейер Макнэлл, капитан «Галалэнда», не считал необходимым прибывать на звездолет раньше прочих членов экипажа, но зато с момента вылета, следовало отдать ему должное, полностью посвящал себя работе. Тем не менее Томас предпочел бы видеть со стороны начальства более традиционный подход к службе. Впрочем, стоит ли обманывать самого себя? Просто в свои сорок пять тяжеловато порой смотреть на тридцатилетнего капитана, сумевшего достичь карьерных высот, которые для самого старпома, скорее всего, так и останутся не более чем мечтами. Отсюда и повышенная склонность к критике.

— Вот и он, легок на помине! — вырвал Дебурга из размышлений пилот, расплывшийся в радостной улыбке.

И правда, через послушно отъехавшую в сторону дверь в помещение бодрым шагом вошел Макнэлл.

— Капитан на мостике! — возвестил радист, наклонившись к микрофону, и вновь отключил громкую связь.

— Всем мирного неба! — Макнэлл воспользовался традиционным для космофлота приветствием.

— Мирного неба! — стройным хором откликнулся экипаж.

— Представить вам подробный отчет, сэр? — спросил, поднявшись, Дебург.

— Позже. — Капитан пожал ему руку и, дав знак садиться, опустился в собственное кресло. — Есть что-нибудь, требующее моего срочного вмешательства?

— Нет, — старпом снова позволил себе немного расслабиться, — пока все в рамках нормы.

— Ни секунды в этом не сомневался. Иначе не застал бы вас здесь. — Макнэлл весело подмигнул и, повернувшись вместе с креслом ко второму пилоту, спросил: — Курс проложил, Джереми?

Должность штурмана на подобных кораблях давно уже упразднили, объединив ее с обязанностями пилота. К излишней загруженности это не приводило, поскольку основную работу выполнял бортовой компьютер. От человека же главным образом требовалась проверка результатов, утверждение окончательной программы и — в случае необходимости — принятие нестандартных решений.

— Так точно, сэр! — отрапортовал юный специалист. — Но есть вопрос.

— Давай.

Джереми пробежал пальцами по сенсорному экрану, и в воздухе возникли два голографических изображения карты звездного неба с пунктирными линиями, обозначающими предполагаемые маршруты.

— Первый вариант, — пилот кивнул на левую голограмму, ту, что была ближе к капитану, — пятьдесят четыре часа. Второй, — его указательный палец устремился к правой карте, — шестьдесят три. Но здесь, — он снова повернулся к первому изображению и обозначил зеленым ар-лучом нужный сектор, — зона повышенного скопления астероидов. Вероятнее всего, пройдем без потерь, но небольшой риск есть.

— Вывод? — подняв на него прищуренный взгляд, поинтересовался Макнэлл.

— Рекомендую второй маршрут.

— И потерю девяти часов, а заодно и топлива?

Юноша сомневался всего пару мгновений.

— Так точно.

— Молодец, — удовлетворенно кивнул Макнэлл, — в данном случае риск не оправдан. Вводи второй курс.

— Капитан, вы уже решили, каким будет порядок посещений? — осведомился старпом.

— Думаю, да, — сосредоточенно кивнул тот. — Поскольку первый пункт, Тодорос, расположен в системе Зед-4, следующей посетим планету Манкор.

— Ее нет в списке главуправления, — с удивлением заметил Дебург.

В компьютер даже не заглянул, стало быть, весь список рекомендованных к посещению планет выучил назубок.

— Нет, — подтвердил капитан, не менее внимательно ознакомившийся со списком. — Но я хочу там кое-что проверить.

— А как оформим цель прибытия? — нахмурился старпом.

— Визит доброй воли, — подмигнул Макнэлл.

Автоматическая дверь снова отъехала в сторону, впуская на мостик брюнета лет сорока. Его светло-серая форма ничем не отличалась от той, что носили остальные, за исключением вышитого на левом плече красного креста. Короткий белый шрам, тянувшийся к виску почти от самого уголка глаза, импозантную внешность бортового врача не портил, скорее, придавал ему шарма.

— О, привет, док! — Первым сориентировался, казалось бы, не отрывавшийся от экрана системщик.

— Привет, пациенты! — бодро откликнулся Брэндан Уолкс, усаживаясь в кресло дежурного аналитика, благо оно по-прежнему

оставалось свободным. — Ну, кто первый ко мне на прием?

Пара ответных смешков не поколебала рабочего настроения врача, который продолжал хищно оглядывать присутствующих с твердым намерением избрать среди них жертву медицинского произвола.

— Брэн, вообще-то мы все прошли медкомиссию перед полетом, — с ухмылкой напомнил об очевидном Макнэлл. — Подожди хоть немного, чтобы кто-нибудь из нас успел заболеть.

— Да толку? Дождешься от вас, пожалуй! — проворчал доктор. — Космос, патрульный корабль ВВС! Все здоровы, аки дуэллийские шестипалые пони. Как назло, даже от открытой форточки никто не простудится. Но все это вопрос физиологии, а вот с психическим здоровьем дела, слава богу, обстоят куда хуже!

И он в предвкушении потер руки.

— С чего бы это? — хмыкнул капитан.

— Я тебя умоляю! Регулярно скакать от планеты к планете, целенаправленно выискивая проблемы на ту часть организма, которую отдельные медики приучены деликатно именовать мягким местом... Да во флоте нет ни одного психически здорового человека! Итак, кто первый ко мне на прием?

— Бортовой врач, как и все мы, пребывает в состоянии возбуждения в ожидании взлета, — добродушно пояснил Макнэлл, обращаясь к недоумевающему космометеорологу, новичку на «Галалэнде», — что проявляется в повышенной жажде деятельности.

— Док, могу я полюбопытствовать? — подал голос системщик, пальцы которого не переставали скользить по виртуальной клавиатуре. — Откуда такой интерес к нашей скромной психике, когда ваша основная специализация — лазерная хирургия?

— Опять лазил по чужим личным делам? — для порядка возмутился капитан, впрочем, давно уже смирившийся с этой привычкой подчиненного и махнувший на нее рукой.

— Что ты понимаешь в медицине, неуч? — не замедлил с ответом Уолкс. — Еще наши далекие предки справедливо заметили, что все болезни, за одним-единственным исключением, — от нервов. Так что кто не разбирается в человеческой психике, тот не врач. Итак? Неужели нет желающих доверить свою жизнь моим умелым рукам? В медотсек как раз доставили новый набор шприцов. Игла любой длины и толщины на ваш выбор.

— Умеешь ты уговаривать! — Макнэлл покачал головой.

— Жаль, — вздохнул врач. — Значит, мне придется скучать до тех пор,

пока кого-нибудь из вас не ранят в очередной дурацкой перестрелке на очередной богом забытой планете.

— Ждешь этого момента?

— Сгораю от нетерпения.

На время мостик погрузился в условную рабочую тишину, наполненную щелканьем рычагов, монотонным гудением приборов и шорохом перекачиваемых с места на место кресел.

— Господин капитан, как провели отпуск? — поинтересовался Джереми, заметив, что Макнэлл отодвинулся от своего монитора, явно довольный просмотренной информацией. — Погода на Северном континенте хорошая?

— Отличная, — с чувством протянул капитан. — Собачий холод. Всю неделю катались с женой на лыжах.

— Здорово, — с завистью выдохнул пилот.

— Ты хотел бы об этом поговорить? — тут же оживился врач.

— Отпуск с женой — это скучно, — внес свою лепту в разговор системщик.

— Ничего подобного, — возразил старпом.

— Линда и так не слишком довольна тем, что меня по многу недель не бывает дома, — признался Макнэлл. — Так что совместный отпуск — тот минимум, который я ей должен.

— Ты хотел бы поговорить об этом?

Оглушительно громкий сигнал вызова прокатился по мостику, заставив пару человек инстинктивно зажать уши.словно кто-то врубил сирену тревоги, но быстро отключил, своевременно догадавшись о ее неуместности.

— Они что, совсем с ума посходили в приборно-агрегатном отсеке? — возмутился радист, правильно определив источник вызова. — Красный сигнал, степень срочности А1. Да мы еще даже не взлетели! Не могли по компу прислать сообщение? Капитан, сказать им, чтобы шли лесом?

— Переведи на мой компьютер и подключай, — разом посерьезнев, приказал Макнэлл.

Когда капитан «Галалэнда» говорил таким вот безапелляционным тоном, перечить не решался никто. Радист выполнил приказ, и через несколько секунд взволнованный голос одного из техников уже вещал по громкой связи.

— Господин капитан, на корабле ЧП. На борт взошли четверо континентальных полицейских, утверждают, что из убойного отдела. Идут к вам на мостик. На вопросы отвечать отказываются, сообщать вам о

прибытии запретили. Вооружены. Совсем скоро будут у вас.

— Благодарю за информацию.

Макнэлл щелкнул крошечным рычажком как раз вовремя, чтобы разговор не достиг ушей входивших в помещение представителей правопорядка. Если, конечно, они действительно таковыми являлись, поскольку столь беспардонное вторжение в святая святых патрульного судна выходило за рамки обыденного.

— Континентальная полицейская служба, южный округ, убойный отдел. Лейтенант Грогг, — представился офицер, вошедший первым.

Он мало чем отличался от своих сослуживцев — все они обладали схожими чертами: крепким телосложением, короткими стрижками и идентичной формой, если не считать свидетельствовавшие о ранге нашивки.

— Капитан Макнэлл. Чем могу быть полезен?

— Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

— Например?

Брови капитана взметнулись вверх, но в остальном он сохранял завидное спокойствие. Невзирая на то, что ни самоуверенное поведение полицейских на корабле, ни слова лейтенанта, ни избранный последним тон общения не сулили ровным счетом ничего хорошего.

— Например, когда вы в последний раз ездили по адресу: Восточная семнадцатая улица, дом 21, корпус 3, и с какой целью?

— Никогда там не бывал, — отчеканил капитан.

— Вот как? В таком случае не подскажите, где вы были сегодня в половине двенадцатого?

Макнэлл устремил взгляд в правый верхний угол экрана, где фигурировало время 13:55.

— В Тиновом парке.

— Теновом парке? — хмурясь, переспросил один из полицейских, явно впервые услышавший произнесенное словосочетание.

— Тиновом, — поправил его лейтенант. — Назван так из-за давно осушенных на том месте болот. Малолюдное местечко, — заметил он, снова обращаясь к Макнэллу. — Что вы там делали?

— Думал, — флегматично ответил тот. — И созерцал.

— Что, простите? — снова влез с уточнениями второй полицейский.

— Думал, — насмешливо повторил Макнэлл. — Полезное, знаете ли, занятие.

— Я бы на вашем месте не ерничал, — одернул его лейтенант. — Вы сейчас не в том положении. Есть кто-нибудь, кто видел вас в этом парке и

может подтвердить ваши слова?

— Вряд ли, — честно ответил капитан, предвидевший такой вопрос. — Как вы изволили справедливо заметить, парк немногочислен.

— И все-таки, зачем вы туда отправились именно сегодня, всего за несколько часов до старта вашего корабля? — настаивал Грогг.

— Я часто хожу туда как раз перед вылетом на продолжительные задания. Чтобы насладиться природой планеты, которую мне предстоит надолго покинуть.

Быть может, прояви капитан смущение при таком признании, полицейские были бы более склонны принять его слова на веру. Но абсолютная уверенность в себе в данном случае не играла ему на руку.

— Моя жена может это подтвердить, — добавил он на более доступном континентальной полиции языке.

— Не может, — жестко возразил лейтенант. — Ваша жена, Линда Макнэлл, была убита сегодня в 11:25 на Восточной семнадцатой улице около магазина головных уборов, из которого как раз выходила. Магазин расположен в третьем корпусе двадцать первого дома.

Капитан застыл с каменным лицом, на котором резко проступили незаметные еще недавно морщины. Руки сжались в кулаки, но ногти в ладони не врезались: пока вся энергия уходила на осмысление услышанного, а не на физическое напряжение.

— Как она умерла?

Голос прозвучал глухо, будто говорили с той стороны автоматической двери.

— Убита выстрелом из эксплоудера, — пристально следя за реакцией Макнэлла, сообщил лейтенант. — Как и обычно в таких случаях, взрыв практически уничтожил тело. Однако установить личность погибшей по анализу ДНК все-таки удалось. Кстати, у вас ведь в силу профессии есть доступ к этому виду оружия?

— В силу профессии нам крайне редко приходится прибегать к подобным мерам, — отрезал капитан.

— Однако возможность такая имеется, — сделал собственный вывод Грогг. И, что-то мысленно для себя решив, объявил: — Рейер Макнэлл, вы арестованы по обвинению в убийстве вашей жены. — Развернул к капитану светящийся экран карманного компьютера, на котором было открыто предписание с электронной подписью прокурора. — Ваши права вам зачитают в полицейском участке.

Макнэлл медленно поднял голову и устремил на лейтенанта тяжелый взгляд, который выбил бы из колеи любого из его подчиненных. Но никак

не выдавшего вида стража порядка.

— На каком основании?

Джереми медленно повернул голову к своему компьютеру. Если незаметно набрать всего несколько символов, люк «Галалэнда» закроется и будет загерметизирован. Еще пара нажатий, рывком опустить рычаг — и, оторвавшись от земли, они устремятся в открытый космос. Топлива на корабле достаточно, припасов тоже, основная часть экипажа на борту. Конечно, есть риск случайных жертв среди тех, кто находится сейчас снаружи... И полицейские могут начать стрельбу, но вряд ли они станут это делать, поняв, что сила теперь не на их стороне.

— Второй пилот! — резко оборвал его мысли командный голос. — Подойдите ко мне.

Под пронзительным взглядом капитана Джереми поднялся с кресла и подчинился.

— Садитесь сюда и просмотрите последние сообщения космометеорологов, — бросил Макнэлл.

Отдав этот совершенно бессмысленный, казалось бы, приказ, заставивший Джереми отказаться от своего геройского замысла, капитан вновь обратился к полицейским.

— Итак, на каком основании меня обвиняют в убийстве жены?

— Преступник выбросил оружие неподалеку от места преступления, — сообщил лейтенант.

— И что? Неужели на эксплодере остались мои отпечатки пальцев? — саркастично «поразился» Макнэлл.

— Отпечатков нет, — спокойно ответил полицейский, — убийца действовал в перчатках. Тем не менее обнаружить следы его ДНК на оружии удалось. Вашего ДНК, если быть точным. Кроме того, на ветке дерева, за которым, предположительно, убийца прятался, поджидая жертву, сохранилась капля крови. Совсем крошечная. Преступник, должно быть, и не заметил царапины, но современные технологии позволяют нам легко отслеживать подобные вещи. Мне ведь не надо уточнять, чья это кровь? Кстати, а что за царапина у вас на лице?

Макнэлл пару секунд смотрел непонимающе, затем поднес руку к левой скуле. След действительно был настолько незначительный, что при иных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь обратил бы на него внимание. Но сейчас взгляды всех находившихся на мостике скрестились на этой тончайшей красной полоске.

— Поранились, когда брились? — услужливо подсказал лейтенант.

— Нет, когда перевешивал полку в гостиной, — не оценил юмора

Макнэлл.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Лицо капитана вновь приобрело каменное выражение.

— Уже никто.

Полицейский кивнул.

— Прошу вас пройти с нами.

— Мне полагается адвокат.

— Вы позвоните ему, когда прибудем на место. Хотя, учитывая обстоятельства, сомневаюсь, что вам это поможет.

— Джереми! — все еще не отрывая взгляда от лейтенанта и не поднимаясь с места, громко произнес Макнэлл. — Придерживайся заданного курса. Дейл! Проследите за последней стадией приема груза. Старпом будет занят другими вещами. Томас! Принимайте командование. Предварительный план полета вам известен. Следуйте ему в отсутствие других указаний из центра патрульной службы. Вы назначаетесь исполняющим обязанности капитана до моего возвращения на корабль... или до прибытия нового капитана.

Раздав последние указания, он поднялся на ноги, окинул взглядом мостик и, ни слова не говоря, устремился на выход, сопровождаемый четырьмя полицейскими. Остальные члены экипажа продолжали шокированно смотреть им вслед даже после того, как сенсорная дверь окончательно задвинулась за облаченными в форму спинами.

Если патрульному звездолету «Галалэнд» и предстояло продвигаться по заданному при Рейере Макнэлле курсу, то никак не в этот день. В связи с непредвиденными обстоятельствами взлет корабля был отложен на неопределенный срок.

Часть 1

Взаперти

Глава 1

Флаербус медленно, но верно приближался к нужной мне остановке, то и дело обгоняемый частными двухместными машинами. Их хозяева предпочитали ручное управление услугам автопилота, проблема которого заключалась в том, что он ни при каких обстоятельствах не соглашался нарушать правила, в том числе превышать разрешенную максимальную скорость. Не всех водителей это устраивало.

Но у внутрипланетарного общественного транспорта иных вариантов, кроме автоматического пилотирования, к счастью, не наблюдалось. Разве что в экстренных аварийных ситуациях дистанционное управление принимал на себя дежурный диспетчер. Поэтому мы двигались чинно, мирно и спокойно, без каких-либо происшествий. Временем в дороге каждый пассажир распорядился по-своему: молодой парень с пышной копной кудрявых волос что-то увлеченно читал с экрана своих многофункциональных часов; двое подростков играли в трехмерный тетрис, тыча пальцами в зависшую перед ними голограмму и громко ругаясь всякий раз, когда промахивались мимо нужной фигуры. Девочка лет восьми, прильнув к овальному окну, рассматривала мелькающие внизу крыши высоток. Ее мать, тоже мало интересовавшаяся гаджетами, время от времени устремляла напряженный взгляд на крепившийся к переднему сиденью экран, где сменяли друг друга невнятные разномастные ролики. В сторону окна она даже не поворачивалась.

— Уважаемые пассажиры, — заговорил приятным женским голосом компьютер, точно рассчитавший оставшееся до пункта назначения время, — через две минуты мы прибудем на остановку «Рулевая башня». Остановка расположена на уровне семнадцатого этажа. Если вы намереваетесь пересесть на флаербус номер 416, 423 или 518, пожалуйста, подождите его прибытия за чертой безопасности. Если вы намереваетесь пересесть на монорельс, спуститесь на лифте на двенадцатый этаж. Удостоверьтесь, что вы не забыли личные вещи в кабине флаербуса. Желаем вам хорошего дня.

Собиравшиеся выходить на ближайшей остановке люди потихоньку потянулись к двери. В том числе и я.

Посадочная площадка выдвинулась из стены здания, принимая наш транспорт. Пассажиры направились к расположенным на огороженной от ветра территории лифтам. Два были с прозрачными стенками, один — для

акрофобов — с матовыми. Людям, страдающим боязнью высоты, в наше время приходится нелегко, что наглядно продемонстрировала мать восьмилетней девочки. Ее лицо было бледнее мела, а в левом глазу, похоже, от напряжения лопнул сосуд.

— Не понимаю, почему остановка флаербуса должна находиться на семнадцатом этаже, — возмущенно проворчала она, пошатываящейся походкой направляясь к матовому лифту. Девочка спокойно следовала за ней: материнская фобия ребенку явно не передалась. — И вообще, почему городской общественный транспорт должен летать так высоко?!

— Так безопаснее, — беззлобно объяснил пожилой мужчина в куртке с высоко поднятым воротником. По-видимому, он сохранил приверженность к некоторым юношеским слабостям: застегнутая электронная молния переливалась всеми цветами радуги, что, кажется, считалось пискom моды лет тридцать назад.

— Безопаснее? — Женщина воззрилась на попутчика и, нажав кнопку вызова, отчетливо произнесла в специально предназначенный для этого микрофон: — Первый.

На панели высветилась цифра «1».

— Двенадцатый, — сказал мужчина в куртке, и компьютер отметил номер очередного «заказанного» этажа.

Мне нужен был первый, поэтому я промолчал.

— Гораздо безопаснее, — мягко подтвердил седовласый обладатель многоцветной молнии. — Нет риска врезаться в мост, дерево или дом, не считая, конечно, вот таких башен. Одно время флаеры летали на уровне пятого этажа, и это было признано опасным. А прежде они и вовсе ездили прямо по земле, только назывались по-другому, не припомню как именно.

— По земле... — протянула женщина со смесью тоски и восторга в голосе. — И чем это кому-то не угодило?!

— Очень много несчастных случаев, — развел руками собеседник. — Такие наземные флаеры сбивали людей, ну и, само собой, животных.

— Ужас какой! — Пассажирка поднесла руку к горлу и повернулась к дочке, должно быть, побоявшись, что подобная информация может травмировать психику восьмилетнего ребенка. Цепкая хватка фобии отпустила женщину в достаточной степени, чтобы она была в состоянии беспокоиться не только о собственном самочувствии.

— Поэтому, как видите, в воздушных флаерах есть свои несомненные преимущества, — подытожил мужчина. — Но и недостатки тоже имеются.

Он сочувственно поглядел на все еще бледную пассажирку.

В этот момент раздвинулись двери одного из прозрачных лифтов, и я

шагнул туда вместе с большинством пассажиров. Мать с дочкой остались дожидаться матового, и вместе с ними седой мужчина. Видимо, за компанию — сам он вряд ли страдал навязчивым страхом высоты.

Спускаясь с семнадцатого этажа на двенадцатый, а затем на первый — иные уровни никого из моих случайных спутников не интересовали, — я молча смотрел на приближающуюся землю и увеличивающиеся в размерах дома. Высота меня не пугала, тревожило другое. То, что дожидалось на вполне надежной земле.

Двери автоматически разъехались, и я одним из последних вышел наружу. В лицо дохнул свежий ветер, слишком холодный, чтобы это оказалось приятным. Прав был пожилой пассажир, что поднял воротник. Кутаясь в куртку, я неспешно зашагал по улице. Маршрут не был знакомым, но светящаяся зеленая стрелка на часах указывала дорогу. Планетарный навигатор никогда не ошибался.

Я шел по коротко подстриженной зеленой траве, иногда поддевая носками ботинок красные и фиолетовые листья. Справа, тихо шурша, ехала черная лента автоматической дорожки, но я умышленно ее игнорировал, давая работу ногам и время на размышления мозгу. Мысли, впрочем, были все больше малоприятные, так что в итоге я оставил эту затею и просто тупо шагал в направлении, задаваемом стрелкой.

Вскоре она стала не нужна. Впереди темнел массивный уныло-серый забор, над которым на равных промежутках возвышались такие же массивные башни с конусообразными крышами. Уже стала видна табличка с крупной надписью «Городская тюрьма номер 34». Звучало достаточно пугающе. Сразу хотелось спросить — это сколько же в городе тюрем?! К счастью, мне уже успели объяснить, что первая цифра обозначает вид тюрьмы, и только вторая — собственно номер. Вот только по каким именно признакам тюрьма классифицируется как «тройка», уточнить забыли. Или не сочли нужным.

Ворота были уже совсем близко. Навигатор не обманул, хотя дорога заняла на четыре минуты больше, чем изначально предположил он, наивно рассчитав, что я воспользуюсь самодвижущейся дорожкой. Легким щелчком сообщив часам, что место назначения достигнуто, я все оттягивал момент нажатия на черную кнопку, расположенную рядом с устройством громкой связи. Приложив палец к круглой пластине на куртке, извлек из расстегнутого таким образом внутреннего кармана пачку сигарет. Закурив, постоял, расфокусированным взглядом следя за подхватываемой ветром струйкой дыма.

Затушил сигарету, когда до конца оставалось не меньше половины.

Она уже ни черта не успокаивала, а значит, нет никакого смысла гробить свое здоровье. Подошел к воротам и решительно надавил на черную кнопку.

— Кто? — лаконично поинтересовался через громкую связь бесцветный мужской голос.

— Сэм Логсон.

Я приложил большой палец к круглой панели удостоверения личности. Сейчас охранник, без сомнения, смотрел на монитор своего компьютера, получая всю положенную ему по статусу информацию касательно моей скромной персоны.

— Цель посещения?

«Пожизненное заключение». Обстоятельства почему-то настраивали на сарказм, но я решил не рисковать: вдруг охранники чувства юмора начисто лишены и воспримут мое заявление всерьез?

— Прибыл на практику. В рамках Планетарной службы.

— Проходи.

Я отчего-то ожидал, что раздастся щелчок, но дверь абсолютно беззвучно отъехала в сторону, чтобы моментально задвинуться обратно, стоило мне войти в полумрак коридора.

Когда-то все мужчины нашей планеты, Новой Земли, достигнув совершеннолетнего возраста, каковым здесь считались двадцать четыре года, призывались в армию. Сначала это было вызвано необходимостью: мы пребывали в состоянии войны с двумя другими человеческими планетами. Потом последовал худой мир, постепенно превратившийся в мир стандартный. С другими видами гуманоидов нам нечего было делить, а с принципиально иными расами вооруженных конфликтов и вовсе никогда в истории не случалось.

Так что многочисленная армия стала не нужна. Срочная служба сменилась профессиональными войсками, задачи которых сводились к патрулированию границ, визитам доброй воли, оказанию гуманитарной помощи, содействию полиции и тому подобному. Казалось, наступило время отпустить с миром мужчин, не посвящающих свою жизнь подобным занятиям. Но не тут-то было. Вместо армии на Новой Земле была организована так называемая Планетарная служба, обязывавшая каждого, не относящегося к вооруженным силам, отдавать гражданский долг родине в течение двух лет по несколько часов в неделю. Якобы для того, чтобы поддерживать среди населения дух патриотизма, а в действительности — ради получения бесплатной рабочей силы.

Суть отдачи такого «долга» могла сводиться к чему угодно в

зависимости от способностей, профессии или сферы обучения ПС-ника, как обычно называли мужчин, проходивших Планетарную службу. Варианты ее простирались от помощи в больницах до программирования, от таскания грузов в космопорту до мойки пробирок в какой-нибудь захудалой лаборатории. А поскольку я учился в университете на кафедре теоретической астрономии, вариантов в моем случае было немного. Раз специальность теоретическая, подходила она главным образом для преподавания.

Ладно, уроки, так уроки. Не могу сказать, что с детства мечтал быть учителем, да и перспектива потратить на бесплатную работу около пятисот часов своей жизни особо не радовала. Но делать нечего, и в целом с такой данностью я смирился. Вот только все это время был убежден, что речь пойдет о преподавании в школе, субсидированных курсах для пенсионеров или, на худой конец, проведении полуучебных игр с воспитанниками детских садов. И вот уж чего я никак не подозревал, так это направления по распределению — ни больше ни меньше — в городскую тюрьму! Повышать образование стремящихся к этому заключенных.

Один служивый в зеленой форме тюремной охраны встретил меня у входа, другой сидел в крохотной комнатухе. Оторвав взгляд от широкого монитора, он помахал мне рукой.

— Молодец, парень! — похвалил, вытянув вверх большой палец. — В тебе есть стержень. Всего полсигареты! Многие, кто в первый раз приходит сюда на работу, сначала выкуривают по две.

Криво усмехнувшись сомнительному комплименту, я последовал за охранником.

Обыкновенные потертые ступени, гулкий коридор, никаких лифтов или самодвижущихся дорожек. Можно было подумать, что зданию триста-четырееста лет, но впечатление портили вездесущие глазки крохотных камер слежения. Да и дверь в кабинет замдиректора тюрьмы по кадровым вопросам — отдел кадров в тюрьме, вот ведь черный юмор! — открывалась автоматически. Внутрь я вошел один. Сопровождающий, надо полагать, остался караулить снаружи, а может, и вернулся на свой изначальный пост, кто его знает.

При моем появлении новое начальство со стула не поднялось, но в остальном вело себя вполне дружелюбно.

— Сэм Логсон, значит, — протянул, растягивая слова, пятидесятилетний мужичок с усами, переводя взгляд с меня на монитор и обратно. — Все файлы на вас получили.

Он прищурился, сверяя лицо с фотографией, а у меня, как и всегда в

подобных случаях, на миг сжало сердце. «Привычно сжало сердце», вот ведь оборот!

— Двадцать четыре года.

Я утвердительно кивнул.

— Уроженец Новой Земли, к нам переехали в возрасте восьми лет с Северного континента. Эх, красивые места... — Начальник аж глаза прикрыл, такое удовольствие доставили ему воспоминания. — Но вернемся к делу. По происхождению вы пратонец?

Снова кивок с моей стороны.

— Единственный ребенок?

— Да.

— Вашим родителям повезло, что у них родился мальчик, — посерьезнев, отметил зам.

Не вполне уместное замечание для представителя власти. Неожиданное даже.

Я склонил голову, не желая развивать разговор на данную тему даже простым «да» или «нет». К счастью, начальник на этом и не настаивал.

— Итак, вы изучаете теоретическую астрономию. С практической специализацией пока не определились?

Я мотнул головой.

— Ничего, еще успеете. Общепланетарное руководство тюрем, — перешел к сути зам, — приняло решение расширить программу обучения заключенных, предоставив им максимально возможный спектр курсов. Этой программе придается большое общественное значение. Аттестация у вас хорошая, личное дело чистое, никаких нарушений. — На этом месте я мысленно усмехнулся, но ни единый мускул на лице не дрогнул. — Так что можете приступать к работе прямо с завтрашнего дня.

Вот радость-то!

— В связи с учебой я смогу начинать не раньше четырех часов.

— Разумеется. Занятия, назначающиеся через ПС, как правило, проводятся во второй половине дня. Что вы скажете насчет вторника и четверга?

— Вполне устраивают, — кивнул я, радуясь, что меня не пытаются утянуть сюда еще и на третий день в неделю.

— Отлично. — Замдиректора ввел в свой компьютер какую-то информацию, вероятнее всего, связанную с нашими сегодняшними решениями. — Завтра как раз вторник. Приходите к четверем. Немного освоитесь и сразу попробуете дать первый урок. Посмотрим, как он пройдет. Ну и в зависимости от этого определимся с окончательной

нагрузкой на ближайший квартал.

Вот так и случилось, что на следующий день я снова оказался в тюрьме, в очередном крошечном служебном помещении, где двое местных работников консультировали меня перед первым уроком, попутно занимаясь приведением моей персоны в должный внешний вид. На меня уже водрузили зеленый жилет с круглым символом на левом плече, таким образом придав сходства с тюремщиками. Не иначе, чтобы ученички прониклись ко мне особенно теплыми чувствами. Поверх жилета застегнули пояс, на пряжке которого размеренно помигивала красная точка.

Ужасно хотелось полюбопытствовать, насколько все это вообще безопасно, но я пока старался от этого вопроса воздерживаться. Вроде как не по-мужски это — беспокоиться о подобных вещах. Вместо этого просто пошутил:

— Пояс смертника?

— Пояс живчика, — хохотнул в ответ Раджер, один из приставленных ко мне тюремщиков. — Даже не сомневайся, так оно и есть, — продолжил он, щелкнув по пряжке ногтем и отступив в сторонку, чтобы посмотреть на результат своих действий.

Лично я никакого результата не видел, если не считать того факта, что огонек мигать перестал.

— ОСП, облегченное силовое поле, — объяснил затем охранник, — совершенно не видимое, но броня неплохая. — Он вытянул вперед руку и, к моему изумлению, в паре сантиметров от моего носа она остановилась, будто наткнувшись на что-то прочное. — Рукой его не пробить, ножом тоже.

— А если стрелять из бластера? — полюбопытствовал я.

— Да откуда же у узников возьмется бластер?! — пожурил меня за недалёковидность второй «ассистент», чье имя мне не запомнилось.

Из этого утверждения я заключил, что ножи у уголовников откуда-то взяты вполне себе могли, и оптимизма этот вывод, признаюсь, не добавил.

— Сэм, ничего, что я так, на «ты»?

Я ответил Раджеру кивком.

— Тебе надо понять одну вещь. Заключение — это не какие-нибудь кровожадные инопланетяне, которых хлебом не корми, дай только кого-нибудь убить или покалечить. У них неплохие условия жизни, как-никак тюрьма третьего уровня. От трех до шести человек в камере, у каждого

кровать и створка шкафа, два рабочих стола, телевизор. Пусть даже допотопный и подключен далеко не ко всем каналам. А такие уроки — это для них разнообразие, которое, поверь, начинаешь невероятно ценить, просидев здесь пару месяцев, не говоря уже о годах. Плюс возможность почувствовать, что движешься в правильном направлении. Делаешь что-то, что может пригодиться тебе потом, на выходе. Так что меры безопасности мы, конечно, принять обязаны, но, поверь, они сами заинтересованы в том, чтобы занятия проходили как надо.

— А если взять учителя в заложники и таким образом выбраться на свободу?

Я задал этот вопрос, движимый не столько опасениями, которые, как ни странно, уже отступили на второй план, сколько любопытством.

Раджер откровенно скривился, его коллега только хмыкнул.

— Совершенно нереально, — заверил мой здешний наставник. — Даже если сумеют выйти из комнаты обучения, дальше надо проделать серьезный путь. А у нас везде камеры наблюдения, и коридоры сходятся и расходятся в самых неожиданных точках. Может свет погаснуть, может вода с потолка потечь, может ступенька под ногой обломиться. И с какой стороны появится группа захвата, беглец до последнего не заподозрит. Одним словом, подробности тебе ни к чему, — поспешил закруглиться он под укоризненным взглядом коллеги, как видно, считавшего, что не след предоставлять лишнюю информацию постороннему, в сущности, человеку. — Просто поверь на слово: все предусмотрено, ничего из такой попытки не выйдет. И главное, они сами хорошо знают, что не выйдет. Зато после одной-единственной попытки такого вот побега все эти курсы прикроют. А учеба для здешних — как глоток свежего воздуха. Так что они же с «беглеца» три шкуры снимут.

Я кивнул. Что ж, будем исходить из того, что эти ребята знают, что говорят. Но ощущения, когда я вместе с ними шагал к аудитории, все равно были не фонтан. О чем я им стану рассказывать? Можно подумать, тут кому-то действительно интересно слушать об инопланетной культуре или особенностях шестипалых пони как редкого биологического вида. Здесь бы больше подошла лекция на тему «Как взломать лазерный сейф»...

Граничащая с коридором стена аудитории казалась прозрачной, будто столы со встроенными в них электронными тетрадами для записей, стулья, голографический проектор под потолком и, собственно, ученики располагались за стеклом. В действительности материал был, конечно же, совершенно иной и намного более прочный — так называемое «герцианское стекло», то самое, из которого изготавливались стенки

обычных, не матовых лифтов.

Точно такая же прозрачная дверь никак не выделялась на общем фоне до тех пор, пока Раджер, приложив к какому-то участку свой большой палец, не привел в движение отпирающий ее механизм. Створка автоматически открылась внутрь, и мы присоединились к уже собравшимся в классе людям.

Их было четырнадцать человек. Двое вооруженных охранников — вместе с моими спутниками теперь их стало четверо — и двенадцать учеников.

Честно говоря, увидев их, я оторопел и застыл у преподавательского стола, тупо глядя перед собой. Зная, куда меня распределили на ПС, я ожидал чего угодно — сборища головорезов, наемных убийц с холодными глазами, маньяков с нездоровыми лицами, наркоманов, мающихся от ломки. К чему же никак не был готов, так это к тому, насколько они окажутся... нормальными. Это были просто люди, двенадцать взрослых мужчин, ничем не отличающихся от группы обыкновенных студентов, особенно учитывая, что на сегодняшний день вольные слушатели среднего возраста вовсе не редкость. Странно разве что группа подобралась однополая, но и такое тоже случается. Лишь одежда — одинаковые желтые штаны и рубашки — не позволяла окончательно позабыть о статусе учащихся.

А в остальном... Интеллигентного вида молодой человек в очках, отличавшийся правильными чертами лица, внимательно просматривал высветившиеся на экране электротетради строки. Совсем юный на вид парень с курчавыми рыжими волосами и ямочками на щеках приветливо улыбался мне, комфортно устроившись на стуле. Вот разве что высокий толстяк в дальнем углу выглядел в должной степени мрачно и оттого зловеще. Сложно даже представить, что он способен наворотить при таких габаритах. Или, наоборот, слишком легко.

В целом неожиданность увиденного дезориентировала, но одновременно и упрощала задачу. С людьми общаться как-то легче, чем с преступниками. Хотя и степень ответственности — моей, субъективной, что же еще может иметь значение? — мгновенно возросла.

Представлять меня явно никто не собирался, так что пришлось, невзирая на чувство неловкости, взять ситуацию в свои руки.

— Добрый день. Меня зовут Сэм Логсон, и сегодня мы поговорим об астрономии.

Дурацкая фраза. Зазубренная, школьная. Но что еще говорить на этом этапе, когда со слушателями пока нет никакого контакта? Это была не

первая моя лекция, за почти пять лет обучения проводить уроки то тут, то там доводилось. Но, мягко говоря, при других обстоятельствах.

Подцепив ногтем тонкую крышку, встроенную в поверхность стола, вставил в предназначенное для нее гнездо «пластинку», плоский переносной носитель информации, имеющий форму круга. Проектор был уже включен, и теперь перед учащимися медленно закружилась объемная карта звездного неба. Не профессиональная карта, конечно. Сильно урезанная и местами устаревшая, но для нынешних целей она подходила прекрасно, весьма качественно демонстрируя звезды, планеты, спутники, туманности, пояса астероидов и даже зияющие пятна черных дыр.

Заставив себя оторвать взгляд от голограммы, я медленно обвел глазами аудиторию. Есть ли им хоть какое-то дело до космоса — этим людям, жизнь которых ограничена крохотным кусочком Новой Земли? Ответ пришел сам собой: есть. Космос значим для них так же, как и для меня, свободно передвигающегося по континенту, но в некотором смысле подобно им запертого в клетке. Просто для них эта клетка — тюрьма, а для меня — планета. Но никто не может нам запретить мечтать, и я поступил на кафедру теоретической астрономии, чтобы космос стал для меня ближе — хотя бы как предмет изучения. И теперь, возможно, я смогу поделиться этой мечтой с кем-нибудь из них.

— Как правило, астрономия ассоциируется у нас с далекими звездами и огромными расстояниями.

Я начал говорить, тщательно подбирая слова, задумываясь о формулировках и беспокойно следя за реакцией слушателей. Но с каждым предложением мой голос становился увереннее, нужные фразы составлялись спонтанно, речь потекла сама собой.

— Мы вспоминаем о межгалактических круизах, гиперпрыжках и ребусах, которые продолжают загадывать черные дыры. Однако на самом деле космос начинается здесь. На Новой Земле. В нас. В каждой частичке нашего тела.

Я прикоснулся к голографическому изображению Новой Земли. Ясное дело, ничего не почувствовал, зато потревожил лазерный луч, что было сразу же зафиксировано компьютером. Теперь я резким движением развел в стороны большой и указательный пальцы правой руки, так, словно работал с сенсорным экраном. Машина это движение распознала и выполнила соответствующую команду. Изображение планеты увеличилось в размерах, в то время как остальные детали карты основательно уменьшились и отступили на второй план. Теперь каждый имел возможность беспрепятственно наблюдать за вращением Новой Земли и

пяти ее спутников, созерцая при этом выпуклости гор, впадины морей и Единого океана и даже зеленые пятна, соответствующие покрытым лесами территориям.

Все без исключения учащиеся подались вперед, с видимым интересом рассматривая голограмму.

— Каждый наш шаг подвержен действию законов космоса, — вещал я. — Когда мы, поскользнувшись, падаем на землю, тому виной гравитация нашей планеты. Приливы, отливы и прочие колебания морей — это результат движения ее спутников. Основным источником электричества, которым мы пользуемся не то что каждый день — каждую минуту! — является Рейза, звезда нашей планетной системы. Поэтому, говоря об астрономии, мы можем, в сущности, говорить о чем угодно. Как о самом далеком, так и о повседневном. Астрономия — это наука, которая не имеет границ.

Всеобщий интерес к моему рассказу придал уверенности, и, испытывая чувство, чрезвычайно близкое к вдохновению, я продолжил:

— Кроме того, как все мы знаем со школьных времен, историческая родина людей — планета Земля. Не Новая Земля, а та, изначальная, в честь которой наш мир и был назван. Все жители Новой Земли, ее спутников и прочих человеческих планет корнями происходят оттуда. Мы все — потомки первопроходцев, решившихся на заселение новых миров в те времена, когда подобные перелеты никому не казались банальностью. А значит, межзвездная экспансия для нас — не пустое слово. Каждый из нас принадлежит по меньшей мере к двум мирам — Новой Земле и той, первой.

— А сейчас на Старой Земле кто-нибудь живет? — поинтересовался рыжеволосый парень.

В поле моего зрения попал Раджер. Он подмигнул, незаметно поднимая вверх большой палец. Дескать, вот и с первым вопросом тебя. С почином. Сдержав улыбку, я поспешил ответить:

— Да. Население есть, но небольшое. Экосистема планеты основательно испорчена, поэтому сейчас там не лучшее место для жизни. Ситуацию стараются исправить, но пока неизвестно, каких результатов удастся достичь.

— То есть возвращение на историческую родину нам пока не грозит, — вздохнув, заключил светловолосый мужчина немного за двадцать, в котором легко было определить не блондина, а альбиноса.

— Видимо, нет, — подтвердил я. — К счастью, в нашем распоряжении достаточно пригодных для жизни и давно освоенных планет. Был период,

что-то около столетия, когда на экспансию и приспособление к жизни в новых условиях уходили практически все ресурсы. Прогресс тогда остановился, а в некоторых областях нас даже ощутимо отбросило назад. Но с тех пор все наладилось, в технологиях произошел очередной скачок, и нет никаких причин опасаться, что человечество потеряет хотя бы одну обжитую планету.

— А это правда, что у людей и всех гуманоидов общие предки?

— Нет. Почти точно нет, — исправился я. — Действительно, была такая теория, гипотеза Бейла, согласно которой не только люди, но и все виды человекоподобных существ происходят с Земли. Якобы те, кто отличается от нас, изменились в ходе очередного витка эволюции, подстраиваясь под природные условия новых планет. Подтвердить или опровергнуть эту теорию исторически достаточно сложно, поскольку космические корабли того времени нередко сбивались с курса, люди теряли связь со своими соотечественниками, и никто не знал, погибали ли они или добирались до пригодных к жизни планет, а если добирались, то до каких именно. С этой точки зрения возможно все. Но то, что мы знаем о законах эволюции и генетики, заставляет сильно усомниться в справедливости гипотезы Бейла. Вероятнее всего, с большинством из гуманоидов мы не родственники.

— Но разве это не удивительно? — снова вмешался рыжий. — Такие совпадения, если они просто случайны?

— Удивительно, — согласился я. — Но не настолько, как можно было бы подумать. Все же многим сходствам можно найти логическое объяснение. Более-менее одинаковым размерам, например. Симметричному строению тела. Органам чувств, устроенным по схеме хищников, а не жертв. Словом, при всех странностях объяснимое тоже есть.

— А сколько существует разумных рас?

Это уже тот, здоровый, чуть ли не единственный из них, кто реально походил на преступника.

— На сегодняшний день нам известно двенадцать. — Повезло, что я в очередной раз знал ответ на заданный вопрос, — в чем-то преподавание оказывается почище иных экзаменов. — Это если включать людей. Но о существовании двух рас из этих двенадцати мы узнали совсем недавно, буквально в последние десятилетия. Так что в любой день кто-нибудь может открыть и тринадцатую.

— Двенадцать... Символическое число, — задумчиво, я бы даже сказал, мечтательно произнес обладатель очков. — Двенадцать апостолов,

двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев...

— Что значит «двенадцать месяцев»? — вмешался здоровяк. — А тринадцатый куда подевался?

— Сказка старая есть с таким названием, — отозвался очкарик.

— На Земле — той, старой — год состоит из двенадцати месяцев, — подсказал я.

— Ух ты! А которого у них нету? — осведомился толстяк с чисто детской непосредственностью.

— У них там вообще вся система другая, — ответил уклончиво, не стремясь признаваться, что названий земных месяцев просто-напросто не знаю.

— А сколько у них дней в году?

— А сутки длиннее, чем у нас, или короче?

Пожалуй, с уверенностью можно было сказать, что мой первый урок удался.

— Кто все эти люди? — спросил я у Раджера, вновь оказавшись в одном из служебных помещений.

Тюремщик помог мне снять «пояс безопасности», у которого была довольно-таки хитрая застежка.

— Убийцы, — просто ответил он.

— Что, все?

Я недоверчиво вытаращил на него глаза.

— В той или иной степени. Но здесь только те, у кого нет отягчающих обстоятельств, таких отправляют во вторую категорию. Рецидивисты, террористы, убийства с особой жестокостью — это все не у нас. Политические тоже. А здесь — те, у кого дела попроще.

— И что, у них такие хорошие условия? Телевизор в камере, широкий выбор курсов, обед из трех блюд?

Я кивнул в сторону кухни, мимо которой мы проходили всего пару минут назад. Нам вослед до сих пор тянулись вполне впечатляющие запахи.

Тюремщик усмехнулся с видом человека, понимающего что-то, чего не может пока уразуметь его собеседник.

— Их приговаривали не к плохим условиям, а к лишению свободы, — заметил он. — Это сурово само по себе, ты постепенно поймешь. Но вообще во «вторых» тюрьмах условия намного тяжелее.

Я задумался, пробуя проникнуться позицией Раджера, но в итоге лишь пришел к выводу, что разделить его точку зрения не могу. Для

преступников, получивших срок за убийство, наказание казалось слабоватым. Мысли переключились собственно на преступников, которых я видел совсем недавно и которые так оживленно закидывали меня вопросами о далеких планетах и разумных расах.

— А этот, с очками? — не удержался от вопроса. — Он что, тоже кого-то... того?

— Дядю своего грохнул, — без особых сантиментов сообщил Раджер. — Наследство большое было. Серьезный соблазн. Кстати, неплохо, говорят, спланировал, но все же не все просчитал. Подозрение-то первым делом пало на наследников — ну и на него в том числе. А наши копы, если носом землю роют, редко когда промахиваются.

— Ну хорошо, а тот рыжий паренек, впереди сидел. С ним-то что не так? — не унимался я.

— Наркоту продал несовершеннолетнему.

Информация о каждом заключенном буквально отскакивала у тюремщика от зубов, будто он сдавал экзамен по их личным делам. Хотя на самом деле наверняка все запоминал постепенно — просто потому, что день за днем имел дело с этими людьми.

— Наркоту?!

Образ любознательного парня никак не вязался с вмененным ему преступлением. Я легко мог представить его работающим с подростками, но в качестве какого-нибудь водителя, а никак не торговца дурманящими средствами.

Однако флегматичный кивок Раджера убедил меня в том, что он ничего не напутал.

— А почему здесь? Это же не убийство, совсем другая статья?

— Тот парень, ему лет двадцать, кажется, было, умер от передозировки, — пояснил тюремщик. — Факт торговли доказать не смогли, а вот то, что наш рыжий приятель передал ему наркотик, установили. Так что сидит за непредумышленное убийство.

«Всего лишь?» — я хотел возмутиться, но вспомнил «студента», который на наркодельца походил еще меньше, чем на убийцу, и промолчал, чувствуя, что начисто дезориентирован.

— Ну а самый здоровый? Высокий толстяк, он еще сидел за последним столом?

— А тут печальная история. — Раджер и правда заметно помрачнел. — На жену его в подъезде напал грабитель. А он как раз из квартиры спускался. Схватил этого грабителя, врезал по лицу, да и отшвырнул куда подальше. Оказалось — на лестницу, которая, значит, на

улицу вела. Тот по ступенькам проехал, головой ударился и отдал концы. Ну и вот, в итоге — труп со следами побоев. Сочли чрезмерным применением силы, дескать, можно было разругить ситуацию без жертв. С учетом смягчающих обстоятельств дали двадцать два месяца. Восемь из них он уже отсидел.

Я с округлившимися глазами прислонился плечом к невзрачной стене. В моем мозгу все более прочно укреплялся вывод, что ничего-то я не понимаю в этой жизни.

Глава 2

— Планеты можно делить на группы по самым разным признакам. Одна из наиболее распространенных классификаций, предложенная два столетия назад Георгом Файнсом, базируется на наличии или отсутствии на небесном теле жизни вообще и разумной жизни в частности.

Заклученные слушали, время от времени делая пометки в электротетрадах. Каждый использовал предпочтительный для него способ ведения записей. Одни открыли в нижней части экрана сенсорную клавиатуру, другие активировали клавиатуру виртуальную, третьи и вовсе водили по экрану пальцем, предоставляя машине затем «переводить» написанное в электронный текст.

— Категория 1 — это планеты, населенные людьми. Я говорю «планеты», но это также могут быть и спутники. Например, два наших спутника, заселенные в ходе экспансии, — Митос и Истерна. К этой же категории, естественно, относится и Новая Земля.

— И Земля — тоже? — уточнил, поднимая руку, рыжий.

— Безусловно, — подтвердил я. — Категория 2 — планеты, основное население которых составляют гуманоиды, но не люди. К ним, например, относятся Крисена и Рока.

— Рока? Никогда про такую не слышал, — удивился очкастый убийца дяди.

— У них не слишком развиты технологии, — пустился я в объяснения, — кроме того, условия плохо подходят для инопланетного туризма. Корабли других рас приземляются там крайне редко, сами же роцеанцы и вовсе не покидают свою планету. Тем не менее они считаются гуманоидами, и, соответственно, их планета классифицируется как двойка. Категория 3 — на планете обитают разумные расы, но не гуманоиды. Например, Йелонди. Кому-нибудь из вас доводилось видеть йелондцев?

Два человека вытянули руки.

— Это было забавно, — заметил один. — Они летели в экскурсионном флаербусе, и каждый сидел в таком скафандре, наполненном водой.

— Они не могут дышать кислородом, — подтвердил я. — Вся поверхность их планеты покрыта водой, а сверху — еще и толстым слоем льда. Мы бы никогда не узнали об их существовании, если бы эта цивилизация не была настолько развитой и они не отправились на

собственных космических кораблях в поисках других миров. Так что это они нас открыли, а не мы их. А скафандры они используют еще и для того, чтобы передвигаться по земной поверхности при помощи специальной системы управления, поскольку ног у них нет, только хвост. Вообще биологически они ближе всего к нашим рыбам, хотя различий тоже хватает. Итак, категория 4, — продолжил, сочтя отступление достаточно длинным, — планеты, на которых не обитают разумные расы, но есть животные или растения. Категория 5 — жизнь представлена исключительно микроорганизмами. Наконец, категория 6 — это полное отсутствие жизни на планете.

— Все отлично, — сообщил Раджер, когда с меня в очередной раз снимали хитрый пояс. — Начальство с записью позавчерашней лекции ознакомилось, и курс окончательно одобрили. Ты вообще молодец, правда интересно рассказываешь.

— Спасибо. — ОСП наконец сняли, и я смог нормально повернуться к собеседнику. — Это будет единственная группа?

Вначале упоминалось, что классов может оказаться несколько, но это должно было проясниться в дальнейшем.

— Да вроде бы, — кивнул второй охранник, помогавший мне сегодня с поясом. — У остальных сейчас учебные часы полностью забиты. Здесь ведь на все свои ограничения. Хотя, может, ближе к весне что-нибудь изменится, какие-то курсы закроют. Ты как, предпочитаешь нагрузку повыше, чтобы быстрее срок отмотать? В смысле, ПС закончить, — усмехнулся он.

— Э... ну да, — согласился я.

Не признаваться же, что преподавать в тюрьме мне понравилось, в работу втянулся уже со второй лекции и теперь с удовольствием расширил бы спектр своих обязанностей, взявшись вести еще одну группу.

Раджер, поглядывая на меня, явно пребывал в раздумьях.

— Вообще-то если только на нижний этаж пойти...

— Нет! — Второй тюремщик активно замотал головой. — Вот туда не надо.

— Почему? — Раджер возразил так уверенно, словно сам только что не колебался. — Формально обучение полагается всем, в том числе и тем, кто отбывает заключение вниз.

— Формально — не знаю, но только начальство этого не одобрит, — упорствовал второй.

— Да вряд ли, — протянул Раджер, — начальству до таких мелочей

особого дела-то и нет.

— А что там внизу? — не выдержав, вклинился я.

— Одиночки, — лаконично отозвался второй тюремщик, все еще неодобрительно взиравший на своего коллегу.

— Одиночные камеры, — расшифровал тот.

— И условия куда как хуже, — нехотя, как бы через силу разомкнув губы, добавил другой охранник. — Не как в гостинице, а как в тюрьме.

— Убийства с отягчающими обстоятельствами? — предположил, припомнив слова о рецидивистах и членах террористических организаций.

— Нет, — покачал головой Раджер, — эти в других тюрьмах сидят, во «вторых».

— А кто же тогда?

Вот теперь у меня не было на сей счет даже невероятных догадок.

— Те, кто не сознался в совершенном преступлении.

Мы спускались по лестнице, освещаемой лишь маленькими круглыми лампочками, вмонтированными в стену. От этого наши тени приобретали весьма причудливую форму, придавая атмосфере несколько зловещий оттенок.

— Даже после вынесения приговора за заключенным сохраняется право признать себя виновным. Ну и, соответственно, не признаваться.

Спокойный рассудительный голос Раджера, напротив, начисто развеивал мистический налет. Второй тюремщик с нами не пошел, заявив, что не хочет иметь к этому делу никакого отношения, дабы потом ему от начальства не влетело в случае чего. Видимо, правила безопасности не требовали присутствия в подобной ситуации двоих служащих охраны.

— Формально чистосердечное не требуется, — продолжал объяснять мой спутник. Миновав крошечную лестничную площадку, мы возобновили спуск, и снизу повеяло холодом. — Но когда преступник уходит в несознанку, для правоохранительной системы это не слишком хорошо. Получается, будто остаются шансы на ошибку. А правосудие не любит, когда его в таких ошибках обвиняют. Дело-то, сам понимаешь, нешуточное — тюремный срок за убийство.

— Так их, получается, наказывают заточением в одиночки?

Я поежился, сам не понимая: от того ли, что здесь стало зябко, или от правды жизни, завесу которой приоткрывал передо мной сейчас Раджер. Последняя, прямо скажем, дурно пахла.

— Ну, формально, — тюремщик в очередной раз особо выделил интонацией это слово, — их никто не наказывает. В целом обеспечивать

преступникам такие условия, как наверху, — указательный палец Раджера был направлен в потолок, — никто не обязан. К тому же и поведение играет роль при распределении по камерам, и наличие свободных мест. Так что одни оказываются там, а другие здесь, и никаких претензий руководство тюрем в связи с этим не предъявит. Тем более что система такие методы негласно поддерживает. Это ведь не в качестве наказания придумано, — теперь он говорил, слегка понизив голос, — а для того, чтобы признание в конечном итоге спровоцировать. Человек все равно осужден, все равно сидит, так можно ведь с тем же успехом отбыть срок и в лучших условиях. А у правоохранительных органов статистика повышается.

Рассуждал Раджер спокойно, я бы даже сказал, беспристрастно и личного отношения к описываемой данности не высказывал, словно был в равной степени готов обосновать как решение заключенного, так и политику правоохранительной системы.

Меж тем мы успели спуститься на нижний этаж и теперь продвигались по странным закоулкам: коридор поворачивал чуть ли не через каждые несколько метров. Как вскоре выяснилось, это делалось для того, чтобы одиночные камеры были поистине одиночными: их обитатели никак не пересекались друг с другом, а звукоизоляция не позволяла даже перекрикиваться. Несмотря на включенную систему вентиляции, пахло здесь не слишком приятно. Воздух, как я уже упоминал, был более чем прохладным, хотя кондиционирование наверняка позволяло выставить любой температурный режим.

Камер оказалось не слишком много, и большая часть пустовала. По-видимому, заключенные и правда предпочитали, уж коли получили срок, сознаться в совершенных (или не вполне совершенных) преступлениях, чтобы отбывать его в нормальных условиях.

Вскоре мы дошли до той камеры, к которой вел меня Раджер. Стена и здесь была абсолютно прозрачной, но сомнений не возникало: прочнее не бывает. Внутри помещения — никакой мебели, за исключением низкой и жесткой даже на вид кровати. Из постельного белья — только старая, рваная в нескольких местах простыня — их шили из крайне непрочного материала, дабы у заключенных и мысли не возникло попытаться смастерить удавку из ткани — и засаленная подушка без наволочки. Слева — унитаз без сиденья, не прикрытый от посторонних глаз даже какой-нибудь хлипкой перегородкой.

Вспомнились наличествующие наверху телевизоры, компьютеризированные классы, чистенькие душевые со свежими

полотенцами и обеды из трех блюд. Кажется, я бы сознался.

Естественно, все эти условия отмечались мной все больше мельком, поскольку в первую очередь взгляд приковывал обитатель камеры. Мужчина сидел на полу, опираясь спиной о край кровати. На вид я дал бы ему лет сорок. Короткие русые волосы, то ли голубые, то ли серые — из коридора было не разобрать — глаза, под которыми залегли круги. По лбу несколькими извилистыми полосками пробежали морщины. Одежда такая же, как и у тех, что наверху, только более старая и явно реже отдаваемая в стирку. На безымянном пальце левой руки — классическое обручальное кольцо-печатка. Ногти выглядели неопрятно. И все эти штрихи страшно диссонировали с волевым и дисциплинированным лицом. Не знаю, может ли лицо быть дисциплинированным, но почему-то именно так хотелось его охарактеризовать. Сразу же сложилось впечатление, что передо мной военный, или полицейский, или по меньшей мере руководитель какого-нибудь крупного проекта, требующего быстрых решений и железной субординации.

— Кто это? — спросил я шепотом.

— Рейер Макнэлл, бывший капитан патрульного звездолета, — не понижая голоса, ответил Раджер. — Он нас не услышит, пока мы не разблокируем звукоизолирующее поле.

— И кого он убил? — Я тоже заговорил с нормальной громкостью.

— Свою жену.

Вот тебе и флотская дисциплина. Своеобразное применение полученным в армии навыкам. Впрочем, если две лекции, проведенные в тюрьме, успели чему-то меня научить, так это воздерживаться от поспешных выводов. Так что я относительно спокойно продолжал стоять напротив камеры и не сразу отвел глаза, встретившись взглядом с распрямившим спину заключенным.

— А обручальное кольцо он что, в память о ней носит? — прокашлявшись, любопытствовал я.

— Снимать не захотел. — Тюремщик пожал плечами. — На такую личную вещь имеет право — после тщательной проверки, разумеется.

Между тем Макнэлл поднялся и приблизился к прозрачной стене. Вид его был не испуганным, но настороженным. Раджер приложил палец к небольшому квадрату сенсора, расположенному на уровне глаз слева от камеры, деактивировав таким образом звуковой барьер между помещениями.

— Макнэлл, есть возможность прослушать курс лекций в рамках образовательной инициативы континентальных тюрем, — с непривычно

тусклой, неопределенной интонацией сообщил он. — Это преподаватель, студент столичного университета Сэм Логсон. Лично я рекомендую ответить согласием.

Заклученный несомненно удивился, слегка приподнял брови, а затем принялся очень внимательно меня рассматривать. Так, словно я неожиданно заявился к нему на собеседование, и он пытался понять, есть ли у меня достаточный потенциал, чтобы быть принятым на работу.

— И какова же тема курса? — поинтересовался он, снова обращая взор на Раджера.

— Теоретическая астрономия, — не моргнув глазом, ответил тот.

Макнэлл не рассмеялся в голос, но плечи его недвусмысленно затряслись.

— Какой у вас год обучения? — спросил он у меня. — Впрочем, это неважно. Вы действительно рассчитываете научить меня чему-то новому в этой области?

Я почувствовал себя на удивление спокойно. Наверное, потому, что уже успел понять: моя основная миссия в данном заведении вовсе не в том, чтобы повышать уровень чьей-либо квалификации.

— Нет, — честно ответил, — но я надеялся, что, быть может, вы научите чему-то новому меня.

Недолгое молчание, за которым последовало неожиданное.

— Стало быть, вы обучаетесь на кафедре теоретической астрономии. К какой категории по классификации Файнса относится гамма созвездия Акации?

От такого поворота я слегка растерялся; потребовалось несколько секунд, чтобы припомнить материал.

— К категории 4.

— Почему?

Складывалось впечатление, будто я и вправду прохожу интервью или устный экзамен.

— Потому что на планете нет разумной жизни, — ответил, можно сказать, по учебнику.

— А как же пятнистые мустанги?

Если он пытался таким образом меня завалить, то весьма неудачно.

— Это животные, а не разумная раса, — протянул я, давая понять, что мое утверждение совершенно тривиально.

— А из каких соображений вы делаете такой вывод? — не согласился с моим банальным ответом Макнэлл. — Пятнистые мустанги умны и умеют находить оригинальные решения абсолютно новых задач.

Это заявление немного поколебало мою уверенность, но не настолько, чтобы всерьез изменить мнение.

— Многие животные умеют находить новые решения, — возразил я. — Интеллект пятнистых мустангов приблизительно соответствует уровню человекообразных обезьян. Они умны, безусловно, но этого недостаточно, чтобы причислить их к разумным расам.

— А каким способом вы можете определить уровень их интеллекта? — Капитан и не думал прекращать расспросы. Или экзамен...

Раджер переводил взгляд с него на меня и обратно, тоже увидев в происходящем нечто нестандартное, но пока не вмешивался.

— В случае с обезьянами использовался главным образом коэффициент энцефализации, основанный на отношении массы тела к массе мозга. — Сколь ни забавно, эта дискуссия меня не раздражала, наоборот, становилась интересной. — Как вы наверняка знаете, результат человекообразных обезьян по этому показателю — около двух, в то время как у людей — семь. Согласитесь, как бы ни был высок уровень обезьян, эти результаты несопоставимы.

— Вот только к животным, обитающим на большей части других планет, EQ^[2] оказался неприменим, — напомнил Макнэлл.

— Справедливо. — Я мельком покосился на тюремщика, давно потерявшего нить нашего разговора. — Равно как и к земным животным, если они не являются млекопитающими. К птицам, например. Но ведь была разработана новая мера. Уравнение Батхольда подходит для инопланетных животных, не только для наших. И, понятное дело, не только для млекопитающих. По этому показателю уровень разумных рас составляет от 11 до 17. Результат обезьян — 5, а пятнистых мустангов — приблизительно 6.

— От 11 до 17 — это огромный разброс, — заметил бывший капитан, похоже, не услышавший из моих уст ни одного нового слова.

— Насколько мне известно, взгляды ученых на этот счет не слишком расходятся, — настаивал я.

— Я не ученый, зато мне неоднократно доводилось видеть на практике, на что способны существа, пренебрежительно награжденные исследователями такими оценками, как пять или четыре. — Макнэлл явно предпочитал, чтобы последнее слово оставалось за ним. Что неудивительно, если учитывать его недавнюю должность. — На мой взгляд, люди берут на себя слишком много, щедро раздавая ярлыки всем живым существам. Впрочем, оставим. Ответьте мне на другой вопрос. Отчего планета Ярон-2 получила категорию «две трети»?

Тут меня было не смутить: на эту тему наш лектор по планетарным классификациям рассуждал на одном из самых первых занятий.

— Ученые долгое время не могли определить, относятся ли ее обитатели, миенги, к гуманоидам, — «отбарабанил» я. — С одной стороны, строение их тела в целом напоминает человеческое, с другой же, наличие двух пар рук и двух пар глаз несколько портит картину. Поэтому долгое время категорию записывали как «2/3», что в результате начали читать как «две трети». Прочтение, хоть и неправильное, так и закрепилось.

Я ожидал, что «экзаменатор» будет удовлетворен правильным ответом. Ответ он и не оспаривал, но вот смотрел на меня несколько странно, будто силился в чем-то разобраться и все никак не мог. В конце концов он перевел взгляд на Раджера и сообщил:

— Хорошо, я согласен на занятия.

Мы с тюремщиком переглянулись, и, кажется, оба с трудом удержались от вздоха облегчения.

— Какое время вам подойдет? — спросил у меня Раджер.

— Я веду группу по вторникам и четвергам с четырех до пяти. Могу приходить сюда в пять, сразу после лекций, либо делать перерыв до шести.

Варианта приехать в тюрьму пораньше у меня не было.

— Лучше в пять, — высказался Макнэлл прежде, чем Раджер успел произнести хоть слово. — В шесть начинается смена Кортонна. Вряд ли нашему юному преподавателю стоит это наблюдать. — Теперь он обращался исключительно к тюремщику.

Тот, в отличие от меня, понял, о чем идет речь, и незамедлительно кивнул, проявив неожиданную солидарность с заключенным.

Решение было принято, и я улетел, предварительно подтвердив, что снова прибуду в тюрьму в следующий вторник.

Быть может, этого признания следует стыдиться, но к моменту возвращения домой я успел практически забыть о тяготах жизни в заключении. Накопилась собственная усталость, а дорога на общественном транспорте выматывала, учитывая, что мне пришлось пересечь приличную часть нашего совсем не маленького города. Частный транспорт у меня имелся, но он предназначался для несколько иных целей. Но по иронии судьбы для них я его использовать как раз и не мог.

Дверь подъезда была заперта, открыл ее, приложив большой палец правой руки к так называемой «замочной скважине». Ничего общего со «скважиной» кружок сенсорной панели не имел, но название, насколько

мне известно, сохранилось с тех давних времен, когда речь действительно шла о сквозном отверстии. Поднявшись на третий этаж, повторил процедуру с дверью собственной квартиры, а затем еще и посмотрел в глазок. Сверив с базой данных отпечаток пальца и радужку, компьютер признал меня хозяином, и дверь беззвучно отъехала в сторону, чтобы снова закрыться, едва я оказался внутри.

Некоторые использовали более новую охранную технологию, считающуюся не такой энергозатратной для жилья. Компьютер просто сканировал внешность приближающегося к двери человека и автоматически отпирал квартиру в случае, если признавал в нем одного из хозяев или же их родных и друзей, получивших постоянный доступ. Иногда к этой системе добавлялось опознавание голоса. Но этот современный способ уже успел прославиться как не очень надежный: при определенном уровне фантазии и технологической подкованности компьютер было не слишком сложно обмануть. Так что я вместе со многими другими владельцами квартир предпочитал подождать, когда систему усовершенствуют, до той поры используя проверенные средства. Не то чтобы уровень преступности у нас зашкаливал, но, как и в любом большом городе, случалось всякое.

Свет в прихожей включался автоматически, и я приступил к тому, что нужно было в моем руководстве.

— Температура в гостиной?

Ничего не произошло. Умный дом воспринял фразу как команду и ждал продолжения. Я раздраженно закатил глаза.

— Какова температура в гостиной? — На сей раз используется вопросительное слово.

— Девятнадцать градусов по Цельсию, — тут же ответил компьютер.

— Подними до двадцати двух.

Мой слух мгновенно уловил тихий гул заработавшего кондиционера.

— Наполни ванну. На две трети. Температура воды — тридцать семь градусов.

— Количество пены? — уточнил компьютер.

— Третий уровень. Одно полотенце для тела. Один комплект пижамы, умеренно подогретый, — продолжал раздавать указания, походя к шкафу.

Сняв с выдвинувшейся мне навстречу полки заказанное белье, шагнул в ванную. Настало время процедуры, которую можно позволить себе лишь раз в десять дней.

В шкафчике под зеркалом много флаконов и баночек, наличие которых в ванной комнате никого не удивит, но при этом истинное их назначение

мало кому известно. Достаются две такие баночки и ставятся на стеклянную полку. В одной — густая мазь малоприятного коричневого оттенка. Она щедро наносится мной на висок, постепенно спускаясь ниже, вдоль линии уха, к краю челюсти. Потом процедура повторяется со второй стороной лица. Дальше на очереди — лоб и подбородок. Положено выждать две минуты, прежде чем смывать мазь почти прозрачной жидкостью из флакона. Тщательно вытеревшись полотенцем, внимательно смотрю на себя в зеркало.

На лице начинают постепенно проявляться тонкие углубления, словно шрамы, обрамляющие его со всех сторон. Приложив к ним обе руки — большие пальцы внизу, на подбородке, средние и указательные — выше, в районе висков, медленно снимаю лицо. Точнее сказать, маску, усовершенствованную настолько, что от настоящего лица ее не отличишь — ни на цвет, ни на ощупь, ни по капелькам пота, проступающим на лбу, ни по их отсутствию в жаркую погоду. Плод идеального труда искуснейшего специалиста. И даже не одного, ибо изначальный рисунок создавал первоклассный художник, предварительно тщательно изучивший мое лицо. Мое подлинное лицо. Женское.

Глаза, понятное дело, те же, стального серого цвета, и ресницы в маске тоже собственные: не очень длинные, не завиваются кверху, в общем, не выдают свою хозяйку излишней женственностью. А вот линия бровей уже иная, взлет, в отличие от тех, что на маске, густых и менее изогнутых. Подбородок сузился, изменилась форма носа: у маски он крупнее, крылья пошире, в то время как мой настоящий — чуть-чуть вздернутый. Цвет кожи ощутимо бледнее — не только из-за постоянного пребывания под маской, я вообще от природы не смуглая. Словом, иное лицо, иные черты, иной пол — все иное.

Из-за горячей воды, заполняющей ванну, зеркало запотело. Аккуратно опустив маску в посудину со специальным раствором, я протерла стекло рукавом и осторожно коснулась подушечками пальцев отражения собственного лба. Медленно провела рукой вниз, «по щеке». Иногда мне кажется, что я начала забывать этот образ, настолько привычным становится тот, второй.

Замдиректора тюрьмы был прав, говоря о том, что пратонцам на Новой Земле лучше иметь сыновей. Когда-то давно, во времена Второй межзвездной экспансии, люди селились небольшими группами на казавшихся пригодными для жизни планетах. Вроде бы они даже получали под это дело неплохие субсидии, поскольку таким образом земное правительство выясняло, какие из новых миров подходили для более

основательного заселения. Пратон был одной из таких планет. Кислород, жидкая вода, вполне сносная для человека температура — казалось, все прекрасно. Но вскоре на планете обнаружили источники сильного радиоактивного излучения непонятной природы. Многие мигранты умерли, остальные спешно перебрались к своим братьям, обосновавшимся на других, более благополучных звездах. И лишь позднее выяснилось, что то воздействие, которому успели подвергнуться пратонцы, возымело определенный генетический эффект, проявлявшийся исключительно у девочек. Это было не уродство, не болезнь, можно даже сказать, наоборот, подарок природы. Пратонки обладали своего рода сверхспособностями, пускай не слишком внушительными, но все же недоступными обычным людям. Способности были связаны с мозговыми функциями и проявлялись у разных женщин неодинаково. Наиболее распространенным вариантом был телекинез. Не мощный, но позволявший передвинуть не очень тяжелый предмет на десять-пятнадцать сантиметров.

В чем же проблема, спросите вы. Проблема, как и в большинстве случаев, в людях. Наука до сих пор не могла объяснить причину феномена пратонцев, и необычная природа их — наших — способностей не давала покоя как правительству Новой Земли, так и профессорам всех мастей. Раскрыть секрет телекинеза и подобных ему явлений, объяснить и научиться воссоздавать то, что согласно известным законам физики должно лежать в плоскости невозможного, — это считалось задачей планетарного значения. Поэтому пратонки брали в оборот и вынуждали регулярно проходить всевозможные проверки, сканирования, облучения и томографии. Это не только существенно ограничивало их жизнь, но и имело пагубные последствия для здоровья. Однако правительство не отступало, считая, что здоровьем немногочисленных представительниц генменьшинства можно пожертвовать ради того, что считалось интересом человечества в целом.

Моя мать этих проверок не выдержала — умерла в возрасте тридцати шести лет при средней продолжительности жизни в сто двенадцать. Но прежде успела принять меры, чтобы оградить свою дочь от такой же судьбы. Используя различные связи, в том числе знакомства моего отца, выдающегося исследователя-физика, а также наладив контакт с не самыми законопослушными дельцами, она сумела организовать для меня, тогда еще ребенка, новые документы и... новое лицо. И с Северного континента на Южный вместе со своими родителями переселилась уже не Саманта, а Сэм Логсон. Даже опознавательную систему, основанную на отпечатках пальцев, удалось обмануть: помимо маски я получила столь же виртуозно

сделанную «перчатку», неотличимую от подлинной кожи. Со временем все это пришлось обновить, но старые связи сохранились, так что с особыми сложностями повторный процесс сопряжен не был.

Убитый горем отец бросил государственную службу, не прислушавшись к тщетным попыткам начальства отговорить его от этого шага. Своими изобретениями он продолжал заниматься в домашней лаборатории и, можно сказать, нашел утешение в работе, хотя мать пережил только на десять лет.

Они ушли, а я осталась жить и ненавидеть эту планету всеми фибрами души. Вот только деваться отсюда мне было некуда. Нет, на Митос или Истерну, наши заселенные спутники, можно было отправиться без особого труда. Вот только смысла это не имело, поскольку по сути я бы перебралась в провинцию все той же Новой Земли.

А вот с полетами на расстояние, превышающее полмиллиона километров, дело обстояло сложнее. Дороговизна — это еще не самое худшее. Благодаря своим многочисленным изобретениям отец успел скопить кое-какой капитал, и я могла позволить себе дорогостоящий перелет в другую звездную систему. Беда заключалась в том, что получить билет на подобный полет можно было, лишь благополучно пройдя медкомиссию. Она должна была подтвердить, что состояние здоровья пассажира пригодно для продолжительного космического путешествия. И все бы ничего, вот только в ходе проверок непременно выявили бы мой истинный пол.

Так я и оказалась узницей на собственной планете: с правом свободного перемещения по огромной территории, но запертой в жестких рамках чужой личины. Не подвергающейся принудительным опытам, но по иронии судьбы обязанной проходить предназначенную исключительно для мужчин Планетарную службу. Без родных и без друзей среди сверстников, поскольку, вынужденная маскироваться с самого детства, не ощущала себя ни полноценным мужчиной, ни в должной степени женщиной. Не имея определенных целей, не рисуя себе мало-мальски понятного будущего на ненавидимой планете. Даже не зная, какую профессию себе избрать. И только с направлением в учебу определилась легко, продолжая инстинктивно стремиться к иным звездам, тем самым, полет к которым в реальности был для меня закрыт.

Зато в силу все той же иронии судьбы двери в тюрьму были теперь для меня открыты. И когда наступил вторник, я в очередной раз отправилась туда.

Глава 3

— А почему мы не сняли пояс? — спросила я у Раджера, следом за ним спускаясь по ступеням. — Этот заключенный, Макнэлл, он ведь заперт в камере.

— Заперт, — согласился тюремщик. — За герцианским стеклом, его не разбить. Да дело даже не в стекле. Этот конкретный парень тебе ничего сделать и не попытался бы, уж поверь моему опыту, я семнадцать лет здесь работаю. Но правила есть правила. Раз контактируешь с арестантом, значит, пояс должен быть.

Я кивнула — стремления спорить и не было, так просто спросила — и молча преодолела последние ступеньки. Осужденный капитан поднялся нам навстречу; брови сошлись на переносице, в то время как тяжелый взгляд сверлил меня сквозь непроницаемое стекло.

Но разговор, после того как Раджер «включил звук», начался как ни в чем не бывало.

— Чему же вы собираетесь учить меня сегодня? — любопытствовал Макнэлл.

Присутствовала ли в его словах ирония, можно было решать, исходя лишь из логики: ни выражение лица, ни интонация подсказок не давали. Задействовать логическое мышление я умела и потому с уверенностью дала положительный ответ: ирония присутствовала, и еще какая.

— В предыдущей группе мы обсуждали планеты, заселенные в ходе Первой межзвездной экспансии, — сообщила я, садясь на высокий табурет. Кто-то заранее принес его и поставил с этой стороны стекла, видимо, специально для меня. — Но я подумал, что для вас это будет слишком очевидно. Поэтому хочу предложить другую тему. Как насчет животного мира планет четвертой категории?

— Неплохой вариант, — хмыкнул капитан. — На «четверках» нам по долгу службы доводится бывать нечасто. Обычно мы имеем дело с людьми и другими разумными расами.

Я мысленно отметила используемое им настоящее время — «доводится», «имеем». Непреднамеренная оговорка или принципиально выбранная формулировка? Сочтя, что зацикливать на этом внимание не стоит ни в том, ни в другом случае, приступила к уроку.

— Вот и отлично. Предлагаю начать с яйцекладущих.

Конечно, большую часть того, что я рассказывала, он уже знал. Но,

возможно, хотя бы процентов десять информации оказались ему неизвестны. Да и в целом, как мне кажется, дискуссия, в которую быстро перерос урок — лекцией его назвать уж точно было нельзя, — доставила определенное удовольствие нам обоим.

Но под конец Макнэлл стал регулярно спрашивать у меня о времени, а если не спрашивал, все равно постоянно косился на мультифункциональные часы на моем запястье. Не вполне понимая, что бы это могло значить, я постаралась побыстрее завершить занятие, ощутило скомкав конец. Может быть, заключенный устал, или ему надоело, или и вовсе не нравилось с самого начала, а недавний энтузиазм лишь привиделся мне, поскольку я стремилась выдать желаемое за действительное.

Почти добралась до ступенек, когда увидела спускавшегося навстречу мужчину в форме тюремщика, несшего поднос с местной посудой и что-то вроде накрытого крышкой бидона. Совершенно не знакомый мне человек, очень коротко постриженный, высокий и широкоплечий. Я посторонилась, освобождая ему проход в довольно-таки узком коридоре. Раджер успел уйти немного вперед. Запах, коснувшийся ноздрей, был намного менее приятным, чем я ощущала прежде на тюремной кухне. Интересно, ужин здесь настолько хуже обеда, или тех, кто сидит на нижнем этаже, в принципе кормят иначе? И главное, неужели именно эту трапезу капитан поджидал с таким нетерпением?

Поддавшись любопытству, я развернулась и тихонько направилась следом за тюремщиком, спина которого успела скрыться из виду в сложной системе здешних поворотов. Нагнала как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот переливает из бидона в тарелку похлебку малоприятного цвета. К потолку устремились струйки пара.

Прикоснувшись к нужному сенсору, охранник открыл в стеклянной стене прямоугольное окошко.

— Ужин! — громогласно объявил он.

Макнэлл приблизился, дабы принять тарелку. Я уже собиралась направиться обратно к лестнице, не вполне понимая, что здесь сейчас делаю, как вдруг тюремщик, рявкнув: «Жри, вражина!», резко опрокинул горячее варево на заключенного. Я отчетливо видела, как жидкость попала на лицо.

Самое странное было то, что капитан не закричал. Лишь громко зашипел и отшатнулся от стекла, прижимая руки к обожженной коже.

На какой-то миг я застыла, забыв, как дышать. Даже не заметила, в какой момент стриженный снова надавил на кнопку, и окно закрылось,

словно затянувшись стеклянной пленкой.

Кто-то компактный и малодушный, сидящий внутри каждого человека, посоветовал тихо, на цыпочках, уйти, пока мое присутствие не заметили. Остановила мысль, что это будет не по-мужски, да и вообще противоречит чувству справедливости.

— Вы что, с ума сошли?! — Раз уж выбор сделан, мяться и жаться к стене смысла не имело. Я резко выступила вперед, будто все это время просто дожидалась удобного момента. — Кто вам дал такие права? Да я сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы!

— А на что? — Охранник и бровью не повел. Похоже, тот факт, что его поймали с поличным, этого человека несколько не взволновал. — Ну уронил миску, с кем не бывает?

Ошарашенная такой наглостью, я уперла руку в бок.

— В таком случае как насчет оказания первой помощи пострадавшему? И почему не обратились в медицинский центр? Где средства от ожогов?

Тюремщик пренебрежительно передернул плечами.

— Ничего серьезного, само пройдет, — отмахнулся он. — А ты кто вообще такой? Я тебя в первый раз вижу.

— Новый преподаватель курса по астрономии.

Я скосила глаза на успешшего вернуться за мной Раджера. Слишком увлеклась, даже не обратила внимания на его появление.

— Ах, учитель, — без малейшего уважения к профессии протянул второй тюремщик. — Ну так и иди учительствуй, а меня поучать не надо.

Поддержки со стороны Раджера я не получила; напротив, он взял меня за локоть и практически потащил за собой.

— Что это такое?! — возмущенно прокряхтела я, сумев освободить руку, лишь когда мы поднялись по первым ступенькам. За это время я успела запыхаться, а в районе локтя наверняка образовались синяки. — Что за беспредел здесь творится? Да я прямо сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы или его заму. Кто-нибудь из них еще на работе?

— Нет, в такой час никого из них на службе не бывает, — бесстрастно ответил Раджер. Тюремщик удостоверился, что бежать обратно к камере я не стремлюсь, и позволил мне восходить по лестнице самостоятельно. — И не советую тебе приезжать сюда завтра пораньше, чтобы переговорить с кем-нибудь из них.

Я в недоумении уставилась на него, поскольку он практически снял готовую реплику с моего языка. Вместо родившейся в мозгу тирады с губ теперь слетел короткий вопрос:

— Почему?

— Я ведь говорил: начальство негласно одобряет такое обращение с не сознавшимися арестантами.

— Про такое обращение речи не было, — заупрямилась я.

Раджер безразлично пожал плечами: вести бессмысленный спор он был не настроен.

— То есть вот это всех устраивает? — переспросила я, отчего-то понизив голос.

Снова пожатие плечами, на сей раз призванное заменить положительный ответ.

— Система заинтересована в том, чтобы преступники делали официальное признание, — напомнил тюремщик.

Кстати сказать, сам он голоса не понижал.

— И выбивает это признание силой?

Раджер промолчал, но в выражении его глаз я прочитала одобрение: «Вот теперь ты начинаешь что-то понимать, птенец».

А действительно, что это я удивляюсь? Можно подумать, мне по собственному опыту не известно, сколь несовершенной и безнравственной бывает система.

— Ладно, но ведь это незаконно? — продолжала настаивать я. Врожденное упрямство, не иначе. — Он же может рассказать обо всем своим родным, а те — поднять шум?

— Заключенным с нижнего этажа свидания запрещены, — невозмутимо просветил меня Раджер.

Я моргнула, принимая информацию к сведению. Ну да, вот еще один способ воздействия.

— Ну ладно, а камеры? На них же фиксируется все, что происходит!

— Непосредственно возле места заключения их нет.

— Что? — Я остановилась посреди лестничного проема, недоверчиво вытаращившись на сопровождающего.

— Съемка этого участка не ведется, — перефразировал он.

Видимо, чтобы до меня точно дошло.

— Но как такое может быть?

У меня безвольно опустились руки.

— Думаю, ты и сам догадаешься. — Тюремщик продолжил подниматься как ни в чем не бывало. Это заставило меня выйти из ступора, дабы не отстать. — Так у Кортон и ему подобных больше свободы.

Кортон... Кажется, я уже слышала это имя. В любом случае речь явно о том охраннике, что принес Макнэллу еду.

— Ладно, — подобная предусмотрительность местной власти меня уже не удивляла, в недоумение вводило иное, — а если что-нибудь произойдет? Чрезвычайная ситуация?

— Не может быть никакой чрезвычайной ситуации, — отрезал Раджер с уже знакомой мне убежденностью. — Система безопасности на таких участках отработана в совершенстве.

— Хорошо, допустим, до тюремщика заключенный не доберется, — приняла, спора ради, точку зрения оппонента, — а если он сбежит? Найдет способ открыть дверь камеры? Сам или с посторонней помощью, что тогда?

— Вот именно: что тогда? — эхом повторил Раджер. — Выход из тюрьмы далеко, подкоп не сделаешь. Дальше ему пришлось бы идти по коридору, а там снимается чуть ли не каждый миллиметр. При любой ситуации, выходящей за рамки обыденного, дежурному подается сигнал. Если ситуация подпадает под категорию чрезвычайной — скажем, компьютер фиксирует угрозу Человеческой жизни, автоматически включается сирена.

— А если он ударит кого-нибудь местного по темечку, затащит в камеру, а сам переоденется в униформу? — не унималась я.

Строго говоря, это было уже не заступничество, а этакая логическая игра, головоломка, в ходе которой я пыталась найти брешь в системе защиты. Признаю, что меня слегка занесло, но, впрочем, с кем не бывает?

— Компьютер распознает лица. — Наверное, я не первая, кто приставал к охраннику с подобными дурацкими вопросами. Во всяком случае вид у него был почти скучающий. — Ты у него в базе данных, как и я. А вот Макнэлл... Он тоже в базе данных, но совсем в другом качестве.

— Но ведь система распознавания лиц пока несовершенна. — Я попыталась сделать последнюю попытку, уже понимая, что безнадежно проигрываю.

— Не совершенна, но и не плоха, — не впечатлился аргументом Раджер. — И потом, выход из тюрьмы — рядом с будкой охраны и только после проверки отпечатка пальца. Как он обойдет все эти ограничения?

Тут я не нашлась, что ответить.

Вернувшись к себе, направилась прямым ходом к ноутбуку, забыв даже разуться или заказать умному дому свет в гостиной. Ограничилась зеленоватым сиянием лампы, которую компьютер включил автоматически, едва засек мое появление в комнате. Из плоского и голографического режима выбрала первый. Новейшие исследования медиков подтвердили то,

что я интуитивно чувствовала уже давно: чтение более полезно для глаз в двухмерном изображении. Голограммы следует приберечь для фильмов, общения, игр, виртуальных карт и прочих визуальных программ.

Далее подключилась к НЗС, глобальной новоземской сети. Можно было выбрать и межпланетную, но за ее использование пришлось бы платить, плюс скорость плантернета там не ахти. НЗС же, наоборот, работала как часы, и к ней можно было бесплатно подключиться с любой точки планеты. С любой на- или надземной точки, строго говоря. Впрочем, в последнее время в связи с увеличением йелондского туризма все больше компаний старались обеспечить доступ к сети и в подводном мире.

Так или иначе, я сочла, что в данном конкретном случае НЗС будет достаточно. Все же преступник был гражданином Новой Земли, да и убийство совершено здесь же. Введя в поисковую строку имя «Рейер Макнэлл», подумала и добавила в начале «капитан», чтобы сделать запрос более точным.

Ого, сколько результатов! А арестант-то намного популярнее простых смертных вроде меня. Хотя не исключено, что популярности прибавилось как раз после того, как он стал арестантом. Споры насчет его виновности велись на ряде известных форумов. Но сначала факты.

Я пробегала текст глазами, сменяя страницы и замедляя темп чтения там, где информация казалась наиболее существенной и достоверной. Сайт, на котором было написано, что капитан — оборотень, карауливший своих жертв в темных переулках, сразу внесла в черный список, чтобы подобный бред никогда больше не открывался на моем ноуте. Но было и много более логичного либо нейтрального. Итак, Рейер Макнэлл, уроженец Новой Земли в третьем поколении, тридцать шесть лет, вдовец, детей нет. Отец, Артур Макнэлл, в течение сорока лет работал механиком на космических кораблях всех возможных видов. Нередко брал сына с собой еще ребенком. В пятнадцать лет Макнэлл-младший был официально зачислен юнгой на судно, на котором служил в тот момент его отец. Школу заканчивал заочно, но аттестацию получил отличную. Впоследствии обучался космопилотированию и прикладной астрономии в Общепланетарном новоземском университете (ОНУ), где в данный момент числилась студенткой и я. Отсрочку на получение степени дала армия, она же оплачивала учебу. С возраста двадцати пяти лет Макнэлл проходил военную службу на патрульных кораблях. Два года назад возведен в ранг капитана. До недавнего времени служил на звездолете «Галалэнд».

Я увеличила одну из фотографий, затем перевела изображение в голографический режим. Похоже, с момента, когда был сделан снимок,

Макнэлл успел похудеть по меньшей мере на десять кило. Впрочем, на тюремном питании — неудивительно. Морщин здесь практически не было, синяков под глазами тоже, и одет он был в стильную серую форму военного звездного флота. Словом, образ, хоть и узнаваемый, очень сильно отличался от узника, которого я дважды видела за стеклом камеры.

Ладно, теперь собственно об убийстве. Пятого числа осеннего месяца тишрея жена осужденного, Линда Макнэлл, была убита в малолюдном месте выстрелом из эксплоудера. Вариант террористического акта отмечен полицией практически сразу: всего одна жертва, да и оружие прицельное. Алиби у капитана нет. Улики... Объяснения Рейера Макнэлла касательно его местонахождения в момент убийства полиция считает неубедительными... «Галалэнд» должен был покинуть Новую Землю через несколько часов после преступления, и предполагаемый убийца получил бы возможность избежать правосудия.

Причина убийства — ревность. Отчего-то это безумно меня удивило. Ну не вязалось с образом встреченного в тюрьме заключенного, и все тут. Хотя, казалось бы, что может быть глупее? Я его совершенно не знаю, и у меня нет возможности мало-мальски объективно определить, на что он способен, а на что — нет. В сущности, ревность как раз и является одной из основных причин убийства жены мужем. Или наследство. Или если жена просто надоела за долгие годы совместной жизни. Если честно, то именно последняя причина казалась мне наиболее логичной. Когда человек вечно мелькает у тебя перед глазами, туда-сюда, это же с ума сойти можно! Вот если я когда-нибудь кого-нибудь убью, то именно поэтому.

Правда, мне подобное не грозит — для меня брак невозможен по определению. Ну, как «невозможен»? Чисто теоретически возможно изображать на людях пару геев. Однополым браком сегодня никого не удивишь. Но где ж найти гетеросексуального мужчину, который бы на это согласился? Да еще и такого, которому можно было бы довериться. А главное — надо ли искать? Чтобы потом захотелось его же прикончить?

Но ближе к делу. Полиция выяснила, что у Линды Макнэлл был любовник, некий программист по имени Кен Хендрейк. Рейер о неверности супруги знал — согласно его собственному признанию. И неоднократно высказывал предположение, что именно любовник убил Линду. На форумах на этой же версии активно настаивали его сторонники. Тут, однако, имелась неувязка: Кен Хендрейк покинул планету за день до убийства. Причем оставил предсмертную записку, из которой следовало, что вылет его был путешествием в один конец... Я нахмурилась. Было в

этом нечто подозрительное, будто парень заранее знал о готовящемся преступлении и поспешил создать себе алиби. Так или иначе, получилось у него безупречно: совершить убийство с помощью эксплоудера из космоса он никак не мог. Итог: мужа обвинили в преднамеренном убийстве и посадили в тюрьму на сорок лет. Звания, естественно, лишили.

В задумчивости я слегка повернула голову и тут же чертыхнулась. Режим автофокуса отследил движение глаз и выдвинул на полный экран боковое окошко, на которое случайно упал мой взгляд. Все-таки не зря в последнее время разработчики стали отказываться от системы айтрекинга в пользу более традиционных сенсорных дисплеев.

Впрочем, всю более-менее достоверную информацию я, похоже, уже прочитала. Дальше пошли домыслы и споры. Я отвернулась от дисплея, и компьютер, отследив этот факт (все-таки в автофокусе есть свои плюсы), включил экранную заставку. Вздыхнув, поднялась на ноги и подошла к окну. Бесспорно, за последний час я многое узнала о Рейере Макнэлле. Однако понятнее от этого ничего не стало.

Не скрою, мне пришлось чуть ли не силой удерживать себя от порывов отправиться в тюрьму на следующий же день. Мысленно надавав себе по щекам и призвав к благоразумию, я сумела выждать необходимое время и на место прохождения ПС прибыла в четверг. Правда, немного раньше положенного ушла с занятий. Закончив лекцию в своей основной группе, решительным шагом направилась к лестнице.

Неизменный Раджер сопровождал меня на нижний этаж. Достигнув застекленной камеры, я развернулась к тюремщику.

— Могу я передать ему средство от ожогов?

Произнесла таким требовательным тоном, что принять это обращение за вопрос было сложно.

Раджер поджал губы и наморщил лоб, что-то прикидывая.

— Оставить в камере — нет, — сказал он затем. — Но он может воспользоваться лекарством, пока ты здесь. Что за средство?

Под его взглядом я послушно извлекла из внутреннего кармана куртки коробочку с исцеляющей бумагой. Вытянув верхний слой, продемонстрировала тюремщику.

— Ладно, — кивнул тот. — Я передам ему через окно. В конце занятия заберешь.

— У него хотя бы есть зеркало?

— Что? — Раджер непонимающе нахмурился.

— Зеркало, — повторила я, для наглядности жестикулируя. — У него

ожоги на лице, он не сможет как следует обработать их, не видя. Так... — Выражение лица охранника, не оставлявшее сомнений в отрицательном ответе, помогло принять решение. — Пустите меня внутрь.

— С какой стати? — Раджер напрягся.

— С такой. Я помогу ему с медицинской процедурой. Да ладно вам! — с нажимом добавила я. — Вы же сами мне говорили, что опасности от него не исходит.

Тюремщик раздумывал еще секунд пять.

— Ну хорошо, — решил он затем. — Но под твою ответственность. Пояс не выключай.

Нажал пару кнопок, переводя мой невидимый щит в нужный режим.

— Не буду, — пообещала я.

Добившись, чего хотела, была готова стать кроткой и покладистой.

Раджер коснулся пальцем очередной сенсорной панели. Стеклянная преграда не отъехала в сторону, как я ожидала, а словно впиталась в пол, потолок и боковые стены, предварительно разделившись на четыре части. Стало быть, окно, которое я видела прежде, было вовсе даже не окном. Просто включенный тогда режим убирал стену не полностью, а частично.

Капитан, до сих пор не имевший возможности слышать наш разговор, удивленно наблюдал, как исчезает стекло, а я вхожу в камеру.

— Закрываю, — предупредил Раджер.

Я кивнула, не оборачиваясь. С легким шорохом, будто речь шла не о стекле, а об антикварной тюлевой занавеске, стена возвратилась на прежнее место. Не могу сказать, чтобы мне не было страшно. Было. В голове мелкой пичугой, залетевшей в комнату и не находящей выхода наружу, металась мысль: «Ненормальная, куда ты полезла?! Он же убийца, и ему терять практически нечего! А если он тебя придушит, покалечит, возьмет в заложники?»

— Добрый день, — поприветствовала я капитана, вместо того чтобы прислушаться к голосу рассудка.

— Добрый! — с прежним нескрываемым удивлением откликнулся он.

И продолжил изучающе меня рассматривать. Как экспонат Музея космоархеологии.

— Давайте обработаем ваши ожоги, — предложила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально уверенно.

— А ты смелый парень, — заметил Макнэлл, склонив голову набок.

— Угу. В учителя другие не идут, — поддакнула я, извлекая из коробочки первый белый прямоугольник.

Бумагой «исцеляющая бумага», конечно, не являлась. Настоящую

бумагу вообще днем с огнем было не сыскать. Художники-ценители с огромным трудом и за большие деньги доставали драгоценные листы, выпускавшиеся на планете Грин. Но большинство ограничивалось сенсорным творчеством на голографических панелях и прозрачных экранах.

Впрочем, я отвлеклась от главного, и не случайно. Страх быстро отступал, а вот с чувством вины дело обстояло противоположным образом. Чем дольше я смотрела на капитана, тем сильнее колола совесть: надо было приехать вчера. Крупные красные пятна уродовали правую сторону лица — наверное, именно этой стороной он повернулся ближе к Кортону, готовясь принять тарелку. Едва ли не самая большая пораженная область протянулась до уголка глаза. Хорошо еще, что он не ослеп наполовину! Ниже кожа была чище, я заметила только небольшой ожог на подбородке.

Осторожно приложила бумагу к лицу заключенного. Лист тут же начал сморщиваться и менять форму, подстраиваясь под пятно. Вскоре он уже держался сам, и я смогла убрать руку. Определив свойство и уровень недуга, медикамент начал выполнять свою работу. Я извлекла из коробочки следующую порцию. Капитан вел себя спокойно, моим действиям не мешал.

— Зрение не пострадало? — все-таки решила уточнить.

— Глаз в порядке, — слегка поморщившись, видимо, от воспоминания, ответил он.

Я перешла к третьему куску бумаги. Для лица — последнему, но оставался еще один ожог на шее.

— Как насчет занятия? — поинтересовался Макнэлл.

— Разок можно и обойтись, — констатировала хладнокровно, — не думаю, что вы пропустите что-нибудь важное.

В тот момент он промолчал, но когда я закончила, и четвертый листок приобрел форму изуродовавшего кожу пятна, заговорил снова.

— Не стоит тебе продолжать сюда ходить, парень. Лучше оставайся там, наверху. Это, — он на миг опустил взгляд на упаковку, которую я не успела убрать в карман куртки, — всего лишь один случай, не самый худший. Останешься здесь — насмотришься всякого. А тебе оно не надо. Молодой еще, да и не из того теста сделан.

— Ну, с этим я сам определюсь, — отозвалась, не собираясь следовать его совету.

Убедившись, что необходимое для лечебного воздействия время прошло, стала аккуратно снимать бумагу. Еще несколько дней, и от ожогов не останется следа. Это средство заживляет и более серьезные

повреждения тканей.

— Вы действительно ее не убивали? — тихо спросила, осторожно отводя руку от лица капитана.

Взгляд Макнэлла тут же стал враждебным, а мышцы напряглись.

— Вам известно, почему я нахожусь в этой части тюрьмы? — ледяным тоном любопытствовал он.

— Да.

— В таком случае не понимаю цели вопроса. Вы всерьез ожидаете, что я вот так, между делом, признаю за собой вину?

— Нет. Простите.

Процедура была закончена, обстановка накалилась, и я не видела причин задерживаться в камере. Раджер отпер ее по моему знаку.

Однако отказываться от занятий я не собиралась. И в следующий вторник пришла снова.

Пришла — и чрезвычайно обрадовалась. Тому, что снова прихватила с собой коробочку с медикаментом.

Нет, сначала я ничего не заметила. В момент нашего с Раджером появления Макнэлл занимался тем, что отжимался от пола. Как сообщил мне тюремщик, ситуация вполне стандартная, по-видимому, капитан даже в заключении не желал терять форму. Возможно, продолжал на что-то надеяться, а может, просто стремился таким образом сохранить человеческое достоинство. Трудно сказать, чужая душа — потемки.

Следы случившегося в мое отсутствие я обнаружила, когда заметивший наше появление Макнэлл прервал свое занятие, поднялся на ноги и надел тюремную рубашку. Ее рукав был порван, длинный лоскут свисал от плеча до локтевого сгиба. Первым делом я обратила внимание именно на это. Во вторую очередь — на крупный синяк как раз на том участке кожи, который обнажался из-за поврежденной одежды. И, наконец, настала очередь двух гематом на лице, наливавшихся багрово-фиолетовым цветом. Левая скула и подбородок.

Возмущенно зыркнув на полного невозмутимости Раджера, я не стала никак комментировать увиденное, лишь холодно попросила снова впустить меня в камеру. Причем теперь не испытывая ни малейшего страха. Хотел бы Макнэлл что-нибудь со мной сделать — сделал бы в прошлый раз.

— Что это? — коротко спросила капитана, не удосужившись даже поздороваться, зато сразу же потянувшись за целебной бумагой.

— Допрос.

Он оставался почти таким же невозмутимым, как Раджер. Складывалось впечатление, будто меня одну выводит из равновесия

происходящее на этом этаже. В некотором смысле так оно и было: оба присутствующих мужчины успели привыкнуть к здешним реалиям. Разумеется, капитану не было, да и не могло быть все равно. Однако происходящее ни капли его не удивляло. Наверняка злило, ввергало в отчаяние, но не погружало в то состояние шока и недоумения, которое преследовало меня.

— Здесь, в камере, я так понимаю? — уточнила, подразумевая тот факт, что в этой части тюрьмы видеосъемка не ведется.

— Я вообще выхожу отсюда крайне редко, — подтвердил мое предположение капитан.

К занятиям астрономией мы в тот раз, конечно же, не перешли.

Именно тогда я впервые отчетливо поняла, что не могу оставить все как есть. Даже в вопросе виновности Макнэлла было нечто второстепенное. Я оказалась не готова мириться с обстоятельствами независимо от того, убил он свою жену или нет. Однако же мне хватило ума не поднимать шум прямо здесь, в тюрьме. Не устраивать скандал, до которого никому не будет никакого дела. Я успела понять, какова негласная позиция местного начальства. Иллюзий относительно обращения к начальству более высокому тоже не питала. Из опыта собственной семьи мне было отлично известно, что такое система и насколько бессмысленно бывает в подобных случаях выступать против нее таким рядовым новоземцам, как я. Тем не менее собственный же опыт свидетельствовал, что систему возможно обойти.

Ничего похожего на конкретный план у меня в голове пока еще не было. Сказать по правде, первоначальная идея заключалась в том, чтобы найти кого-нибудь, кто знает больше, чем я, а заодно имеет значительные рычаги давления. Естественным стремлением в этой ситуации было связаться с членами экипажа Макнэлла. Именно их поисками я первым делом и занялась, вернувшись домой. Однако меня ожидало разочарование: около трех недель назад «Галалэнд» отправился в продолжительный полет по заданию ВБС, и возвращение корабля предполагалось не ранее чем через месяц.

Всерьез расстроившись, я все-таки продолжила поиски в сети.

Глава 4

Нажав кнопку вызова, я замерла у входной двери, в волнении сцепив руки. Сверху на лестничную клетку строго взирал глазок домофонной камеры. Значит, с той стороны, в прихожей, возникла моя трехмерная проекция. Вероятнее всего, высококачественная: хозяйева дома явно не бедствовали. В материальном плане, имею в виду. В остальном дела обстояли куда хуже.

Я не должна была сюда приходить. Мне не следовало разыскивать этих людей и вмешиваться в их жизнь. Более того, сама до сих пор не до конца понимала, отчего действую вопреки всем очевидным обстоятельствам. Но дело сделано, о своем появлении уже оповестила, и отступить поздно.

— Здравствуйте.

Одновременно со звуком мужского голоса, слегка искаженным из-за микрофона, на пороге появилось голографическое изображение его обладателя. Наверняка хозяин дома. Высокий человек крепкого телосложения не старше семидесяти лет — не так уж много при нынешней продолжительности жизни — был, тем не менее, совершенно седым.

— Чем могу быть полезен?

— Добрый день. Прошу прощения за беспокойство, господин Макнэлл. Меня зовут Сэм Логсон. Я работаю в 34-й городской тюрьме...

— Входите, — оборвал меня голос прежде, чем я успела изложить причину своего визита.

Голограмма исчезла, будто ее никогда не существовало, а дверная панель отъехала в сторону.

— Проходите, — напряженно повторил все тот же седовласый мужчина, только на сей раз не спроецированный, а реальный.

— Благодарю вас.

Я вошла в небольшую прихожую, из которой открывался вид на гостиную.

— Что с нашим сыном?

В голосе хозяина дома хрипотцой отразилось волнение. В очередной раз кляня себя на чем свет стоит за этот визит, поспешила его успокоить.

— С ним ничего не случилось. Он в полном порядке — насколько это возможно, учитывая обстоятельства. — Пожалуй, благодаря выбранной формулировке не так уж и солгала. — Просто так получилось, что я время от времени его вижу, и я подумал — вы захотите получить о нем весть. Не

более того.

Поза Артура Макнэлла стала более расслабленной, и он кивнул. А я впервые заметила присутствие при разговоре третьего лица. Женщина, ниже ростом и лет на десять моложе Макнэлла, светлые волосы повязаны синей косынкой. Скорее всего, мать Рейера. Об этом свидетельствовала и та тревога, с которой она прислушивалась к диалогу. Стояла неподалеку, у самой стены, ничего не говорила, но ловила каждое мое слово.

— И как он? — спросил Артур.

— В порядке, — повторила я. — Он здоров, одет, обут. Хорошо держится. Занимается спортом, проходит курсы в рамках образовательной программы континентальных тюрем. Свидания ему не позволяют, вот я и подумал... — В очередной раз почувствовала, что пришла зря: и сказать-то толком нечего, так, чтобы и не солгать, и не заставить родителей беспокоиться сильнее прежнего. — Словом, вот более-менее и все. Пожалуй, я пойду.

Не глядя Макнэллам в глаза, развернулась к дверной панели, но хозяин дома меня остановил.

— Подождите. — В его голосе, вопреки моим иррациональным ожиданиям, не было ни неприязни, ни упрека. Последовавшее за этим предложение окончательно выбило меня из колеи. — Пообедаете с нами?

— М-м-м... — нечленораздельно промычала, не зная, что ответить.

Поворот был, прямо сказать, неожиданный, а я, положив руку на сердце, почувствовала бы себя куда как спокойнее, оказавшись по ту сторону двери. Но мужчина взирал на меня с не вполне понятной надеждой, а его жена и вовсе умоляюще. И я согласно кивнула.

Мы прошли в гостиную, совмещенную с кухней. Меня посадили за широкий обеденный стол. Подумалось, что за таким должно быть одиноко сидеть вдвоем. Хотя мысль неуместная: даже пока капитан был на свободе, он точно давно уже не жил с родителями, стало быть, и пищу принимал в другом месте. Дома с женой, например. Мда...

— Что вы предпочитаете, мясо или рыбу? — заботливо спросила женщина.

От такого гостеприимства мне, ясное дело, стало еще более неловко.

— Спасибо, это не имеет значения, я все ем, э-э...

— Зовите меня просто Луизой.

— Луиза, большое спасибо, буду есть то, что вы предложите. Я вообще планировал заскочить только на минутку, все передать и уйти. Наверное, зря вас побеспокоил.

— Нет-нет, совсем наоборот, — возразил Артур. — Ваш приход для

нас очень важен.

Его жена энергично покивала. Она подошла к холодильнику, и на дверце высветились многочисленные квадратики с изображениями продуктов. Овощи, фрукты, упаковки с замороженным мясом, макароны, рыба на сковороде... Луиза касалась нужных ей квадратиков, и соответствующие блюда одно за другим выезжали наружу, предварительно перемещаемые механизмом холодильника в специальный выдвижной ящик. Я обратила внимание на дополнительный рукав, тянущийся от морозильной камеры к духовке. Стало быть, здесь была возможность запрограммировать кухонную технику так, чтобы еда размораживалась и готовилась без непосредственного вмешательства человека. Удобная система, но недешевая.

— Вы, должно быть, попали в тюрьму через Планетарную службу? — спросила Луиза, когда тарелки и сотейники уже стояли на столе.

— Да.

Мысленно похвалила хозяйку дома за проницательность, хотя в целом догадаться было не так уж сложно: все-таки перед ней сидел молодой человек самого что ни на есть ПС-ного возраста. По крайней мере в ее представлении.

— Служите в сфере охраны? — подключился к разговору Артур.

— Нет. Я преподаю. Веду курс в рамках тюремной образовательной программы.

— Ах, вот оно что. Значит, это вы обучаете Рэя.

Потребовалась пара секунд, прежде чем я сообразила, что Рэй — это и есть капитан Рейер Макнэлл.

— И что вы преподаете? — полюбопытствовал хозяин дома.

Я в очередной раз почувствовала себя по-дурацки.

— Теоретическую астрономию, — призналась после короткой заминки. — Разумеется, как предмет она вашему сыну не требуется. Но в тюрьме у подобных курсов другое предназначение...

— Я понимаю. — Макнэлл-старший серьезно кивнул, и я осознала: вдаваться в объяснения действительно не нужно.

Какое-то время мы обедали в молчании. Кусок в горло не лез, и это не имело ни малейшего отношения к вкусовым качествам еды, но я старалась. Отложив вилку, встретилась глазами с Луизой.

— Скажите... у него потухший взгляд?

Несмотря на всю напряженность ситуации, мне чем-то невероятно понравился этот вопрос. Было в нем нечто правильное, значительно более уместное, чем, к примеру, ожидаемое от матери «Хорошо ли его кормят?».

— Нет, — ответила мягко, покачав головой. И прищурилась, восстанавливая в памяти облик капитана. Будто включая перед мысленным взором голографическое изображение. — Какой угодно, только не потухший. Даже если брать худшее, то скорее злой.

— Злой — это хорошо, — заявил Артур, мрачно глядя на покрывающую стол скатерть.

— Он отлично держится, — добавила я. — И не признает себя виновным.

— Он невиновен, — убежденно кивнула Луиза.

— Потому что не способен на убийство? — уточнила.

Признаюсь, этот вопрос я задала с ноткой снисходительности. Конечно, родители всегда примут сторону своего сына, вот только ни для суда, ни для меня лично их точка зрения не играла решающей роли. Но, к моему удивлению, мать капитана отрицательно покачала головой.

— Ерунда, — поддержал ее Артур. — Каждый человек способен на убийство.

— Вы так полагаете? — удивилась я этому заявлению.

— Уверен. Способен каждый. Вопрос только в том, ради чего. Возьмем хотя бы меня. Я не пойду грабить людей и сворачивать им шеи на большой дороге. Но за свою жену или сына запросто проломлю череп любому.

Последние слова он произнес столь решительно, что я невольно поежилась. Хотя и не думала злоумышлять против его семьи. А еще вспомнился высокий толстяк из моей тюремной группы, с таким неудачным исходом заступившийся за собственную жену.

— А ваш сын...

Мне все-таки очень хотелось, чтобы Артур развил свою мысль. Слишком велико было желание разобраться, что же случилось с Линдой Макнэлл и действительно ли к этому причастен капитан.

— Мой сын — военный, — не стал увиливать от объяснений хозяин дома. — Он сам выбрал свою работу. Естественно, он способен убить — при определенных обстоятельствах. Вот только убивать Линду у него не было никаких причин.

— В суде вроде бы речь шла о ревности, — осторожно заметила я.

Артур скривился и махнул рукой, словно скидывал со стола что-то ненужное.

— Убить из ревности можно, когда страстно любишь или отчаянно ненавидишь, — отрезал он. — А Рэй не испытывал к Линде сильных чувств. Да глупости это все, Луиза, — добавил он, заметив

предостерегающий взгляд жены. — Они его уже списали, разговорами хуже не сделаешь. Они были женаты восемь лет, — продолжал Артур. — Поженились слишком рано, такое мое мнение. Двадцать восемь — не возраст.

— Ему было двадцать восемь? — уточнила я.

— Они одногодки, так что обоим. Потом он постоянно летал, а ей это не нравилось... Обычная история. Только святые женщины вроде моей жены выдерживают жизнь с флотскими.

Он устремил на Луизу неожиданно нежный взгляд, какого не ожидаешь от столь твердого и прямолинейного человека.

— Лыстец, — закатила та глаза.

— Либо такие же, как мы, непоседы, у которых тоже шило в одном месте, и оттого им легче нас понять, — продолжал Макнэлл. — Линда не относилась ни к тем, ни к другим. Потихоньку каждый стал жить своей жизнью. Если бы один захотел развода, другой согласился бы без лишних вопросов. Там все было слишком ровно. Никакого повода для убийства.

В молчании, наступившем после его убедительной речи, я тщетно пыталась понять, что же произошло на самом деле. Может быть, я была права с самого начала, и капитану просто надоело, что жена постоянно путается у него под ногами? Но нет, учитывая выдержку Макнэлла-младшего, в это верилось с трудом. Тем более если он мало бывал дома и имел возможность отдохнуть от семейной жизни. Вот вспышку ревности с его стороны я почему-то могла легко себе представить. Но если верить Артуру, в данном случае эта версия отпадала...

Луиза еще немного посидела, сцепив руки, а потом встала и принялась убирать со стола.

— Скажи мне, Сэм... — Такое обращение было несколько фамильярным, но отчего-то не вызвало чувства отторжения. То ли естественно воспринималось в силу разницы в возрасте, то ли просто гармонировало с типажом бывшего космомеханика. — Вы с моим сыном состоите в близких отношениях, ведь так?

Голос он понизил, для того чтобы не услышала жена.

Пронзительный взгляд из-под насупленных бровей сверлил меня, требуя ответа.

Я прикинула, что может означать в данном контексте фраза «близкие отношения», сделала правильный вывод и с чувством выдохнула:

— Нет, конечно!

Артур успокаивающе приподнял руку, покосился в сторону Луизы. Та если и заметила, что у нас происходит нечто выходящее за рамки светского

разговора, то виду не подала.

— Я... придерживаюсь традиционной сексуальной ориентации. — Макнэлл не испытывал чувства неловкости в связи с затронутой темой, однако и подбирать подходящие слова ему, похоже, было нелегко, поэтому говорил он медленно. — И всегда относился к альтернативе с некоторым неодобрением. Вкусы моего сына тоже были традиционными. Однако я не вчера родился и понимаю, что в тюрьме некоторые вещи меняются. И я не стану осуждать за это Рэя. Наоборот. В данном случае я был бы рад знать, что рядом с ним есть близкий человек. Пол этого человека уже второстепенен.

— Уверяю вас, — я приложила ладонь к груди, — моя ориентация столь же традиционна, что и ваша и, несомненно, вашего сына. Просто я регулярно с ним вижусь и невольно проникся к нему уважением. А поскольку свидания ему запрещены, решил зайти к вам... хоть это и против правил.

Артур кивнул, принимая мой ответ. Меж тем к нам снова присоединилась Луиза.

— Скажите, можем мы передать Рэю письмо? — спросила она, напряженно заглядывая мне в глаза.

— Вообще-то нет.

Эти слова дались мне нелегко, но вариантов я не видела. Хотя... Закусила губу, оценивая собственную идею. Родители капитана покорно ждали моего решения.

— На уроках я имею право использовать карты звездного неба. И даже могу оставить их заклю... студенту, — быстро исправилась. — Минутку.

Вышла в прихожую, где на крючке висела моя сумка, и извлекла оттуда гибкий экран, свернутый в тонкую трубочку. Эта модель называлась «единый лист»: на ней нельзя было сохранить никаких данных помимо тех, что высвечивались непосредственно на дисплее. То есть, по сути, это была одна-единственная электронная страница. Вы спросите, зачем такие сложности? Например, для экзаменов. Модель позволяла удостовериться, что помимо разрешенных к использованию формул студенты не протащат на своем носителе информации никаких шпаргалок. Или вот мой случай. Передать заключенному какой-либо другой гаджет я бы не смогла.

— Прямо написать письмо нельзя, — уточнила я очевидное, разворачивая экран, на котором сразу же высветилась карта нашей звездной системы. — Но если добавить что-нибудь так, чтобы не бросалось в глаза...

Дальше объяснять не потребовалось. Получив электронный лист, чета

Макнэлл удалилась в соседнюю комнату, предварительно снабдив меня чашкой чая и какой-то выпечкой. Чем точно, не знаю. Аппетита у меня не было.

Вернувшись через некоторое время, они вручили мне экран. Я присмотрелась и уважительно присвистнула.

— Моя жена отлично рисует, — с гордостью заметил Артур.

На карте добавилось ровно две детали. Первая — руки, как бы обвивающие Новую Землю, и я почему-то была уверена, что они — женские. Символика — вещь на астрономической карте допустимая, учитывая мифологическую природу многих названий. Вторая деталь — белый парусник, застывший в космосе рядом с нашим вторым по величине спутником, Истерной.

Не став ни о чем расспрашивать, я просто кивнула. Обменявшись благодарностями и попрощавшись с хозяевами, отправилась домой. Послание было завуалированным, но, надо думать, сын своих родителей поймет. Хотя, признаться, белый парусник долгое время не выходил у меня из головы.

— Какого дьявола тебе понадобилось у моих родителей?!

Капитан схватил меня за грудки и встряхнул так, казалось, мозги вот-вот высыплются из головы. Раджер этого не видел. Я дала понять, что в его постоянном присутствии нет необходимости, и теперь регулярно проводила занятия в камере, все было спокойно.

В случае необходимости обещала нажать кнопку тревоги на своем поясе, каковой, впрочем, сегодня не сочла нужным активировать. Однако вместо этого, тоже разозлившись, я схватила капитана за рубашку и оттолкнула с силой, которая оказалась для него неожиданной, хотя и не могла поспорить с его собственной. Дело было не только во вспышке гнева. Просто единственное, чего мне не хватало, так это чтобы Макнэлл ощутил ненароком наличие у меня той части тела, которую я тщательно скрывала. Долгие годы, между прочим. Размер груди был, к счастью, маленьким, к тому же я как следует обматывала ее эластичной тканью и никогда не носила облегающую одежду. И уж никак не готова была допустить, чтобы меня раскрыли в результате такой несанкционированной близости.

— Они не видели вас целый месяц! — рывкнула я, воспользовавшись тем, что между нами образовалось расстояние в несколько шагов. Мысли о том, чтобы выбежать из камеры, даже не возникло. — Месяц! Вы хотя бы понимаете, что это такое для родителей? Не получать никаких новостей,

жить в полном неведении? Даже на то, что вы живы, всего лишь надеяться?

Капитан не то чтобы проявил признаки раскаяния, но как-то сдулся, опустил руки и явно утратил желание наброситься на меня вторично. Желание, еще пару секунд назад отчетливо читавшееся на его лице.

— И что ты им наговорил? — укоризненно спросил он. Недавний гнев еще догорал во взгляде, но этот огонь не нес угрозы. Если, конечно, не дать ему новую пищу. — Подробно рассказал, «как у меня дела»? — Губы Макнэлла скривились в подобии гримасы.

— Нет, конечно, — отозвалась я, жестом показывая, что тоже иду на примирение. — Всего лишь сообщил, что вы здоровы и в порядке — ну, насколько это возможно для такого места.

— Что-то в этом есть, — глядя в сторону, хмыкнул заключенный. — Можно даже считать за правду.

— Вот именно.

Отдуваясь, я поправила съехавшую набок куртку. Нет, может, он все-таки убил свою жену? Случайно, просто потому, что ему не понравилась какая-то ее реплика? Впрочем, вряд ли. Эксплоудер он что, тоже случайно с собой прихватил? Для прогулки по магазинам?

Все еще сердясь на Макнэлла, вытащила из сумки карту, развернула и сунула ему в руки. Отведенное на урок время еще не закончилось, но перспектива добрых четверть часа дуться друг на друга, разойдясь по углам тесного помещения, совершенно не прельщала.

— Здесь сообщение от ваших родителей, — сообщила я и с помощью как раз возвратившегося Раджера покинула камеру.

Уходя, напоследок оглянулась. Капитан сидел на кровати и не отрываясь смотрел на развернутый экран. Уголки его глаз показались мне влажными.

Следующее занятие прошло как обычно. То есть нормально, без всяких происшествий и без особой напряженности в нашем с Макнэллом общении. Потом был еще один спокойный урок. А затем я приняла окончательное решение. Последней каплей стала, казалось бы, мелочь. Во всяком случае, по серьезности это происшествие нельзя было сравнить ни с вылитой в лицо похлебкой, ни с недавними побоями.

Я заметила, что у капитана закончилось питье. Его приносили в высоких кружках из какого-то легкого металла. Если дать такой охраннику по голове, кружка погнется, а вот человек не пострадает. Выйдя из камеры, я повстречала Кортонна и сообщила ему, что заключенному нужна вода. В

ответ услышала злобное «Пусть пьет из бачка! От жажды не помрет».

На этом мое терпение закончилось. Нет, я ничего не сказала тюремщику. В открытую я вообще никак не отреагировала на его замечание. Однако решение было принято окончательно и бесповоротно, хотя еще пару недель назад мне и в голову бы не пришло поступить подобным образом. И когда я пришла к капитану в следующий раз, захватила с собой не только бутылку воды, но и очередной электронный лист, на сей раз девственно чистый.

Дождавшись, когда Раджер, которому было скучно без дела стоять перед камерой сорок пять минут, ненадолго отлучился, мои пальцы быстро забегали по виртуальной клавиатуре.

«Допустим, ты выбираешься отсюда и с Новой Земли. Попадаешь на один из населенных спутников. Будет ли возможность найти корабль, на котором реально покинуть нашу систему, не заморачиваясь с документами и разрешениями?»

Уже в процессе чтения капитан подозрительно прищурился, но дочитал до конца и лишь после этого поднял на меня вопросительный взгляд. Я кивнула на экран: дескать, сначала ответь, я первым задал вопрос.

Он перечитал текст, затем какое-то время изучающе сверлил меня глазами и наконец лаконично произнес:

— Предположим.

Не захотел писать — молодец, мало ли чего от меня ждать. Зато я предпочитала именно «эпистолярный» метод. Раз камер здесь нет, то и звук вряд ли записывается, но кто его знает? Береженого бог бережет.

Ответ Макнэлла вполне меня устроил, и, забрав у него экран, я принялась печатать дальше.

«Предлагаю сделку. Я помогаю тебе бежать отсюда и даже предоставлю транспорт для перелета на Митос или Истерну. А дальше ты помогаешь мне перебраться в другую систему. Подойдет любая планета категории 1 или 2. На худой конец сойдет 3».

На этот раз он прочитал текст один раз, но очень внимательно. Некоторое время, сжав губы, смотрел в одну точку на электронном листе, уже не читая, а раздумывая над моим предложением. Потом поднял глаза.

— Годится.

Я кивнула.

«Тогда запоминай...»

...Я с трудом удерживала в руках горку из свернутых экранов с всевозможными картами, схемами и диаграммами. Как раз в тот момент,

когда из-за поворота показался Кортон, одна из трубочек все-таки слетела на пол. Чертыхнувшись, я остановилась, поглядела на свою ношу, не позволявшую освободить руку, и обратилась к тюремщику:

— Поможете поднять?

Немногословный охранник кивнул, наклонился, взял экран и, разогнув спину, положил его поверх моего груза.

— Поосторожнее на ступеньках, — бросил он, направляясь по своим делам.

— Спасибо! — крикнула ему вслед.

И действительно продолжила идти очень аккуратно, дабы благополучно доставить по нужному адресу экран с ценными отпечатками пальцев.

Глава 5

Раджер теперь почти не присутствовал во время уроков, поскольку они снова проводились через закрытое стекло, то есть в абсолютной для меня безопасности. Это была моя инициатива. Заявила, что одно дело, когда заключенному требуется медицинская помощь, и совсем другое — когда речь идет о самом что ни на есть стандартном занятии. Дескать, во втором случае причин для риска, пусть даже минимального, я не видела и заходить в камеру нужным не считала. К тому же такой вариант существенно увеличивал количество используемых наглядных пособий. В камеру можно было пронести лишь самый простой гаджет, в то время как с этой стороны стекла допускался прожектор для голографических изображений. Раджера мое предложение более чем устроило: все-таки оно лучше соответствовало местным правилам безопасности и оставляло ему массу свободного времени без риска получить от начальства по шее. Так что в последние дни он только приводил меня к камере и сопровождал вверх по окончании лекции.

— Сегодня.

Убедившись, что поблизости никого нет, я надела на большой палец новую «перчатку», изготовленную на заказ по отпечатку Кортон. Коснулась открывающей камеру панели. Когда стекло втянулось в стены, передала Макнэллу сверток с одеждой и сложенный в несколько раз предмет. Потом стянула перчатку и тоже вручила ему. Тюремщик с таким уровнем доступа, как у Кортон, имел возможность открывать камеры своего этажа как снаружи, так и изнутри.

Прибегнув к тому же способу, чтобы вернуть на место стекло, капитан положил передачу под кровать. После этого мы продолжили урок. Внешне — как ни в чем не бывало. По истечении сорока пяти минут вернулся Раджер. Попрощавшись с капитаном как обычно, я ушла вместе с охранником. Воспользовавшись своей привычной перчаткой с отпечатком пальца Сэма Логсона, покинула здание тюрьмы.

Предмет, который я вручила Макнэллу, был одной из секретных разработок моего отца. Своего рода плащ-палатка, изготовленная с использованием метаматериалов, фактически служила надевшему ее человеку броней. Но не от пуль или лезвий, в отличие от моего пояса безопасности. Плащ защищал от взглядов.

Колдовства здесь, конечно же, не было, ставка делалась

исключительно на законы оптики и особенности человеческого восприятия. Встретившись с материалом, из которого была сделана «палатка», лучи света преломлялись и огибали ее, в результате чего она становилась по сути невидимой. И тот, кто находился внутри, — вместе с ней. Изменивший направление свет в конечном итоге отражался от совершенно других предметов, и именно их видел человек, смотревший на отцовское изобретение.

Было две сложности. Во-первых, «палатка» отбрасывала тень. Но я надеялась, что никто не обратит на это внимания, да и съемочная аппаратура, настроенная на фигуры и лица людей, не отреагирует на невнятный силуэт на полу. Во-вторых, укрытый с головой человек ничего не видел вокруг себя. Если же голову не прятать или, к примеру, оставить прорези для глаз, вся маскировка пошла бы насмарку. Эта проблема была предусмотрена моим отцом, и он снабдил плащ крохотной камерой, транслировавшей на вшитый с внутренней стороны экран картину пространства, находившегося перед объектом.

Именно с помощью этого предмета — при должной доли везения — капитану предстояло покинуть тюрьму. Но только после планового обхода Кортон — так, чтобы впоследствии исчезновение заключенного обнаружили как можно позднее. Выйти из здания Макнэллу должна была помочь перчатка, которая, обманув компьютер, выдала бы его за все того же Кортон. Я надеялась, что это хотя бы ненадолго запутает следствие. Мы выиграем время, а тюремщику, хотя бы поначалу, придется несладко.

Поворот, один квартал, еще поворот, и вот я на нужной улице. Она отличалась от прочих тем, что между самодвижущейся дорожкой и стандартным травяным покровом тянулась лента асфальта, на которой были припаркованы многочисленные флаеры. Однотипные, малогабаритные, отличавшиеся друг от друга цветом да незначительными нюансами дизайна. Дальше, метров через сорок, пойдут более дорогие и вычурные модели, но нам шиковать ни к чему. К тому же лишний раз привлекать к себе внимание в нашем положении просто глупо.

Достав из внутреннего кармана биометрическую кредитную карту, поднесла к специальной круглой панели, имевшейся только у наемных флаеров. Оплату производила со счета Саманты Логсон — еще один способ сбить с толку тех, кто станет нас искать. Любая задержка преследователей, пусть даже кратковременная, нам только на пользу. Одобрительный щелчок оповестил, что кредитка принята, и я приложила к тому же сканеру большой палец, предварительно сняв перчатку. Отпечаток совпал с показателями карты, и дверцы флаера разблокировались.

Приближающееся шуршание на пустой, казалось бы, улице привлекло мое внимание.

— Как плащ? — спросила я, распахивая водительскую дверь.

— Шума порядочно, — отозвался капитан.

— Не стоит привередничать.

Будет он еще критиковать отцовские изобретения! Да если бы с разработкой помогало континентальное правительство, давным-давно все недочеты исправили бы. Так уж сложилось, что последние годы отец работал самостоятельно. Но Макнэлла это ни с какой стороны не касается.

— Как все прошло?

— Нормально, — последовал ответ.

Стало быть, реальных проблем шуршание палатки не создало. Видимо, капитан был достаточно ловок и осторожен. Ожидаемо, учитывая его профессию.

— Тогда снимай плащ и садись. Лучше вперед.

Не дожидаясь его реакции, заняла место пилота. Чуть помедлив, Макнэлл поступил, как я сказала. Правда, усевшись и пристегнув ремень, покосился на меня весьма скептически.

Да, возможно, имело смысл и во флаере лететь невидимкой. Но я предпочла, чтобы плащ оказался на заднем сиденье, и на то было две причины. Во-первых, забраться в кресло, не снимая «палатки», — задача нетривиальная. Все-таки отцовская разработка — не совсем плащ, места занимает порядочно, и ее гибкость имеет свои пределы. А во-вторых, мне просто не хотелось, чтобы рядом сидел беглый заключенный, осужденный за убийство, от которого можно в принципе ожидать чего угодно и которого я даже не могу увидеть. Так я хотя бы выражение его лица сумею засечь, резкое движение вовремя заметить. По той же причине я не посадила его назад.

Судя по многозначительному взгляду и легкой ухмылке, мои мотивы капитану были ясны. Впрочем, мне-то какое дело? Я и без того рискую дальше некуда. Не стоит начисто отвергать бдительность по той лишь причине, что Макнэлл может что-то не то обо мне подумать.

— Космопорт Лагардия, — объявила я навигатору и нажала кнопку взлета, предоставив дальнейшее автопилоту.

И перебрала капитану длинный легкий шарф, какие были в моде на планете Эль Кроз. Такими шарфами зачастую заматывали лицо по самый нос. Появление инопланетянина в космопорту никого не удивит, так что маскировка, пусть и минимальная, сыграет свою роль.

По пути я жалела об одном — от наемных флаеров невозможно

добиться превышения разрешенной скорости.

Тем не менее до места мы добрались достаточно быстро, минут за сорок. Не без труда нашли стоянку на одном из парковочных плато, однако в огромное куполообразное здание, где проходила регистрация на рейсы, не направились. Вместо этого зашагали к ангарам, в которых располагался частный транспорт. Именно там дожидалось своего часа главное отцовское наследство, мой летательный аппарат. Не флаер, а космический катер, предназначенный для полетов на малые расстояния. Топлива в баке хватало, чтобы добраться до любого из спутников Новой Земли. Но не дальше.

Управлять катером я не умела. Вернее, была в состоянии вывести его из ангара, но навыками космических полетов не владела. С этой задачей, как я надеялась, без труда справится Макнэлл.

Разумеется, я платила за то, чтобы летательный аппарат время от времени «выгуливали», иначе он недолго продержался бы в рабочем состоянии. Раз в пару месяцев на нем совершали короткий профилактический полет. А вчера я договорилась о техосмотре и максимальной заправке.

— Привет, Джо! — Я помахала рукой знакомому парню в форменном комбинезоне технической службы космопорта.

— О, привет, Сэм! — Тот отряхнул руки и направился мне навстречу. — Все готово. Машина в отличном состоянии, бак наполнили по самые не балуйся.

Потребовалась лишняя секунда, чтобы сориентироваться: «машиной» на жаргоне механиков обычно называли летательные аппараты. Для меня же слово ассоциировалось исключительно с такими приспособлениями, как посудомойка или кофеварка.

— Решил слетать на отдых? — любопытствовал Джо.

Кивок сочла наилучшим вариантом.

— Правильно, — одобрил словоохотливый механик. — Говорят, на Митосе сейчас хороший кинотеатр открыли, 18D. А на Истерне бассейны какие-то заковыристые, с водой из тамошних источников. Вот бы разок посмотреть.

— Наверняка посмотришь, — заверила я.

Слетать на спутник — удовольствие не из дешевых, но для работающего человека раз в несколько лет доступно. Говоря откровенно, лыжный курорт на Северном континенте не намного дешевле.

Воспользовавшись пультом дистанционного управления, Джо открыл нужный ангар, и мы с хранившим молчание капитаном без лишних

проволочек прошли внутрь.

— DR 388? — не то спросил, не то констатировал Макнэлл, когда мы остались одни.

— Он самый, — подтвердила, поднимаясь по паре встроенных ступенек, чтобы заглянуть в багажный отсек.

Как и предполагала, там было пусто, если не считать стандартного набора инструментов и обычной спортивной сумки, которую я наспех сложила с вечера и заранее завезла сюда.

— Возьмешься? — на всякий случай уточнила, имея в виду управление.

Все-таки модель старая, хоть и надежная.

— Конечно.

Вот и отлично.

Макнэлл распахнул дверь со стороны пилота, легко вскочил на подножку и забрался внутрь. Я села с другой стороны, предварительно закинув в багажный отсек прихваченную из флаера палатку-невидимку. Заодно извлекла из бардачка припрятанный ранее компактный бластер «Джилл-32» и пристроила на поясе. С собой в тюрьму его было не взять, не пропустили бы. Точнее, заставили бы сдать оружие охране и вернули бы на выходе. Все ничего, но стоило ли привлекать к себе лишнее внимание? Ведь обычно Сэм Логсон ходил безоружным. Хотя бластер хранился у меня давно, и стрелять из него я умела. Да покажите мне того, кто бы не умел! Кто из нас, мальчишек четырнадцати-шестнадцати лет, не торчал часами в голографических тирах?

Не теряя времени, мы выехали из ангара. Дверь за нами автоматически закрылась, будто предупреждая: обратного пути нет. Было очень тревожно. Я не знала, обнаружили ли в тюрьме отсутствие заключенного, и если да, то когда именно. Минуту назад? Или, в силу какой-нибудь нелепой случайности, сразу же после того, как он вышел за ворота? И догадались ли они уже, кто помог Макнэллу с побегом? Я надеялась, что поначалу подозрение падет на Кортон. Как-никак капитан бежал, воспользовавшись отпечатком пальца тюремщика. Перчатки вроде моей были большой редкостью, так что в первые минуты местное начальство должно было решить, будто Кортон лично открыл капитану дверь. Угрызений совести из-за такой подставы я не испытывала, лгать не буду. Во-первых, обстоятельства побега все равно прояснятся — в конце-то концов, именно Сэм Логсон, а не Кортон исчезнет с планеты и больше на службе не появится. А во-вторых, после всего, что мне довелось увидеть и узнать, конкретно этого тюремщика, ей-богу, было не жаль. Вот перед

Раджером я бы чувствовала себя виноватой — так и не случайно для своих целей выбрала не его.

Такое непривычное ощущение — не лететь по воздуху, а ехать, трясясь, по земле. Но капитан управлял катером уверенно. Мы добрались до нужной полосы и встали в очередь, состоявшую главным образом из такого же частного транспорта. Я сжала зубы, напряженно вглядываясь в вереницу катеров, ожидающих разрешения на взлет и номера предоставляемого им воздушного коридора. Стоит упомянуть, что окон в DR 388 предусмотрено не было. Их заменяли четыре экрана, на которые с камер в онлайн-режиме транслировалось изображение происходящего снаружи — впереди, сзади, справа и слева.

— DR 388, номер 387-999-582, — объявил по каналу связи космопорта голос автодиспетчера. — Пожалуйста, выведите на дисплей ваши личные документы и документы на космический катер.

Это была стандартная процедура, так что я испытала чувство облегчения. Мы медленно, но верно продвигались к цели. Нажатием нескольких кнопок предоставила компьютеру космопорта дистанционно проверить электронную документацию, каковая была в полном порядке.

И снова сомкнула челюсти, а заодно сжала кулаки, увидев, как в один из катеров впереди взобрался, дождавшись открытия двери, местный проверяющий. Человек.

Такие проверки проводились регулярно, а транспорт, который им подвергался, выбирался случайным образом. В итоге никто из вылетающих не мог знать, заглянет к нему пограничник или нет, но всем приходилось к этому готовиться. И следить за соблюдением правил. В чем, собственно, и заключалась цель службы безопасности космопорта. Вот только нам сейчас такая проверка была совершенно ни к чему. Это мягко говоря.

Я покосилась на Макнэлла. Он смотрел в одну точку на экране, демонстрирующем, что происходит впереди, и тоже нервничал. Скулы обострились, взгляд стал жестким, руки застыли в непосредственной близости от панели управления.

Только бы пронесло, только бы пронесло...

— DR 388, номер 387-999-582, — повторно вызвал нас диспетчер. — Приготовьтесь к таможенному досмотру. Это стандартная процедура, среднестатистическая продолжительность — пять минут. Предполагаемое время ожидания — три с половиной минуты. Пожалуйста, приготовьте все документы и предъявите их служащему космопорта.

Не пронесло.

Выругавшись сквозь зубы, повернулась к Макнэлли.

— Перебирайся в багажный отсек и надень плащ. Скорее всего, они захотят туда заглянуть.

Он секунду помешкал — кажется, хотел что-то спросить, но затем, согласно кивнув, отстегнул ремень. Встав, слегка пригнул голову: потолок катера был низковатым. Капитан обошел кресло пилота, добрался до задней двери и, безошибочно отыскав нужную кнопку, заставил дверцы багажного отсека разъехаться в стороны. Я только успела увидеть, как он наклоняется к палатке, и дверная панель снова закрылась.

Тоже отстегнувшись, я перекочевала с пассажирского сиденья на место пилота и раскрыла свою сумку. К визиту следовало подготовиться.

Среди вороха вещей баночка с мазью нашлась не сразу. С третьей попытки я все-таки откопала ее на дне сумки, отвинтила крышку и стала быстрыми движениями наносить коричневую массу на лицо. Выждать положенное время не рискнула, будем надеяться, что сойдет и так. Теперь флакон и кусочек ватки.

Когда маска была благополучно спрятана, наступило время второй стадии преобразования. Эх, не умею я как следует накладывать косметику, практики-то нет. Утешало одно: время было в таком дефиците, что даже профессионал на моем месте мало бы что успел. Так что я ограничилась парой штрихов, доступных дилетанту, быстро мазанув по губам помадой и пробежалась кисточкой с румянами по щекам. И напоследок взъерошила короткие волосы, обычно приглаженные.

Вежливый стук в дверцу катера прервал приготовления. На боковом экране возникло изображение светловолосого мужчины в синей форме.

— За...

Я собиралась предложить ему войти, но оборвала себя на полуслове. От осознания ошибки, которую чуть не совершила, прошиб холодный пот. Я спешно сжала заклепку на высоком воротнике — якобы модный аксессуар, в действительности же миниатюрный аппарат, искажающий голос, а в моем случае — преобразовывающий его в мужской. Облегченно выдохнула. Теперь можно было впускать постучавшегося... надеюсь. Если, конечно, я не забыла что-нибудь еще.

Несмотря на исправленную оплошность, приглашать контролера вслух уже не хотелось, и я воспользовалась панелью управления, чтобы просто открыть дверь со стороны пассажирского кресла.

— Добрый день! Анри Фернандес, инспектор службы безопасности космопорта, — представился вошедший.

— Здравствуйте.

Я постаралась изобразить приветливую улыбку. Инспектор оказался

молодым еще женщиной, лет сорока, ростом пониже Макнэлла. В отличие от капитана он мог стоять внутри катера, не пригибаясь. «Удобно для его профессии», — отвлеченно подумалось мне.

— Чем могу быть полезна?

Я кокетливо заправила короткую прядку за ушко — подсмотрела этот прием в каком-то фильме.

Видимо, сработало, потому что выражение лица инспектора сразу как-то потеплело.

— Могу я посмотреть ваши документы?

— Конечно.

Я протянула ему пластиковое удостоверение на имя Саманты Логсон.

Фернандес взглянул на фотографию, поднял на меня глаза и остался доволен сходством. Затем поднес к карточке свой карманный компьютер, просканировал отпечаток пальца и спустя пару секунд кивнул, получив по сети подтверждение.

— Теперь, пожалуйста, приложите большой палец правой руки вот сюда. — Он указал мне на центр своего экрана, где высветилось зеленоватое изображение отпечатка пальца.

Я сделала, как велел проверяющий. Отпечаток Саманты Логсон в континентальной базе данных имелся — равно как и отпечаток ее однофамильца Сэма.

И снова инспектор удовлетворенно кивнул: идентификация прошла успешно.

— А теперь, будьте так любезны, поднесите блокнот к лицу и посмотрите вот сюда, — сказал он, протягивая мне устройство.

На сей раз на дисплее красовалось изображение глаза.

Я сглотнула. Руки не поднимались, словно в каждой из них самовольно расположилась невидимая гиря.

— Вы не волнуйтесь, — продолжал говорить инспектор, который, надеюсь, не имел ни малейшего представления о подлинных причинах моего беспокойства. — Это биометрическая технология, совершенно безопасная для здоровья. Мы просто сканируем радужную оболочку глаза. Если такое сканирование уже проделывалось прежде, ваши данные фигурируют в нашей базе, и мы сможем сверить их точно так же, как в случае с отпечатками пальцев. Если же вы проходите процедуру впервые, мы введем информацию в главный компьютер космопорта, а уже потом оттуда ее передадут в континентальную базу данных. И вам не придется проходить процедуру по второму разу. Вы только выиграете. Все равно рано или поздно переходить на идентификацию по радужке придется. Это

намного надежнее, чем отпечатки пальцев.

Надежнее, тут он был прав. И именно в этом заключалась моя главная сложность. Причина, по которой, как мне в тот момент показалось, весь наш план летел в тартарары. Я так надеялась, что нам не придется проходить стандартную проверку. Надеялась, но была к ней готова. А вот на использование при досмотре нового, экспериментального метода идентификации мне ответить было нечего. Поскольку вводить эту систему опознавания стали недавно, в континентальной базе данных хранился исключительно скан радужки Сэма Логсона. Того, кто жил полноценной жизнью, выходил в люди, посещал всевозможные конторы, учился в университете и помимо всего прочего проходил службу в тюрьме, в системе безопасности которой сканирование радужки играло немалую роль на сегодняшний день. Зато Саманта Логсон, все документы которой были подготовлены пару лет назад, свою радужку нигде не «сдавала». И даже надумай она так поступить, ничего хорошего из этого не вышло бы — в отличие от отпечатков пальцев подделывать оболочку глаза никто пока не умел. Поэтому показатели Саманты оказались бы полностью идентичны показателям Сэма. Как ни крути, а ситуация патовая.

Инспектор ждал. Помедлю еще немного — и он заподозрит неладное. Пришлось преодолеть себя и все-таки принять нежеланный компьютер. На какой-то миг соблазн «случайно» его уронить стал настолько силен, что я почти потеряла способность сопротивляться. А что, быть может, это действительно выход? Аппарат у них тут, конечно, не один, но всю процедуру придется начинать сначала, с выяснением обстоятельств. Меня уведут в здание космопорта. О существовании Макнэлла они не догадываются, так что у него появится шанс сбежать, воспользовавшись плащом-невидимкой. А я буду утверждать, что у них в системе какой-то баг, отменю вылет и пообещаю отправиться к нотариусу и там заново отсканировать как отпечатки, так и радужную оболочку, сразу же заверив все данные у профессионалов. Формально никакого преступления я не совершила, должны отпустить. Хотя... подведет меня именно разбитый комп. Вряд ли кто-нибудь всерьез поверит, что я уронила его случайно. Это прозвучит крайне неубедительно.

В последний момент я все-таки взяла себя в руки. Нечего сдаваться прежде времени. Будем играть до последнего. И я поднесла мини-компьютер к лицу. Раздался тихий щелчок: камера зафиксировала данные и сразу же отправила их в обработку. Я возвратила гаджет инспектору, с улыбкой ожидая ответа.

Фернандес посмотрел в экран... Нахмурился, набрал что-то на

виртуальной клавиатуре — возможно, отправил повторный запрос.

— Вы знаете человека по имени Сэм Логсон? — спросил он, поднимая на меня глаза.

Я постаралась изобразить недоумение, развела руками и, хлопая ресницами, высказала предположение:

— Тезка?

Инспектор кивнул, снова уставился в электронный блокнот. Я немного передвинулась в его сторону и встала на цыпочки, чтобы хоть что-то разглядеть на экране. Моя фотография. Точнее, фото Сэма.

Немного подумав, Фернандес пробежал пальцами по нижней части дисплея и приложил гаджет к уху.

— Алло, Дэн! Привет! Тут опять ерунда какая-то с радужкой происходит!

Из динамика компа послышались какие-то пшикающие звуки, наводящие на мысль о ругани. Слов я разобрать не могла.

— Ну да, и я о том же! — согласился с пшиканьем инспектор. — Значит так, смотри, перекидываю тебе данные. Ситуация такая: тут очень милая девушка, — он подбадривающе мне улыбнулся, — путешествует одна, все документы в порядке. Фото, информация, пальцы — все сходится. А анализ радужки выдает другого человека. Да нет, точно не она, там вообще мужчина, прикинь! Я же говорю — бред. По пальцам женщина, по глазу — мужчина. Что? Совпадение по отпечаткам? 99.8. Ну да, я тоже так думаю. В системе из-за похожего имени вышла путаница. Согласен. Работаем по фото и пальцам. Потом пишем рапорт по всем ошибкам оптом. Угу. Ну, пока, до следующего случая!

— Что-то не так? — Я взволнованно подняла брови.

— Да нет, волноваться не о чем, — покачал головой Фернандес. — Эта система с радужкой — новая, только начинает вводиться. Поэтому багов пока порядочно. А то, что вы не мужчина, видно невооруженным глазом.

— Да уж, это точно, — нервно рассмеялась я.

— Так что все в порядке, — закрутился инспектор. — Прошу прощения за потраченное время, такая работа. Диспетчер сообщит вам номер коридора для вылета. Желаю хорошего путешествия.

— Благодарю вас. До свидания!

Когда дверь за проверяющим захлопнулась, я обессиленно прикрыла глаза. Похоже, самое опасное позади. Да здравствует человеческий фактор!

Но сильно расслабляться не следовало. Вновь схватившись за сумку, я принялась за восстановление мужского облика. Хорошо, что Макнэлл не

слышал нашего разговора с инспектором. Багажный отсек закрывается герметично. Дополнительная защита на случай аварии: даже если отсек будет поврежден, у пилота останется шанс довести корабль до ближайшей планеты. Но главное в нашем случае — то, что перегородка звуконепроницаема.

Когда маска была на месте, а волосы — приглажены, я перебралась в пассажирское кресло и открыла дверь багажника.

— Можешь выходить!

Сначала я ничего не увидела, затем Макнэлл частично появился из-под плаща.

— Все в порядке? — уточнил он.

— Да. Проверка документов прошла благополучно.

— Что-то долго. Были проблемы?

Капитан устроился в кресле пилота и пристегнулся.

— Ничего заслуживающего внимания, — туманно отозвалась я.

Он бросил на меня прищуренный взгляд, явно заметив специфику формулировки, но настаивать на подробностях не стал. Сама я, понятное дело, давать объяснения тоже не стремилась.

— DR 388, номер 387-999-582, — снова раздался голос диспетчера.

На миг я замерла, не позволяя себе даже дышать. Что нам сейчас скажут? Отпустят с миром или велят съехать с трассы, а затем проследовать за работниками службы охраны космопорта?

— Ваш коридор — номер 12. Желаем приятного полета.

Шумно выдохнув, покосилась на Макнэлла. Тот, кажется, тоже пережил несколько не самых приятных секунд, но теперь активно готовился к взлету. Пальцы уверенно перескакивали с одного тумблера на панели управления на другой.

Катер снова пришел в движение, мы немного проехали по земле, а затем поднялись в воздух.

— Ну, вперед! — одними губами проговорил капитан, сконцентрировав внимание на экранах.

А я впервые увидела в выражении его зрелого, утомленного лица что-то мальчишеское.

Глава 6

Экраны поглотила чернота космоса, пронзенная мириадами звездных светлячков. Ничто бы не свидетельствовало о том, что мы движемся, если бы не Новая Земля и ее спутники, три из которых попадали сейчас в зону обзора. Один из них, равно как и сама планета, заметно уменьшился в размерах, в то время как два других, напротив, успели увеличиться. Митос и Истерна. Две обитаемых луны, на первую из которых мы держали курс. Освободившись от ремней, я встала с кресла, разминая плечи.

— Во время полета на катере не рекомендуется отстегиваться без крайней необходимости, — заметил Макнэлл, поднимая голову.

— Есть необходимость, — отозвалась я, направляясь в крохотный туалет.

Не так чтобы это действительно было срочно, но сразу садиться обратно в кресло я все равно не собиралась. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь мной командовал. К тому же хотелось курить, а пройдясь по отсеку, я хоть немного отвлеклась, даром что здесь было очень тесно.

Вернувшись, я все-таки заняла пассажирское место, все равно больше делать нечего. Поглядела на экраны. Никаких изменений, что совершенно ожидаемо. Хотя... То ли мне кажется, то ли Митос сместился на картинке немного влево. Вроде бы все это время он оставался прямо по курсу. Хотя мало ли какое скопление астероидов могло заставить катер скорректировать маршрут. Я неспешно повернула голову к креслу пилота... и замерла, чувствуя, как деревенеет все внутри.

Прямо мне в лицо крошечным глазком смотрело дуло бластера. Гадать, откуда у капитана за такой короткий срок могло взяться оружие, было глупо — ответ давала неожиданная легкость, ощущаемая в районе правого бедра. Опустив глаза, удостоверилась в очевидном: моего собственного лазерного пистолета на месте не было.

Я вновь подняла глаза, стараясь играть в гляделки не с дулом оружия, а с мужчиной, его державшим. Взгляд капитана был решительным и твердым как скала. Взгляд человека, имеющего план и твердо уверенного в том, что он делает.

Тут я впервые в полной мере осознала, насколько прав был его отец, заявив, что Макнэлл-младший способен на убийство. И сейчас я читала эту способность в его глазах. Самым неприятным было то, что объект для убийства на катере имелся только один — я.

Невесело усмехнулась. Смешно мне, конечно, не было, но трудно сохранять непроницаемый вид и молчание в ожидании, что в любую секунду тебя пронзит насквозь лазерный луч.

— А знаешь, я с самого начала этого опасался, — призналась я, сама толком не понимая, почему продолжаю говорить о себе в мужском роде. Казалось бы, упрямо сохранять свою гендерную тайну было уже бессмысленно. — Что как только стану не нужен, ты от меня избавишься.

— Что ж ты пошел на это, если с самого начала знал, чего ожидать от уголовника? — удивился он.

В словах Макнэлла прозвучал вызов, в глазах мимолетно отразились не до конца понятные мне эмоции. Что-то в нашем обмене репликами ему не нравилось, но вот что именно, я бы определить не смогла.

— Понадеялся, что люди бывают разные.

Капитана такая версия не устроила.

— А мне кажется, у тебя были на то другие причины, — возразил он.

Дуло бластера чуть опустилось и было теперь направлено не в лицо, а в район груди. В таких условиях начинаешь ощущать себя невероятно уязвимым. Уверенность в завтрашнем дне, вера в себя и собственную способность решать проблемы — все это осыпается наземь нелепой шелухой в момент, когда чужая рука готова спустить курок простейшего, казалось бы, металлического предмета.

— Теперь признавайся, — четко проговорил капитан, буравя меня не ненавидящим, но строгим и внимательным взглядом, — с какой целью ты организовал этот побег.

— Я думал, цель предельно ясна. — Старалась говорить спокойным, даже отстраненным тоном, но тоже достаточно жестко. — У нас была сделка. Я доставляю тебя на катер — и, заметь, моя часть плана выполнена до последнего пункта. Твоя задача — довести катер до спутника и затем помочь мне переправиться за пределы нашей звездной системы. Мы обо всем заранее договорились. Что же теперь не так? Не хочешь оставлять ненужного свидетеля?

— Хочу немного пересмотреть факты, — не согласился с моей интерпретацией Макнэлл. — На кого ты работаешь, Сэм? — спросил он, хмурясь и ни на секунду не отводя от меня глаз. — На службу безопасности тюрем? Или стоит брать выше? Полицейское управление по особым расследованиям? Континентальное министерство безопасности?

— А почему только континентальное? — саркастически пробурчала я. — Почему не межпланетное?

— Это неприципиально. — Шутку он не воспринял вовсе. — Так на

кого ты работаешь?

Я закатила глаза. Ответ был только один, но явно не тот, что искал допрашивающий.

— ПС, Планетарная служба, — расшифровала, хотя устойчивое сочетание согласных в этом не нуждалось. — Даю уроки астрономии заключенным. Больше никому не служу и ни на кого не работаю.

Не могу сказать, чтобы его взгляд был прямо-таки полон недоверия. Логичнее предположить, что Макнэлл и сам не знал точного ответа, а потому твердо намеревался докопаться до истины.

— Сделаем так, — предложил он. — Я изложу тебе свое видение ситуации. А ты потом скажешь, в чем я был неточен или неправ. Идет?

— Идет, — согласилась я.

В целом то направление, которое принимал разговор, мне нравилось больше. Вот только вид направленного на меня бластера продолжал основательно нервировать.

— Тебя с самого начала подослали, чтобы за мной следить. — Он даже говорил, как будто стрелял, — выверенно, не прерывая визуального контакта, стараясь попасть в цель каждым словом. — Лекции были прикрытием, причем не слишком убедительным: при моей квалификации обучать меня астрономии, мягко говоря, смешно.

— Ты сразу же проверил меня на профпригодность, — напомнила я.

— Допустим. Но было бы глупо совсем к такому не подготовиться, — парировал капитан.

— Целебную бумагу я тоже принес по рекомендации службы тюрем? — осведомилась едко.

— Игра в доброго и злого полицейского стара как мир, — отклонил аргумент Макнэлл. — К тому же уже тогда ты попытался подбить меня на признание, поинтересовавшись, действительно ли я убил Линду.

— Я поинтересовался, действительно ли ты ее не убивал.

— С семантической точки зрения это одно и то же. Однако добиться признания так и не удалось, и ты перешел к следующему рычагу давления — моим родителям.

— Я...

Он не дал мне договорить, и хорошо: я все равно не видела смысла повторять то, что уже было сказано и в любом случае не будет принято Макнэллом на веру.

— Поняв, что стандартными мерами ничего не добиться, вы решили устроить мой побег.

— Зачем?!

— Доказать, что я не законопослушен. На Митосе нас наверняка поджидает отряд захвата. А после попытки побега практически на глазах у всего честного народа моя репутация будет окончательно испорчена. В глазах многих сбежал — значит, виновен. В справедливости решения суда никто уже не усомнится. И мое нежелание сознаться в преступлении перестанет иметь значение. Вот только одна беда... — Его глаза сощурились сильнее, отчего от век заструились морщинки. — Я изменил курс.

— Только не говори, что мы возвращаемся в тюрьму с повинной! — простонала я.

— Нет. — Капитан посмотрел на меня с интересом: такая реакция явно отличалась от его ожиданий. — Я не для того поддался на провокацию, чтобы добровольно вернуться в замкнутый круг. Мы летим на Истерну.

Я пожалала плечами. Местоимение «мы» внушало некоторый оптимизм; вот если бы Макнэлл сказал «я», было бы впору впадать в панику. Что же касается выбора спутника, я с самого начала удивилась, когда он выбрал Митос. Ведь именно рядом с Истерной его родители изобразили парусник. По моим предположениям, в действительности этот рисунок обозначал космический корабль, то есть у капитана имелся какой-то способ улететь, и не откуда-нибудь, а с Истерны.

— Как мне следует истолковать твое спокойствие? — как ни странно, тоже довольно-таки спокойно поинтересовался Макнэлл. По-моему, он даже бластер держал уже не так крепко. — Наряд полиции поджидает нас и на втором спутнике?

— Может, и поджидает! — раздраженно возведя глаза к низкому потолку, огрызнулась я. — Откуда мне знать, как скоро тебя хватились и что успели предпринять? Отследили ли наш путь до космопорта? Поняли ли, на каком транспорте мы улетели? Ставка была на неожиданность и скорость.

Очень хотелось обвинить капитана в том, что он тратит драгоценное время на всякую ерунду, но... Будем откровенны: пока мы не доберемся до места, разговоры никак не изменят скорость нашего передвижения.

— В любом случае, если нас на Истерне поджидают, то посадят не тебя одного, — мрачно завершила я.

— Зачем же ты пошел на такой риск? — любопытствовал капитан, склонив голову набок и искоса на меня посмотрев. — Почему помог мне бежать с планеты?

— Доброе утро! — саркастично произнесла, закатив глаза. — Не ты

ли только что так подробно объяснял, зачем мне это понадобилось?

— Допустим, я кое-где перегнул палку.

Макнэлл предложил этот вариант, не принося извинений и не испытывая ни малейшего чувства неловкости. Вот ведь зараза!

— Уж точно не ради того, чтобы поучаствовать во вселенском заговоре против твоей персоны, — ответила искренне.

Не знаю, почему, но вполне естественная мера предосторожности со стороны капитана здорово меня задела. А вот Макнэлла мой ответ мало расстроил.

— Тогда зачем?

Настойчивости ему было не занимать.

— Затем, что я ненавижу Новую Землю, — ослабилась я, раскрываясь сильнее, чем планировала изначально. — Ненавижу и эту планету, и Южный континент, и объединенное правительство. Я хотел убраться оттуда как можно дальше и прах земли стряхнуть со своих ног. Я был готов лететь куда угодно, лишь бы прочь от этой звездной системы. Пусть к людям, пусть к нелюдям, я без предрассудков, лишь бы у них была хотя бы небольшая человеческая диаспора. Я согласен начать новую жизнь где угодно, и именно в этом заключалась моя часть условий: ты доставляешь меня на подходящую планету. Все. Ничего больше мне не было нужно.

Только сейчас я заметила, что за время моей тирады Макнэлл опустил бластер, теперь даже не пытаюсь мне угрожать.

— Мутный ты, — он неодобрительно покачал головой, — что-то с тобой, парень, не так, понять бы только что.

«То, что я не парень».

— Сам-то, можно подумать, не мутный, — перевела я стрелки, тоже, кстати сказать, совершенно искренне.

— Будешь смеяться, но долгое время люди из моего окружения были твердо убеждены, что я чист и прозрачен как стеклышко.

— На стеклышко легко накапать какой-нибудь краски, после чего оно резко перестает быть прозрачным.

— Похоже, именно так кто-то и поступил, — признал он, но больше обсуждать свою персону не стал, вместо этого вновь возвратился к моей. — Хоть в общих чертах сказать можешь? Чем тебе не угодила Новая Земля?

Я колебалась. По-хорошему, не его это дело, однако бластер в правой руке — неплохой аргумент. К тому же сама-то я тоже успела покопаться в биографии Макнэлла и вряд ли к его радости.

— Они убили мою мать.

Капитан удивился, это абсолютно точно. Но, видимо, у меня на лице было написано: подробности не вытянешь даже клещами. Во всяком случае, расспрашивать дальше он не стал.

— Если бы мою мать тронули, я бы тоже послал планету к чертям, — неожиданно признался он. — Скорее всего, предварительно оставив за собой несколько трупов.

«А если бы тронули жену?» — чуть не сорвалось с моих губ.

Заодно вспомнились и слова Макнэлла-старшего: «За свою жену или сына запросто проломлю череп любому».

Меж тем младший разрядил бластер, вытащив из него батарею, и положил бесполезный в таком виде пистолет в бардачок.

Радоваться не спешила, даже наоборот, основательно напряглась, ожидая подвоха.

— И что теперь? — осторожно осведомилась, покосившись на дверцу ящика, за которой скрылось мое оружие.

— Доберемся до Истерны, пересядем на другой корабль, и я высажу тебя на ближайшей обитаемой планете. Как договаривались.

— Ты же считаешь, что я из полиции?

— Передумал.

— Бр-р-р. — Я схватилась руками за виски. — Что я такого сказал, чтобы ты изменил мнение?

По-хорошему, этого спрашивать не следовало: изменил — и ладно. Но слова сами сорвались с губ, прежде чем я успела задуматься об их нецелесообразности.

Макнэлл усмехнулся.

— Скажем так: я доверяю своей интуиции. Кроме того... Если нас поджидают на Истерне, мне все равно некуда деваться, верно? На этой игрушке, — он бегло оглядел внутреннее убранство катера, — далеко не улетишь.

И капитан подмигнул мне, опять по-мальчишески весело, из чего я сделала вывод, что он настроен на более благоприятное развитие событий. Или умышленно себя настраивает. И это, пожалуй, правильно. Что еще остается при сложившихся обстоятельствах? Только держать курс на спутник, периодически проверять работу автопилота и надеяться, что по прибытии нас ожидает нечто лучшее, чем десяток полицейских бластеров.

Я пристегнулась и некоторое время просто смотрела на экраны, где звезды блекли, а затем и вовсе исчезали по мере приближения к крупным небесным светилам. Эти космические тела в действительности уступали в размерах любой звезде, но в нашем секторе именно они правили бал.

Истерна, Митос и Новая Земля, по сути небольшая планета с двумя материками и чужеродным ей населением, которое слишком плохо умеет ценить то, что имеет. А то, что не ценишь, рано или поздно теряешь. И потом становится уже неважно, осознал ты собственную ошибку или нет.

— Я как-то видел документальный фильм про интуицию.

Даже не знаю, зачем я это сказала, уцепившись за слово, произнесенное несколько минут назад. Разрядить обстановку? Поддержать капитана? Помочь себе самой, дав спутнику понять, что он принял правильное решение?

— Так что там про интуицию? — любопытно спросил Макнэлл, просматривая бегущие по дисплею строки.

Приподнялась в кресле, чтобы лучше разглядеть текст. Напрасно. В этом сплетении знаков из всех мыслимых и немыслимых языков только профессиональный пилот и разберется. Так что я снова уселась поудобнее.

— Там говорили о том, что она ничем не отличается от логического вывода. Только мы списываем на интуицию те выводы, которые делаем подсознательно. Приводили пример: не нравится мне, допустим, человек. Не доверяю. Интуитивно. На самом деле мое отношение объяснимо и основывается на чертах лица, мимике, жестах. Эволюция научила нас интерпретировать подобные вещи, но мы делаем это автоматически и сами не можем отследить собственную логику. — Макнэлл слушал внимательно, поэтому я продолжила. — Или другой пример — память. Мы забываем малозначимые или, наоборот, слишком значимые события, но из этого не следует, что они по-настоящему стираются из нашего мозга. Где-то там они все равно «записаны» и, когда это актуально, дают о себе знать. Такие звоночки памяти мы тоже принимаем за интуицию. Проводили эксперимент — что-то вроде игры «Миллионер». Задавали вопросы, игроки отвечали и уточняли, на чем основывается ответ — знаниях, интуиции, простом угадывании... Выяснилось, что в девяносто процентах «интуитивных» ответов были задействованы те же участки мозга, что при совершенно осмысленном, логическом решении. Ответы были построены на том, что отложилось в памяти, но люди сами этого не осознавали.

— Выходит, интуиции и не существует вовсе? — задумчиво заключил капитан.

Я легонько повела плечом.

— Не знаю. Остаются ведь еще десять процентов. Может, они и есть настоящая интуиция. А может, и нет. Может быть, наоборот, это всего лишь страх неизвестности, который люди пытаются хоть как-то обосновать.

На панели управления вспыхнул зеленый символ громкоговорителя:

катер вошел в зону связи с Истерной. Лицо Макнэлла сразу же растеряло все признаки мальчишества, приняло выражение абсолютной сосредоточенности и словно окаменело. Переключив пару рычажков, он заговорил, но уже не со мной.

— Истерна, как слышите? Катер DR 388, номер 387-999-582, просит разрешения на посадку.

Когда он успел выучить номер? Конечно, он осматривал транспорт перед вылетом, но такие свойства памяти все равно не могли меня не впечатлить.

— Говорит Истерна-5, — откликнулся немного искаженный голос диспетчера. — Оставайтесь на связи. Запрашиваю разрешение.

Секунд двадцать мы напряженно ждали, вслушиваясь в каждый шорох, доносившийся из динамика.

Я вглядывалась в переплетение синих, коричневых и зеленых пятен на небесном теле, которое теперь казалось огромным, и будто ждала, что картина даст мне ответ на незаданный вопрос. Например, словно в компьютерной игре, на фоне спутника появится изображение вооруженного полицейского. Но луна молчала, ей не было никакого дела до мелких передрыг крошечных существ, надумавших поселиться на ее поверхности полторы сотни лет тому назад.

— DR 388, — вновь бодро заговорил диспетчер, — разрешение получено. Ваш сектор номер три. Следуйте знакам при парковке. Легкой посадки и добро пожаловать на Истерну!

— Спасибо, — пробормотал капитан, одновременно отключаясь. — Ну что ж, удачной нам посадки, — сквозь зубы, словно бросая кому-то вызов, процедил он.

Мы вошли в атмосферу спутника и начали снижаться.

Если прежде при взгляде на экран казалось, что мы не движемся вовсе, теперь постоянно меняющаяся картинка создавала ощущение стремительности. Умом я понимала, что на самом деле все наоборот, что наша скорость за последние несколько минут упала, но все равно пришлось прикрыть глаза — так трудно было смотреть на уходящую вверх облачную вату и быстро приближающийся космопорт. Однако диспетчер не сглазил: посадка была мягкой, а парковка обошлась без осложнений и пробок.

Мы без труда нашли место на участке, предназначенном для малого частного транспорта вроде моего, после чего я на всякий случай заказала максимальную заправку. Соблюдавший осторожность Макнэлл так и не сказал, как именно мы покинем Истерну, и я решила на всякий случай

подготовить дополнительный путь отхода. Хотя много ли это даст? Даже на полностью заправленном катере мы не уйдем дальше Митоса или все той же Новой Земли. Если здесь для нас уже подготовили «теплый» прием, в тех пунктах назначения будет не лучше.

Я внимательно осматривала рейсовые космические корабли, мимо которых мы проходили. Но ни у одного из них капитан не замедлил шаг. Дальше следовала зона элитных круизных звездолетов. Для побега способ, мягко говоря, странный, хотя затеряться среди туристов, наверное, реально. Да и непредсказуемость в нашем деле скорее плюс, чем минус. Но нет, и эту часть космопорта мы миновали, ни разу не остановившись.

Я следовала за Макнэллом, то и дело поглядывая на свои многофункциональные часы. Здесь, в отличие от открытого космоса, они были подключены к планетарной сети и моментально скачивали все новости. Настроила их на слово «тюрьма», без которого никак не могло обойтись сообщение о нашем побеге. Всякий раз, как это слово фигурировало в ленте, часы оповещали меня тонким непродолжительным гудком. Я вздрагивала, злилась за это сама на себя и давала команду о звуковом прочтении содержащих ключевое слово новостей. Нас они пока не касались. Это радовало, но расслабляться тоже не следовало. В конце концов, власти могли решить не поднимать панику, сообщая гражданам о побеге «особо опасного преступника», профессионального военного, расстрелявшего свою жену из эксплоудера. Так что немного здоровой паранойи в данном случае являло собой нелишнюю предосторожность.

Я как раз прослушивала очередную «бомбу» из информационной ленты и оттого плохо следила за дорогой, когда Макнэлл внезапно остановился. От неожиданности вполне предсказуемо врезалась ему в спину. Легким щелчком поставила часы на паузу, подняла на капитана полувопросительный, полураздраженный взгляд... а затем поняла, что мы пришли.

Пока я отслеживала новости, мы успели добраться до сектора, предназначенного для частных звездолетов. И сейчас, развернувшись на девяносто градусов, я смотрела на один из них. Несмотря на напряженность момента, невольно залюбовалась. Стальной корабль вытянутой формы с закругленной крышей сверкал в лучах уже начавшего опускаться, но еще яркого солнца. По высоте он был сопоставим с трехэтажным домом, хотя о внутреннем разделении на уровни и отсеки оставалось лишь догадываться.

— Чей это корабль? — спросила я, поворачиваясь к Макнэллу.

— Мой, — просто ответил он.

Не могу сказать, чтобы такой ответ явился большой неожиданностью. Первое подозрение посетило меня, когда я получила передачу для капитана из рук его отца. Обнимающие планету руки, вероятнее всего, означали родительскую любовь, а вот с парусником дело обстояло сложнее. Мне не верилось, что это всего лишь абстрактный символ, знак свободы, мечты или богатства, хотя все эти интерпретации действительно существовали. Такой человек, как Артур Макнэлл, просто обязан был передать сыну более информативные сведения, пусть даже ему пришлось завуалировать их, используя для этого художественные способности жены. А парусник — это ведь корабль, верно? И пусть на Истерне нет морей, зато отсюда регулярно стартуют звездолеты.

Поэтому в данный момент меня куда сильнее занимало другое.

— На чье имя он записан?

И еще — откуда у капитана ВБС деньги на такую игрушку? Но эту мысль предпочла придержать при себе. Впрочем, ответ, который я вскоре получила, внес ясность на этот счет.

— Не на мое, — ухмыльнулся Макнэлл.

Я выжидательно приподняла и вновь опустила брови: дескать, это-то и без слов понятно. Будь корабль официально зарегистрирован на капитана, его бы давным-давно конфисковали. Меня больше беспокоило, не фигурирует ли звездолет в системе как имущество Макнэлла-старшего.

— Это подарок. — Мой спутник не терял времени и, не прерывая беседы, шагал по направлению к овальному входу. Я старалась держаться с ним в ногу. — На мой день рождения. Скинулись тогда практически все — мои родители, друзья и даже экипаж.

Я тихонько присвистнула, снова оглядывая звездолет, на сей раз вблизи. Капитана должны были очень любить и уважать, чтобы так продуктивно скооперироваться, собрав весьма серьезную сумму и проведя все необходимые в таких случаях бюрократические процедуры.

— От меня всю эту историю до последнего держали в тайне, — продолжал рассказ Макнэлл. — Хотели сделать сюрприз. Зарегистрировать корабль на меня без моего личного участия не могли. Так что его временно оформили на одного из членов моего экипажа. Поэтому, строго говоря, транспортное средство принадлежит совершенно другому человеку. Вычислить, что я приду сюда, можно, но только по итогам расследования. Словом, у нас все еще есть шанс на фору. В новостях нас пока не упомянули, верно? — поинтересовался капитан, демонстрируя, что он в курсе тех мер предосторожности, которые я предпринимала по дороге.

— Когда все это произошло? Подарок? — уточнила я.

— Три года назад.

— Три года?!

Удивилась, что за столь внушительный срок корабль так и не был переписан на имя нового хозяина.

— Точнее, два с половиной. — Макнэлл с усмешкой развел руками. — У меня было слишком много полетов на корабле ВБС. На то, чтобы устраивать себе еще и частные круизы, времени не хватало.

— Но ведь все это время официальным хозяином корабля был кто-то другой! Вдруг этот человек захотел бы присвоить имущество себе? Улететь из системы, ни о чем тебя не предупредив? Или даже... — пришедшее в голову предположение заставило выше вздернуть подбородок, — организовать что-нибудь такое, что вынудило бы тебя остаться на Новой Земле взаперти и фактически уступить звездолет тому, на чье имя он зарегистрирован формально!

Но Макнэлл, улыбаясь, покачал головой, его мои последние аргументы ни в чем не убедили.

— Я очень хорошо знаю этого человека, — заверил капитан. — От него подобных пакостей можно не ожидать.

— Где же тогда он был, этот человек, пока ты сидел в тюрьме третьей категории? — хмуро спросила я, кажется, испытав укол ревности.

Уж слишком сильно Макнэлл доверял этому своему знакомцу. Со мной же вечно оставался начеку, при этом именно я организовала ему побег. Чуть-чуть обидно.

Настал черед капитана помрачнеть.

— Не знаю, — признался он. — Я получал слишком мало информации. Насколько мне удалось понять, строя выводы из чужих разговоров, желающих навестить меня поначалу было много, но на нижний этаж никого не пропускали. А дальше все как-то... утряслось.

На его лице опять проступили морщины.

Ну, по поводу такого отношения мне, кажется, было чем его успокоить.

— Несколько недель назад ваш корабль, имею в виду «Галалэнд», вылетел на задание. Их возвращение ожидается нескоро, даже не в ближайший месяц. — Я немного помолчала, а затем, подняв глаза, высказала свои выводы. — Твой экипаж не был готов смириться с решением суда. Видимо, они подняли много шума, и в итоге от них попросту решили отделаться, спешно отправив в продолжительный маршрут.

— Все ясно. — Макнэлл смотрел на редкую траву, проросшую на стоянке перед самым трапом, и в душе его, кажется, бушевала буря. В это

время он, несомненно, успел передумать много непривлекательного о своем бывшем командовании. — Что же, во всяком случае, вот тебе и ответ: формальный хозяин этого корабля вынужденно отбыл в другую звездную систему на «Галалэнде».

Словно откликнувшись на эти слова, звездолет замигал алыми огоньками, постепенно очертившими овал входной двери. Видимо, бортовой компьютер отреагировал на голос капитана. Бюрократия бюрократией, но корабль, наподобие боевого скакуна, узнавал своего истинного хозяина отнюдь не по документам.

— Ты не мог бы отойти на несколько шагов? — криво улыбнувшись, попросил Макнэлл.

Я пренебрежительно хмыкнула, поздно сообразив, что это вышло излишне по-женски, и с гордым видом отступила, и не на несколько шагов, а на добрую дюжину, тем самым демонстрируя, насколько мне не интересны капитан и его секреты. Однако моего спутника такое показательное выступление ни капли не смутило. Даже не думая извиняться или хоть как-то обосновать свое поведение, он приблизился к кораблю практически вплотную и что-то зашептал. Я фыркнула, однако на самом деле степень моей заинтересованности возросла. Было очевидно, что Макнэлл каким-то образом «отпирает» звездолет; вероятнее всего, произносит комбинацию цифр или иной пароль. Вне всяких сомнений, у законного хозяина существовал и более простой способ попасть внутрь — например, при помощи дистанционного ключа, но в тюрьме арестантам такого рода гаджеты не оставляли.

Автоматическая дверь выдвинулась немного вперед — капитан заблаговременно посторонился — и поднялась вверх. Следуя приглашающему жесту Макнэлла, я зашагала к призывно зияющему проему.

Глава 7

Иллюминаторы здесь, как и на моем катере, отсутствовали, но освещение внутри корабля было отличное благодаря многочисленным плафонам, автоматически включившимся при открытии двери. Лифтовая платформа доставила нас на второй этаж. Ознакомительную экскурсию мне, понятное дело, не устраивали; я лишь успела понять, что служебный отсек располагался внизу, а командный — наверху, и именно туда мы сейчас попали.

Просторное, технологически оснащенное помещение с гладкими стенами было оборудовано четырьмя рабочими местами. Похожие кресла с пристяжными ремнями, четыре идентичных широких экрана встроены прямоугольные столы. Но были и различия. Кресло пошире других и дополнительный мини-экран предназначались, вероятнее всего, капитану. Самая навороченная сенсорная панель управления, дополненная несколькими рычагами и предметом, более всего напоминавшим игровой джойстик, без сомнения, имела прямое отношение к пилотированию. Следующее место также было оснащено сенсорной панелью, а заодно крупными черными наушниками и серебристой выпуклостью микрофона. Кроме того, сбоку от панели под полупрозрачной крышкой стола виднелись какие-то инструменты и мотки проводов и разноцветных кабелей. Стало быть, предполагалось, что здесь будет работать компьютерщик... Или радист. Или два в одном, учитывая, что в наше время объединение этих функций более чем естественно. Ведь основная часть связи проходит именно через компьютерные системы, к которым имеется доступ на корабле. Что же касается последнего, четвертого места, оно практически пустовало, если не считать базисного оборудования — стол, кресло и готовый к работе экран.

Стоило упомянуть, что в просторной кабине без труда могли поместиться еще человек десять. Вдоль стен размещались еще несколько кресел попроще, однако удобные, с высокими спинками, массивными подлокотниками и надежными ремнями безопасности.

— Какой требуется экипаж, чтобы управлять этим кораблем? — обеспокоенно спросила, наблюдая, как мой спутник опускается — нет, не в капитанское кресло, а на место пилота. — Сколько необходимо народу? — я более точно сформулировала вопрос, в то время как Макнэлл опустил один рычажок и приложил палец к точке на сенсорной панели.

Панель засветилась приятным зеленоватым светом, будто воспрянув к жизни после продолжительного сна.

— По правилам — трое или четверо, — не стал ходить вокруг да около капитан, едва получил возможность оторваться от сенсорных пластин, рычагов и голографических изображений. — Но в исключительной ситуации, каковая в нашем случае как раз и сложилась, справятся и двое.

— Двое? Это как? — Я была совершенно не готова позволить ему заморочить мне голову. Даже обсуждать такой вариант не желала: слишком многое зависело от нашей способности — или неспособности — управиться с кораблем такого уровня. — Я ведь не космонавт и сомневаюсь, что навыки, полученные в университете во время занятий по теоретической астрономии, позволят мне оказать профессиональную помощь нужного уровня.

— Не переживай. — Судя по тону, каким это было сказано, Макнэлл действительно не переживал по данному поводу или как минимум считал его наименьшей нашей проблемой. — Я долго работал на кораблях в разных должностях и смогу справиться с необходимой нагрузкой. Весь спектр работ мне не охватить, но, скажем, функции пилота и радиста я возьму на себя. Ты сможешь помогать по мелочам там, где это будет нужно. Если все системы корабля исправны, какое-то время мы так продержимся. Этого будет достаточно для того, что найти тебе подходящую планету, а мне — пару помощников.

Я подозрительно косилась на своего спутника, мысленно прикидывая, насколько крепка его психика и выдержала ли она все тяготы тюремного заточения, пусть непродолжительного, зато нелегкого.

— Подготовка к старту, — отдал капитан команду бортовому компьютеру.

По экрану побежали строки непонятного для меня текста. Я принялась озираясь, прикидывая, какое выбрать кресло, чтобы и Макнэллу не мешать, и момент взлета не пропустить. И тут в левом нижнем углу панели замигало изображение красного прямоугольника.

— Что это?

Капитан выругался сквозь зубы.

— Неполадка одного из двигателей, — сообщил он.

Я застонала, возводя глаза к потолку. Действительно, не могло же все пройти гладко!

— Сможешь починить? — спросила, стараясь не дать выхода эмоциям.

— Я не механик, — процедил Макнэлл, тоже не обрадованный новыми осложнениями. — Мой отец служил механиком, и некоторое

время мы летали на одних кораблях, но... должности были разными.

А сейчас Артур был слишком далеко, а главное — весьма вероятно, что за ним уже следили. Помочь нам он никак не сможет.

— Ладно, пойду вниз, попробую сделать что смогу, — буркнул капитан, но оптимизма его слова не прибавляли.

Да и сам он, похоже, не верил, что из этой затеи хоть что-то получится.

Я настолько не разбиралась в механике, что даже не подумала к нему присоединиться. Какой смысл стоять у человека над душой немым укором? Так что, опустившись в одно из кресел у стены, стала ждать. Впрочем, сидела как на иголках. Минут через пять пересела на место, соседствовавшее с пилотским. Еще через пять минут пожалела о том, что не спустилась вниз, и вышла из командного отсека.

Лифтовая платформа, реагирующая то ли на движение, то ли на температуру человеческого тела, плавно поднялась вверх. Я ступила на нее, и вскоре оказалась на первом этаже. Только начала оглядываться, прикидывая, где расположен служебный отсек с двигательной установкой, как обнаружила выходящего оттуда Макнэлла. Вид он имел весьма унылый, что сделало мой последующий вопрос практически бессмысленным.

— Ну как?

Капитан поморщился и покачал головой.

— Выйдем? — предложил он, кивая в направлении автоматической двери.

Я согласилась. Оказаться на воздухе и увидеть траву, проросшую сквозь покрытие взлетного поля, было приятно. Хоть чуть-чуть успокаивало. А ведь по-хорошему стоило, наоборот, сильнее напрячься от невозможности незамедлительно покинуть Истерну.

На металлическом столбе, увенчанном антенной неизвестного мне предназначения, сидела ворона с таким самоуверенным видом, словно исключительно ради нее эту конструкцию здесь и воздвигли. Значительно ниже, прислонившись к столбу, стоял, засунув руки в карманы, мальчишка в зеленом комбинезоне.

— Мне удалось локализовать неисправность, но лишь приблизительно, — сообщил капитан, рассеянно глядя, как я достаю из кармана куртки сигарету и закурываю при помощи мини-зажигалки. — В любом случае толку от этого мало, починить не смогу.

— Ясно. — Я устремила взгляд на проезжавший вдалеке катер, должно быть, готовившийся к взлету. А может, наоборот, только что приземлившийся и направлявшийся теперь к месту парковки. —

Будешь? — Протянула капитану еще одну сигарету.

— Не курю. — Он покачал головой, как мне показалось, неодобрительно.

Бог ты мой, какие же мы правильные!

— Надо искать механика. — Я снова посмотрела вдаль, в сторону катера, но тот успел скрыться за чередой ангаров. — В конце концов, это космопорт, их здесь должно быть хоть пруд пруди.

— Хоть пруд пруди — это да, — невесело согласился Макнэлл. — Вот только работы у них в подобных местах, как правило, масса, так что и ждать приходится по многу часов... А то и не один день. Но искать все равно придется.

Я вздохнула, разделяя безрадостный настрой капитана. Стремление к быстрому обслуживанию в нашем случае — не роскошь, а насущная необходимость. Мы не знали, как далеко продвинулась в расследовании полиция, и каждая минута могла оказаться решающей. Вынужденное многочасовое ожидание было смерти подобно... Не исключено, что в буквальном смысле.

— Может быть, стоит подогнать сюда мой катер? — предложила я. — Пусть будет для подстраховки, раз уж никто не сможет в ближайшее время починить неисправность.

— Ну, допустим, я смогу, — с независимым видом произнес начисто забытый мною мальчишка, отступая от столба и делая несколько шагов в нашем направлении.

Мы с капитаном одновременно повернули к нему головы. Ой, как я заблуждалась! Впрочем, несложно сделать подобную ошибку на расстоянии, когда солнце светит в лицо, а голова занята совершенно другим. Потому что при ближайшем рассмотрении мальчишка оказался девушкой, притом настолько женственной, что сразу же становилось удивительно: как можно было иметь хоть малейшие сомнения относительно ее пола? Рабочий комбинезон в стиле унисекс не скрывал пышной фигуры. Не по-мальчишески длинные ресницы обрамляли зеленые глаза, вероятнее всего, хамелеоновские, в эту минуту отдающие должное цвету одежды. Чувственные губы чуть пухловаты, но в меру, и точно не накачаны никакой гадостью. Красивый изгиб длинной шеи — и даже мне, невзирая на мою половую принадлежность, обидно, что он заканчивается банальнейшей желтой футболкой и уже упомянутым комбинезоном.

Я покосилась на Макнэлла, но тот, похоже, остался равнодушным к внешним данным незнакомки, заинтересовавшись исключительно профессиональными качествами.

— Вы механик? — строго спросил он, будто проводил интервью в отделе кадров.

Причем на работу в этом отделе принимали процентов десять посетителей, не больше.

— Да. — Девушка ответила уверенно и легко выдержала взгляд капитана. Может, слышала наш разговор, а может, просто в силу характера. — С соответствующим образованием.

— Почему же в таком случае вы не завалены работой до поздней ночи? — продолжал допрос Макнэлл.

Я сжала зубы. Нет бы сказать спасибо и поскорее приступить к делу! Но, возможно, он был прав: а вдруг эта барышня — не кто иной как полицейская крыса, наспех переодевшаяся в рабочую одежду?

— А потому что на этом спутнике сплошные шовинисты. — Она пожала плечами, стараясь изобразить безразличие, но острое недовольство все равно ощущалось как в движениях, так и во взгляде. — Считают, что женщина хорошим механиком быть не может.

— А вы — хороший механик? — поинтересовался капитан, по-моему, даже с намеком на улыбку.

— Отличный, — убежденно ответила девушка.

Судя по интонации, она не хвасталась, не пыталась произвести впечатление, не доказывала сама себе нечто сомнительное. Просто констатировала факт.

— Ну хорошо, — решился Макнэлл. — Проблема во втором двигателе, из-за нее корабль не готов к полету. У вас пятнадцать минут, чтобы определить природу неполадки и сообщить, что именно следует предпринять для ее устранения, а также сколько времени это займет. Справитесь?

Девушка-механик лишь фыркнула, после чего нырнула в открытую дверь.

Капитан вошел следом, удостоверился в том, что специалистка нашла дорогу в нужный отсек, и возвратился ко мне.

— А если она что-нибудь испортит? — нахмурилась я.

— Если полезет куда не надо, корабль даст знать, — объяснил Макнэлл.

— А если куда надо, но сделает что-то не то?

Уж коли поддаваться паранойе, то полноценно.

— То этого мы не определим, даже если будем на пару стоять у нее над душой все четверть часа, — философски отвечивал капитан.

И я была вынуждена согласиться.

Дальнейшие раздумья на эту тему прервал гудок многофункциональных часов. Успев о них почти что забыть, я на чистом автомате дала сигнал к прочтению новости. И вскоре механический голос полностью завладел моим вниманием.

«Из южноконтинентальной тюрьмы третьей категории сбежал опасный преступник, — информировала пользователей НЗС новостная лента — Истерна и Митос были подключены к глобальной новоземской сети. — Согласно анонимному источнику это беспрецедентное событие стало возможным благодаря сообщнику преступника, внедрившемуся в службу тюремной охраны. Полиция просит граждан сохранять спокойствие и особенно подчеркивает, что преступник уже покинул Новую Землю, поэтому жителям планеты не о чем тревожиться. По имеющейся у служб безопасности информации, в которой у нас нет причин сомневаться, беглецы отправились на один из населенных спутников Новой Земли, воспользовавшись частным космическим катером. Объявлен план-перехват, и в самое ближайшее время они будут взяты под стражу. Следите за нашими новостями».

Часы замолчали, словно кукушка, честно отсчитавшая отпущенный излишне любопытному путнику срок. Мы с Макнэллом тревожно переглянулись, но ни что-либо сказать, ни тем более сделать не успели. Наше внимание привлекло движение на тянущейся мимо звездолетов дорожке. Высокий темноволосый мужчина уверенной быстрой походкой шагал в направлении нашего корабля. Выглядел брюнет довольно-таки импозантно и производил впечатление преуспевающего делового человека, опаздывающего на важную встречу. Вот только короткий шрам у виска немного не вписывался в общую картину, сбивая с толку.

Капитан сделал пару шагов в сторону мужчины, затем замер, пристально следя за его приближением. А я меж тем сообразила, что лицо брюнета не так уж и незнакомо. Где-то я его видела, припомнить бы только где... Ах, да! В плантернете, когда искала информацию по Макнэллу. На одном из сайтов лежали фотографии членов экипажа «Галалэнда». Определенно, этот человек был среди них.

Незнакомец остановился, немного не дойдя до капитана. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Во взгляде Макнэлла мне виделось сомнение, сродни тому, с каким он следил за мной на катере, держа в руке бластер. Не знаю, что именно подвигло мужчин к действию, но они шагнули навстречу друг другу одновременно. Брюнет первым развел руки для объятия, и капитан, уже не раздумывая, ответил на этот жест.

— Рад тебя видеть, — как мне показалось, искренне сказал вновь

прибывший, похлопав Макнэлла по плечу.

— Я тоже. Какими судьбами ты здесь очутился?

— Предупредить тебя, что отсюда пора убираться. Здесь скоро станет слишкомлюдно.

— Это мы знаем. — Капитан покосился сначала на меня, затем на мои часы. — Но разве ты не должен был улететь на «Галалэнде»?

— Если вкратце — а по-другому сейчас нельзя, — брюнет быстро огляделся по сторонам, — то после идиотского балагана с твоим арестом и приговором я уволился.

Превозмогая отчетливо читавшееся на его на лице удивление, Макнэлл кивнул в сторону двери звездолета и первым подал нам пример. Терять время было нельзя, и мы не мешкая последовали за ним.

— Пробриться к тебе на свидание было нереально, подкупить кого-нибудь из тюрьмы — тоже, — продолжал рассказывать по дороге брюнет. — Мелкие охранники, от которых ни черта не зависит, не в счет. Но рано или поздно случай должен был подвернуться. Я пообщался с твоими родителями, и было решено: они остаются на Новой Земле, а я устраиваюсь на работу на Истерне, поскольку именно здесь стоит твой корабль.

— А сейчас ты как здесь оказался? — спросил Макнэлл, открывая дверь служебного отсека.

— Дал на лапу кое-кому в центральном управлении тюрем, чтобы меня извещали о происшествиях. Так что о твоём, — он перевел на меня взгляд и исправился, — о вашем побеге я узнал чуть ли не раньше их начальства. Надо действовать быстро. Пока они думают, что ты полетел на Митос, но в любую минуту могут понять, как обстоят дела на самом деле. И тогда вызвать в космопорт наряд полиции будет делом ещё одной минуты. Плюс немного времени на вычисление корабля. Короче, надо срочно вылетать.

— К сожалению, не можем, — сообщил капитан, устремив взгляд прямо перед собой.

Потом поднес палец к губам: мы приблизились к месту, где работала девушка-механик.

И действительно, пару секунд спустя она буквально вынырнула из широкого отверстия в здоровенной металлической установке. Точнее, выползла оттуда на коленях спиной вперед и соскочила на пол, держа в руке электроотвертку, бит которой постоянно мигал, сменяя цвет с зеленого на красный и обратно.

— Ну что? — спросил Макнэлл.

— Проблема с генератором электромагнитного ускорителя, — отчиталась специалистка на совершенно непонятном мне языке.

Судя по реакции мужчин, то ли она сказала что-то умное, то ли они тоже ни черта не поняли, но старались сохранить лицо.

— Сколько потребуется времени, чтобы устранить неисправность?

Язык капитана оказался для меня более понятен, а главное, вопрос был воистину насущным.

Ответ огорошил нас всех.

— Четыре часа.

— Сколько?

Брюнет и Макнэлл переспросили одновременно, но с уст первого слетело восклицание, в то время как второй говорил тихо, прикрывая опущенными веками потухший взгляд.

— Строго говоря, пять, — деловито сообщила механик. — Но я смогу сделать за четыре.

Я отвернулась, чтобы не встречаться с чужими взглядами. Четырех часов у нас не было. Это знали все, кроме девушки. Взяв себя в руки, я повторно внесла предложение:

— Подгоню сюда катер?

Макнэлл не спешил отвечать. Решением проблемы мой транспорт не был, только отсрочкой.

— Реально ли устранить неисправность частично, так, чтобы мы смогли взлететь? — продолжил он спрашивать механика.

Я застыла, дожидаясь реакции девушки, будто голоса свыше.

— Реально, — немного подумав, кивнула она, — это не займет много времени. До Новой Земли доберетесь, а там вам все дочинят.

— А если не до Новой Земли? — вкрадчиво поинтересовался брюнет.

— До Митоса? — нахмурилась механик. — Тоже можно.

— А допустим, — бывший сослуживец Макнэлла нежно взял ее за руку, игнорируя отвертку, — значительно дальше?

Девушка решительно покачала головой, хотя на мужскую руку взглянула с интересом.

— Все остальные обитаемые небесные тела слишком далеко, — категорично заявила она. — Ваш звездолет не долетит. Вы просто зависнете в открытом космосе — ну, все равно что останетесь без топлива.

На сей раз мы все втроем обменялись одинаково унылыми взглядами. Последняя надежда таяла согревшимся в руках мороженым, постепенно превращаясь из вкусного лакомства в липкий след на пальцах. Возродила ее, как ни странно, сама девушка.

— Если хотите, я могу отправиться с вами и закончить починку во время полета, — предложила она.

Я резко подняла голову и, кажется, уловила в ее нарочито уверенном взгляде нечто похожее на робкую надежду.

— Это реализуемо? — осторожно спросил капитан.

— Вполне, — откликнулась механик. — Хотя гарантии не дам. Вероятность — процентов девяносто.

Девяносто процентов. Притом, что если мы останемся на спутнике, вероятность удачного исхода — нулевая. Разумеется, у нас с капитаном не было причин для колебаний.

— И вы готовы полететь вот так? — уточнил Макнэлл. — Без проволочек, в другую звездную систему, с десятипроцентной вероятностью... провала? — Выбрал он относительно мягкое слово.

Девушка нетерпеливо передернула плечами.

— Мне здесь не нравится, — ответила она. — Надоели предрассудки провинциальной планетки, однообразие и шовинизм клиентов. Карьеру мне здесь не сделать, и мир я хочу посмотреть. А вы ведь заплатите мне за неудобства и дадите хорошую рекомендацию, правда?

Девушка на всякий случай похлопала глазками. Учитывая их выразительность и длинные пушистые ресницы, вышло отлично. Было даже удивительно, насколько она женственна при такой профессии.

— Вы получите и то и другое, — заверил брюнет.

Деньги-то у нас с Макнэллом были — и я кое-что прихватила с собой, и он намекнул, что сбережения имеются, а вот то, что этот человек готов взять на себя рекомендации, бесспорно радовало. Ибо если оные будут написаны нами с капитаном, их ценность окажется, мягко говоря, сомнительной.

— Вот и чудненько, — заявила девушка так, будто речь шла о вечернем походе в кафе, а не полете в другую часть мира с шансами никогда не вернуться домой.

И, расстегнув автоматическую молнию с левой стороны комбинезона, принялась искать в открывшемся кармане очередную отвертку.

— Можете начинать приводить в действие бортовой компьютер. Я сообщу, когда мы будем готовы к вылету, — сказала она, поворачиваясь к нам спиной, к металлическому овалу передом.

— Как хоть тебя зовут? — с усмешкой спросил Макнэлл.

— Адаманта Калвенстоун, — ответила механик и, пока мы переваривали эту информацию, точнее, пытались хоть что-то запомнить, поморщилась и махнула рукой. — Зовите меня Гайка. Меня все так

называют. Героиня такая была в одном древнем мультике. Рисованном еще.

Я согласно кивнула. Рисованные мультфильмы мне смотреть не доводилось, но такое прозвище казалось куда как лучше настоящего имени. Сама девушка, похоже, считала так же.

Макнэлл открыл было рот, чтобы представиться в ответ, но вовремя спохватился, осознав щекотливость ситуации.

— Давайте, запускайте комп, задавайте курс, — по-свойски распорядилась Гайка, снова ныряя в отверстие, в глубине которого посверкивали лампочки непонятного мне назначения. — Ясно же, что торопитесь. Политесы потом будем разводить. Кстати, — наружу высунулась рука с вытянутым указательным пальцем, — после работы я люблю крепкий чай. С мятной вкусовой добавкой, если найдется.

— Мне нравится эта девушка! — заявил брюнет, когда платформа поднимала нас на второй этаж.

— Сожалею, но я вынужден ее похитить, — без малейшей нотки веселья пошутил капитан, первым заходя в командный отсек.

Не теряя ни секунды, он прошел к креслу пилота и приступил к работе. Панель управления снова загорелась мягким зеленым светом, а на всех четырех стенах включились огромные экраны, на которые передавалось изображение с камер наружного наблюдения. Те же самые изображения, но в уменьшенном варианте, разделили на четыре части висевший непосредственно перед Макнэллом дисплей.

— Кстати о политесах, — заметил брюнет, запросто усаживаясь в соседнее с капитаном кресло. — И кто же у нас этот загадочный молодой человек?

Не знаю, что именно мне не понравилось — то ли панибратское «у нас», то ли ироничное «загадочный», а может, тот прищур, с которым на меня при этом смотрели, но в результате в ответ я не слишком вежливо буркнула:

— Безбилетный пассажир.

Макнэлл не вмешивался, хотя, вне всяких сомнений, отлично нас слышал, невзирая на занятость. Брюнет, впрочем, нисколько не обиделся.

— Отлично! — сказал он, потирая руки. — Прекрасная у нас подбирается команда. Опальный капитан, безбилетный пассажир, курортный доктор и девушка с мужской профессией. Путешествие обещает быть незабываемым. Кстати, позвольте представиться: Брэндан Уолкс, в недавнем прошлом — бортовой врач звездолета «Галалэнд».

— Сэм Логсон. — Я решила пойти на примирение.

— С какой стати ты причислил себя к членам команды? — Макнэлл

оторвался-таки от приборов, чтобы недоуменно уставиться на брюнета. — Тебя никто в полет с беглым преступником не приглашал. Тем более с десятипроцентной вероятностью застрять в открытом космосе. Так что спасибо за помощь — и свободен.

Он недвусмысленно кивнул на дверь.

— Ну уж нет! — Уолкс закинул ногу на ногу, нарочито комфортно устраиваясь в кресле. — Такой полет я точно не пропущу. К тому же в вашей компании у меня есть все шансы защитить докторскую диссертацию.

— Брэндан, не хочу тебя разочаровывать, но у тебя уже есть докторская степень, — напомнил капитан.

При этом он возвратился к работе, кажется, уже смирившись с решением врача.

— Есть, — и не подумал спорить тот. — Но та — в области хирургии. А теперь я рассчитываю написать вторую, по психологическому, так сказать, здоровью.

— Иди ты к черту! — беззлобно бросил Макнэлл.

— Вместе пойдем. — Уолкс принял менее удобную, но более подходящую для работы позу и придвинул кресло к столу. — Я все-таки не зря столько лет потратил на ваши дурацкие звездолеты. — Он щелкнул выключателем, приводя в действие виртуальную клавиатуру, и потянулся за наушниками. — Поехали, посмотрим, что тут у нас. Как ты вообще собирался управлять этой машиной в одиночку?

Отвечать Макнэлл счел ниже своего достоинства, да врач ответа и не ждал.

— Учти, курс прокладываешь сам, — предупредил его Уолкс.

— Да уж догадываюсь. Скачай прогноз космометеорологов. Справишься?

— Как-нибудь. Куда летим-то?

— Система Сигма-Д.

— Ладно.

На какое-то время оба погрузились в работу. Я предпочитала им не мешать, так что сидела молча, заняв никому сейчас не нужный четвертый стол.

— Сэм, сходи к Гайке, выясни, готовы ли мы к взлету, а если нет, сколько еще ей потребуется времени, — вскоре распорядился Макнэлл.

Это была не просьба, но обижаться на тон в таких условиях глупо. Понятно, что в данный момент он — не беглый узник, а капитан корабля. Я же — не безбилетный пассажир, а член экипажа, уж коли так сложилось,

что с более профессиональной командой нынче дефицит. Так что я безропотно поднялась с кресла и собралась идти выполнять приказ, когда меня остановила резко поднятая рука Уолкса.

— Наша леди механик объявилась, — сообщил он и для наглядности постукал пальцем по левому наушнику. — Говорит, все готово.

— Слава богу! — выдохнул Макнэлл. И уже безупречным деловым тоном, словно засмутившись этого проявления эмоций, принялся отдавать распоряжения. — Скажи ей, чтобы заняла кресло в левой части отсека и пристегнулась. Сэм, ты тоже пристегнись. Сначала выровняй спинку кресла. Брэн!

Но доктор уже и сам приготовился к полету. А потом, прищурившись, попытался наклониться вперед, насколько того позволяли ремни. И указал на передний экран, напомилавший огромное, почти во всю стену окно.

Я не сразу заметила то, что привлекло его внимание. Лишь через несколько секунд сумела разглядеть синюю форму оперативника, прижавшегося к стене ближайшего ангара.

— Вижу еще одного, — напряженно сообщил Макнэлл, вглядываясь в собственный небольшой экран.

— Можешь не сомневаться, тех, кого мы не видим, намного больше, — проворчал Уолкс.

— Ты умеешь обнадеежить.

Капитан нажал какую-то кнопку, и я, невзирая на всю сложность ситуации, чуть не ахнула: как оказалось, на потолке тоже имелся экран, при необходимости превращавший его в своеобразную «прозрачную крышу».

— Чисто, — констатировал Макнэлл. — Красный уровень готовности. Повторяю: всем пристегнуть ремни. Взлет будет неплавным.

Его фразы были короткими и отрывистыми. То, что требовалось, Уолкс повторял в микрофон для Гайки. Потом огромные экраны погасли, и в помещении резко потемнело. Приглушенный свет давала лишь пара длинных ламп, расположенных под потолком, плюс мерцали разными цветами панели управления и виртуальные клавиатуры. Четыре небольших экрана продолжали работать, и, выгнув шею, я увидела нескольких оперативников, которые, уже не таясь, выкатывали на платформу плазмомет. Я изо всех сил вжалась в кресло. Дурацкий инстинкт, который, естественно, ничем бы не помог, если бы нас подстрелили зарядом из ионизированного газа.

Однако определенный прок в моем действии все-таки был, ибо Макнэлл, с виртуозной скоростью выбив на клавиатуре длинную

комбинацию знаков, резко потянул на себя рычаг... И мне стало не до размышлений. И даже не до того зеленого луча, что наверняка прочертил воздух под корпусом нашего корабля, уничтожая все на своем пути. Меня вдавило в кресло — и казалось, что вот-вот раздавит окончательно. К горлу подступила тошнота, воздух в легких закончился. И единственное, чему я еще могла отстраненно удивляться, так это тому, что капитан и бортовой врач продолжают выполнять какие-то действия, несмотря на то, что состояние у них наверняка не намного лучше моего.

Потом я, кажется, потеряла сознание.

В себя пришла все в том же кресле, но уже не пристегнутая ремнями безопасности и без ощущения, будто меня вжимает в сиденье. Зато почувствовала, как что-то прохладное и влажное касается моего лица.

— Добро пожаловать в сознание! — бодро сообщил голос брюнета, то есть доктора, и до меня наконец дошло, что он чем-то протирает мое лицо — не то специализированной целебной бумагой, не то обыкновенными влажными салфетками.

— Долго я так?..

Сказать «провалялся» было бы неточно, а лучшую формулировку мой ватный мозг придумать пока не мог. К счастью, продолжения не потребовалось: мой вопрос поняли и без этого.

— Не слишком. Минут десять. — На сей раз я услышала голос капитана.

Попыталась обернуться, чтобы локализовать его самого, но голова сразу же закружилась, а Уолкс, неодобрительно цокнув языком, взял меня за подбородок, возвращая голову в прежнее положение.

— Мы в открытом космосе?

— Да.

Ответы давал по-прежнему Макнэлл. Доктор все больше разглядывал меня, и интерес его был сугубо профессиональным.

— Следуем заданному курсу?

— Да.

— А погоня? Есть?

— Несомненно, — голос капитана звучал все так же размеренно и спокойно, — но обнаружить нас им не удастся. Корабль невидим для радаров.

Я присвистнула, но это простое, казалось бы, действие потребовало от организма серьезной траты ресурсов. Перед глазами снова потемнело.

— Хотите вкусную таблетку? — оптимистичным тоном предложил

врач, протягивая мне наполовину зеленую, наполовину серую капсулу.

— А что она делает? — подозрительно поинтересовалась я, на всякий случай отодвигаясь подальше.

— Да сущие пустяки! — заверил Уолкс. — Всего лишь внедряет в организм личинки, которые, развиваясь, постепенно изменяют вашу физиологию и превращают в инопланетянина. Например, в миенга. А что вас так пугает? — Он воззрился на меня с нарочитым недоумением. — Подумаешь, вырастут две дополнительные руки и пара новых глаз! Зато так будет лучше для маскировки.

Я напряженно сглотнула, а капитан устало подал голос:

— Док, брось свои дурацкие шуточки! Они сейчас неуместны. Сэм, это самое обычное лекарство, которое придаст тебе сил и приведет в норму... — Он щелкнул пальцами. — Ну, что там оно должно привести?

Он покосился на Брэндана, сообразил, что обращаться к тому за помощью с разъяснениями — не самая хорошая идея, и махнул рукой.

Я требовательно посмотрела на врача. Тот кивнул, всем своим видом давая понять, что к такой серьезности его принудили чуть ли не под дулом бластера. Скрепя сердце я приняла капсулу и проглотила, запив водой из поданного стакана.

— Не понимаю, что вас обоих так смутило, — пожал плечами док. — Я лично ни за что бы не отказался от лишней пары рук. Да и глаза на затылке никому еще не вредили.

— Благодарю покорно, я лично предпочитаю оставаться человеком.

— Очень спорное решение, — отозвался Уолкс.

— А где Гайка?

— Работает в служебном отсеке.

Я почувствовала себя неудобно. Выходит, даже девушка нормально перенесла перегрузку, а я... Стоп, вообще-то я тоже девушка. Что-то у меня в голове все перепуталось.

— Идемте, я отведу вас в жилой отсек, там спальные места экипажа, — сказал доктор, помогая мне подняться с кресла. — Вам надо отдохнуть.

— Нет-нет, я здесь посижу. Я уже пришел в норму.

Я покачала головой, но движение вышло слишком резким. Показалось, что корабль трянуло, а перед глазами поплыли круги.

— Вам виднее, какая у вас норма, — ехидно отозвался Уолкс.

Стиснув зубы, я вынужденно подчинилась. И даже умудрилась почти самостоятельно дойти до каюты, немного опираясь о руку доктора. Здесь было две койки, на одну из них я и опустилась, изо всех сил надеясь, что

врач не собирается меня осматривать. Спасибо, что эта светлая мысль не пришла им с капитаном в голову во время моего обморока. То-то бы они порадовались, обнаружив туго стягивающую грудь повязку... Хотя предполагаю, что именно она немало поспособствовала моему плачевному состоянию, поскольку не позволяла достаточно свободно дышать.

Я широко зевнула и поспешила прикрыть рот ладонью.

— Все нормально, — заверил доктор. — Ваш организм потратил много ресурсов. Кроме того, лекарство, которое вы приняли, способствует сонливости.

Вот тебе и простое восстановление сил! А сразу предупредить было нельзя?

— Ненавижу врачей, — сквозь зубы процедила я.

— О, смею вас заверить, вы не одиноки! — нисколько не обиделся Уолкс. — Мы сами себя ненавидим.

Сказав это, он взял меня за запястье, приложив палец к голубоватой прожилке. В первый момент я даже испугалась, затем сообразила, что это он так измеряет пульс.

— У вас же для этого специальные приборы есть! — возмутилась я столь пещерным методом.

— Человеческий организм — самая совершенная из всех существующих технологий, — поучительно объявил Уолкс, отпуская мою руку. — Она развивалась и модифицировалась на протяжении тысячелетий.

— А вы романтик, — фыркнула я.

— Боги уберегли, — возразил док.

— А если Гайка не сумеет устранить неисправность? — простонала, откидывая голову на подушку. — Тогда я проведу свои последние часы во сне?

— А вы полагаете, это такой уж плохой вариант? — Врач склонил голову набок. — Знаете, люди очень любят абстрактно рассуждать о том, что бы они сделали, если бы жить им оставалось несколько месяцев, дней или часов. Они, конечно же, перечисляют чрезвычайно важные дела, все самое главное, то, что достойно завершит их труды и принесет пользу окружающим. На самом же деле, — жестко продолжил он, — девяносто девять процентов из них просто ходили бы из угла в угол, не в силах думать ни о чем, кроме надвигающегося конца. Так что вы предпочитаете? Нервно метаться по каюте с перерывами на забег в уборную, потому что у вас начнется понос или рвота?

— Какая гадость то, что вы говорите, — скривилась я.

— Это не гадость, это психосоматика, — не согласился врач. И уже мягче добавил: — Поверьте, здоровый сон — самое лучшее, чем вы можете сейчас заняться. И, кстати сказать, самое продуктивное, поскольку у нас остается девяностопроцентная вероятность того, что силы вам пригодятся. Так что спокойной ночи. Так и быть, обещаю разбудить вас в случае, если выяснится, что наши шансы на выживание сводятся к нулю.

Он вышел из каюты, а я приготовилась сердиться и взволнованно ходить из угла в угол... Но вместо этого сразу уснула.

Проснувшись, вздрогнула и подскочила на кровати. Первым делом стала инстинктивно искать глазами окно. Но такового в каюте попросту не было, да и не помогло бы оно определить время суток, в открытом-то космосе.

Окончательно приняв вертикальное положение, поняла, что голова больше не кружится, пятна перед глазами не скачут. Открыла дверь, вышла в узкий коридор и отправилась на поиски командного отсека. Куда идти, помнила очень смутно, но это не слишком беспокоило: хотя корабль Макнэлла и был, мягко говоря, побольше катера, вряд ли здесь реально заблудиться. По дороге отметила еще четыре двери, похожие на мою, — две по той же стороне коридора и две напротив.

Сенсорные панели и виртуальные клавиатуры все так же светились, но не могли конкурировать с огромным включенным экраном. С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, я перевела взгляд на расположившихся в отсеке людей. Их оказалось трое — Гайка тоже была здесь, и каждый держал в руке банку. Судя по знакомым форме и этикетке — с пивом. Что это, празднество или поминки?

На негнущихся ногах я вошла в кабину.

— Все нормально, — не стала тянуть резину девушка, за что я была чрезвычайно ей благодарна, — неполадка устранена, все системы работают исправно.

Прислонившись к дверному косяку, я шумно выдохнула. Значит, все-таки живем. В подтверждение этого вывода Уолкс перекинул мне такую же банку, как и у остальных. Я поймала ее на лету, откупорила и как следует приложилась. Темное. Холодное. Много ли надо человеку для счастья? Вот разве что еще закурить бы...

Мы все-таки выжили. Со всех сторон корабль обволакивала первозданная темнота космоса, наблюдавшая за нами бесконечным числом звездных очей. Впереди ожидала иная звездная система, знакомая мне лишь по учебникам. Позади осталась Новая Земля и преследователи,

которые наверняка по-прежнему пытаются нас разыскать. Мы, должно быть, самая странная команда, когда-либо бороздившая эти просторы. Опальный капитан, циничный доктор, обворожительный механик и женщина, притворяющаяся мужчиной. И, будто прочего было недостаточно, все четверо в данный момент нетрезвые...

Едва эта мысль успела сформироваться у меня в голове, я перевела взгляд на Макнэлла. И только тут осознала, что его банка так и осталась закрытой. Отсалютовав мне ею, словно бокалом, опальный капитан вновь повернулся к панели управления.

Часть 2
В погоне за прошлым

Глава 1

— Макнэлл, немедленно скажи ему, что я не стану проходить эти процедуры!

От негодования дыхание мое стало прерывистым, а сердце забилося чаще.

— Не понимаю, что в этом такого? — не сдавался врач, следом за мной заявившийся в командный отсек на «суд капитана». — Стандартная медицинская проверка! Ее проходят все отправляющиеся в космос на большие расстояния!

— Мы уже в космосе! — рявкнула я.

— Тем более! — Уолкс не уступал мне в жесткости. — Сначала, согласен, было не до нее, а сейчас самое время! Я должен быть уверен, что никто на корабле не страдает от заболеваний, несовместимых с полетом.

— А с теми, кто страдает, что будешь делать? — вскинулась, от ярости перейдя на панибратский стиль общения. — Заставишь прыгнуть с парашютом?

— Как минимум буду готов к последствиям!

— Значит, так! — Решительно развернулась к Макнэллу. — У нас был уговор. Я помогаю тебе добраться до Истерны, ты устраиваешь мне вылет из системы. Без бюрократии, без документов, без идиотских проверок!

Снова повернувшись к Уолксу, бросила на него испепеляющий взгляд.

— Док, он прав, — примирительно произнес капитан. — У нас договоренность, так что оставь его в покое.

Тот расширил глаза и в глубоком вдохе выпятил грудь, наглядно демонстрируя высшую степень возмущения.

— Ладно. Допустим, — сказал он, чуть остыв. — От осмотра отказываемся. Во всяком случае, побеседовать я с пассажиром могу?

— Побеседовать, полагаю, можешь, — откликнулся Макнэлл, устремив на меня вопросительный взгляд.

Я недовольно поджала губы, но все-таки утвердительно кивнула. В разговоре с бортовым врачом ничего трагичного не было.

Медицинский кабинет на небольшом корабле все-таки был. Правда, пугающе он не выглядел. Да, белые стены, но они и в каютах такие же. Да, шкафы с многочисленными полками и ящиками, но закрытыми и, к счастью, не застекленными. Аппарат для сканирования организма в закрытом состоянии был задвинут в закуток.

Заняв кресло — благо, не гинекологическое — с противоположной стороны стола от Уолкса, уставилась на врача с нескрываемой укоризной.

— Да не болен я, не бо-лен, — отчетливо, по слогам выговорила я, надеясь приблизить таким образом окончание беседы.

Не тут-то было.

— Допустим. — Док соизволил пойти мне навстречу, но не отводил взгляда от моего лица. Это нервировало. — В данный момент меня интересует другое. Почему вы оказались на корабле в этой маске, леди, и что ожидает нас в связи с этим в ближайшей или даже отдаленной перспективе?

Я успела распрямить спину, чувствуя, как все тело будто коркой льда покрывается.

— Что за ерунду вы несете?

Постаралась вложить в свой тон как можно больше пренебрежения и чувства оскорбленного достоинства.

Уолкс подался вперед, не теряя со мной визуального контакта.

— Видите ли, я не просто доктор. Я — военный врач, знакомый с всевозможными разработками, в том числе и редкими, имеющими хотя бы малейшее отношение к медицине. Если не практически, то хотя бы по лекциям, повышающим квалификацию. Так вот, природа вашей маски мне известна. Видеть такие прежде, признаюсь, не доводилось. И, думаю, даже я ни о чем бы не догадался, если бы, в силу вашего состояния после взлета, мне как врачу не пришлось бы приглядеться к вам с близкого расстояния.

Я почувствовала, как краснею, хотя под упомянутой врачом маской это не было заметно. Вот так: меня раскрыли, и всему виной — мой собственный дурацкий обморок! Еще бы! Ведешь себя как баба — не удивляйся, если окружающие поймут, что ты она и есть. В тот момент я почти ненавидела себя за принадлежность к женскому полу.

— Ваша маска очень качественно изготовлена, — продолжал Уолкс, — но, зная, что искать, можно заметить кое-какие нестыковки. Вокруг глаз, например. И возле левого уха.

— Избавьте меня от подробностей, — возмутилась я.

К слову, злиться на доктора оказалось значительно приятнее, чем на себя саму.

— Ради бога, — легко согласился врач.

— Даже если на мне маска, с какой стати вы решили, будто я «леди»? — спросила мрачно, все еще пытаясь сохранить лицо. Какой говорящий оборот в моем случае! — Может, я просто не хочу, чтобы меня узнали.

— Может быть, — признал врач. — Но если дело только в этом, с чего бы вам столь упорно отказываться от медицинского осмотра? Маски это никак не коснулось бы. Или у вас на теле узнаваемая татуировка или уникальный шрам, который позволит мне незамедлительно раскрыть тайну вашей личности?

Последний вопрос отличался нескрываемым сарказмом.

— Конечно, можно допустить, что в придачу вы страдаете недугом, который стремитесь от меня скрыть, — продолжал он, окончательно вбивая гвозди в гроб моего секрета. — Но я предпочитаю не множить сущности без крайней необходимости. К тому же, как вы совершенно верно заметили, что я могу сделать, даже если болезнь существует? Не выбрасывать же источник инфекции за иллюминатор.

— Здесь нет иллюминаторов, — проворчала, покосившись на круглое «окно», больше всего напоминающее именно его. Однако же я отлично знала, что это не более чем экран, во включенном состоянии отражающий вид снаружи.

— Тем более. — Уолкс пожал плечами.

Я опустила глаза, размышляя над ситуацией. Затягивать спор, пускаясь в демагогию, смысла не имело.

— И чего вы теперь от меня хотите? — поинтересовалась, так и не приняв решения, но стремясь потянуть время.

— Расскажите, зачем вам все это понадобилось.

— А если я откажусь? Как вы меня заставите?

— Никак. Не буду даже пытаться. Просто сообщу капитану Макнэллу, что его протеже — отнюдь не мужчина. А дальше он сам будет решать, как поступить. В сущности, это ведь его корабль, его команда и его экспедиция.

Я стиснула зубы и уставилась в пол, напряженно думая. Не то чтобы я доверяла врачу больше, чем Макнэллу, но... Чем меньше народу знает мою тайну, тем лучше. Я пока не была готова к тому, чтобы делать ее достоянием общественности, пусть даже мы и успели покинуть Новую Землю.

— Ладно. — Я вызывающе взглянула на Уолкса. — Что вы знаете о пратонцах?

— О пратонцах? — повторил док.

Его глаза сузились, по-новому исследуя мое лицо.

— Не старайтесь, — недружелюбно усмехнулась я, — маска к подлинной внешности имеет мало отношения.

— Стало быть, вы — пратонка? — спросил врач, действительно

прервав пристальное наблюдение.

— Да.

Я не видела причин для многословности.

Настал черед Уолкса задуматься. Наконец он медленно склонил голову, словно ему на шею давил неподъемный груз. Затем так же медленно ее поднял.

— И много лет вы так скрываетесь?

— С детства.

Он снова кивнул.

— Рэй упомянул в разговоре, что вы ненавидите Новую Землю. Кто-то из ваших знакомых пострадал из-за своего происхождения? Вернее, пострадала?

Я не отвела взгляда.

— Моя мать. Ей было тридцать шесть. Она умерла от этих ваших машин.

Продолжая смотреть Уолксу в глаза, я кивнула в сторону приютившегося в закутке аппарата.

— Не наших, — поморщился он. — Прибор, который вы видите здесь, не имеет никакого отношения к тем приспособлениям. А тех людей, которые ими пользуются, трудно назвать медиками. Но теперь я понимаю, почему вы заявили, что ненавидите врачей. Примите мои соболезнования.

Небрежно повела плечом. В его соболезнованиях я не нуждалась: он не знал мою мать, и, стало быть, искренними они быть не могли. Пусть лучше не разрушает то, чему она посвятила последние годы своей жизни.

— Так вы расскажете обо всем капитану?

— Не вижу на то причин, — покачал головой док, к немалому моему облегчению. — К тому же существует такое понятие, как врачебная этика. То, что происходит в этом кабинете, наружу не выносится. Если вы не возражаете, ответьте еще на один вопрос.

— Какой? — поинтересовалась, не готовая заведомо что-либо обещать.

— Почему вы помогли Рэю? Чтобы получить возможность улететь с планеты?

— Хотите правду? — спросила я, подаваясь вперед. — Я устроила побег, поскольку не могла спокойно смотреть на то, что творилось в тюрьме. Убраться с Новой Земли мечтала, да. Но из-за одного этого мне в голову даже мысль о таком поступке не пришла бы. Хотите верьте, хотите нет, — добавила, вновь безразлично откидываясь на спинку кресла.

— Понятно. — По тону врача показалось, что он не видит причин не

доверять моим словам. Хотя напрямую ничего подобного сказано не было. — Благодарю вас за ответ. Ну что, теперь приступим к осмотру?

Я ошалело выпучила глаза и аж рот раскрыла от такой наглости.

— Мы же вроде все решили? — возмутилась, едва ко мне возвратился дар речи.

— Вот именно, — Уолкс и бровью не повел. — Мы разобрались в причинах, по которым вы не желали проходить медосмотр. Признаю, они были уважительными. Но теперь, когда мне известна ваша половая принадлежность, они отпадают. Отчего же нам не убедиться в том, что состояние вашего здоровья позволяет продолжительные космические полеты?

Глубокий вдох и медленный выдох совершенно не помогли успокоиться.

— Я же ясно сказала, что не хочу никаких осмотров! Они мне не нужны.

Вместо того чтобы спорить, врач откинулся назад и принялся сверлить меня взглядом. Так, что мне стало по-настоящему не по себе.

— Скажите, Сэм, — мягко, даже ласково проговорил он, — кстати, это ваше настоящее имя?

— Настоящее, — подтвердила я. — Полное — Саманта.

Его маневр не заставил меня расслабиться и потерять бдительность, так что я настороженно ожидала продолжения.

— Итак, Саманта, — выразительно произнес Уолкс, — будьте так любезны, скажите мне, как давно вы в последний раз посещали врача?

— Какое это имеет значение? — вскинулась я.

— Ведь любая проверка среди прочего определила бы и пол, — гнул свою линию док, не отреагировав на мою реплику. — Верно ли я понимаю, что в течение многих лет вы пренебрегали возможностями, данными человечеству такой наукой как медицина?

— Неверно, — огрызнулась, — я посещала врачей два раза. Нелегальных. Когда без этого совсем было не обойтись.

Уолкс покивал с вежливой улыбкой, но в глазах его при этом читалась угроза.

— Раздевайтесь! — безапелляционно велел он, указывая на небольшую ширму в углу. — Маску, так и быть, можете оставить.

— Я же совершенно здорова! — простонала, все-таки сдаваясь, и направилась в нужную сторону. — Подумаешь, бок иногда побаливает. Правый.

При этих словах Уолкс оперся локтями о стол и картинно уронил

голову на руки.

— На этом корабле я точно смогу защитить вторую диссертацию, — констатировал он.

Осмотр показал, что боли в боку отношения к аппендициту не имели. Речь шла о каких-то чисто женских гормональных явлениях, в чем я ровным счетом ничего не понимала. Док выдал мне наклейку, которую следовало носить на коже, и это должно было полностью решить проблему. Словом, мы с Уолксом разошлись, относительно довольные друг другом.

После посещения врача я испытывала желание принять душ. Синтезированная вода не была в дефиците. Персональных санузлов на корабле не имелось, однако две душевые кабинки на четверых членов экипажа трудно серьезной проблемы не представляли. Переодевшись и приведя себя в порядок после водных процедур, отправилась в командный отсек. Почти одновременно со мной туда же вошла Гайка. В новом комбинезоне. Я даже удивилась: откуда у нее взялась сменная одежда? Помнится, после душа посочувствовала девушке, у которой, в отличие от меня, не было возможности подготовиться к полету, собрав хоть какие-то вещи. Позже выяснилось, что смена одежды всегда имела у Гайки в рабочем чемоданчике на случай, если придется, как, например, сейчас, задержаться на срочном задании или если первый комплект в ходе ремонта сильно запачкается или придет в полную негодность.

Макнэлл и Уолкс сидели на прежних местах. Первый занимал кресло пилота, даже не подумав перебраться за капитанский стол. Виртуальные клавиатуры в данный момент не светились, были включены лишь панели управления и обзорные экраны. Плюс из наушников дока, лежавших на столе, время от времени доносилось какое-то жужжание.

— Мне необходимо сказать вам нечто важное, — начал Макнэлл после того, как мы заняли предложенные кресла. — Я обещал вам, Гайка и Сэм, максимально быстро высадить вас на планетах, населенных людьми или гуманоидами. — Мой щедрый вариант с другой разумной расой, похоже, им даже не рассматривался. — Так вот, высадка безусловно состоится, но что вы скажете, если придется подождать еще около пяти суток?

— Лично я никуда не спешу, — ответила совершенно искренне, — так что с моей стороны проблем нет.

— Аналогично, — поддержала девушка.

— Мы заплатим вам за все неудобства, — заверил ее Уолкс. — На этот срок вы просто остаетесь нашим бортмехаником и получаете всю

причитающуюся вам по закону зарплату.

Гайка небрежно натянула на плечо соскользнувшую вниз лямку комбинезона.

— Деньги мне пригодятся, придется ведь устраиваться на новом месте. Так что никаких проблем с задержкой не вижу. Для меня успеть заработать побольше — только плюс.

— А что, разве по курсу так долго не будет обитаемых планет? — я позволила себе высказать удивление. — Мы ведь летим в Сигму-Д? Вроде там есть где высадиться.

— Планеты есть, — согласился Макнэлл. — Просто мне первым делом нужно добраться до одной космической станции, расположенной недалеко от этой системы. И уже оттуда сможем отправиться на ближайшую подходящую планету. Заодно и затеряться успеем, — добавил он, снизив голос в надежде, что Гайка не услышит или не обратит внимания. — Но если задержка покажется вам неприемлемой, можно скорректировать план.

— Не стоит, — хором возразили мы с Гайкой.

— Мы ведь уже сказали, что все в порядке, — добавила она.

— Хорошо.

Макнэлл на пару секунд повернулся к панели управления, чтобы ввести какую-то информацию.

— Провизии достаточно? — уточнила я.

— Да. Запасы на таких кораблях предусмотрены, — подтвердил капитан. — Правда, со свежей едой дело хуже, — немного помявшись, сказал он. — В основном герметичные упаковки со спецпитанием.

— «Завтрак космотуриста», — прокомментировал Уолкс, пребывавший, похоже, в прекрасном расположении духа.

Я начинала сомневаться, бывает ли его расположение духа иным.

— Питьевая вода? — Гайка включилась в проверку нашей подготовленности.

— Имеется. Сменная одежда, как я понимаю, есть у всех, но на случай необходимости на складе найдется пара лишних комбинезонов. Стиральная машина — там же, первый этаж направо, напротив холодильных камер.

— А сушильная машина? — поинтересовалась Гайка.

— Обычно, — интимно понизив голос, принялся объяснять Уолкс, — мы протягиваем веревку между двумя иллюминаторами и развешиваем белье снаружи.

— На этом корабле нет иллюминаторов, — напомнила я юмористу.

— Какая досада, — вздохнул врач. — Но если бы они были, мы бы

поступили именно так.

— У стиральной машины есть функция сушки, — перебил его Макнэлл.

— Похоже, все предусмотрено.

— Хм. А сексом в космосе кто-нибудь из вас когда-нибудь занимался? — огорошила нас неожиданным вопросом Гайка.

Во всяком случае меня. Доктор если и был удивлен, то нашелся быстро.

— Мне этого не позволяет врачебная этика, — сообщил он весело.

Для себя отметила, что ответа на вопрос он, в сущности, не дал.

— Любой секс — это секс в космосе, — отрешенно заметил Макнэлл, продолжая возиться с панелью управления. — Поскольку именно в космосе находится любая планета.

Он перешел к четвертому, наиболее удаленному от нас рабочему столу, включил сложную техническую голограмму и принялся что-то внимательно в ней изучать.

Развивать сию научную — или философскую? — тему Гайке, по-видимому, было неинтересно, и она повернулась ко мне как к последнему человеку, еще не ответившему на вопрос.

— Соглашусь с капитаном, — отозвалась, но все-таки решила соригинальничать. — Вот если секс в невесомости — тогда дело другое.

Глаза девушки-механика загорелись азартным огнем.

— Ух ты, вот это я бы попробовала! А ты?

Вопрос был обращен ко мне — точнее сказать, к Сэму. С трудом сдерживая хохот, Уолкс развернул свое кресло к нам спинкой.

Я стояла с округлившимися глазами, не зная, что ответить и как вообще реагировать. Но Гайка по-свойски хлопнула меня по плечу.

— Да ладно, не напрягайся! — вполголоса сказала она. — Я же вижу, что ты не один, а с кэпом. У меня глаз наметанный.

Я судорожно сглотнула. Врача видно не было, но его кресло ходило ходуном.

— Э-э... — это все, что мне удалось из себя выдавить.

— Да ты не бойся! — заговорщицки подмигнула Гайка. — Я, знаешь ли, без предубеждений. Когда-то даже ходила на пару акций общества «Гуманоиды против дискриминации», но потом надоело.

В этот момент я перехватила взгляд Макнэлла. Капитан не слышал нашего разговора, но, видимо, что-то почувствовал, и в его глазах читался вопрос. Сделав вид, что ничего не заметила, повернула голову и стала внимательно рассматривать панель управления.

— Ладно, пойду вниз. Посмотрю, как там дела в служебном отсеке, — объявила Гайка и, выйдя из помещения, шагнула на лифтовую платформу.

Доктор подождал, пока мягкое шуршание установки не возвестит о спуске, а затем решительно повернулся к капитану.

— Ладно, Рэй, теперь выкладывай, куда мы летим и почему нам придется целых пять дней торчать на корабле, как сардинам в банке? В Сигме-Д достаточно обитаемых планет.

Я приготовилась слушать, понадеявшись, что не буду сейчас послана куда-нибудь подальше. Вопрос задан по существу. Звездная система, в которую мы направлялись, была, если можно так выразиться, густо заселена. Одна планета категории 1, то есть освоенная людьми, еще две — категории 2 (обитаемые гуманоидами) и, наконец, одна категории 4. Последняя интересовала нас меньше всего, хотя подходила на случай, если бы корабль потребовалось где-нибудь посадить для ремонта или, к примеру, пополнить запасы воды.

— Куда? — К счастью, капитан даже не взглянул в мою сторону. Он говорил, не отрывая глаз от своего экрана. — Мы летим за Кеном Хендрейком.

Я нахмурилась, но вскоре вспомнила, где слышала это имя: любовник Линды Макнэлл, которого недавний узник вроде бы считал виновным в ее гибели.

— Та-а-ак. — Уолкс откинулся в кресле, но впечатления расслабленности его поза не производила. Слишком сильно он сжал при этом подлокотники — так, что кожа плотно обтянула костяшки пальцев. — Отличное решение. А ничего, что Кен Хендрейк погиб после того, как пересек эту систему? Точнее сказать, покончил жизнь самоубийством, умышленно направив свой корабль в черную дыру?

Я кивнула, припоминая прочитанное в сети.

— Или ты вознамерился нырнуть в черную дыру следом за Хендрейком? — испытывающе прищурившись, спросил док.

— Не вознамерился, — усмехнулся капитан, — во всяком случае пока. И уж точно не с вами.

— Укол сделаю. Успокаивающий. Надолго успокаивающий, — предостерег Уолкс.

На Макнэлла эта угроза должного эффекта не произвела.

— Я не верю в гибель Хендрейка, — пояснил он спокойно.

— Начинается. — Врач снова откинулся на спинку кресла и устало прикрыл глаза. — Ты факты знаешь?

— В том-то и дело, что знаю. И насколько мне известно, никто не

видел, как его корабль засасывает в черную дыру.

— Очень смешно, — фыркнул док. — Если бы были свидетели, их бы тоже туда засосало. И дальше что? Послушай, — он попытался воззвать к благоразумию друга, — парень написал предсмертную записку. Дескать, расстался с любовницей, и жизнь ему не мила. Сел на старый отцовский кораблик, я бы даже сказал — катерок, на котором дальше Сигмы-Д не улетишь. Его видели на подлете к гипертоннелю, который выводит фактически к черной дыре. Радист встреченного по пути корабля сделал предупреждение. Хендрейк поблагодарил, но курс не сменил. С тех пор о нем никто ничего не слышал. Его корабль не приземлялся ни на одной из населенных планет Сигмы-Д. Прошло три месяца. Три месяца, Рэй! Даже если предположить, что катер не затянуло в дыру, значит, он взорвался по дороге. Или сбился с курса и теперь описывает круги почета вокруг какого-нибудь астероида, а сам Хендрейк давно скончался по неизвестным нам причинам.

— Красивая история, — отозвался Макнэлл, упорно глядя в темноту экрана. — Только ты сам не видишь, что она шита белыми нитками?

— Нет, не вижу. — В голосе врача проступало раздражение. — Просвети меня.

— Пожалуйста. — Капитан надавил на какую-то кнопку и все-таки обернулся к Уолксу. — Начнем с самого начала. Парень двадцати семи лет, то есть не подросток и, насколько мне известно, не страдавший психическими отклонениями, решает покончить с собой только из-за того, что его бросила любовница?

Док пожал плечами. По-моему, таким образом он давал понять, что, с одной стороны, не в восторге от подобного поступка, но, с другой, не находит аргумент убедительным.

— Такое бывает.

— Бывает. — Макнэлл фыркнул. — Я не настроен сейчас вступать в дискуссии о верности Линды, но ее характер, уж поверь мне, знал хорошо. Чтобы она стала встречаться с наивным хлюпиком, неспособным пережить ухода замужней, заметь, женщины? Линда была человеком достаточно жестким и слабака — что физического, что эмоционального — и близко бы к себе не подпустила.

Уолкс неопределенно хмыкнул, кажется, не готовый принять позицию Макнэлла.

— Идем дальше, — продолжал тот, нисколько этим фактом не задетый. — Ладно, допустим, мальчишка оказался настолько глуп, что решил свести счеты с жизнью. Что теперь? Какого черта лететь за этим

через всю соседнюю звездную систему? Есть масса способов повернуть желаемое прямо на Новой Земле. Адреналина напоследок захотелось?

— Ты знаешь, что он не первый, — спокойно отозвался доктор. — Бывало такое и раньше.

— Бывало, — неохотно согласился капитан. — Но тут мы возвращаемся к вопросу о его психической нормальности.

— Не отбивай у меня хлеб, — поморщился Уолкс. — Рассуждения о человеческой психике — моя прерогатива.

— Вот и порассуждай, — сердито бросил в ответ Макнэлл. — А я, с твоего позволения, продолжу. Итак, допустим, что этот малахольный действительно стащил отцовский катер, чтобы покончить с собой таким экзотическим способом. И что? Буквально на следующий день после этого погибает Линда. Надеюсь, ты не хочешь сказать, будто она в свою очередь совершила самоубийство из-за страданий по Хендрейку? Воспользовавшись для этой цели ни больше ни меньше — эксплоудером?

— Вынужден признать, что это было бы тоже слишком экзотично.

— Хоть в чем-то мы сошлись. Хорошо. Так вот, такое совпадение по времени, мягко говоря, подозрительно. Ладно в полиции не сочли нужным серьезно отнестись к этому факту, поскольку уже получили подозреваемого, а Хендрейка и правда проще всего было счесть мертвым, но ты-то!

Последние слова были насквозь пропитаны упреком. И доктора это, кажется, задело.

— Человек пропал три месяца назад! Какие ты сделаешь из этого выводы? — поинтересовался он, повысив голос.

— Такие, что он умеет прятаться, — отрезал Макнэлл. — А я умею искать. Это как-никак часть моей профессии.

Уолкс сложил руки на груди.

— И что конкретно ты собираешься делать?

— Для начала — побеседовать со специалистом по черным дырам.

Глава 2

Следующие два дня тянулись неспешно и событиями насыщены не были. Это позволило всем нам немного отдохнуть, прийти в себя после предшествовавшей суматохи и морально подготовиться к неопределенному будущему. Каким оно станет, не знал, пожалуй, ни один из нас четверых.

Гайка при обсуждении дальнейших действий не присутствовала, и трудно было сказать, как много она поняла о наших делах. Вряд ли совсем уж ничего. От девушки не укрылась та спешка, с которой мы стремились покинуть Истерну, да и последовавший за взлетом выстрел вряд ли прошел незамеченным. Однако лишних вопросов она не задавала, хотя поболтать любила. В частности, явно обожала обсуждать мужской пол, но в нашей не женской — в ее представлении — компании старательно сдерживалась. Зато с ее легкой руки мы все быстро перешли друг с другом на «ты», даже капитан не настаивал на соблюдении субординации. Что в целом, наверное, неправильно, но обстоятельства сложились слишком необычные.

Причин думать, что погоня за нами продолжится в новой системе, пока не было. Не настолько серьезной добычей для властей стал Рейер Макнэлл. Да и не могли они знать, куда именно мы полетели. Так что главным сейчас было не попасться благодаря бдительности каких-нибудь особо сознательных граждан галактики. Конечно, путь на Новую Землю был нам отныне заказан, но мы изначально не ожидали иного. «Нам» — это капитану, доку и мне. Гайка, действительно ничего о наших делах не знавшая, оказалась на корабле случайно, и максимум, что грозило ей в случае возвращения на Истерну, — это несколько малоприятных допросов, плюс предупреждение не связываться впредь с сомнительными личностями.

Мы постепенно пересекали систему Сигма-Д. Новая Земля осталась далеко позади — насколько такое понятие вообще применимо в космосе — и была уже не видна на экранах. Я по-прежнему могла локализовать ее, но только в силу своего астрономического образования. Спутники вроде Истерны тем более исчезли из виду. Лишь Рейза все еще казалась крупнее прочих звезд. Исключая, конечно же, Сигму — солнце той системы, в которой мы теперь находились.

Наш курс пролегал в стороне от здешних планет, но к двум из них мы подошли достаточно близко, чтобы при увеличении можно было разглядеть неровность поверхности, зелень лесов и синеву океанов. Первой мы

миновали Дуэллу, население которой составляли гуманоиды со своеобразной культурой. Ее главное отличие от новоземской заключалось в том, что большую часть времени женщины жили там отдельно от мужчин. Зато чисто физиологически дуэллийцы были так похожи на людей (всего лишь выше ростом да тоньше в кости), что в их отношении гипотеза Бейла казалась справедливой. Наверняка мы находились в родстве. Дальше шла планета с говорящим названием Грин. Она была заселена людьми, тяготевшими к максимальной чистоте окружающей среды. Насколько я знала из базисного курса по небесным телам ближайших звездных систем, на Грине практически отсутствовали не только компьютеры, но и электричество. Исключение составляла одна на всю планету больница — кажется, за ее открытие велась в свое время нешуточная политическая борьба — и космопорт, тоже единственный и чрезвычайно редко используемый. Космическое сообщение считалось вредным для природы и не приветствовалось. Основное население Грина было, как несложно догадаться, идейным, однако планета служила также прибежищем для людей, страдающих электромагнитной сверхчувствительностью и потому плохо реагирующих на электрические приборы. Для них экологически чистая планета стала настоящим спасением.

Планету четвертой категории мы не видели, поскольку пролетали от нее далеко. Вторую обитаемую гуманоидами — тоже: путь по орбите вел ее сейчас по другую сторону от Сигмы.

Не считая неопределенности как отдаленного, так и ближайшего будущего, моя главная проблема во время перелета была простой: очень хотелось покурить. Заядлой курильщицей я себя не считала, но в одной сигарете в день нуждалась; в противном случае становилась нервной и раздражительной. При этом электронные вейпы не устраивали меня категорически.

Однако капитан столь же категорически заявил, что курение на корабле под запретом. Дескать, создает проблему безопасности. Док к этому утверждению отнесся, по-моему, скептически, однако и меня не поддержал.

— Бросал бы ты эту привычку, Сэмми, — сказал он. — Конечно, при необходимости тебе клонируют новые легкие, да что там, даже я, если понадобится, смогу вырастить их в здешних кустарных условиях. Но оно тебе надо? Операция по пересадке — штука не из приятных. Да и потом всегда есть риск, что легкие не приживутся. При клонировании он невысок, согласен, и все-таки есть.

В общем, необходимость поддерживать чистоту легких несколько

омрачала полет.

Космическая исследовательская станция имени Джордана Файнса находилась достаточно далеко от черной дыры для соблюдения мер безопасности, но достаточно близко, чтобы оную можно было изучать. Со стороны станция выглядела, как огромная гантель с широкими блинами, светившимися многочисленными «окошками».

Когда Уолкс, взявший на себя часть функций радиста, попросил о стыковке, ему не сразу ответили согласием. Он попросил позвать некоего доктора Ланге, а сам передал наушники Макнэллу. После короткого диалога новых участников переговоров дело заспорилось.

Стыковка прошла без осложнений, и капитан собрался на выход из корабля.

— Брэн, ты остаешься, поскольку лучше всех разбираешься в управлении звездолетом. Если кто-то из остальных хочет размять ноги, может пойти со мной.

— А симпатичные мужчины там есть? — тут же любопытствовала Гайка.

— Вряд ли, — разочаровал ее док, — на таких богом забытых станциях редко встречаются красавцы вроде нашего капитана.

Макнэлл мазнул по нему недовольным взглядом.

— Ну и ладно, тогда я останусь, — со смешком заявила девушка. — Лучше проверю двигатели, пока они в нерабочем состоянии.

— А я, пожалуй, схожу. — Мне хотелось хоть какого-то разнообразия после трех дней, проведенных на небольшом, в сущности, корабле.

Да и капитана отпускать одного было как-то неловко, хотя в случае чего какая от меня помощь? Ну да мало ли. Два кулака имеется, а здесь все же исследовательский центр, а не военная база.

— Это не опасно?

Док задал вопрос, на который ни у кого из нас заведомо не было точного ответа.

— Не думаю, — откликнулся капитан. — В любом случае для тех, кто снаружи — не меньше, чем для оставшихся на корабле. Но мы ненадолго. Даже если кто-нибудь успеет настучать, улетим быстро...

Он замолчал, подняв глаза на Гайку, запоздало осознав, что не следовало поднимать щекотливую тему в присутствии девушки.

— Да бросьте, — передернула та плечами, — я ж не слепая. И так понятно, что вы не от хорошей жизни из системы сбежали.

По ее тону можно было заключить, что наша социальная

неблагонадежность механика не слишком тревожит.

— Ладно, — признал Макнэлл, судя по напряженному лицу, просчитывая каждое слово. — Мы действительно не в ладах с законом. С недавних пор. Но ты можешь не беспокоиться. Мы заплатим, как договаривались, и тебя не обидим. Впрочем, если хочешь, можешь сойти прямо здесь.

Девушка фыркнула.

— Ну если не обидели до сих пор, с чего я сейчас начну бояться? И потом, оставаться здесь — благодарю покорно! Это дыра почище Истерны. Вон, док сказал, что на станции даже мальчиков симпатичных нет!

Уолкс запрокинул голову и от души рассмеялся.

— В общем, я лучше с вами, — завершила свой монолог Гайка. — Вы хоть и странноватые, зато с вами не скучно.

— Хорошо. — В отличие от врача капитан сохранял абсолютную серьезность. — Значит, до ближайшей населенной планеты летишь с нами. Только имей в виду: в случае чего ты всегда можешь сказать властям, что тебя взяли в заложницы и удерживали на корабле насильно.

— Так и скажу, — пообещала Гайка. — А еще белее заставляли сушить в вакууме. А остальное время держали прикованной цепями в служебном отсеке. Нет, лучше в командном, на панели управления. М-м-м, — она мечтательно возвела глаза к потолку, — а у вас на звездолете цепей случайно нет?

— Нет. Но мы у ученых попросим.

Впервые за долгое время капитан позволил себе слабую улыбку. Гайкина непосредственность сумела пробить броню его вечной мрачности, приобретенную за время тюремного заключения. Что-то внутри едва заметно укололо: похоже, я позавидовала девушке.

— Раз все решили, пора идти. Боюсь, нас заждались, — объявил Макнэлл. — Сэм, на выход!

Старшим научным сотрудником исследовательской станции оказалась женщина, Мария Николаевна Ланге, встретившая нас на выходе из корабля, в начале длинного коридора. Высокая, одетая в строгий костюм, с длинными волосами, аккуратно уложенными и заколотыми на затылке, больше всего она напоминала мне учительницу физики, химии или еще какого подобного предмета. Значительно меньше она походила на сумасшедшую ученую, в должной степени рисковую, чтобы отправиться на задворки звездной системы ради исследования интересующего ее материала.

— Я уже боялась, что ты передумал выходить, — заметила она, намекая на наше долгое отсутствие.

— Просто пришлось задержаться. Было необходимо уладить одну проблему, — уклончиво отозвался Макнэлл.

— Уладил?

Меня слегка нервировали излишне пронизательные глаза исследовательницы.

— Полагаю, да. — Капитан кивнул, продвигаясь дальше по коридору и давая мне возможность выйти следом за ним. — Это мой временный спутник и помощник. На корабле не полностью укомплектован экипаж.

— Понимаю.

Взгляд женщины задержался на моей персоне слишком долго, чтобы я могла испытывать чувство комфорта. Как ни крути, а она точно обратила внимание на то, что мое имя при этом представлении не прозвучало. Сам же Макнэлл говорил уверенно, не сбиваясь. Видимо, заранее продумал этот момент.

— Я читала о тебе в межпланетной сети, — заметила ученая.

— Догадываюсь. — Макнэлл криво улыбнулся. — В последнее время моя личность стала привлекать слишком много внимания.

— Что правда, то правда. И точно не к твоему удовольствию.

Я переводила взгляд с Ланге на капитана и обратно. Складывалось впечатление, что эти люди знали друг друга достаточно хорошо, чтобы читать между строк. Однако назвать их близкими друзьями все же было нельзя, и в данный момент исследовательница прощупывала Макнэлла. Сам же он терпеливо ждал, когда этот процесс завершится.

— Рада тебя видеть, — произнесла наконец Ланге, заставив нас с капитаном испытать чувство облегчения.

Она не бросилась к Макнэллу с объятиями и вообще продолжала вести себе очень сдержанно, тем не менее у меня пропало чувство, будто капитан готов в любую секунду метнуться обратно в корабль и поднять его в космос прежде, чем успеют окончательно сбросить обороты двигатели.

— Взаимно, Мария Николаевна, — заверил капитан.

— Пойдемте. — Руководитель станции сделала пригласительный жест.

Следуя за нею, мы вскоре свернули в другой коридор, просторнее и ощутимо длиннее. По правую руку двери сменялись широкими прозрачными окнами, через которые можно было заглянуть в рабочие помещения.

— Здесь все осталось, как раньше, — заметил на ходу Макнэлл.

— О да, — без энтузиазма согласилась наша провожатая. — Это там, снаружи, все пребывает в постоянном изменении. А эти стены и искусственная гравитация создают иллюзию стабильности. Будто действительно в космосе может дрейфовать такой уголок, где ничто никогда не меняется.

— Жить здесь постоянно, наверное, тоскливо, — осторожно высказалась я. — Должно быть, на станции работает не слишком много народу?

— Пять человек, — кивнула Мария Николаевна. — Действительно, бывает порой несколько скучновато, хотя, с другой стороны, — она слегка понизила голос, — иногда мне кажется, лучше бы их было меньше.

Последняя комната в этой части станции, похоже, предназначалась для отдыха персонала. Во всяком случае, там стояли низкий диван-двойка, круглый столик и несколько мягких стульев вокруг него. Именно сюда мы и вошли.

— Садитесь, — пригласила Ланге.

Капитан выбрал стул, ученая последовала его примеру. Я же аккуратно присела на диван, отдав предпочтение комфорту и — главное — получив возможность наблюдать за дальнейшим со стороны, не вмешиваясь в разговор.

— Что вы будете пить?

Похоже, на подобных исследовательских станциях не забыли законов гостеприимства.

Мы назвали напитки, наиболее доступные и распространенные, которые вряд ли могли оказаться в дефиците даже в таком удаленном месте. Выслушав пожелания, Ланге нажала несколько сенсорных кнопок на поверхности стола.

Заказы доставил робот — этакий катившийся на колесах цилиндр со специальной подставкой для напитков.

— Итак, зачем ты здесь, Рэй? — напрямую спросила ученая, когда робот уехал, а стаканы перекочевали на столик. — Если для того, чтобы спрятаться, ты выбрал плохое место. Я бы предоставила тебе убежище, можешь не сомневаться, но нас регулярно навещают корабли правительственных структур. А эта станция слишком мала, чтобы здесь можно было надежно затеряться. Скрыться же от погони здесь практически не реально. Разве что нырнуть в Сигму-Д-158, но, надеюсь, это не входит в твои планы?

— Не входит, — развеял ее сомнения Макнэлл, после чего повернулся ко мне. — Сигма-Д-158 — это название, точнее, номер интересующей нас

черной дыры, — объяснил он.

К этому моменту я и сама уже вспомнила информацию из учебника «Черные дыры», а также нужную страницу в «Справочнике небесных тел».

— Скрываться от властей на станции тоже не собираюсь, — заверил капитан. — У меня другая цель. Есть один вопрос, который я очень хочу прояснить. И практически уверен, что если кто-нибудь во всей галактике знает на него ответ, то это вы.

— Ну что ж, — глаза Ланге заинтересованно блеснули, — спрашивай.

— Три месяца назад один человек улетел с Новой Земли, оставив предсмертную записку, — сразу же перешел к сути Макнэлл. — Он утверждал, что собирается покончить с собой, направив корабль к черной дыре. Через несколько дней его действительно видели недалеко от гипертоннеля, ведущего в ваши края. Потом он исчез. Вопрос: вам что-нибудь известно об этом случае?

— Занятно. — Исследовательница поднялась со стула и неспешно прошла по комнате. — А какова официальная версия?

Взгляд капитана не дрогнул.

— Самоубийство.

— Вот как. — Ланге поджала губы, сделала еще круг, затем остановилась, разглядывая неброский маникюр на своих руках. — Властям некоторых планет следовало бы уделять нам больше внимания в подобных вопросах. Видишь ли, Рэй, мы ведем наблюдение за Сигмой-Д-158 уже несколько лет. Составляем список средних и крупных небесных тел, притягиваемых ее гравитацией. Тем более космических аппаратов, которые, выйдя из гипертоннеля, становятся жертвами ее притяжения. Так вот, — она устремила на капитана прямой немигающий взгляд, — в том, что касается космических кораблей, за последние полгода не было зафиксировано ни одного подобного случая.

— Мог ли он случайно остаться незамеченным? — уточнил капитан.

Впрочем, мне было очевидно: для себя он уже все решил, а спрашивает просто для очистки совести.

— Мог.

По тону ученой стало понятно: что-то с этим ответом не так. И объяснение не заставило себя долго ждать:

— Если этот твой самоубийца решил облететь полгалактики, обойти Сигму-Д по кругу, а уж потом броситься в ее объятия с другой стороны.

— Понятно.

Шутке никто не рассмеялся, но вывод был очевиден. Если Кен Хендрейк и покончил с собой, то точно не тем экзотическим способом,

который упоминался в его последнем письме.

Макнэлл поднялся на ноги, я — следом за ним.

— Спасибо, Мария Николаевна.

Он протянул Ланге руку.

— Если что, обращайся, — сказала она, отвечая на рукопожатие.

«Гантелеобразная» космическая станция постепенно уменьшалась в размерах. Я стояла у экрана и думала о странном человеке Марии Николаевне Ланге и еще четверых исследователях, наверняка не менее странных, готовых годами работать в этом крошечном мирке на задворках звездной системы. Интересно, у них отпуск хотя бы бывает, или они все это время безвылазно сидят в своих лабораториях? Так ведь и умом тронуться недолго.

Бортового врача занимали иные вопросы.

— Ладно, версия с черной дырой не подтвердилась. И что ты теперь собираешься делать? — требовательно спросил он у Макнэлла.

Тот нетерпеливо поджал губы, словно приходилось объяснять очевидное.

— Для начала высажу Гайку и Сэма на подходящей им планете. Тебя бы тоже посадил, но уже понимаю, что настаивать на этом бессмысленно. Ты же прилип почище банного листа.

Уолкс усмехнулся, а я отчего-то почувствовала себя обиженной. Интересно, от доктора, значит, Макнэлл не пытается отделаться, а я чем хуже? Что, в конце-то концов, даже на банный лист не тяну? А может, я не хочу, чтобы меня где-то ссаживали? Может, я тоже предпочитаю остаться?

Вздохнула, мазнув невидящим взглядом сперва по панели управления, потом по полу командного отсека. На Новой Земле цель была одна — выбраться за пределы системы Рейзы. Думать о том, как строить свою жизнь дальше, казалось преждевременным. Теперь же я начинала осознавать, насколько это будет тяжело. Раньше казалось, что дома меня ничто не держит. Что переселиться будет легко, поскольку у меня ничего и никого нет. С нового ракурса все выглядело иначе. Деньги-то я с собой взяла, и обменять их на местные на любой планете труда не составит. С документами тоже как-нибудь разберусь, благо опыт имеется. Все это серьезно облегчало иммиграцию, и тем не менее... На Новой Земле у меня не было друзей, но я хотя бы знала в лицо продавщицу из ближайшей пекарни. Служащих своего банковского отделения. Участкового системного администратора. Была в курсе, какой номер монорельса везет в университет, каким маршрутом флаербуса можно добраться в крупный

торговый центр. Да мало ли... На новой планете, где бы меня ни высадили капитан, я не знала никого и ничего. Если, конечно, не считать информации, почерпнутой из учебников, но она казалась теперь такой абстрактной и настолько бесполезной в житейском плане...

Подняв глаза, я неожиданно встретилась взглядом с Гайкой и, кажется, прочитала у нее на лице примерно такие же мысли.

— Когда нас попытаются спихнуть с корабля, схватимся за поручни и предупредим, что без боя не дадимся, — шепнула ей на ухо.

Губы девушки сразу же растянулись в улыбке.

— Сэм, ты прелесть! — ответила она и поцеловала меня в щеку.

Испуганная таким проявлением чувств, я на всякий случай отстранилась подальше. Покосилась на дока, но он, к счастью, был полностью погружен в разговор с Макнэллом.

— Нужно просчитать варианты, — говорил тот. — Предположим, что Хендрейк не погиб, а благополучно спрятался. Как он мог это сделать?

— Да как угодно, — пробормотал Брэн.

— Он мог перебраться на другой корабль, — принялся загибать пальцы капитан, умышленно «не заметив» комментария приятеля, — в этом случае вычислить, на какой именно, не просто, но реально. Правда, для этого мне понадобится доступ в плантернет и придется поднять кое-какие связи. Все это можно будет сделать, когда мы приземлимся. Далее. Хендрейк мог посадить свой катер на какой-нибудь необитаемой планете с приемлемыми для человека условиями. Насколько мне известно, в Сигме-Д такая одна, Джина Асторалис четвертой категории. Я не ошибаюсь, Сэм?

— Не ошибаешься.

— Как мило! — наигранно восхитился док, даже руками всплеснул. — И на этой планете наверняка как минимум десяток видов зверей, питающихся незадачливыми астронавтами, которые не могут найти себе более качественное убежище. Я не ошибаюсь, Сэм?

— Несколько десятков таких видов, — уточнила я. — Правда, для некоторых из них человеческое мясо ядовито. Но я подозреваю, что зверям этого не рассказывали, а на уровне генетической памяти такая информация у них не закодирована.

— И кто-то из них наверняка опытным путем уже убедился в пагубности новоземцев, — подхватил Уолкс. — Вряд ли Хендрейк сумел так долго продержаться в одиночку на враждебной планете.

— Обязан был суметь, — процедил Макнэлл сквозь зубы.

Док посмотрел на него с нескрываемым беспокойством.

— Вот эта твоя одержимость мне и не нравится, — отметил он. —

Раньше подобное не было тебе свойственно. Скажи мне, и как долго ты собираешься гоняться за призраком Хендрейка по просторам галактики?

— Столько, сколько нужно.

— Отлично. Этого я и боялся.

— Тебя никто не заставляет участвовать в поисках, — огрызнулся Макнэлл. — Я и сам прекрасно справлюсь. Больше того, предпочту никого в это дело не втягивать.

— Ты хоть понимаешь, что это может занять вечность? — Теперь врач почти кричал.

— А у меня нет других дел, — парировал капитан.

Устав следить за перепалкой, я отвернулась от спорщиков и уставилась в один из экранов. Если принять за основу позицию Макнэлла, то есть исходить из того, что Хендрейк благополучно обвел всех вокруг пальца, куда он мог податься? Может быть, и вовсе в другую звездную систему? Правда, судя по разговорам мужчин, на это у него банальнейшим образом не хватило бы топлива. А для заправки пришлось бы приземлиться на обитаемой планете — если только беглый любовник не пересел на чей-нибудь корабль.

Отыскав на мультифункциональных часах карту Сигмы-Д, вывела ее на ближайший экран и принялась рассматривать медленно кружащиеся вокруг своей оси шары. При взгляде на один из них меня словно током ударило. Внезапно все встало на свои места. Ну конечно, ведь это так просто! Куда может податься человек, которому нужна обитаемая планета, но при этом он не хочет, чтобы номер его корабля засветился в регистрационных системах?

— Грин! — воскликнула я, от обилия эмоций даже не задумавшись о том, что экипаж не имел возможности проследить за ходом моих логических рассуждений. — Это просто обязан быть Грин!

— Что «Грин»? — недоумевающе переспросил док.

— Ты хочешь, чтобы я высадил тебя на Грине? — По-своему понял мое восклицание Макнэлл.

— Да нет же! — Я нетерпеливо замотала головой. — Грин — та планета, на которой приземлился Кен Хендрейк!

— Почему? — удивился Уолкс.

— Да потому что на Грине практически не используется плантернет! И компьютеры, и вообще вся техника почти не используется. — Речь не успевала за скачущими мыслями, и я говорила, наполовину проглатывая слова. Но, сколь ни удивительно, пока меня понимали. — Но космопорт у них все-таки есть! Значит, Хендрейк мог прилететь туда, не опасаясь, что

об этом узнает кто-нибудь за пределами планеты. Они используют технологии только в случае крайней необходимости. Не знаю, как они регистрируют корабли и прибывающих пассажиров и регистрируют ли вообще. Но даже если да, эти списки вряд ли попадают в глобальную сеть. Просто хранятся в каком-нибудь допотопном местном компьютере, чуть ли не единственном на всю планету. А может, они и вовсе записывают все на бумаге.

— Бумага — это слишком дорого, — скептически пробормотал док.

А вот капитан слушал меня крайне заинтересованно.

— Но ее экспортирует именно Грин! — с жаром возразила я. — В небольших количествах. А вот у них самих ее наверняка пруд пруди! Должны же они хоть как-то делать записи, если не используют электронных носителей.

— Какая жуткая должна быть планета! — вздрогнула Гайка.

Однако Макнэлл, похоже, не имел к Грину ровным счетом никаких претензий. Его пальцы уже скользили по панели управления, и я поняла: капитан вручную меняет курс. Сомнений в том, каков наш новый пункт назначения, не возникало.

Глава 3

— Грин! Вызываю космопорт планеты Грин! Как слышите?

На этот раз на связь с диспетчером пытался выйти капитан, вот только пока не слишком удачно. Ничего кроме пери одических помех в эфире мы не слышали, хотя сидели в командном отсеке, затаив дыхание.

— Космопорт планеты Грин! Прием! — повторил Макнэлл, проявляя чудеса упорства и долготерпения.

Впрочем, деваться было особенно некуда. Цель нашего путешествия быстро увеличивалась в размерах — не разворачиваться же теперь, когда мы подошли к ней так близко!

— Вызываю Грин!

— Грин слушает! — прохрипел динамик настолько внезапно, что все мы невольно вздрогнули. — Кто вы такие и что вам нужно?

Мы с Гайкой удивленно переглянулись. Лично у меня был, мягко говоря, небогатый опыт космических перелетов, но столь негостеприимный прием казался странным.

— Частный звездолет класса Т-397 с четырьмя членами экипажа на борту, — отрапортовал Макнэлл. — Планета исхода — Новая Земля. Просим разрешения на посадку.

— Звездолет класса Т-397, вас понял, — бодро откликнулся голос в динамике. И окончательно огорошил нас, продолжив: — Ваша просьба отклонена.

— Что?!

Это восклицание слетело с уст капитана само собой или, как минимум, было адресовано нам, а не диспетчеру, но благодаря системе громкой связи тот услышал.

— Повторяю: просьба отклонена. Мы не даем вам разрешения на посадку на поверхность Грина.

— Причина?

Глаза капитана сузились, лицо стало предельно сосредоточенным и, я бы сказала, каким-то недобрый. Но обладатель хриплого голоса — или хрипотца была лишь следствием плохой связи? — лица Макнэлла не видел, а потому весьма охотно объяснил:

— У нас экологически чистая планета. Приземление любого космического транспорта может пагубно повлиять на состояние окружающей среды.

— И поэтому вы построили космопорт? — нетерпеливо осведомился капитан.

— Исключительно ввиду отсутствия выбора, как крайнюю меру. Приземление звездолетов допускается только по предварительной договоренности, приблизительно раз в полгода.

— Чертов бюрократ, — буркнул себе под нос Уолкс.

— Мы не можем ждать полгода, — отрезал Макнэлл. — Настаиваем на посадке.

— Приземлитесь на другой планете. — Диспетчер оставался неумолим. — Рекомендую Дуэллу. Там неплохие климатические условия и, говорят, неплохо кормят.

— У нас заканчивается топливо. До Дуэллы мы не долетим.

Гайка подняла вверх большой палец в знак одобрения. Капитан лгал: топливом нас любезно заправили на исследовательской станции. Но лгал вдохновенно.

Непродолжительное молчание, и затем...

— Сожалею. Но, полагаю, вы знали, куда летите, и имели возможность заблаговременно рассчитать курс.

— У нас произошла утечка топлива.

На Макнэлла определенно снизошло вдохновение.

— Тогда тем более не смейте входить в нашу атмосферу! — взвизгнул динамик. — Ваш корабль может нанести серьезный ущерб нашей экологии!

— Значит, так! — Капитан подался вперед, опираясь обеими руками о край стола. — Слушай меня внимательно. Если ты не дашь мне разрешения на посадку, я, так и быть, сделаю один круг по вашей орбите. Если после этого разрешения все еще не будет, я все равно посажу звездолет, но не в космопорту, а посреди самого крупного населенного пункта, какой смогу рассмотреть. И вина за последствия ляжет целиком и полностью на твои плечи. Это понятно?

Если до сих пор голос Макнэлла звенел, как лед, то последние слова он буквально проревел. Уолкс усмехнулся.

— Он это серьезно? — прошептала я.

Док приподнял указательный палец, дескать, подожди, дай дослушать. Молчание в динамике и правда было непродолжительным.

— Звездолет класса Т-397, посадку разрешаю.

Капитан щелкнул рычажком громкой связи, и тишина отсека взорвалась нашими аплодисментами.

— Нет, конечно, — чуть позже ответил на мой вопрос бортовой

врач. — Но какое это имеет значение? Цель-то достигнута.

И он озорно мне подмигнул.

Единственный на всю планету космопорт оказался крохотным. Тощая диспетчерская башня, пара ангаров, в которых, вероятнее всего, хранились инструменты, безлюдная заправочная станция да три корабля. Двумя из них, похоже, лет сто никто не пользовался, а третий и вовсе был наполовину разобран на запчасти. Словом, это место напоминало скорее кладбище звездолетов, чем функционирующую посадочную площадку.

На свежий воздух, которого Грину было не занимать, вышли все вчетвером. Несмотря на негостеприимный прием, никому не хотелось оставаться внутри после нескольких суток полета. Удостоверившись, что корабль надежно заперт и забраться внутрь местным мародерам не удастся, капитан уверенным шагом направился... не на выход из космопорта, а в диспетчерскую башню. Док, как ни странно, этому решению не воспротивился, напротив, бодро пошел следом за другом. Мы с Гайкой, в очередной раз переглянувшись, поспешили присоединиться.

Внутри не оказалось даже намека на лифт или самодвижущуюся дорожку. Пришлось подниматься на самый верх по обыкновенной каменной лестнице. Уолкс не удержался от ироничного комментария о пользе физических упражнений для здоровья. Топала наша компания, без сомнения, шумно, и, когда мы наконец добрались до венчающей башню круглой комнаты, нам навстречу уже бежал худощавый мужчина в клетчатом костюме и невероятно узком галстуке. Из-за крупного допотопного монитора опасливо выглядывал другой гринец, более упитанный и изрядно облысевший. Вероятнее всего, он и был тем самым диспетчером, с которым Макнэлл так мило пообщался перед посадкой.

— Нельзя! Сюда нельзя! Это закрытая территория! — замахал руками «клетчатый».

На Макнэлла это заявление не произвело ни малейшего впечатления, но, к моему удивлению, первым вперед выступил не он, а Брэн.

— Служба ВВС Новой Земли! — рявкнул док, демонстрируя присутствующим пластиковую карту с соответствующим удостоверением. — Как посмели препятствовать экстренной посадке?

Слова застыли у тощего на языке. Он облизал губы, быстро переосмысливая ситуацию.

— Почему ты не воспользовался этим аргументом, когда мы вели переговоры с корабля? — на ухо врачу прошептал капитан.

— Потому что тогда это не пришло мне в голову, — признался тот.

— Господа и леди! — Тощий расплылся в улыбке и отдельно поклонился Гайке. — Я сожалею о том, что произошло. Мой сотрудник несколько перегнул палку, заботясь об экологической безопасности нашей планеты. Окружающая среда чрезвычайно для нас важна, но, разумеется, мы не вправе отказать в помощи кораблю, оказавшемуся на грани крушения. Это было всего лишь досадное недоразумение.

И он развел руками с выражением прямо-таки детской непосредственности на лице. Для полноты картины оставалось только ковырнуть пол носком ботинка.

— Еще одно такое недоразумение — и все пойдете под суд, — сварливо предупредил Уолкс.

— Надеюсь, теперь мы можем рассчитывать на содействие органам? — перехватил инициативу Макнэлл.

— Конечно-конечно, все, что в наших силах! — поспешил заверить тощий.

Диспетчер по-прежнему старался не слишком высовываться из-за экрана.

— Вот и хорошо. — Док снисходительно кивнул.

— Мы разыскиваем одного человека, — с места в карьер начал капитан. — Время прибытия — приблизительно три месяца назад. Имя — Кен Хендрейк, но мог представиться иначе. По происхождению новоземец. Брюнет, возраст — чуть больше двадцати пяти лет. Есть у вас такая информация?

— Конечно! — услужливо воскликнул тощий и устремился к какому-то шкафу. — Три месяца назад — это, должно быть, предпоследнее приземление. Не считая вашего корабля, разумеется. У нас действительно очень редкий трафик. Сейчас, сейчас...

Я оказалась права: он действительно достал с полки листы бумаги, сшитые в серой обложке. Долго искать не потребовалось: нужная информация фигурировала на последней покрытой записями странице.

— Был корабль, — радостно подтвердил тощий. — Небольшой частный транспорт класса R-8. Хозяин записан как Кен Дарк.

— Ну, он и не стал бы записываться под настоящей фамилией, — заметил Брэн. — Кен — другое дело. Мало ли на Новой Земле Кенов.

— Я помню этого парня, — вмешался решившийся высунуться из своего убежища диспетчер. — Все как вы описываете. Брюнет, возраст — двадцать семь лет.

— Вот этот?

Док показал ему фотографию на своем планшете.

— Откуда у тебя такое? — подозрительно спросил Макнэлл.

— Скачал, пока ты болтал на станции с учеными, — невозмутимо отозвался прозорливый док.

— Он самый! — энергично закивал диспетчер. — Именно он и прилетел. Вот только, — он кашлянул и почесал подбородок, — двое их было. Мужчина и женщина.

— Что?!

Кажется, мы выдохнули это хором.

— Двое, — весомо повторил работник космопорта. — Муж и жена.

— Все верно, — подтвердил, сверившись с записями, тощий. — Кен и Белла Дарк, супруги.

— Белла значит «красивая». Как и Линда, — заметила Гайка, до сих пор не посвященная в подробности нашей истории, но многое успевшая схватить на лету.

— Как она выглядела? — резко спросил Макнэлл.

— Ну, такая... блондинка, — задумался диспетчер, — довольно высокая. Взгляд... строгий такой, деловой. Сразу видно, что серьезная женщина, не просто так девчушка. И по годам вроде бы постарше мужа будет, точно не припомню, но ей несомненно за тридцать.

— Это Линда, — коротко бросил капитан.

Он был шокирован таким известием не меньше всех нас, но старался держать себя в руках.

— Где они сейчас? — Голос звучал почти хладнокровно, вот только нам, членам экипажа, было отлично видно, что капитан пребывает на грани самообладания и может взорваться в любую секунду. — Есть у вас такая информация?

— Есть.

То ли тощий интуитивно чувствовал, какая ему угрожает опасность, то ли просто стремился угодить представителям ВБС. Он перешел к другому шкафу, выдвинул ящик и, немного там порывшись, наконец извлек очередную папку.

— Вот. Список расселений, — довольно, я бы даже сказала, с гордостью сообщил он.

— Как и всем переселенцам, им выделили домик и участок земли. Белла Дарк... то есть жена... то есть блондинка, — он слегка смутился под нашими взглядами, — имеет биологическое образование, и ее определили на работу в теплице. При ней есть лаборатория, они разрабатывают экологически чистые средства для оптимального роста урожая и выращивают новые виды...

— Где все это находится? — перебил Макнэлл, у которого не осталось терпения на дальнейшие подробности.

Тощий прочертил пальцем невидимую линию, ведущую от имен переселенцев к столбику, написанному зелеными чернилами.

— Вертовый округ, поселение Ярок, — зачитал он. — Это недалеко отсюда, около четырех часов езды. К полудню доберетесь.

— Сколько часов в сутках у вас на планете?

Это было не праздное любопытство: от ответа на вопрос зависело, как скоро после упомянутого полудня можно ждать наступления ночи.

— Двадцать четыре, — хором ответили мы с тощим.

— Так мало? — разочарованно спросила Гайка.

— Как на Старой Земле, — просветила я.

— Транспорт для нас найдется? — В отличие от нас капитан продолжал вести переговоры по существу.

— Подберем, — не колеблясь, кивнул тощий. — Вириди, — бросил он диспетчеру, — я посижу здесь, покараулю на случай непредвиденных сигналов, а ты спустись и передай, чтобы подготовили коляску для господ из ВВС.

По пути вниз мои мысли были заняты одним вопросом. Коляску? Что значит «коляску»? Не будут же нас возить, как маленьких детей?!

В скором времени вопрос прояснился. К нам подвели... лошадь. Рыжую, крепкую, с густой лоснящейся гривой, с белыми внизу ногами, словно животное обули в кроссовки. Она была впряжена в нечто вроде прицепа. Этаким деревянный ящик на колесах с открытым верхом и боковыми дверцами на крючках, по-видимому, предназначавшийся для пассажиров. Встав на цыпочки и приглядевшись, я действительно обнаружила там деревянное же сиденье.

Гайка с восторгом взирала на лошадь, постепенно обходя ее полукругом, но явно не знала, как к ней подступить. С железными конями ей определенно было легче. Мне, честно говоря, тоже. Домашние животные на Новой Земле были редкостью, дикие в руки не давались — на то они и дикие, а фермы, на которых выращивали скот, располагались очень далеко от мегаполисов.

— Здесь же место только для двоих! — заметил Уолкс, сосредоточившись на более приземленных вещах, а именно — как мы будем добираться до поселения.

Он был прав. Облучок, на который вскочил наш водитель — или как это здесь называется — не в счет.

— Ничего, поместитесь как-нибудь, — заверили нас. — Зеленка —

хорошая лошадка, она и четверых пассажиров довезет.

— Зеленка? — удивленно переспросила я. — Она же рыжая вроде?

— Рыжая, — согласился диспетчер. — Но мы на нашей планете всех стараемся называть так, чтобы с зеленым цветом было связано.

Я припомнила, что самого диспетчера начальник звал Вириди. Интересно, это имя тоже имело какое-то отношение к зелени?

— Ладно, раньше сядешь, раньше выйдешь, — прервал док наши филологические изыскания.

— Тише едешь, дальше будешь, — нравоучительно поправил выделенный нам сопровождающий.

— На каждой планете свои пословицы. — Брэн пресек на корню очередную потенциальную дискуссию. — Как управляют-то этой штукой? — поинтересовался он у водителя и покосился на лошадь. «Штука», в свою очередь, не без интереса косилась на врача. — Так сказать, где у нее кнопка?

— Кнопки нет, — укоризненно откликнулся Вириди.

А вот лошадь смотрела на дока без малейших признаков укоризны. По моему, ей, наоборот, было весело.

— Жаль, — показательно вздохнул врач. — Я бы и некоторым людям приделал кнопку, чтобы их можно было выключить в случае необходимости.

— Давайте приступим к делу, — раздраженно оборвал его капитан. — В каком направлении нам ехать — или идти, если повозка все-таки развалится?

«Повозка», вот как это называется! А еще есть, кажется, слово «телега». Все это встречалось исключительно в старых классических книгах. Вроде и «коляска» имела значение, близкое к «карете». Правда, до кареты представленная нашим взорам коробка на колесиках явно не дотягивала. Либо я что-то не поняла в прочитанной литературе. А вот водитель лошади назывался, если не ошибаюсь, «кучером».

Пока я предавалась воспоминаниям, диспетчер худо-бедно объяснил мужчинам, что к чему, и отступил в сторонку, давая нам возможность устроиться самостоятельно.

— Так как мы тут разместимся? — нахмурилась я.

— Двое на сиденье, двое, кто полегче, у них на коленях, — ответил Уолкс.

Я подозрительно к нему присмотрелась, но на сей раз лицо доктора сохраняло серьезное выражение без намека на привычную иронию.

— Чур, я еду с Брэном! — оживилась Гайка.

— Не смею возражать даме.

Док по-джентльменски склонил перед механиком голову, после чего, не потрудившись открыть дверцу, просто перемахнул через бортик «коляски».

— В таком случае Сэм поедет на коленях у кэпа, — объявила она, довольно мне подмигнув.

— А... почему? — пробормотала я растерянно.

— Я точно вешу больше, — отозвался Макнэлл, запрыгнув в повозку так же, как док. — Садиться наоборот смысла не имеет.

Уолкс усмехнулся, распахивая дверь для Гайки. Я поджала губы.

— В чем проблема?

Капитан, похоже, и правда не понимал в чем.

— Мне это как-то не нравится.

Черт знает что! Мужчина, сидящий на коленях у женщины? Я, конечно, не мужчина, но они же об этом не знают! Макнэлл, во всяком случае, не знает. И Гайка тоже. Да и потом, даже если рассматривать меня как женщину, все это тем более как-то... неоднозначно.

— Не нравится — иди пешком, — посоветовал капитан, как мне показалось, несколько раздраженно.

Я бросила на него сердитый взгляд, но, не видя особого выбора, резко выдохнула.

— Ладно.

Не припомню, чтобы я когда-нибудь раньше сидела на коленях у женщины — или вообще у кого-либо на коленях, не считая, конечно, моих родителей. Я ерзала, одергивала сама себя, нервничала, снова начинала ерзать... Расположившейся по соседству Гайке было куда как комфортнее. Она о чем-то весело переговаривалась с доком, не забывая при этом с интересом глазеть по сторонам.

Посмотреть было на что: зеленая планета оказалась воистину зеленой. Трава, полевые цветы, деревья, кустарники, а иногда — выглядывающие из-за них звери. Ни одного флаера над головой, ни одного металлического столба, даже домов пока не было видно. Никаких признаков цивилизации, не считая дорожки, по которой мы сейчас ехали и которая не подошла бы для транспортного средства, превышающего размерами нашу «коляску».

Вид был прекрасен, а вот езда — не слишком удобной. Коробку на колесах ощутимо трясло, мы чувствовали каждую неровность, каждый корень, высовывавшийся из-под земли на нашем пути. Сама земля казалась неестественно близкой, поскольку я привыкла смотреть на нее если не из флаера, то хотя бы с высоты собственного роста. И в довершение всего —

колени Макнэлла. Спокойствия это точно не добавляло.

Подпрыгнув на очередной колдобине, я выругалась и для надежности ухватилась за дверцу. Капитан обвил мою талию рукой. Я застыла, на пару мгновений перекрыв чистому воздуху планеты Грин доступ в мои легкие. Конечно, Макнэлл не имел в виду ничего предосудительного, движимый исключительно стремлением меня обезопасить. Беда в том, что в моей реакции предосудительного было много. Близость, то невероятное чувство защищенности, которое дарило его прикосновение, даже тепло его ладони, ощущавшееся сквозь рубашку, — все это слегка кружило голову. Впрочем, я постаралась убедить себя, будто речь идет о легкой гипероксии, как-никак воздух этой планеты сильно отличался от новоземского.

Неспешно продвигавшаяся по дороге кобыла приподняла хвост и, не замедляя шага, справила естественную природную надобность. Гайка сморщила носик, но это не помешало ей обернуться, чтобы бросить взгляд на продукт лошадиной жизнедеятельности.

— Ну вот, а говорили, что у них чистая планета! — возмутился врач.

Следы человеческого присутствия в этом царстве природы стали обнаруживаться лишь спустя несколько часов. Это было по-своему логично, поскольку близость космопорта представляла потенциальную опасность для населения. Первым делом мы увидели не дома, а поля. Разобраться со временем года в чрезвычайно мягком климате Грина — не зря же противники технологий именно эту планету избрали для своих целей — было сложно, но высокие налитые колосья говорили о том, что сбор урожая не за горами. По другую сторону дороги росли все больше ореховые и фруктовые деревья. А затем мы добрались и до деревень.

Назвать городами населенные пункты, состоявшие из одноэтажных и довольно-таки хлипких сооружений, у меня язык не поворачивался. В лучшем случае дома были деревянными, в худшем и вовсе напоминали палатки. Видимо, климат делал подобные условия проживания сносными, а за непродолжительное время пребывания на планете переселенцы еще просто не успели обзавестись более внушительными зданиями. В особенности учитывая ограничения, которые накладывали на них законы Грина. Строить, не используя ни машины, ни компьютеры, ни электрические приборы, значительно сложнее.

Пожалуй, сказка про трех поросят имела бы в этой местности печальный конец. Домиков, достойных основательности Наф-Нафа, самого старшего и мудрого брата, здесь попросту не было, так что волк легко бы добрался до намеченной жертвы.

Следовало, однако, отдать должное местным селам: простота жилья

компенсировалась ухоженными садами и огородами. Похоже, каждый получал здесь изрядный кусок земли, а также помощь с инструментами, семенами и прочим. В деталях я, признаться, не разбиралась — эта сфера слишком далеко отходила от теоретической астрономии.

Добравшись до поселения Ярок — на въезде в него красовалась деревянная табличка с названием, аккуратно выведенным зеленой краской, мы стали осматриваться и быстро поняли, что без расспросов наши поиски могут затянуться на добрую неделю. Так что, попросив кучера остановить кобылу, док обратился к молодому мужчине, чинившему забор.

— Простите, любезнейший, вы не подскажете, где проживает Кен Дарк?

Парень нахмурился, кажется, не понимая, о ком могла вестись речь, но ему на помощь пришел сосед, подошедший поближе к границе между участками.

— Кен — это, должно быть, тот новичок, — пояснил он своему знакомому. — Тот парень, от которого ушла жена.

Ушла жена?! У меня не было возможности видеть выражение лица Макнэлла, но сама я чувствовала себя окончательно дезориентированной. Сначала Линда умирает от выстрела эксплоудера, и от нее не остается ничего, кроме немногочисленных следов ДНК. Потом она чудесным образом воскресает — правда, на другой планете — в качестве жены другого человека. И без гарантий: мы все-таки могли ошибиться, предположив, что новоиспеченная супруга Кена — именно госпожа Макнэлл. И, наконец, очередной крутой вираж: оказывается, блондинка, кем бы она ни была на самом деле, уже улизнула, причем как от мужа-любовника, так и (по факту) от нас. Заблаговременно знать о нашем прибытии она не могла. Что же, в таком случае, подвигло ее на побег? Плохое обращение со стороны Кена?

Ладно, в скором времени все прояснится. Разобравшись, кого мы ищем, нам подробнейшим образом, без сомнений и запинок рассказали, куда ехать дальше. Отсюда оставалось не более четверти часа пути. Добравшись до места и попросив кучера подождать нас в поселке, мы одолели последний отрезок пешком и подошли к забору, такому редкому, что внутренний участок просматривался без труда.

В нескольких метрах от нас стоял обычный деревянный стол с вкопанными в землю ножками. За столом, на скамье из точно такого же дерева, спиной к нам сидел мужчина, одетый в потертые джинсы и длинную рубашку в крупную клетку. Перед ним лежали узкие обструганные дощечки, из которых он пытался что-то соорудить. Он

стукнул молотком, вбивая гвоздь, остался недоволен результатом и громко чертыхнулся. В порыве раздражения вскинул голову и вот тут-то краем глаза заметил нас. Не дожидаясь его реакции, мы вошли через легко открывшуюся калитку. И сразу остановились, выстроившись в ряд и перекрывая ему выход на улицу.

Кен Хендрейк развернулся к нам лицом и выбрался из-за стола, то ли не сообразив, то ли не сочтя нужным прихватить молоток. Дернул головой, откидывая с лица отросшую челку. Даже невзирая на некоторую неухоженность — потрепанная одежда, пятно на рукаве, пара ссадин на руках, выглядел он довольно привлекательным. Густые черные волосы, темно-карие глаза, живое загорелое лицо... И даже фигура совсем не соответствовала стереотипу для его профессии. Высокий, в меру широкий в плечах и даже не сутулый. Во всяком случае, сейчас он стоял, распрямив спину, и, быстро обведя нас внимательным взглядом, безошибочно остановился на Макнэлле.

— Я так и думал, что рано или поздно вы меня найдете, — нарушил он молчание. Эти слова прозвучали с вызовом, но и с долей обреченности. — В общем-то, все верно. По-своему я действительно перед вами виноват.

Капитан сделал шаг вперед.

— По-своему?

Голос был очень спокойный, но мне, уже успевшей узнать Макнэлла, стало не по себе. Я сразу поняла, что за этим ровным, безразличным тоном скрывается такая ярость, какую невозможно долго удерживать в себе. И не ошиблась.

— По-своему, — повторил капитан, и дальше все завертелось так быстро, что я и за половиной движений уследить не могла.

Спокойствие с Макнэлла слетело, словно скорлупа. Он рванул к Хендрейку и, выбросив вперед руку, ударил того по лицу. Парень отшатнулся, но, возможно, остался бы на ногах, если бы капитан не набросился на него снова. Кажется, кое-какое сопротивление программист все-таки оказал, но это задержало предсказуемый финал не более чем на несколько секунд.

Вскоре Хендрейк уже лежал на земле, а капитан, оседлав противника, прижал колено к его горлу. Кен прохрипел что-то невнятное.

— Рэй, не надо!

— Кэп!

На наши с Гайкой возгласы Макнэлл, не намеренный останавливаться на достигнутом, внимания не обратил.

— Макнэлл, отпусти штатского! — громко и веско, чеканя слова, приказал Уолкс.

Слово «штатского» показалось мне совершенно неуместным в нынешних обстоятельствах, но, похоже, именно оно возымело действие. Сначала капитан просто ослабил давление на горло Хендрейка. Тот шумно и часто задыхался. Потом Макнэлл спустил ногу на землю и, наконец, встал, переступив через поверженную жертву. И даже отступил на пару шагов.

Дышал он при этом так же тяжело, как и программист, только, в отличие от последнего, без хрипов, взгляд его не утратил мрачности, и вообще было видно, что любовью к ближнему в лице Кена Хендрейка Рэй не воспылал. Так что очередной вспышки гнева можно было ожидать в любую минуту, но пока Макнэлл держался.

Брэн наклонился к программисту и протянул ему руку, помогая подняться. Назвать это жестом дружбы было нельзя, просто цивилизованное содействие пострадавшей стороне.

— Все в порядке, — выдохнул Хендрейк и махнул кистью руки, давая понять, что больше ему ничего не нужно. — Он прав.

Эти слова пробудили новую волну интереса к бывшему любовнику Линды. Он не увиливал, не отрицал свою причастность — понять бы еще к чему! — не юлил и не пытался сбежать. Думаю, большинство застигнутых врасплох на его месте выбрали бы именно такой вариант поведения.

— В чем? — Док ухватился за слова программиста, видя, что друг слегка остыл и его не нужно удерживать от необдуманных шагов.

Хендрейк, морщась, потер ушибленную скулу и вздохнул.

— Садитесь, — пригласил он, указывая на скамьи по обе стороны стола. — Это долгий разговор.

Капитан покосился на него с неудовольствием, однако призыву все-таки внял. Видимо, выпущенный недавно пар позволил ему отнестись к противнику если не снисходительно, то по крайней мере с терпением. В итоге Макнэлл с доком сели на одну скамью, а мы с Гайкой — на другую. Хендрейк предусмотрительно не стал подсаживаться ни к первой, ни ко второй паре, а вместо этого переставил поближе криво сколоченный табурет, оказавшись таким образом во главе стола.

— Рассказывай.

Из уст Макнэлла это прозвучало не то призывом, не то угрозой.

Кен снова вздохнул, собираясь с мыслями.

— Мы познакомились с Линдой на Новой Земле в одной из забегаловок сети «Кофейная девочка», — начал он. — Я часто приходил туда с ноутом, у них хорошие напитки и отличная скорость планшета. А

однажды увидел женщину, блондинку в деловом костюме. Она казалась очень волевой и самодостаточной, но при этом у нее были полные тоски глаза.

— Тоски? У Линды? — Макнэлл презрительно фыркнул, выказывая таким образом свое отношение не столько к жене, сколько к рассказчику.

Хендрейк поднял на человека, которого считал соперником, упрямый взгляд.

— Да, тоски, — с напором и плохо скрываемой неприязнью повторил он. — Что бы ни произошло в дальнейшем, счастливой Линда точно не была.

— Похоже, вы очень мало понимаете в жизни, молодой человек, — подавшись в сторону Хендрейка, заметил Макнэлл.

— Похоже, вы очень мало понимали в своей жене, — скопировав его движение, отрезал программист.

— Вы наглее, молодой человек, и очень сильно.

Капитан сжал пальцами край стола. Док предупреждающе положил руку ему на плечо. Макнэлл вдохнул, выдохнул и чуть спокойнее продолжил:

— Если бы вы, как утверждаете, знали Линду, то поняли бы, что она и тоска — вещи не совместимые. Если бы жизнь заставила ее изнывать от тоски, она бы скорее нашла точку опоры и перевернула землю, чем смирилась.

— Может быть, вы и правы.

Уолкс вопросительно выгнул бровь, услышав такой ответ. Я тоже была удивлена: уж очень резко Хендрейк сменил линию поведения, перейдя от горячего спора к смиренному согласию. Взгляд его, правда, смиренным не казался, и в нем по-прежнему сквозила неприязнь к Макнэллу.

— После всего, что случилось, я вынужден признать, что понимал Линду хуже, чем хотелось бы, — объяснил программист. — Думаю, мы оба знали ее недостаточно хорошо.

— Предоставьте мне самому судить об этом, — оборвал его капитан.

— Как пожелаете. Так вот, — продолжая рассказ, Хендрейк избегал встречаться взглядом с кем-либо из нас, — я первым заговорил с ней. Она пригласила меня пересечь за ее столик, мы пообщались и решили встретиться там же на следующий день. У нас завязались отношения. Я с самого начала знал, что она замужем, но это, признаться, мало меня беспокоило. — Программист пожал плечами, изо всех сил изображая безразличие, хотя, по-моему, он хотел оправдаться. — Коль ее это ничуть не смущало, то и я не видел причин мучиться угрызениями совести.

Видимо, в семье и без моего участия не все шло гладко. Но дальше оказалось, что дело обстоит намного хуже. Выяснилось, что муж не только уделяет ей мало внимания, постоянно пропадая на службе, но еще и бьет.

Макнэлл нарочито медленно поднял голову, затем склонил ее набок и мягко, почти ласково переспросил:

— Простите, делает что?

— Бьет. Поднимает руку. Избивает. Как вы предпочитаете? — раздраженно огрызнулся Хендрейк.

Я услышала, как рядом фыркнула Гайка, ни на миг не поверившая в такую историю о капитане.

— Простите, молодой человек, но в вашем рассказе мне видится противоречие, — заметил Брэн, переняв такую манеру обращения к программисту у капитана. — То ли муж не уделяет жене внимания, то ли он ее избивает. Вы не находите, что первое плохо сочетается со вторым?

Я заметила, что его пальцы при этом сильнее сжались на плече Макнэлла.

— Я сам видел гематому у нее на руке, — заявил Хендрейк, впрочем, неуверенно опуская глаза.

— Когда? — любопытствовал капитан.

— Примерно четыре месяца назад, — мысленно проведя какие-то вычисления, ответил программист. — Вы не были тогда в полете, я проверял, — поспешил добавить он.

— Очень радостно это слышать, — сказал, словно плюнул ядом, Рэй. — Она оступилась на лестнице, едва удержалась и сильно ударилась о перила.

— Может быть, — глядя в сторону, откликнулся Хендрейк. — Теперь я уже ничего не знаю. На тот момент я беспрекословно ей верил.

— И что было дальше? — спросила Гайка, если и не проникшаяся к рассказчику сочувствием, то как минимум готовая выслушать его версию событий.

— Она стала рассказывать о том, как обращается с ней муж. Ее словно прорвало. Вы не представляете, что это такое, когда сильная женщина плачет. Волей-неволей задумаешься, кем же надо быть, чтобы сломать такую, как она. А она все говорила. О побоях, об унижении, о том, что муж ни во что ее не ставит. Черт, да я был готов пойти на что угодно, лишь бы вытащить свою женщину из этого ада!

Док посмотрел на Хендрейка с практически профессиональным интересом, после чего совершенно неуважительно закатил глаза.

— И что же вы не обратились в полицию, если, по-вашему, все было

так печально? — полюбопытствовал он.

— Именно это я и хотел сделать в первую очередь, — принял вызов Кен. — Но Линда меня отговорила.

— Неужели? — фыркнул Уолкс.

— Однако же! Неслабой манипуляторшей была эта Линда, — негромко заметила Гайка. Услышала ее, кажется, только я.

— Да, отговорила, — подтвердил меж тем программист. — Сказала, что ее муж имеет слишком большое влияние в ВВС, а стало быть, и в структурах правопорядка в целом. И надавить на него законным путем возможности нет. Ему лишь передадут всю информацию по поступившей жалобе, и после этого Линде достанется сполна. Я предложил ей бросить его и переехать ко мне, а то и вовсе вместе бежать на другой континент или куда-нибудь на луну.

— Попробую угадать: она отказалась, — саркастически предположил Макнэлл.

— Не совсем. Но она сказала, что при своей службе и связях муж отыщет ее где угодно, и тогда мало не покажется всем.

— Отчасти это правда, — согласился капитан. — Если бы она внезапно исчезла, я и правда сумел бы ее найти.

Возражать никому в голову не пришло. Наше присутствие на Грине служило негласным подтверждением его словам.

— Вот только зачем мне было бы это делать, если бы она внятно дала понять, что не желает быть найденной?

Хендрейк пожал плечами.

— Например, из чувства мести, — отозвался он.

— Угу, — с иронией поддакнул док. — А еще потому, что все флотские — звери, которым лишь бы перестрелять как можно больше народа, не так ли?

— Его можно понять, — неожиданно для всех, даже себя самой, вмешалась я.

Капитан и док уставились на меня недоумевающе, даже Гайка смотрела удивленно.

— Дело не во флоте, — поспешила уточнить, — скорее в системе. В государственных структурах. Они действительно не всегда поступают... чистоплотно. Я знаю, что говорю. У меня была возможность в этом убедиться.

Брэн понимающе отвел взгляд. Для остальных мои слова оставались более загадочными, но вдаваться в подробности я не собиралась.

— Словом, в аналогичной ситуации я бы поверил.

Не знаю, рассердился ли на меня Макнэлл или же моя реплика заставила его пересмотреть свою позицию. По выражению его лица я этого не поняла. А вскоре он вновь обратился к Хендрейку.

— Итак, вы считали, что Линда страдает и что единственным препятствием на ее пути к счастью стою я. И что же? Вам не пришло в голову избавиться от проблемы, устранив меня? Разве это не было самым естественным решением?

— Было, — признал Хендрейк. — Во всяком случае, на определенном этапе это пришло мне в голову. Я не пытаюсь себя обелить. Моя женщина страдала, — Макнэлл откровенно скривился при слове «моя», — и ради того, чтобы ей помочь, я был готов на все.

— Отчего же вы не попытались убить меня? — любопытно спросил Макнэлл.

Похоже, он взял себя в руки в достаточной степени, чтобы продуктивно вести беседу.

Программист криво ухмыльнулся.

— Я не идиот, — сообщил он, — и отлично понимал, что случится, если я встану лицом к лицу с профессиональным военным. А нападать со спины, исподтишка... это не по мне.

— Даже когда речь идет о благополучии вашей женщины? — с откровенной издевкой уточнил Макнэлл, сделав особый акцент на слове «вашей».

— Видимо, да, — поморщился от такой постановки вопроса Хендрейк.

— У парня есть принципы, это совсем не так плохо, — вступилась за программиста Гайка и стусевалась, заслужив суровый взгляд капитана.

— Эти принципы толкнули его на весьма странные поступки, — холодно заметил тот.

— Ну, в противном случае ты рисковал получить удар в спину, — несколько неуверенно протянул док, изучающе разглядывая Кена.

— Я и так его получил, — отрезал Макнэлл. — Но речь сейчас не о том.

— Действительно, — согласился Брэн и обратился к Хендрейку, вполне терпеливо дожидавшемуся конца этого диалога. — Что произошло потом?

— Можете и дальше надо мной посмеиваться, но эта ситуация окончательно вывела меня из равновесия, — продолжил свою странную исповедь тот. — Я уже был готов назначить мужу встречу, чтобы по меньшей мере посмотреть ему в глаза, а там будь что будет, но тут Линда

сама предложила решение.

По-моему, он умышленно упоминал капитана исключительно в третьем лице.

Бортовой врач подался вперед.

— Это становится интересным.

— Легко обвинить во всем Линду, которой здесь нет, — возразил капитан.

— Я могу закончить рассказ, или вы предпочитаете поdiscутировать между собой? — все-таки вспыхнул Хендрейк.

Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке — и из-за вторжения недружелюбно настроенной компании, и из-за необходимости перед этой компанией исповедоваться, и, похоже, из-за чувства вины перед Макнэллом.

— Ну что вы, такую интересную историю нельзя не дослушать, — приторно-любезным тоном заверил док.

Программист получил требуемое внимание, но, кажется, и сам был тому не рад.

— Линда сказала, что единственный способ скрыться от мужа — это заставить его поверить, будто она мертва. — Он покосился на капитана, но тут же отвел глаза. — И предложила инсценировать убийство. Детали плана мы разрабатывали вместе. Эксплоудер выбрали, потому что при этом варианте не требовалось тело. Для опознания Линда пожертвовала двумя зубами — удалила в одной нелегальной клинике, и мы подбросили их на место «преступления».

— Серьезная подготовка, — заметил Уолкс. — Надеюсь, она позаботилась об имплантатах?

Хендрейк рассеянно кивнул.

— Кто произвел выстрел? — холодно спросил Макнэлл.

— Я.

Капитан вскинул брови, но я заговорила раньше:

— Вы же улетели с Новой Земли за день до мнимого убийства! Вам что, удалось вернуться незамеченным? И Линда — она-то как сумела сбежать с планеты?

— Я вылетел один раз, — устало сообщил программист. — Вместе с Линдой, после того, как мы инсценировали это убийство.

Он замолчал, будто такого ответа было достаточно. Но четыре пары глаз требовали объяснений, поэтому Хендрейк продолжил:

— Я взломал сеть министерства межпланетных перелетов. Заранее все подготовил, а после того, как мы вылетели, зашел на их сайт и кое-что там

подправил. Поменял дату и стер имя Линды из списков. Только и всего.

Он говорил так, словно сожалел и не хотел нас разочаровывать. Никаких сложных комбинаций с тайным возвращением на планету. Никаких сменных кораблей и поддельных документов. Просто открыл сайт и поменял информацию. И чья-то жизнь пошла под откос.

— Вот оно что, — иронично протянул Брэн. — Стало быть, «программист» — не совсем точное определение вашей профессии?

Хендрейк равнодушно пожал плечами.

— Я действительно программист, среди прочего, — отозвался он. — Но да, я — хороший хакер, если это то, что вас интересует.

— Ничего не понимаю! — Я вклинилась в назревающую перепалку, прижимая ладони к вискам. — Почему тогда вы выбрали именно Грин? Вы же могли приземлиться на любой планете. Просто убрали бы свои имена из списка прибывших, раз уж вам ничего не стоит взломать сеть такого уровня.

— «Ничего не стоит» — слишком сильно сказано, — возразил Хендрейк. — Сеть на каждой планете своя. Общего много, но и различий хватает. Единый галактический плантернет — это фикция. На самом деле информация просто переправляется на специальные космические станции, в среднем примерно раз в полчаса. Потом кочует с одной станции на другую, пока наконец не попадает в местные сети других миров. Так что новости с какого-нибудь Миенга доходят до Новой Земли с многочасовым опозданием. Так вот, стирать с сайта свои данные пришлось бы очень быстро. Потому что как только они автоматически передаются на станцию, до них уже не доберешься. А взломать с нужной скоростью хорошо защищенный сайт совершенно не знакомой системы не смог бы никто. Пришлось лететь туда, где нет ни сайтов, ни плантернета, ни опознания личности по отпечаткам пальцев.

— Ну хорошо, у меня есть другой вопрос на засыпку. Кому принадлежала идея оставить на месте преступления ДНК ее супруга? — вкрадчиво поинтересовался Уолкс. — А заодно украсить его «орудие убийства»?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — нахмурился Хендрейк. — Речь шла только о ДНК Линды.

— В том-то и дело, что не только, — ласково просветил его док.

Он по-прежнему крепко сжимал плечо Макнэлла, которому, похоже, составляло все больше труда держать себя в руках.

— Вы хотите сказать...

— Именно это я и хочу сказать, — неискренне улыбнулся врач. —

Следы ДНК столь ненавидимого вами мужа-садиста были обнаружены на месте преступления и на эксплоудере в ходе судебной экспертизы.

Хендрейк вытер ладонью вспотевший лоб, отчего земля, в которой были перепачканы его руки, попала и на лицо.

— Я ничего об этом не знал. От эксплоудера избавлялась Линда. Нет, я не строю из себя белого и пушистого. Я понимал, что, когда начнут искать убийцу, подозрение может пасть на мужа. И счел, что это будет даже заслуженно, ведь он довел ее до того состояния, в котором она вполне могла бы покончить с собой. А это почти то же самое, что убийство. В общем... мужа мне было не жалко. Но специально подставлять его я бы не стал. К тому же я вообще не понимаю, как можно «подбросить» на оружие чью-то ДНК. Не зубы же у него выбили, да так, что он не заметил!

Хендрейк опасно поднял глаза на капитана, словно собираясь проверить того на наличие всех тридцати двух зубов. Макнэлл начисто проигнорировал этот факт, он даже не посмотрел в сторону человека, искалечившего ему жизнь. Вместо этого, глядя в пол и болезненно нахмутив брови, ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил:

— Зато Линда отлично знала, как это сделать. Она была первоклассным биологом.

Тогда я впервые осознала: он верит Хендрейку. Несмотря на всю неприязнь, испытываемую — и оправданно! — к любовнику жены, невзирая на то, что этот парень мало что способен доказать. Верит, быть может потому, что характер Линды хорошо вписывается в эту историю. Или потому, что за долгие годы службы приучился отличать искренность от фальши.

— Но вы же здесь. — Хендрейк нервозно теребил в руках одну из тонких дощечек, из которых недавно пытался что-то склотить. — Стало быть, вас не осудили? Ничего непоправимого не произошло?

Было нечто жалкое в этой обреченной на провал попытке обелить себя или хотя бы частично сбросить с плеч груз вины. Я поймала себя на том, что смотрю на парня с сочувствием и, более того, перехватила похожий взгляд доктора. Но только не Макнэлла.

— Ну почему же? — Капитан распрямил спину, оперся руками о столешницу и мотнул головой, отмахиваясь от попытки Уолкса в очередной раз удержать его от опрометчивого шага. — В данный момент ты ведешь беседу с беглым заключенным, осужденным за женоубийство на сорок лет. — Он жестко чеканил слова, будто вбивал гвозди в гроб душевного спокойствия собеседника. Потом криво усмехнулся. — Можешь наступать об этом органам правопорядка Новой Земли. Если, конечно,

сумеешь выйти с ними на связь.

Хендрейк молчал, опустив голову.

Не дождавшись ответной реплики — да он ее и не ждал — Макнэлл продолжил:

— Я тебя слышал, парень, и сейчас меня интересует только одно: где моя жена? Она ведь, как теперь понимаю, жива и здорова? Можешь не беспокоиться, я не собираюсь исправлять ни то ни другое. Не у одного тебя есть принципы. Так вот, мои не позволяют бить женщин. А вот побеседовать с ней я хочу. Повторяю вопрос на случай, если ты не расслышал. ГДЕ ОНА? — практически прокричал он.

— Ее здесь нет. — Хендрейк по-прежнему сидел с опущенной головой, и его слова были едва слышны. Сейчас он чем-то напоминал нашкодившего школьника, держащего ответ перед директором. — Она сбежала.

В некоторой степени мы были готовы к такой новости, ведь местный житель упоминал, будто жена новичка ушла. Но спустя пару секунд капитан раскатисто расхохотался.

— Сбежала? Значит, от тебя тоже? Выходит, мы некоторым образом товарищи по несчастью.

Мнимое веселье слетело с его лица так же внезапно, как появилось. Черты заострились, мышцы напряглись, а тон стал приказным.

— Куда она ушла?

Не хотела бы я провиниться перед таким директором школы. Перед таким беглым заключенным, бывшим капитаном ВВС — тем более. Но следует отдать Хендрейку должное, держался он неплохо. Был дезориентирован и вообще чувствовал себя препаршиво, но отвечал четко и чувства страха, по-моему, не испытывал. Скорее, в его словах слышалась некая обреченность.

— Не ушла. Улетела, — глухо отозвался он.

— Отсюда?! — не выдержала Гайка. До сих пор девушка не вмешивалась, проникнувшись серьезностью момента, хотя обычно продолжительное молчание ей было не свойственно. — У нее что, крылья прорезались?

Док сдержанно хихикнул. Капитан требовательно взглянул на хакера.

— Это случилось через месяц после нашего прибытия, — начал рассказывать тот. Как и Макнэлл, юмора он не оценил. — Мы назвали мужем и женой и жили здесь... ну, как и все. Тут в основном занимаются сельским хозяйством. Пашут, сеют, поливают... — Тон Хендрейка не оставлял сомнений: от нового рода занятий он был не в восторге. — Линда

благодаря своему образованию получила работу чуть лучше, в лаборатории. Они там выращивали какие-то особо питательные овощи... скрещивали клубнику с картошкой или еще что-то в этом роде, не знаю, — отмахнулся он. — А однажды на планету сел звездолет. Здесь такое случается редко, поэтому все кому не лень это обсуждали. А потом Линда пропала. Я не обнаружил ее дома, подумал — задержалась на работе, пошел в лабораторию, но там ее тоже не было. Стал расспрашивать соседей. Выяснилось, что она уехала на попутной коляске в сторону космопорта. Другого транспорта в ближайшее время не предвиделось, да и упущенное время надо было наверстать. В общем, я взял у одного фермера лошадь, хотя наездник из меня еще тот. И, как ни странно, доехал, даже, можно сказать, успел. Корабль готовился к взлету, двигатели уже шумели. И Линду я все-таки обнаружил. Она как раз заходила внутрь, с сумкой через плечо. Я перехватил ее у самой двери.

Хендрейк замолчал и поморщился, будто именно эти воспоминания были ему особенно неприятны. Что ж, его несложно понять. Ввязавшись в план Линды, просчитанный, похоже, по всем пунктам, парень не только поломал жизнь Макнэллу. Он и собственную судьбу перевернул с ног на голову. А после ее побега и ему стало ясно, что его использовали как пешку в чужой игре и выбросили, когда стал не нужен. Думаю, он осознал, что не может верить теперь ни одному произнесенному Линдой слову. Под сомнение пало практически все — и случайность их знакомства, и история ее отношений с мужем, и цель побега с Новой Земли, и, уж конечно, искренность ее любви к нему, Хендрейку.

— Она... — Кажется, парню было действительно тяжело говорить. — Видимо, она заметила меня раньше и успела подготовиться. А может, заранее все спланировала. В общем, Линда отвела меня в сторону. Порылась по дороге в своей сумке. Потом сказала: «Извини» и... потянулась ко мне с поцелуем. Момент мне показался неудачным, вся история дурно пахла, и романтики в ней не было ни на грош. Но я ничего не успел сделать. Просто почувствовал, как что-то легко укололо плечо. В первую секунду даже подумал, что насекомое какое-то местное. Потом сообразил, что дело в Линде, но было поздно. Перед глазами сразу поплыло, я схватился за стену и все равно пополз вниз, а она наклонилась и сказала мне на ухо: «Прощай, Кен. Надеюсь, тебе будет не слишком скучно на этой планете». Вот, собственно, и все. В себя я пришел где-то через час, меня откачивал тамошний диспетчер. Наверное, решил, будто у меня обморок произошел на почве душевных страданий. — Хендрейк фыркнул, давая тем самым оценку проницательности диспетчера. — С тех

пор Линду я не видел, и где она сейчас, понятия не имею.

— Что ж ты не погнался за ними на своем корабле?

Я поймала себя на невольной улыбке. Похоже, Рэй примерял на себя все, о чем рассказывал Хендрейк, и теперь пытался понять, почему хакер не поступил так, как действовал бы при аналогичных обстоятельствах он сам.

— На каком корабле? — тоскливо отмахнулся Кен. — Корабль давно уже разобрали на запчасти, чтобы не загрязнять планету, а заодно продать их при случае кому-нибудь из иноземцев. Это своего рода плата, которую мы внесли в фонд Грина за разрешение оформиться здесь на постоянное место жительства. Так что вместо корабля теперь вот, — он кивнул на окружавший дом участок, — земля, рассада да доски.

Мы немного посидели молча, осмысливая услышанное и делая выводы. Каждый свои собственные. Первым со скамьи поднялся капитан.

— Ну что ж, все ясно. Больше мне здесь делать нечего, — объявил он и развернулся к калитке, собираясь выдвигаться в обратный путь.

— То есть как «нечего»?! — возмутился док.

Он тоже встал из-за стола, чтобы успеть задержать Макнэлла.

Капитан пожал плечами.

— А что ты предлагаешь? Пару раз стукнуть этого Ромео физиономией по столу? Спасибо, конечно, но у меня как-то пропало желание.

— Я предлагаю, — заговорил Брэн, укоризненно качая головой, — взять у этого Ромео показания, которые помогут впоследствии восстановить твоё доброе имя.

Рэй мысленно взвесил предложение дока.

— Вряд ли поможет, — постановил он, хмурясь. — Единственное, что мы сможем доказать, — это что он ещё жив. А от своих слов он запросто откажется, заявив, что показания из него выбили. По сути это не такая уж неправда.

Уолкс сердито округлил глаза, тем самым советуя другу придержать язык, а затем вернулся на своё место за столом и снова обратился к хозяину дома.

— Значит, так, парень, — решительно и уже без показной сладости в голосе заявил он. — Сейчас берешь свой ноут и пишешь признание, коротко и ясно. Со всеми относящимися к делу фактами. Потом добавляешь свою заверенную печать и отпечаток пальца. Это понятно?

Хендрейк как-то очень уж ехидно усмехнулся. Это заставило нас насторожиться. Вроде бы готов был сотрудничать — и что теперь? Пошел

на попятный?

— Ноут принести могу, — кривя губы, отозвался он, — только как он работать будет? Батарея-то сто лет назад села. С другими гаджетами та же история.

Мы с доком переглянулись. И правда слегка подзабыли, где оказались.

— Можно часами воспользоваться. — Я приподняла руку, демонстрируя свою многофункционалку. — У них батареи еще надолго хватит.

— Только на них моей печати нет, — напомнил Хендрейк. — А без нее все эти показания мало что стоят.

— Так скачай ее из сети, — холодно посоветовал врач. — Или что, от свежего воздуха все пароли забыл?

Хакер затрясся от беззвучного и явно нервного смеха.

— Ребят, вы еще не поняли, что это за планета. — Он покачал головой. — Я тоже не сразу понял, только мне пришлось тяжелым путем учиться. Нет здесь никакой сети! Нет плантернета! Даже понятия такого нет. И все пароли — которые я, поверьте, отлично помню, можно засунуть себе... не буду уточнять при даме, куда.

Гайка фыркнула: сама-то она подобное могла уточнить без особых проблем.

Док впервые с момента приземления на Грин растерялся, даже опустил плечи, отчего вдруг стал казаться ниже ростом. Решение, как ни странно, а может, вполне закономерно, пришло от самого Хендрейка.

— Я знаю, что делать, — протянул он. — Напишу показания на бумаге и поставлю подпись от руки. Это официально считается документом. В том числе по закону Новой Земли.

Это было так странно, что мы не сразу нашли с ответом.

— А бумага-то есть? — спросила Гайка.

Хакер улыбнулся и кивнул.

— Вот этого здесь как раз предостаточно.

Затем обратился к доку:

— Я не знаю, почему Линда поступила... так, как поступила. Возможно, у нее были веские причины. Я не хотел бы ее подставлять. Но и сажать вашего друга на сорок лет за убийство, которого он не совершал, тоже не хочу. Поэтому показания дам. И не стану от них отказываться, если прокуратура сочтет нужным провести проверку.

Кен направился в дом — доктор напрягся, но следом все-таки не пошел — и вскоре вернулся с несколькими листами и ручкой. Не электронной, какой можно водить по экрану, а предназначенной

специально для бумаги. И без лишних рассусоливаний начал писать.

Это заняло прилично времени. Макнэлл, отчаявшись дожидаться окончания процесса стоя, все-таки вернулся, переставив поближе к столу обнаружившийся неподалеку табурет.

Наконец Хендрейк протянул Брэну несколько листов, исписанных с двух сторон. Тот принялся читать и не разогнул спину, пока не просмотрел текст от начала и до конца. Я пару раз пыталась приглядеться к синей вязи букв, нарушившей первозданную белизну бумаги, но не смогла разобрать ничего, кроме самых коротких слов. Док тоже хмурился и иногда подолгу задерживался на одном месте, но в итоге, видимо, понял все, что было нужно. Закончив читать и подняв голову, он в первую очередь встретился взглядом со мной.

— Говорят, в стародавние времена, когда на Земле все писали вот такими ручками, врачи славились отвратным почерком. Похоже, сейчас мне пришлось расплачиваться за всех представителей профессии разом.

— Попробуйте сами, и посмотрим, получится ли у вас лучше, — обиженно проворчал хакер. — Это вам не на клавише печатать, здесь нужна долгая практика, и лучше с детства. Уроженцы Грина пишут так, что залюбуешься, а все остальные — примерно как я, уж простите.

— Прощаю, — хмыкнул Уолкс, бережно складывая листы и пряча их в нагрудный карман пиджака.

Потом неожиданно протянул Хендрейку ладонь.

— Спасибо, — сказал он. — Исправлять совершенные ошибки совсем не просто.

Хакер на какое-то время стоял замер в растерянности, но затем тоже вытянул руку, отвечая на пожатие врача.

— Удачи, — на прощание сказал док и повернулся к нетерпеливо дожидавшемуся капитану. — Куда теперь? — любопытствовал он.

— Разумеется, в космопорт, и как можно быстрее. У них должны были сохраниться записи, и мы сможем узнать, на каком корабле улетела Линда и куда он отправлялся. Прошло два месяца, но не вечно же она будет скитаться по галактике. На какой-то планете она остановилась, и я ее найду.

— Разумно, — немного подумав, кивнул врач. — Признание Хендрейка — это хорошо, но предъявить властям живую и здоровую «жертву» — еще лучше.

У Рэя, похоже, были иные приоритеты.

— Хочу, черт побери, выяснить, какого дьявола она замутила всю эту историю. И не втянул ли ее кто-то третий. Если да, порву голыми руками.

Не для того же она такое устроила, чтобы разойтись со мной. Развод был бы значительно проще.

Док и капитан уже дошли до калитки, мы с Гайкой двигались следом, когда хакер, обогнав нас, остановил мужчин.

— Я лечу с вами, — решительно заявил он.

Рэй даже не поднял — запрокинул голову и смерил соперника уничижительным взглядом.

— Это еще с какой радости? — мрачно полюбопытствовал он.

— Я тоже хочу знать, что произошло на самом деле, и в чем причина поступков Линды, — твердо ответил Хендрейк.

Капитан криво усмехнулся.

— И с какой стати меня должно интересовать, чего ты хочешь?

Вопрос был риторическим. Макнэлл просто послал хакера далеко и надолго. Точнее сказать, на планету Грин, весьма далекую от прочих цивилизаций если не по расстоянию, то по сути.

— Он мог бы нам пригодиться, — хмурясь, заметил Брэн. — Я имею в виду — на тот случай, если мы не сумеем отыскать Линду. Тогда доставим судьям хотя бы его.

— Угу, а по дороге он или сбежит, или саботаж на корабле устроит, или Линду предупредит... Можешь дальше о вариантах пофантазировать, пока мы до космопорта трястись будем, — отрезал Рэй.

Врач пожал плечами, но настаивать не стал. А вот хакер был настроен решительно.

— Я понимаю, что не сильно вам нравлюсь, — заявил он с вызовом, — но все равно полечу.

Макнэлл, приподняв брови, поглядел на него с праздным любопытством космотуриста, увидевшего на чужой планете необычную пичужку.

— Послушай, парень. — Он почти дружелюбно похлопал Хендрейка по плечу, заставив того стусеваться и растерять весь гонор. — Ты действительно мне не нравишься, но дело сейчас даже не в этом. Просто мы улетаем, а ты остаешься. Это данность, с которой тебе придется смириться. У меня четкое, не терпящее исключений правило: я не беру на борт тех, кому не доверяю. Поэтому ты остаешься здесь копать в земле и выращивать клубничную картошку. Ты сам загнал себя в эту яму, так имей мужество расплачиваться за собственные поступки. Возможно, когда-нибудь жизнь тебе даже за это улыбнется.

Он распахнул калитку и зашагал прочь, демонстративно не оставляя хакеру шансов для дальнейших переговоров. Брэн взглянул на хозяина

дома, затем на бегущую вдоль забора дорожку и последовал за Макнэллом. Мы не намеревались отставать, но возле самого выхода Гайка все-таки остановилась.

— Знаешь, тебе очень повезло, что Линда всего лишь сбежала на том корабле, — сказала она Хендрейку. — Для нее было бы куда проще не оставлять живого свидетеля. Наверное, какие-то чувства она к тебе все же испытывала. Вряд ли любовь, но...

Девушка красноречиво пожала плечами.

Глава 4

Кучер поджидал нас на прежнем месте. Усаживаться обратно в тесную коляску не хотелось никому. Тело по-прежнему ныло от продолжительной неудобной езды, давали о себе знать полученные в дороге ушибы. Даже неунывающая Гайка тайком потеряла мягкое место, прежде чем взяться за край дверцы. Впрочем, в ее случае и этот жест смотрелся чрезвычайно женственно.

Разнообразие ради на сей раз мы поменялись «партнерами»: я ехала на коленях у дока, а Гайка устроилась с капитаном. Не могу сказать, чтобы я сильно расстраивалась по этому поводу: неудобство путешествия в любом случае перебивало романтику, если она и присутствовала. К тому же сейчас было не до размышлений о собственных эмоциях: слишком уж впечатлил меня услышанный только что рассказ. Главным, что не давало покоя, был вопрос: зачем Линде все это понадобилось? Да, она провернула шикарнейшую комбинацию, тут жене Макнэлла приходилось отдать должное. Но с какой целью? Капитан прав: развестись было бы в тысячу раз проще. Не со скуки же она так поступила!

Ехали в молчании. Очередное поле осталось позади, и вдруг...

— Какой-то странный звук, вам не кажется? — заметила я, пытаюсь изловчиться и обернуться, не слишком тревожа при этом Брэна. — Как будто за нами... ну, не флаер летит, конечно, но что-то такое техническое едет.

Тут уж не выдержала Гайка и развернулась, встав на колени. Рэй поморщился, но стойко перенес неудобства.

— Ого! — присвистнула девушка. — Смотрите, это же он!

Тут уже все сосредоточили свое внимание на уходящей назад дороге, поскольку кто такой «он», догадывались. И действительно, нашим взорам предстало несколько неожиданное зрелище. Метрах в двадцати от нас, издавая те самые звуки, охарактеризованные мной как «технические», шла лошадь, верхом на которой ехал Кен Хендрейк.

— Упорный! — констатировал врач, кажется, позабавленный увиденным.

— Сказали ведь ему не лезть, — хмуро процедил Макнэлл, глядевший теперь исключительно прямо перед собой.

— У него, похоже, свое мнение на этот счет.

Хакер по-прежнему держался на расстоянии, но и разворачиваться не

собирался.

— Как раз иметь свое мнение его и не просили, — буркнул капитан. — Это и так не слишком хорошо у него получается.

Не выдержав, он все-таки снова обернулся. И, полагаю, не пожалел об этом, поскольку пару секунд спустя лошадь Хендрейка испугалась чего-то, увиденного в кустах. А может, не испугалась, а всего лишь притворилась испуганной. Если честно, исходя из ехидного выражения ее морды, я бы поставила на второе, но, с другой стороны, что я понимаю в животных?.. В любом случае, она шарахнулась, хакер не удержался в седле и плюхнулся в кусты. При этом зверюга даже не думала убежать, а с видом белой и пушистой осталась переминаться с ноги на ногу рядом с изрядно ушибленным седоком.

— Может, помочь? — предложил, оглядываясь через плечо, кучер.

— Даже не думай, — отрезал повеселевший капитан. — Езжай, как ехал.

Мы с Гайкой вытянули шеи, глядя вслед потихоньку удаляющемуся горе-наезднику.

— Все-таки он от нас отстал. — Настроение у Рэя явно улучшилось.

— Не думаю, — возразила я. — Док прав: он упорный. Скорее всего, снова сядет в седло и нагонит.

— И опять упадет, — не унывал капитан.

— И все равно поедет за нами, — не сдавалась я.

— Спорим? — предложил Макнэлл.

— Легко!

Во мне тоже проснулся азарт.

— И на что же? — Док, не стыдясь, подлил масла в огонь нашей пагубной склонности.

Капитан первым делом вопросительно посмотрел на меня. И очень хорошо, потому что я ответила без малейших колебаний:

— Если выигрываю я, ты разрешаешь мне курить на корабле.

— Не дождешься!

— То есть ты идешь на попятный? — подначила его.

— Нет. Просто назови что-нибудь другое.

— Ладно. — Как ни крути, приходится идти на компромисс: это серьезно повышает шансы на выживаемость. — Ты разрешаешь мне выкурить на корабле одну сигарету. Тогда, когда я этого захочу.

— Только если это не будет представлять опасности для полета.

— Подлинной опасности, — подчеркнула я. — Но ты не станешь использовать общие отговорки в духе «а вдруг эта искорка случайно

пролетит тридцать метров, врежется в стену, внезапно повысит свою температуру в сотни раз и прожжет корпус насквозь».

— Договорились, — хмыкнул Макнэлл. — Но если выиграю я...

Гайка и док следили за ходом наших переговоров с открытыми ртами, твердо намереваясь не пропустить ни слова.

— ...тогда ты откровенно ответишь на мои вопросы, — сформулировал собственное условие Макнэлл.

— Ну нет! — Тут уж взбрыкнула я. — Против сигареты это слишком много. Обещаю... честно ответить на один вопрос.

— Годится.

Капитан принял пари слишком легко, и я поняла: что-то тут не так. По-видимому, он изначально не рассчитывал на большее, чем один ответ, и о вопросах во множественном числе заговорил специально, чтобы было о чем торговаться.

— Брэн, будь любезен! — весело попросил Рэй.

Врач разнял наши руки, и правила спора вступили в силу.

За время нашего дальнейшего пути Хендрейк неоднократно падал с лошади, но всякий раз с настойчивостью мазохиста заново садился в седло с очередным украшением из травы в волосах и все более злым выражением лица. Тема нашего пари то и дело всплывала в разговоре. Все четверо — да что уж там, пожалуй, все пятеро, включая кучера! — с интересом следили за продвижением компьютерчика. Если бы я была художницей и рисовала видеокартину, непременно увековечила бы образ Хендрейка в работе «Хакер на коне». Ну или еще что-нибудь в этом роде.

В целом у меня имелись все причины для позитивного настроения: я была практически уверена, что выигрываю. Макнэлл даже успел слегка помрачнеть. Но когда мы уже въезжали на территорию космопорта, лошадь Хендрейка, до сих пор не демонстрировавшая ни малейшего увлечения скоростью, внезапно решила наверстать упущенное и перешла в галоп. Должно быть, что-то на взлетной площадке ее попросту напугало, в результате чего она лихо пересекла поле и проскакала дальше. Попытки наездника как-то вмешаться в процесс она откровенно и, по-моему, с удовольствием игнорировала.

— Мы как-то обсуждали планеты третьей и четвертой категории, — напомнил мне Рэй. — Что ты теперь скажешь? Все еще убежден, что разумность вида определяется по тем научным коэффициентам?

— Ничего не могу сказать насчет лошади, но он еще вернется! — убежденно заявила я, настраивая капитана на то, что расслабляться пока рано.

— Может, и вернется, — поддержал меня док, после чего добавил: — Только сначала на этой кобылке вокруг планеты обежит. Учитывая, что останавливаться раньше она явно не планирует. Ну а что? — хмыкнул он, встретив мой осуждающий взгляд. — Когда-нибудь он ведь все равно здесь окажется.

Я не считала, что этот аргумент поможет мне выиграть спор, но мы как раз прибыли на место и стали высаживаться из коляски. Было не до разговоров. За время пути небо заметно потемнело, небольшое по нашим меркам солнце опустилось за кроны деревьев, и дорогу окутал вечер. Однако две луны отлично освещали космопорт.

Поднявшись на верхушку башни, мы увидели незнакомого мужчину, худого, с каштановыми волосами, одетого в комбинезон, чем-то напоминающий Гайкин. Это было реально предвидеть, ведь не дежурят же здесь круглосуточно одни и те же люди. Я малость напряглась: неужели придется проводить всю подготовительную работу по второму кругу? Но диспетчер явно ожидал нашего прибытия и, выйдя нам навстречу, вежливо поздоровался:

— Добрый вечер. Меня зовут Аджи Глас. А вы, наверное, и есть господа из тайной полиции Новой Земли?

Я отвернулась, чтобы тихонько прокашляться. Похоже, за прошедшие полдня наш статус успел основательно вырасти в глазах местного населения.

— Мы и есть господа, — уклончиво согласился Брэн. Вроде бы и принял формулировку, а вроде и не выдавал себя за работника тайной полиции — поступок, за который его в случае чего не погладили бы по головке.

— Могу я чем-то вам посодействовать? — с готовностью спросил шатен.

— Нас интересует Бэлла Дарк, — вступил в разговор Рэй. — Два месяца назад она покинула планету. Мы бы хотели выяснить, что это был за корабль и куда он направлялся. Вам ведь сообщают ориентировочный маршрут?

— Да, — согласился Глас, — все верно, такая информация обязательно фиксируется. Присаживайтесь, пожалуйста, сейчас я посмотрю списки.

Он быстро извлек из шкафа те же папки, которые разыскивали утром его коллеги. Видимо, работники космопорта ожидали, что материалы снова понадобятся.

Диспетчер вернулся на свое рабочее место, маленький островок

технологии посреди огромного океана экологической чистоты, взглянул на экран, дабы убедиться, что границы планеты никто не собирается нарушать, и принялся просматривать страницы.

— За этот период на Грин прилетел только один корабль, «Ноктюрн». Частный транспорт типа Н-18. Отбыл в тот же день. Других рейсов не было вплоть до вашего прибытия.

— Место назначения?

— Дуэлла.

— Дуэлла, — эхом откликнулся Макнэлл, повторяя название ближайшей обитаемой планеты.

— Да, — подтвердил диспетчер. — И еще... Здесь отмечено, что пассажирка, севшая на корабль на Грине, высказала пожелание, чтобы ее высадили на материке Рошкорт.

— Ну что ж, — капитан кивнул, — благодарю за содействие. Значит, летим на Дуэллу.

— Значит, летим на Дуэллу, — вторил ему мужской голос.

Мы обернулись. У дверей стоял Кен Хендрейк, запыхавшийся, вспотевший и изрядно позеленевший, но живой и, главное, полный решимости.

— Уже предвкушаю сигаретку, — шепнула я Макнэллу.

И тут же пожалела о сказанном, настолько гневно тот на меня посмотрел.

— Тебя не приглашали лететь с нами, парень.

К счастью, это было адресовано не мне, а подлинному источнику неудовольствия капитана.

— Ничего, я не гордый. Полечу даже без приглашения, — вздернул подбородок Хендрейк.

— Полетишь. От двери и до земли. И скажи спасибо, если расстояние выйдет небольшим.

— Я имею право выяснить, что произошло с Линдой!

— Да если и имеешь, — фыркнул Рэй, — при чем здесь мой корабль? Жди другой попутки. Месяца через два дождешься.

— Через три, — услужливо подсказал диспетчер, ни слова не пропустивший из предшествовавшей дискуссии.

— Обсудим это внизу, — мгновенно сориентировался Брэн, умышленно перемещаясь так, чтобы оказаться между спорщиками.

Тех, впрочем, это не остановило.

— Вы все равно меня возьмете, — твердо заявил хакер, вставая на цыпочки, дабы встретить взгляд Макнэлла несмотря на маневр дока.

— С какой это стати? — процедил тот.

— Хотя бы потому, что я догадываюсь, зачем Линде понадобился Рошкорт. К тому же я хорошо разбираюсь в сетях, а это может оказаться полезным в поисках.

Капитан возвел глаза к потолку.

— Продолжим разговор внизу, — отчеканил он.

И повернулся к диспетчеру, с этого момента делая вид, что Хендрейка попросту не существует.

— Мы собираемся взлететь, как только подготовим корабль. У вас есть какие-нибудь возражения на этот счет?

— Нет, что вы! — замахал руками дежурный. — Наоборот, мне наказано всячески вам содействовать. Напряженного трафика у нас здесь, как вы сами понимаете, не наблюдается, — пошутил он, заискивающе глядя на Рэя. — Так что можете вылетать в любой момент. У нас не очень хорошо обстоит дело с топливом, — добавил он, — но в случае необходимости...

— Нет такой необходимости, — оборвал поток словоизлияний капитан, — до Дуэллы мы долетим. Что ж, — он отыскал глазами дока, — если нас больше ничто не задерживает...

— Подождите!!!

Этот вопль, донесшийся со стороны лестницы, заставил всех вздрогнуть и переключить внимание на дверь. Диспетчер даже за сердце схватился, а рука Макнэлла потянулась к поясу — видимо, туда, где в прежней жизни он носил бластер. Не найдя в привычном месте оружия, он поморщился и продолжил следить за входом, сощуриив глаза.

— Подождите меня! — послышалось уже совсем близко, и в помещение вбежал молодой человек.

Основной деталью его облика, бросавшейся в глаза, были очки — прибор для коррекции зрения, использовавшийся крайне редко и исключительно теми, кто страдал аллергией на все виды контактных линз. Довольно крупные, идеально круглой формы, они отчего-то смотрелись чрезвычайно нелепо. Равно как и казавшийся школьным рюкзаком, широкие лямки которого плохо держались на по-мальчишески узких плечах.

Как я уже упомянула, молодой человек не вошел, а именно вбежал в диспетчерскую. В итоге ему не удалось вовремя затормозить, и он врезался в широкий рабочий стол. Изображение на экране пару раз мигнуло, но потом все-таки восстановилось.

— Господин Робертсон! — укоризненно протянул дежурный. — Осторожнее, ради бога! Как вы здесь оказались на ночь глядя?

Молодой человек восстановил равновесие, поправил съехавшие набок очки, растерянно огляделся и, определив в капитане и доке «главных», обратился сразу к обоим.

— Заберите меня отсюда! — взмолился он. — Пожалуйста! Я больше не могу оставаться на этой планете!

Мужчины синхронно перевели взгляд на диспетчера, поскольку среди присутствующих именно его можно было счесть наилучшим специалистом по Грину.

— Джекки Робертсон! Прекратите портить репутацию планеты в глазах иномирцев! — строго призвал тот.

Но Джекки даже не обратил на него внимания.

— На этой планете невозможно жить! — Похоже, он впервые за долгое время получил возможность выговориться и теперь намеревался воспользоваться ею по полной. — Да, я прилетел сюда по собственному желанию, чтобы изучать здешнюю флору, она действительно своеобразна, но всему есть предел! Несколько месяцев обходиться даже без электрической лампочки! Вы это себе представляете? Я уже не говорю о холодильнике или ноутбуке, нормальных признаках цивилизации! А здешние туалеты? Вы видели здешние туалеты?

За этот день мы, сказать по правде, успели изучить с данной точки зрения только кусты, но, судя по выражению лица Робертсона, местные уборные были воистину страшны.

— Нормальные у нас туалеты! — вступился за родную планету диспетчер, не проронивший ни слова, пока речь шла о лампочках и холодильниках. — Экологически чистые!

— Экологически — может быть! — съязвил молодой человек. Акцент, который он сделал на первом слове, был весьма красноречив. — Одним словом, я больше просто не могу здесь оставаться, — заключил он, обращаясь теперь лично к Рэю.

Однако же и диспетчер оказался не лыком шит.

— Господин Робертсон, не забывайте: у вас на нашей планете определенные обязательства. Вы подписали бумагу, согласно которой взялись исследовать нашу флору в течение семи месяцев. Прошло всего лишь четыре.

— Зато в этой бумаге не оговаривались условия, в которых мне предстоит работать! — воскликнул Джекки.

— Стало быть, вы понимаете, что нарушаете договоренность, покидая планету прежде срока, — невозмутимо продолжал шатен.

— Но должен же быть какой-нибудь выход! — Парень отчаянно

притопнул ногой.

Лицо диспетчера приобрело выражение задумчивое и несколько отстраненное, словно он собирался говорить о вещах абстрактных и лично к нему никакого отношения не имеющих.

— В принципе, с учетом обстоятельств, полагаю, планета могла бы пойти вам навстречу. Скажем, небольшая компенсация поможет нам как-то... справиться с неожиданными трудностями и, возможно, в перспективе вызвать еще одного специалиста.

— Да, конечно!

Ажиотаж — это последнее, что люди обычно ожидают увидеть в подобных обстоятельствах, — кому ж захочется расставаться с деньгами или ценными вещами, особенно если человек сам считает себя пострадавшей стороной! Но Джекки был крайне воодушевлен. Как видно, очень уж сильно ему успел надоесть Грин.

Скинув с плеч рюкзак, молодой человек расстегнул молнию. Обошлось не без приключений: он так торопился, что при первых двух попытках молния заедала, но в третий раз открыть сумку все же удалось. Парень извлек из нее папку, достал оттуда стопку исписанных листов, и спустя секунду ими было завалено все рабочее пространство диспетчера. Под описаниями, выводами и формулами оказались погребены встроенные клавиатуры, карты и панель управления.

— Вот все мои исследования за последние три месяца, — сообщил Джекки, даже не замечая замешательства дежурного. — Я все оставляю вам. Вы можете использовать их по своему усмотрению, даже опубликовать результаты под своим именем. Я к вам не в претензии, говорю это абсолютно искренне. За время работы на Грине я получил много любопытной информации и, возможно, когда-нибудь продолжу работу над этими темами. Но сейчас хочу только одного — попасть на другую планету.

Диспетчер тоскливо смотрел на «взятку», которую только что всучил ему ученый, отлично понимая, что ничего более осязаемого с этого парня в любом случае не возьмешь, следовательно, вынуждать его торчать на Грине еще несколько месяцев бессмысленно.

Думаю, Рэй тоже все это понимал и, несмотря на внутреннее раздражение, уже успел смириться с тем фактом, что попутчика в лице Джекки Робертсона мы на борт возьмем.

Перекинувшись заключительной парой слов с диспетчером, капитан направился к двери, а следом за ним потянулись и остальные.

— На какой планете вы хотели бы высадиться? — спросил у Джекки

Макнэлл, пока мы спускались к выходу из башни. — Дуэлла подойдет?

— Честно говоря, лучше всего было бы попасть на человеческую планету, — с просительным взглядом ответил тот.

— Категории 1, — поправил его капитан. Такая формулировка считалась более политкорректной.

Ученый кивнул.

— Я понимаю, что планеты и луны первой категории для вас комфортнее, но в данный момент нашим пунктом назначения является Дуэлла. Живут там не люди, но основное население — это гуманоиды, похожие на людей. Они даже говорят на сходном языке. Найти там корабль, который доставит вас в любой человеческий мир, включая Новую Землю, не составит труда.

Джекки закусил губу, пристыженно помолчал, а потом шепотом спросил:

— Но ведь для этого понадобятся деньги, да?

Макнэлл пару раз моргнул.

— А у вас что, их нет?

Беженец с Грина опустил глаза и покачал головой.

— Но вы же собирались как-то отсюда улететь?! — недоуменно нахмурился капитан. — Пусть не сейчас, пусть через несколько месяцев!

Ученый виновато пожал плечами.

— Я думал, главное — купить билет сюда. А обратно уж как-нибудь...

Рэй осатанело покосился на нас с Гайкой. Мы только руками развели. А что тут было говорить? Капитан глянул на мои часы и, рассудив, что времени и без того упущено больше, чем нужно, принял решение.

— Ладно, полетите с нами, — согласился он. — Надеюсь, что в относительно скором будущем мы сможем доставить вас на планету первой категории. Как-никак того же ожидают два члена команды. Но никаких обещаний по срокам дать не могу, — продолжил он, стремясь осадить чересчур обрадовавшегося Джекки. — Кроме того, обязан вас предупредить, что хотя миссию корабля нельзя пока назвать опасной, считать ее совершенно безопасной я тоже не могу. Мой звездолет — не лучший выбор для человека, который желает быстро и легко попасть из пункта А в пункт Б. Но если у вас нет альтернативы, — он развел руками, — добро пожаловать на борт.

Пока мы вшестером спускались по лестнице — да, именно вшестером, Хендрейк упорно следовал за нами — Рэй перекинулся парой слов с доком.

— Я по-прежнему считаю, что он нам пригодится, — вполголоса

сказал Брэн. — Для суда.

— До суда много всего может произойти, — возразил капитан. — Например, свихнутся все компьютерные системы звездолета. Что тогда?

— Я буду за ним присматривать, — пообещал Уолкс.

Мужчины шли впереди, но что-то мне подсказывало, что выражение лица Рэя было не слишком оптимистичным.

Космопорт был невелик, поэтому расстояние, отделявшее диспетчерскую башню от корабля, мы преодолели всего за пару минут. Не дойдя до звездолета нескольких шагов, Макнэлл развернулся, недвусмысленно перекрывая Хендрейку проход.

— Линде понадобился Рошкорт, потому что там расположены лучшие в галактике камеры хранения, — отчеканил он, тем самым давая понять, что как минимум одна из причин брать хакера на борт не стоит выеденного яйца.

Уже окончательно стемнело, но звездолет заиграл зажигающимися зелеными огнями, опознав голос своего хозяина.

— Ты никуда не будешь соваться на моем корабле, — жестко предупредил Рэй. — Системы будут оповещены на твой счет. Одно лишнее движение — и я выброшу тебя в открытый космос вместе с мусорным контейнером. Это понятно?

Мне кажется, хакер хотел как-нибудь сдержит в ответ, но, следует отдать ему должное, сдержался и молча кивнул. Еще несколько секунд Макнэлл сверлил его взглядом, словно предупреждая о возможных последствиях, затем развернулся и зашагал к входному люку, сделав нам знак идти следом.

— Здесь расположен технический отсек со стиральной машиной, холодильными камерами, спецодеждой и прочим, — указал он направо. — Там, — капитан повернул голову налево, — служебный отсек, вход в который категорически запрещен. Допуск есть только у меня и корабельного механика. Это понятно?

— Да, конечно.

Джекки поспешно кивнул, даже не заподозрив, что вопрос адресован другому человеку.

Поднявшись на второй этаж, Макнэлл продолжил своеобразную экскурсию.

— Командный отсек, — он кивнул на закрытую дверь, — предназначен для членов экипажа. Это значит, что без приглашения туда заходят только четыре человека: доктор, Гайка, Сэм и я. Исключение составляют взлет и посадка, поскольку лишь эта часть корабля

оборудована противоперегрузочными креслами с пристяжными ремнями.

О наличии такого кресла в служебном отсеке он не упомянул и правильно сделал. Гайка и так в курсе, а остальным это знать необязательно.

— И, наконец, жилой отсек. — Макнэлл распахнул соответствующую дверь, и мы по очереди протиснулись в узкий коридор, заняв его практически полностью. — Именно здесь пассажиры, — особенно острый взгляд при этом был устремлен на хакера, — проведут почти все время полета. В отсеке имеются личные каюты, в каждой из которых по две койки, и кают-компания, где вы сможете принимать пищу и совместно проводить время до нашего прибытия в пункт назначения. Господин Уолкс скажет, кто где будет ночевать. И последнее. Господин... — он прищурился, вспоминая имя, — Робертсон. Поскольку экипаж не полностью укомплектован, нам может понадобиться ваша помощь в выполнении задач, не требующих специальной подготовки. В этом случае вы получите личное уведомление от меня либо от доктора Уолкса. Желаю всем приятного полета. Жду вас в командном отсеке через четырнадцать минут.

— Суровый человек, — выдохнул Джекки, прислушиваясь к удаляющемуся шуму шагов капитана. — Вот только, боюсь, толку от меня на корабле будет очень мало...

— О, не беспокойтесь, мы найдем применение вашим талантам, — заверил док. — Вы ведь хорошо разбираетесь в растениях?

Ученый кивнул.

— Отлично. Знаете разницу между петрушкой и укропом?

— Конечно, — фыркнул Джекки. — Несмотря на то, что оба растения принадлежат к семейству зонтичных порядка зонтикоцветные, различия между ними видны невооруженным глазом и включают в себя...

— Вот и прекрасно, — перебил его Брэн. — Стало быть, будете работать на корабле коком.

— Кто, я?! — возмутился пассажир. — Я не повар! Я, к вашему сведению, ботаник!

Отчего-то последнее утверждение заставило всех присутствующих расхохотаться.

— Это мы поняли сразу, — заверил док.

Времени оставалось немного, и Уолкс распределил нас по каютам. Точнее, немного изменил прежний расклад с учетом двух новичков на борту. Всего на звездолете было четыре жилых помещения, и до сих пор каждый из нас занимал свое собственное. Теперь ситуацию приходилось

менять. Хендрейка док поселил вместе с Джекки. Гайке как единственной женщине предоставил отдельную каюту. Рэю она полагалась как капитану. Наконец, меня тоже оставили в отдельном помещении... без очевидных на то оснований. Как Саманту меня следовало подселить к Гайке. Как Сэма — к доктору. Но шутка в том, что доктор знал меня как Саманту, а Гайка — как Сэма. Как следствие и то и другое сочетание вело к проблемам. В итоге врач проявил благородство. Не только фактом своего молчания, но и тем, что оставил меня в прежней каюте, а сам «переехал» в медицинский отсек, обосновав это тем, что у него бывает много работы, из-за которой и так зачастую приходится оставаться на ночь. Я была очень признательна Брэндану за этот поступок, тем более что ни на грош не верила в его отговорку.

Док удалился, напомнив, что у нас осталось всего несколько минут на размещение в каютах. Макнэлл был к этому времени уже на мостике. Гайка и Джекки разошлись по своим комнаткам, мы же с Хендрейком задержались в коридоре.

— Он так сильно меня ненавидит, — хмыкнул хакер, глядя вслед давно покинувшему нас капитану.

Непонятно, какие чувства подтолкнули его к этим словам. Обида? Злость? Удивление, непонимание? Или он просто анализировал ситуацию и старался правильно себя настроить на будущее?

Вздохнув, я подняла голову. Узкий коридор заставлял стоять близко друг к другу, а парень был ощутимо выше меня.

— Он лишился всего, что имел, — объяснила я достаточно мягко, но не допуская компромиссов. — Вы лишились родины, привычной среды обитания и любимой работы. Он тоже потерял это, но кроме того — свободу и доброе имя. И еще. Его держали в одиночной камере в отвратительных условиях. Его избивали. Практически пытали. Какой еще реакции вы ждете сейчас?

Попытавшись взглядом оценить, понял ли Хендрейк сказанное, я удалилась к себе. Казалось, что понял; во всяком случае мне хотелось в это верить.

Закрыв дверь, прислонилась к ней спиной. Обустроиваться не было нужды, поскольку я провела в этой каюте уже несколько дней. Поэтому оставшиеся минуты просто стояла и думала: почему, несмотря на напряженность обстановки на корабле и сложность последнего разговора, у меня такое хорошее настроение? И наконец поняла. Потому, что капитан зачислил меня в состав экипажа корабля. Невзирая на то, что, не имея должной подготовки и профессии, пользы я могла принести не больше

Джекки и уж точно меньше, чем Хендрейк.

Взлет прошел благополучно, без сложностей и пререканий. Правда, ботаник полубопытствовал, можно ли вылетать в столь позднее время. Док ответил, что это, конечно же, очень плохо, поскольку ночью в космосе будет темно и ничего не видно, но пообещал включить фары. Джекки обиделся, но не сильно. Вскоре мы разошлись спать. День выдался тяжелый.

Завтракали в кают-компании. Собрались все, кроме капитана, он был занят в командном отсеке. Хотя, по моим предположениям, основная причина заключалась в другом: Макнэлл просто не желал пересекаться с Хендрейком.

Словом, мы собрались впятером. Из еды — исключительно тюбики с пастой, якобы содержащей все необходимые человеку во время полета вещества, да пара непросроченных консервных банок. На Грине мы были слишком заняты другим, и потому продуктами не запаслись. Хорошо, что до следующей планеты лететь недолго.

Так что мы настроились на питательный, но не слишком яркий в плане вкусовых ощущений завтрак, как вдруг хакер начал вытаскивать из сумки и молча выкладывать на стол продукты. Яблоки, помидоры, сливы, сухари и пару свежих булок.

— Откуда это все? — удивилась Гайка.

Хендрейк пожал плечами.

— В жизни на Грине есть определенные преимущества.

— Это попытка подкупить нас? — поинтересовалась язвительно — кажется, я инстинктивно не успела простить парню отсутствие на завтраке Макнэлла.

— Я похож на идиота? — спросил он в ответ, смерив меня долгим взглядом.

— Вообще-то с первого взгляда нет. — Меня было не так легко смутить. — Но после вчерашнего рассказа, — сделала вид, что напряженно думаю, — пожалуй, да, похож.

Хакер еще некоторое время сверлил меня глазами, но так ничего и не сказал.

— Нет, правда, — вклинилась в разговор Гайка, — как можно было решить, что кэп — такой жестокий муж-тиран? На него же достаточно пару минут посмотреть, и становится понятно, что он мухи не обидит.

В памяти немедленно всплыл эпизод с разъяренным Макнэллом, только-только узнавшим, что я без спросу навестила его родителей.

— Ну это как сказать! — синхронно возразили мы с Хендрейком.

Я вынужденно усмехнулась.

— Лично я с ним не общался, — ответил по существу хакер. — Теперь понимаю, что Линда всячески старалась этого не допустить. У меня было два месяца на размышления, — добавил он, снова повернувшись ко мне, — так что я имел возможность оценить степень собственного идиотизма. Но информацию по Макнэллу я в свое время искал старательно.

— И много нарыли? — полюбопытствовал док.

— Не очень. В открытом доступе ничего интересного не было, а взломать сайты ВБС — дело не из легких. Но кое до какой информации ограниченного доступа я добрался.

— Что вы говорите! — восхитился Брэн. — И до какой же именно?

— Только не надо смотреть на меня так грозно, — поморщился Хендрейк. — Не говорите, что собираетесь пристрелить меня за лишние знания.

— Ну что вы! — отмахнулся врач. — Мне гораздо удобнее будет вас усыпить.

— Мне удалось выяснить две вещи, — проигнорировал эту эскападу хакер. — Первое: во время военных операций от рук капитана погибло немало народу. Второе: он не всегда строго следовал уставу, за что периодически получал взыскания. И то и другое косвенно подтверждало слова Линды.

Док картинно закатил глаза.

— Молодой человек — пацифист? — саркастически поинтересовался он.

— Молодой человек не слишком любит убийства, — скорректировал Хендрейк.

— И поэтому почему зря палит из эксплоудера, следуя указаниям экзальтированных дамочек?

— Я — пацифист, — по-ученически подняв руку, сообщил Джекки.

Врач и хакер уставились на него одинаково ошалелыми взглядами. Затем первый медленно, будто загипнотизированный, повернулся ко второму.

— Знаете, почему вообще ограничивается доступ к информации? — спросил Брэн, сбрасывая оцепенение. — В девяноста пяти случаях из ста дело вовсе не в секретности. Информацию прячут для того, чтобы альтернативно одаренные читатели не начали интерпретировать ее по своему усмотрению! Макнэлл служил в военном флоте, а звездолеты ВБС летят к далеким планетам не для того, чтобы члены экипажа понюхали

экзотические цветочки! Не в обиду ботаникам будет сказано, — добавил он, покосившись на Джекки. — ВБС — это объединенные вооруженные силы Союза гуманоидов, которые принимают участие в антитеррористических операциях, эвакуации мирных граждан из горячих точек, поимке межпланетных преступников и во многом другом, о чем вам, по-хорошему, знать не следует.

Градус напряженности в кают-компании стремительно повышался.

— А какие растения вы изучаете? — обратилась к ботанику Гайка, ухватившись за предыдущую реплику дока и тем самым вынудив мужчин свернуть жаркую дискуссию.

Ее сменил оживленный рассказ про крестоцветные и сложноцветные. Я положила на тарелку помидор, яблоко, полбулки и пару тубиков разных цветов и, извинившись, вышла в коридор.

Крупное яблоко каталось туда-сюда, так и норовя упасть на пол под действием искусственной гравитации. Но я все-таки сумела благополучно донести блюдо со всем его содержимым до командного отсека. Открыла дверь и, придерживая ее плечом, вошла внутрь. Макнэлл действительно был здесь, сидел перед экраном, только на сей раз не на месте пилота, а на крайнем левом, как я теперь уже знала, капитанском. Впрочем, при виде меня он встал и шагнул навстречу.

— Предпочитаешь завтракать за контрольной панелью? — шутливо любопытствовал он. — Нет-нет, мне не жалко, а вот мой старпом в свое время мог бы за такое выбросить в открытый космос без скафандра.

— Так-таки выбрасывал? — Приподняла недоверчиво бровь.

— Так-таки мог, — поправил Рэй, — теоретически. По факту это заканчивалось длинной и нудной лекцией о правильном обращении с техникой на звездолетах ВБС. К концу таких нотаций большинство провинившихся уже и сами предпочитали отправиться в свободное «плавание», правда, по возможности все-таки со скафандром.

Я улыбнулась. Он нравился мне таким. Когда вспоминал о своей службе. В эти моменты он вдруг оживал и — как я предполагала — ненадолго становился таким же, как в те самые времена, о которых рассказывал. В чем-то совсем недалекие, в чем-то — ушедшие безвозвратно. И я уже не в первый раз завидовала доку, который по-настоящему хорошо знал именно такого Рэя.

— Надеюсь, меня ты тоже не выбросишь. Ты ведь и мухи не обидишь.

— Я — что?

Наверное, употреблять слово «вылупился» в значении «посмотрел» не слишком красиво, и все-таки оно лучше всего передает эмоциональную

составляющую нашего общения в тот момент.

— Не обращай внимания, — улыбнулась я. — В любом случае, я принес это для тебя.

И я опустила тарелку на его стол, действительно рядом с панелью управления — а какие еще были варианты?

Теперь Макнэлл глядел на меня с совершенно другим, новым удивлением.

— Спасибо, — поблагодарил он и лишь спустя пару секунд опустил глаза на содержимое тарелки. — Откуда это? — нахмурился Рэй, имея в виду явно не тюбики. И тут же шумно выдохнул, в то время как черты его лица стали более жесткими. — Скажи мне, что это принес Джекки, — попросил он.

Несмотря на умоляющие нотки в его тоне, я покачала головой.

— Не скажу. — Сделала пару шагов и остановилась перед стеной-экраном, показывавшим завораживающее зрелище. — Все дело в том, что, как это ни смешно, я не люблю врать. И это при моем-то образе жизни.

Я повернулась к капитану, инстинктивно ожидая, что он разделит мое веселье, и поняла, что у него нет на то причин.

— Ах да, ты же не знаешь... — разочарованно протянула.

Рэй сделал широкий шаг в мою сторону.

— Так, может, ты мне расскажешь? — спросил он тихим завораживающим голосом.

Наверное, если бы таким же голосом он предложил мне пойти и разделить с ним постель, я бы пошла. Хотя у меня никогда не было особого стремления к познанию этой стороны жизни. Искуситель чертов. Мухи он не обидит, как же!

Обхватила себя руками, будто в отсеке было зябко, и покачала головой.

— Нет. Не могу.

— Почему?

— Слишком сложно.

А ведь и правда, почему я не могла снять эту маску и рассказать ему все как есть? Сейчас, когда Новая Земля осталась далеко позади? Или не осталась? Я так давно привыкла скрываться, что ассоциация срабатывала на уровне инстинктов. Раскрою свой секрет — и плохо кончу. Окажусь у исследователей на столе. Как мягкий кролик или симпатичная морская свинка, которые потеряют свою красивую шубку после нескольких сеансов облучения. У Новой Земли длинные руки, а я все еще не разобралась, докуда именно они способны достать. Тем более если наш путь мог повернуть обратно к «родной» планете, чтобы капитан оспорил решение

суда.

Возможно, все эти аргументы существовали лишь в моем воображении, и мне просто требовалось время, чтобы окончательно это осознать. Кроме того, оставалась еще одна причина молчать. Наши отношения с капитаном только-только утряслись. Обстановка на корабле, мягко говоря, нездоровая. Стоило ли усугублять ситуацию, внезапно сообщая своим попутчикам, что я вовсе не Сэм Логсон, а другой человек... Что-то подсказывало, что момент для этого неподходящий.

— Но ведь Брэн знает.

Макнэлл не спрашивал, констатировал. Стало быть, не имел на этот счет никаких сомнений.

— Он тебе сказал?

Я подняла голову и вздрогнула. Капитан стоял совсем близко.

— Нет, — он успокаивающе покачал головой, — Брэн ничего мне не рассказывал.

Что это — чувство облегчения или, наоборот, разочарования? Может, если бы док нарушил слово, многие проблемы сейчас бы разрешились? Но не судьба...

— Странно, — призналась я. — Поначалу мне казалось, что он обязательно все растреплет. Как минимум тебе.

— Да нет, — возразил Рэй. — Брэн — врач и в высшей степени серьезно относится к конфиденциальности. К тому же у него есть еще одна причина для молчания.

— Какая?

— Это сейчас неважно, — отмахнулся Рэй. — Может быть, лучше ты мне скажешь, что за секрет так старательно оберегаешь все это время?

— Это сейчас неважно, — подколола его. — Поверь, на полете мой секрет никак не отразится.

Темнота экрана снова притянула мой взгляд. Теперь она казалась пугающей, так легко было потеряться одному маленькому существу в этой темноте среди мириадов сияющих точек, каждой из которых все равно, что случится с крохотным хрупким созданием, волей случая появившимся на одной из них.

Я совсем растворилась в изображении и собственных мыслях, когда почувствовала руку Макнэлла, мягко коснувшуюся моей. Вздрогнув, вернулась в реальность. Наши руки все еще соприкасались. В этом не было необходимости, ведь места в отсеке хватало, и я почувствовала себя некомфортно.

— Буду ждать и надеяться, что когда-нибудь ты все же расскажешь.

Я застыла, ибо от этих слов мне ненадолго стало трудно дышать. К счастью, руку капитан теперь отвел.

— А пока просто спасибо за завтрак.

Короткого взгляда, устремленного на Макнэлла, хватило, чтобы убедиться: он серьезен как никогда.

Не зная, как вести себя дальше, я опустила глаза сначала на экран, потом в пол, а затем, пробурчав под нос нечто неразборчивое про дела, покинула командный отсек. Рэй снова остался в одиночестве, предоставленный собственным мыслям, и мне было бы очень боязно узнать их содержание.

Глава 5

Прибытие на Дуэллу прошло благополучно, никакого сравнения с буквально отвоеванным приземлением на Грине. Очень короткая, четко отработанная процедура регистрации — и мы оказались на территории континента Рошкорт не только фактически, но и официально.

— Пройдет не меньше шести часов, прежде чем информация о нашем присутствии здесь достигнет Новой Земли, а до Дуэллы дойдут ответные указания, — предупредил капитан. — За это время мы должны успеть закончить все дела и вернуться на корабль.

Звездолет покинули все. Рэй предпочел бы не брать с собой Хендрейка, но решил держать хакера на виду. Гайка не желала пропустить все самое интересное. Сидение на одном месте вообще противоречило ее деятельной и любопытной натуре. Сам капитан и док были единственными, кто мог в случае необходимости поднять корабль в воздух, но присутствие обоих, по-видимому, требовалось непосредственно на планете.

Так что Брэн сделал один непродолжительный звонок, после чего нашу шестерку вежливо сопроводили в помещение, напоминавшее миниатюрный зал ожидания. Возможно, ВИП-зону. Здесь были расставлены кожаные диваны, пара пузатых аквариумов с плавающими в них венками — аналоги наших ваз и бокалы с неопознанными напитками разных оттенков — от блекло-розового до насыщено красного.

Сопровождающая тоже по-своему отличалась от людей, хотя разница и не казалась существенной. Просто было понятно, что перед нами представитель гуманоидов, достаточно близких к людям, но все же не человек. Она была выше обычной новоземской женщины на целую голову и более худой. При этом даже на взгляд со стороны не казалась неуклюжей верзилой. Напротив, для дуэллийцев была характерна особая, внушающая восхищение грация. Убедившись, что в нашем распоряжении есть все необходимое, она удалилась, а мы остались ждать.

— Что будем делать дальше? — спросила я.

Рэй взял объяснения на себя.

— Эта планета, точнее материк Рошкорт, славится надежной системой камер хранения, которыми пользуются обитатели нескольких звездных систем. Мы предполагаем, — холодный взгляд на миг скользнул по сидевшему напротив хакеру, — что Линда, куда бы она в конечном итоге

ни направилась, предварительно завернула сюда, чтобы оставить в безопасном месте какую-то вещь или письмо. И это могло бы помочь нам разобраться в ее целях. Или хотя бы выяснить, куда она полетела.

— Ты говоришь, это надежная система. Чем она отличается от остальных? Камеры хранения есть в любом космопорту.

Гайка не была бы Гайкой, если бы не заинтересовалась этой темой.

Капитан кивнул. Он ожидал такого вопроса.

— В отличие от других камер хранения ячейки здешней открываются не ключом и не при помощи комбинации знаков. Вместо этого используется кровь клиента.

— Кровь?!

Это было больше похоже на магию, чем на систему защиты.

— Именно, — без всяких сантиментов кивнул Рэй. — Клиент, берущий в аренду такую ячейку, дает образец своей крови. Тогда же фиксируется, на какой срок закрывается сейф. До истечения этого времени открыть его можно только с помощью крови того же человека или существа — система рассчитана не только на людей.

— И много ее требуется? — с опаской любопытствовал Джекки.

Не то чтобы ботаника касалось то, что здесь сейчас обсуждалось, но от безысходности пришлось взять его с собой — еще потеряется где-нибудь, а ничего сверхсекретного в поднимавшихся пока темах не было.

— Достаточно одной капли, — уточнил Макнэлл. — Встроенный компьютер проводит анализ, сверяет полученную кровь с образцом и, если она принадлежит тому же челове... существу, — вновь исправился он, — замок автоматически открывается. В итоге нет риска, что клиент потеряет ключ или забудет комбинацию цифр. Более того, сведена к минимуму вероятность, что до ячейки доберется посторонний. Даже директор хранилища не может открыть сейф, поскольку такого понятия как запасной или мастер-ключ просто не существует.

— А взлом? — не отставала Гайка.

Я заметила, как Хендрейк покачал головой: видимо, тоже разбирался в работе местной системы.

— Практически нереально, — ответил капитан. — Очень прочный сплав, использованы самые крепкие металлы с двух разных планет. Если нет крови клиента, придется ждать истечения срока хранения.

— Но кровь клиента теоретически можно раздобыть, — схватился за зацепку ботаник.

— Можно. — Рэй пожал плечами. — В любой системе, даже самой надежной, найдется лазейка. Конечно, можно ударить человека по темечку,

оттащить в темный переулок и там взять у него немного крови. Но при таких обстоятельствах украсть ключ или выпытать секретный код тоже не составило бы труда. И даже отрезать палец, чтобы предоставить нужный отпечаток.

Не знаю, сказал ли он это без задней мысли или специально поддразнил Джекки, но последний заметно побледнел. Я даже испугалась, не понадобится ли парню в срочном порядке какой-нибудь тазик, и неодобрительно посмотрела на Рэя, но он моего взгляда не заметил.

— Если все так серьезно, — вновь подала голос Гайка, — как вы собираетесь открыть ячейку Линды? Вы ведь именно это планируете сделать?

— Если один способ. — Капитан улыбнулся уголками губ. — Но о нем я скажу только тогда, когда мы доберемся до сейфа.

И он снова устремил полный недоверия взгляд в сторону хакера. Тот пренебрежительно усмехнулся, мол, если хотите, держите свои тайны при себе.

— И как мы туда доберемся? — поинтересовалась я. — А главное, дадут ли нам доступ к сейфу Линды, даже если у нас есть средство для его открытия?

— У Брэна здесь хорошая знакомая, — сообщил Рэй, — заместитель директора того самого зала хранения.

— Вот это совпадение! — уважительно присвистнула Гайка.

— Я бы не назвал это совпадением, — возразил капитан. — Нам приходилось много летать по обитаемым планетам, в том числе помогать местному населению решать всевозможные, скажем так, сложные ситуации. Неудивительно, что на Дуэлле одна из них оказалась связана с камерами хранения. А то, что между доктором и замом с тех пор завязалась дружба... — Он усмехнулся. — Это уже вопрос личного обаяния дока.

Гайка одобрительно хихикнула, я улыбнулась, а вот Джекки покосился на капитана непонимающе. Обаятельным он Брэна Уолкса явно не считал.

В скором времени за нами действительно приехала упомянутая заместительница директора, и разговор пришлось отложить.

Да-да, она именно приехала, а не прилетела. Ее флаер передвигался по земле. Вообще на протяжении пути к хранилищу я почти не видела воздушных судов. Перевозивший нас транспорт оказался достаточно длинным, чтобы мы поместились всемером, усевшись в два ряда, и все-таки совсем не походил на флаербус.

Встретившую нас дуэллику звали Зэоклейя Миакронос. Выглядела

она как типичная представительница своего вида — высокая, изящная, женственная. Песочного цвета волосы подстрижены по местной моде, над ушами кокетливо торчали мелкие завитушки. Узкие синие брюки и красная обтягивающая блуза подчеркивали худобу, заставляя пугаться, что их обладательница вот-вот сломается на ветру.

Однако такая внешняя хрупкость совершенно не соответствовала характеру нашей сопровождающей. Обменявшись со всеми приветствиями и расспросив Брэна о его делах, она стала непринужденно болтать, рассказывая о местах, которые мы проезжали, то и дело отпуская ехидные замечания. Женщиной она была явно самостоятельной и уверенной в себе. И флаер вела виртуозно. Честно говоря, ехать по земле поначалу было жутковато. Дома, транспорт, иногда — идущие прямо поперек нашего пути дуэллийцы... Казалось, мы неминуемо попадем в аварию. Но Зэоклейя виртуозно лавировала среди всего этого хаоса, и мы умудрялись постоянно выходить сухими из воды.

— А куда вы подевали всех своих мужчин? — любопытствовала Гайка, когда водительница завершила рассказ о круглом семиэтажном здании, выкрашенном в сочно-красный цвет.

Действительно, по улицам ходили исключительно женщины всех возможных возрастов и дети, да и за рулем встречавшихся по пути флаеров сидели сугубо представительницы прекрасного пола.

— Никуда не подевали, — удивилась вопросу дуэллийка. — Они в мужских кварталах.

— В мужских кварталах? — изумилась Гайка. — У вас что же, отдельные районы для женщин и для мужчин?

— Конечно, — откликнулась та, взглянув на собеседницу в зеркало заднего вида. — А разве может быть иначе? Хотя да, я, кажется, слышала. На вашей планете селятся смешанно, ведь так? Нелегко, наверное, вам приходится.

— Кому именно, им или нам? — озорно любопытствовал док.

Зэоклейя рассмеялась.

— Да и тем и другим, — заверила она. — Мужчина всегда лучше поймет мужчину, а женщина — женщину.

— Нет, ну а как быть с семьями? — не сдавалась Гайка. — Семьи-то вместе живут?

— Ах, вы про семьи! — воскликнула дуэллийка. — Конечно! Дети живут с нами.

Девушка-механик потрянула головой, пытаясь найти правильный подход.

— А мужья?

— Кто такие «мужья»? Это сокращенно от «мужчины»? Наш диалект немного отличается от вашего, — повинулась Зэоклейя.

Гайка сделала большие глаза и обернулась к капитану в поисках поддержки.

— Сэм, — попросил тот, — можешь организовать нашему механику небольшой ликбез по устройству дуэлийского общества?

— Мужчины живут здесь отдельно от женщин, — принялась объяснять я. — Понятие семьи принципиально отличается от нашего. Женщины живут большими семьями — мать, дочь, близкие родственницы и подруги, а также их дети. Девочки, когда подрастают, остаются в той же семье. А мальчики по достижении двенадцатилетнего возраста переезжают в мужские кварталы.

Я вопросительно посмотрела на Зэоклейю: все-таки теоретические знания — это одно, а реальная жизнь на планете — другое. Но она одобрительно кивнула, и я продолжила:

— Потом мальчики идут в гимназии и постепенно обзаводятся собственными семьями. У мужчин они меньше, обычно состоят из двух человек. Иногда из трех.

— Они что, все геи? — изумилась Гайка.

— Нет. — Я покосилась на водительницу, надеясь, что ее не обидело такое предположение. — Здесь просто в понятие «семья» вкладывается совсем другой смысл. Эти мужчины — скорее как хорошие друзья.

— Ну хорошо, а дети-то откуда тогда берутся? — не унималась девушка. — Из пробирки?

— Да нет, — рассмеялась Зэоклейя, — дети берутся самым обычным способом. Но семья-то тут причем?

— Мужчины и женщины встречаются в специальных местах, чтобы... — я запнулась, — чтобы сделать детей.

— Чтобы заняться сексом, — назвала вещи своими именами замдиректора и весело подмигнула. — Это называется кадорфэ. Такие специальные кафе для встреч. Мужчины и женщины знакомятся, выбирают понравившихся партнеров и уединяются в отдельных номерах. Мужчины часто ищут девушку не по одиночке, а семьей.

Она в очередной раз виртуозно вписалась между двумя другими транспортными средствами и вывернула на соседнюю улицу.

— Но это же... разврат! — выдохнул, не удержавшись, Джекки.

— Почему?! — Зэоклейя от удивления выпучила глаза. — Денег никто за это не берет, все происходит по взаимному согласию, а в итоге

рождаются дети. Как бы иначе мы производили на свет потомство? Правда, что ли, из пробирки?

Ботаник лишь открывал и закрывал рот, не в силах выразить словами зашкаливавшие эмоции. Гайка сидела, задумчиво подперев пальцами подбородок. Явно прикидывала, понравилось бы ей в подобном кафе или все-таки не очень.

— Не забывай, что они — не люди, мы принадлежим к разным видам, — напомнила ей шепотом.

— Это как раз ерунда, — отмахнулась дуэллийка. — С людьми мы сексуально совместимы, хотя общих детей у нас быть не может. Но это даже лучше — не надо заботиться о предохранении!

— А флаеры у вас совсем не используют?

Хендрейк, похоже, предпочел увести разговор от пикантной темы.

— Почему, используют, — улыбнулась Зэоклейя, — но главным образом мужчины. Это они большие любители всех новомодных технологий, а мы предпочитаем машины, по старинке. Зато к земле ближе.

— Но ведь на флаерах летать безопаснее, — вмешалась я, припомнив разговор, свидетельницей которого стала когда-то в ожидании лифта. — Вроде бы на таких... — я споткнулась на непривычном в данном значении слове, — машинах было больше аварий?

— Ну, у нас все-таки современные модели, с автоводителем для желающих, — заметила замдиректора. — И потом, аварии чаще случались у мужчин. Они водят агрессивнее. Еще одна из причин, по которым их районы перешли на флаеры. Поэтому пилотов среди мужчин больше: они с отрочества приучены гонять по воздуху. У каждого своя стихия.

— А женщины-механики у вас есть? — воодушевленно спросила Гайка.

— Конечно! Но тоже в основном по машинам. О! Вот мы и приехали.

Высоченная автоматическая дверь поднялась вверх, впуская нас в огромный ангар, где с легкостью разместилось бы несколько флаербусов или космических катеров.

— Выход из гаража вон там. — Зэоклейя указала в сторону лифтовой кабины. — Идемте.

В лифт уместились с трудом; кажется, он был рассчитан только на шестерых, но, к счастью, не застряли. Замдиректора надавила на кнопку второго этажа, предварительно приложив подушечку пальца к панели авторизации. Помещение, куда мы направлялись, было открыто не для всех.

Выйдя из кабины, сразу оказались в просторном зале, в центре

которого зияла большая круглая дыра. В целях безопасности по краю тянулась металлическая перегородка. Задрвав голову вверх, я обнаружила люстру, закрепленную непосредственно над проемом. Следуя за Эоклейей, словно туристы за гидом, мы приблизились к ограждению и посмотрели вниз.

Нашим взорам предстал неохватный шар, слегка напоминающий макет луны или планеты. Точнее сказать, сначала мы увидели лишь верхнюю его часть. Металл пересекали многочисленные линии, словно отмечающие параллели и меридианы, однако, присмотревшись, можно было понять, что сфера просто разделена на ячейки.

Я не успела заметить, что за кнопки нажала Эоклейя, но ее действия привели конструкцию в движение. Шар поднялся и завис перед нами, весьма внушительный и по-своему красивый, а затем стал медленно поворачиваться вокруг своей оси. И правда как будто макет космического тела.

— Линда Макнэлл! — звонко произнесла дуэллийка.

Сфера на долю секунды замерла, затем продолжила движение, но уже иначе, постепенно поворачиваясь к нам «южным полюсом». Наконец она остановилась, и одна из ячеек выдвинулась в нашу сторону, словно узкий прямоугольный ящик. Вот только увидеть его содержимое оказалось невозможно, поскольку он был герметично закрыт со всех сторон.

С видом человека, точнее существа, сделавшего свое дело, Эоклейя повернулась к Брэну.

— Я обещала провести вас в хранилище и показать камеру Линды Макнэлл, несмотря на то, что ее самой с вами нет. Это небольшое нарушение, но в присутствии члена ее семьи и учитывая услугу, которую ты в свое время нам оказал, — простительное. Только открыть ячейку я, как ты знаешь, не смогу даже при желании.

Она отступила от ограждения и сложила руки на груди. Этот жест выглядел очень по-человечески, словно в очередной раз подчеркивая, что мы с дуэллийцами пусть дальние, но все-таки родственники.

Теперь место Эоклейи возле ожидающего своего часа ящика занял капитан. Снял с безымянного пальца обручальное кольцо и с выражением превосходства покосился на Хендрейка.

— Точно! — Я хлопнула себя рукой по лбу.

— Ну конечно! Обручалка старого типа! — выдохнула рядом Гайка.

Заместительница директора смотрела по-прежнему непонимающе, но мы, новоземцы, знали, о чем речь. Восемь лет назад, когда поженились Рэй с Линдой, еще были в ходу, хотя и не у всех, особые обручальные кольца

старого образца, отдававшие дань как полурелигиозной традиции, так и прагматическим соображениям. На вид самые обыкновенные печатки, они в действительности являлись миниатюрными холодильниками, в которых с момента бракосочетания хранилась капля крови супруга. Мистический смысл такого обряда подразумевал единение плоти и душ, но и практическое применение существовало. К примеру, спрятанная в кольцо капля могла понадобиться для опознания, а в некоторых случаях — для быстрого определения группы крови пострадавшего.

Однако подобная необходимость возникала все реже, мистическая же составляющая привлекала лишь наиболее религиозных людей. Поэтому использование таких печаток постепенно сошло на нет. И даже восемь лет назад это считалось пусть не редкостью, но и не самым популярным.

— Капитан, а почему вы поженились таким образом? — не удержалась я от вопроса.

Эх, жаль, некому было своевременно меня ущипнуть.

Рэй пожал плечами.

— Линда уже тогда изучала химию и биологию, для нее это была игрушка, в принципе работы которой хотелось разобраться. А я ничего не имел против.

Я молча кивнула. Что ж, в конечном итоге это решение действительно принесло пользу.

Мы машинально подошли поближе, обступив капитана со всех сторон и облепив бортник ограждения напротив выдвинутой ячейки. Держа кольцо пальцами левой руки, капитан поднес его к глазам и приступил к манипуляциям с миниатюрным замочком, используя для этой цели правую руку. Не без труда, но он подцепил крошечный рычажок и потянул на себя, открывая крышечку. Затем потряс печаткой над ящиком, чтобы капля крови упала на панель ячейки, и она засветилась, переливаясь всеми цветами радуги. Несколько равномерных гудков оповестили нас, что система запустила процесс идентификации. А потом все стихло. Панель погасла. Ящик не открылся.

Секунд десять мы просто молча ждали, затем все постепенно обернулись к Зэоклейе.

— Что это значит? — озвучил всеобщий вопрос Рэй.

— Что кровь не совпала с образцом, — развела руками та, ничуть не обескураженная.

По-моему, замдиректора была даже довольна, что не вполне законное открытие сейфа не состоялось.

— Но это абсолютно точно кровь Линды Макнэлл, — возразил

капитан, повыше приподняв руку с кольцом.

Зэоклейя лишь пожала плечами, дескать, ничего не ведаю, но компьютер не ошибается.

— Какова вероятность, что камеру арендовал другой человек? — настаивал Рэй.

— Довольно низкая. Документы проверяются у нас очень тщательно.

— К тому же Зэоклейя уже опознала Линду по фотографии, — добавил док, потирая висок так, будто у него болела голова. — Чертовщина какая-то получается.

— Ну почему чертовщина? — вмешался Джекки. — Видимо, эта Линда использовала не свою кровь, а чужую.

Мы разом уставились на ботаника, о присутствии которого успели забыть.

— Рэй, — вкрадчиво обратилась я к капитану, — попробуй-ка капнуть туда свою кровь.

— Мою? — удивленно переспросил он.

— Ну да. Если у тебя было кольцо с образцом Линды, то и у нее...

Я не стала продолжать, поскольку все было очевидно. Тянуть резину Макнэлл не стал. Вытащил нож из кожаного чехла, поморщившись, протер его спиртовой салфеткой, которую успел сунуть ему под нос Уолкс, и уколол острием палец.

Вновь заиграла разными цветами панель, и раздался звуковой сигнал компьютера, начавшего сверять образцы. Мы стояли неподвижно, боясь понадеяться на положительный результат и одновременно не в силах отвести взгляды от сейфа. Мышцы отчего-то напряглись настолько, что задрожали руки. Даже Джекки, для которого, в сущности, итог наших поисков не имел никакого значения, застыл, приоткрыв рот и замороженно следя за выдвинутой ячейкой.

Опять тишина, погасшая панель, и... щелчок, которого не было прежде. Крышка ящика резко отъехала в сторону.

— Есть! — восторженно воскликнула Гайка, тихонько захлопав в ладоши.

Хендрейк облегченно выдохнул, на секунду прикрыв глаза, но затем встал на цыпочки, чтобы лучше видеть содержимое камеры хранения. К счастью, он не попытался перехватить предмет прежде Макнэлла, так что конфликт не состоялся.

В ячейке обнаружился электронный блокнот. Батарея еще работала, и гаджет включился без проблем. Видимо, Линда успела подзарядить его на «Ноктюрне». Я стояла рядом с Рэем и, заглядывая ему через плечо, увидела

текст, состоявший из знакомых букв, но при этом совершенно нечитабельный. Рэй промотал его до конца. Несколько страниц, часть из них заполнена схемами и формулами неясного назначения. В конце — подпись и индивидуальная печать, в центре которой размещалась миниатюрная фотография уже знакомой мне блондинки.

Хмурясь, капитан вернулся к началу текста. Потом поднял глаза и нехотя обронил, видя, насколько нетерпеливо все ожидают ответа:

— Документ зашифрован, но подпись Линды. На последних страницах есть формулы и диаграммы.

— Формулы попробую посмотреть, — вызвался док.

— Я тоже могу, — поднял руку Джекки. Смутился, встретив наши взгляды, опустил глаза и пробормотал: — Я просто в биологии разбираюсь...

Уолкс кивнул, хотя ботаник этого уже не видел, после чего вновь обратился к Рэю:

— Предположения насчет шифра есть?

— Пока нет. — Покачал головой. — Вряд ли он сложный, но я не специалист. Шифровальщик или лингвист наверняка разобрался бы быстро.

— Лингвиста я могу вам прислать, — неожиданно вызвалась помочь Эоклейя. — Она хорошо разбирается в своем деле, и аппаратура у нее самая современная.

— Будем вам очень благодарны, — кивнул капитан.

— Хорошо. Я позвоню ей и попрошу приехать. Куда ее пригласить? Хотите подождать здесь или вернетесь на корабль?

— Пожалуй, на корабль, — после непродолжительных колебаний решил Рэй.

Возвратились мы, правда, не одновременно. Капитан, Гайка и док как наиболее профессиональные члены экипажа отправились на звездолет первыми, в то время как нам с Хендрейком и Джекки было поручено посетить местные магазины и пополнить запасы провианта. Сложностей это не составило, а мне к тому же дало возможность выкурить лишнюю сигаретку, так сказать, впрок. Да, я выиграла спор у Макнэлла, но не собиралась так сразу пользоваться своей победой. Предпочитала подождать до момента, когда по-настоящему припечет.

До корабля мы добрались на съемном флаере. Водить наземные машины ни один из нас толком не умел, так что пришлось специально заглянуть в мужской квартал, где можно было взять напрокат небольшой летательный аппарат. Забив багажник продуктами и напитками, мы быстро

долетели до космопорта и оказались на месте всего на пару часов позже остальных.

Если говорить честно, я испытала чувство облегчения, обнаружив звездолет на прежнем месте, — в какой-то момент промелькнула мысль, что Рэй с радостью бы избавился как от хакера, так и от ботаника. Я ему на корабле не мешала, но, с другой стороны, по изначальной договоренности он должен был где-то меня посадить, а Дуэлла подходила под нужные параметры. Так что капитан мог бы решить сразу несколько проблем, улетев прежде времени. Эта мысль застряла в глубине сознания, как заноза, и я избавилась от нее, лишь увидев на стоянке космопорта силуэт нашего корабля.

Глава 6

Местная специалистка по языковедению прибыла на звездолет буквально через четверть часа. Высокая, как и все дуэллийки, но с относительно крепким телосложением, делавшим ее фигуру более похожей на человеческую. Одета она была в светло-серый комбинезон из податливой, не сковывающей движений ткани. Короткие волосы имели бирюзовый оттенок, то ли естественный для здешних обитателей, то ли создававшийся с помощью популярной в женских кварталах краски. Глаза были голубыми, и это тоже могло оказаться как генетической особенностью, так и цветом контактных линз.

— Здравствуйте. Меня зовут Иолетрия Хризеис, — представилась она, уже не в первый раз заставляя нас ужаснуться сложности дуэллийских имен. — Эоклейя Миакронос сказала мне, что вам требуется лингвист для расшифровки текста.

— Добрый день. Прошу вас.

Капитан лично провел ее в командный отсек. Брэн уже находился там, мы с Гайкой, долго не раздумывая, юркнули следом. Кен и Джекки, помня строгий наказ Макнэлла, заходить без разрешения не стали, но это не мешало им остановиться у входа. Рэй недовольно зыркнул на пассажиров, но запираť дверь перед самым их носом все-таки не стал. По крайней мере пока.

Усадив Иолетрию в одно из кресел, он положил перед ней на стол электроблокнот. Аппарат был включен, а первая страница текста — выведена на экран.

— Вам понадобится компьютер? Выход в плантернет? Какие-либо дополнительные программы? — уточнил он.

Лингвист покачала головой.

— У меня есть лингуан. Этого достаточно, — заверила она.

— Кто? — морща лоб, переспросила Гайка.

Рэй бросил на нее неодобрительный взгляд, призывая к тишине, но затем и сам повернулся к дуэллийке в ожидании ответа.

— Лингуан, — повторила та, — новейший компактный робот-переводчик. Знает сто семьдесят три языка, включая дуэллийские, человеческие и языки других разумных видов, современные и древние. Имеет доступ ко всем выявленным правилам универсальной грамматики. Умеет анализировать устную речь, информацию, сохраненную на

электронных носителях, и тексты, написанные от руки. Переводит с одного языка на другой и проводит анализ неизвестных коммуникационных систем, которые не заложены в базу данных.

— Уточнение: анализ неизвестной системы коммуникации может быть неполным и требовать вмешательства биологического лингвиста, в первую очередь в вопросах, касающихся семантических и прагматических особенностей нового языка, — вмешался механический голос.

Я шокированно уставилась на зверюшку, которая висела на широком поясе Иолетрии, обхватив его четырьмя лапами, и, вне всяких сомнений, являлась источником звука. Очень похожая на ящерицу или игуану, она была почти вся покрыта мелкими чешуйками, практически не отличимыми по цвету от костюма лингвиста. Именно по этой причине лингуан оставался незаметным до тех пор, пока не проявил себя по собственной инициативе.

— Спасибо, лапушка. — Улыбнувшись, дуэллийка почесала зверя по металлической голове. Тот блаженно зажмурился. — Да, мы тоже иногда бываем нужны.

— Что такое «биологический лингвист»? — шепотом спросил Джекки, выразив всеобщее недоумение, вызванное далеко не только этим словосочетанием.

— Не робот, — объяснила Иолетрия. — Судя по тому, что я уже вижу, — продолжила она, кивнув на блокнот, — с вашим текстом он справится самостоятельно и довольно быстро. Это не новый язык со своими специфическими правилами, а просто шифровка, в которой одни буквы заменены на другие. Для этого использованы два алфавита — латиница и символы миенжского языка. Если не возражаете, мы начнем.

— Конечно, — кивнул капитан.

Дуэллийка поднесла лингуана к экрану и держала в паре сантиметрах от него в течение нескольких секунд.

— Он подключился к вашему носителю информации и скачивает текст, — пояснила она.

Затем опустила зверя на стол. Его глаза закрылись, чешуйки встопорщились, и до нас донеслись мелодичные звуки...

— Что это?

Вопрос снова был всеобщим, однако на этот раз его озвучил док.

— Процесс запущен, лингуан анализирует текст. Если я не ошиблась и задача достаточно легкая, результат он выдаст в течение пяти минут.

— Такая скорость впечатляет, — деловито кивнул Макнэлл, а потом понизил голос и заговорщически прошептал: — Но что это за звуки?

— Ах, это. — Дуэллийка улыбнулась. — Он поет. Арию из оперетты. Кажется, это Кальман.

— Зачем? — не понял Джекки. — Музыка помогает расшифровывать текст?

— Между структурой мелодии и строением предложений есть некоторое сходство, но недостаточное для лингвистического анализа. — Иолетрия покачала головой. — Нет, лингуану просто нравится петь во время работы.

— Нравится? — По-моему, на этом месте капитан начал немного сердиться. — Но это же робот. Компьютер. Электронный словарь. Он не живой.

Лингвист подняла на него строгий взгляд и сказала:

— Я ведь упоминала, что он знает сто семьдесят три языка, не считая диалектов. Вы действительно полагаете, что, обладая информацией такого рода, можно остаться неживым?

— Не язык делает нас разумными.

Я была полностью солидарна с Макнэллом, но дуэллийка и бровью не повела.

— «Вначале было Слово». Вам когда-нибудь доводилось такое слышать? — любопытствовала она.

— Я готов допустить, что он обладает искусственным интеллектом, но...

Иолетрия снисходительно улыбнулась.

— Искусственный интеллект — это фикция. Все, что искусственно, — не интеллект, а лишь подражание ему. Настоящий ум всегда живой. — Исследовательница сделала паузу, но, увидев, что мы не особо прониклись ее утверждением, продолжила: — Компьютеру ведомы только нули и единицы. Он не понимает, он действует так, как если бы понимал. А для полноценного овладения языком необходимо подлинное понимание.

За этим чрезвычайно странным, но любопытным разговором мы не заметили, как пение стихло.

— Если вы закончили обсуждать мою скромную персону, я готов предоставить расшифровку, — с откровенным ехидством сообщил «электронный словарь». — То есть, простите... — Он на миг замолчал, а затем низким голосом с легкими отголосками эха, характерным для классического робота, произнес: — Задача выполнена.

— Лингуан может зачитать перевод либо переслать его на любой носитель информации в зоне ста сорока квадратных метров. — Иолетрия обвела рукой имевшиеся в отсеке компьютеры и уточнила: — Расшифровка

может быть загружена в текстовом или звуковом формате.

— В текстовом, — не колеблясь, ответил капитан. — Лучше всего на этот же блокнот.

И он указал на носитель, с которого лингуан «считал» оригинал.

Чешуйки чудо-зверя слегка пошевелились. Больше ничего заметного человеческому глазу или слуху не произошло, но на экране электротетради высветилась иконка, оповещающая о получении нового файла.

Легонько прикоснувшись к ней подушечкой указательного пальца, Макнэлл открыл текст. Нам с Гайкой, как мы ни старались, ничего не было видно, а он все скользил глазами по блокноту, время от времени резкими движениями пальцев перелистывая страницы...

Наконец он оторвался от экрана и медленно обвел взглядом всех нас — меня, Гайку, дока, дуэллику и ее лингуана, в памяти которого уже хранилась расшифрованная информация, а также застывших у двери Джекки и Хендрейка. На последнего Рэй смотрел особенно долго. Потом легонько кивнул головой, давая пассажирам разрешение войти в отсек. И, снова склонившись над блокнотом, вернул текст к первой странице. Выражение его лица оставалось при этом каменным, напоминая мне того Рейера Макнэлла, с которым я познакомилась в тюремной камере.

Медленно и четко, не глотая окончаний и вникая в каждое произносимое слово, он стал зачитывать послание вслух.

«Если кто-то читает эти строки, значит, меня уже нет в живых. Я планирую забрать электроблокнот в день, когда истечет срок аренды камеры хранения. Но раз мне это не удалось, значит, мои наниматели все-таки решили избавиться от меня по завершении работы. На такой случай я составляю эти записи. Чтобы люди — или иные разумные виды — узнали всю правду об осветомах».

Я удивленно нахмурилась и повернулась к остальным. Хендрейк и Джекки уже успели перебраться внутрь отсека. Иолетрия слушала внимательно, с непроницаемым выражением лица. Для Гайки «осветомах», по-моему, было не более чем словом, пару раз мелькавшим в ленте новостей. И только Брэн, похоже, разделял мое недоумение. Какая опасность могла исходить от этих существ, пусть разумных, но сильно отстающих от людей, к тому же еще и живущих в далекой системе, на

планете Манкор, куда без гипертоннеля и за тысячу лет было не добраться?

«Принято считать, что цивилизация освеномов менее развита, чем человеческая, дуэллийская и даже роцеанская. Но это ошибка. Возможно, в скором будущем (и даже прошлом — для получателя этого письма) эта ошибка станет трагической для населения Новой Земли. Причина всеобщего заблуждения связана с невысокой развитостью освеномских технологий. Однако и это тоже предрассудки. В действительности их технологии ничем не уступают человеческим. Просто освеномы используют принципиально иной вид энергии. Энергии, которой им постоянно не хватает. Именно это и создает иллюзию их ограниченности.

В ходе технического прогресса освеномы так и не научились использовать для собственных целей электричество, что не преминули отметить люди. Но подлинная причина заключается в том, что электричество им не нужно. Освеномы используют так называемую психическую энергию, энергию эмоций. Я перерыла массу литературы и могу сказать с относительной уверенностью: нашим физикам и биологам малоизвестна ее природа. Но факт остается фактом: освеномы не только подпитываются такой энергией, но и давно научились преобразовывать ее, используя для своих технологий. То есть, в сущности, они и есть самые настоящие энергетические вампиры.

Их беда, можно даже сказать, трагедия вида заключается в том, что источников энергии постоянно не хватает. Когда-то освеномы пытались тянуть энергию друг у друга. Результатом стала междоусобная война. Эти существа разумны и поняли, что находятся на грани самоуничтожения. С тех пор на их планете введен строжайший запрет на использование освеномской психической энергии. Исключение составляют случаи, детально прописанные в Глобальном Манкорианском Соглашении. Например, освеном, страдающий после смерти жены (а жители этой планеты моногамны), может стать добровольным донором эмоций. Итог — взаимовыгодное сотрудничество: ему становится легче справиться с горем, а планета получает немного энергии на общие нужды.

Но этого совершенно не достаточно для того, чтобы

снабдить весь Манкор искусственным освещением, эффективным транспортом, аналогами нашего телевидения, плантернета и умного дома, мощным оружием... Список можно продолжать долго, мне самой известна лишь небольшая часть наименований. Важно, что все эти разработки есть, но нет той силы, которая могла бы регулярно запускать их в работу. Стоит отметить, что эта ситуация объясняет и феномен животного мира Манкора, так удивляющий наших биологов. Несмотря на наличие многоклеточных животных, в том числе и позвоночных, на планете отсутствуют прогрессивные виды с относительно развитым интеллектом, не считая самих освеномов. Такой скачок в эволюции представляется неестественным. Как если бы на Земле не обнаружилось млекопитающих помимо людей. В действительности все эти „промежуточные“ виды существовали, но были уничтожены, поскольку оказались достаточно развиты интеллектуально, чтобы испытывать эмоции. Правительство не наложило запрета на использование психической энергии зверей, и это постепенно привело к исчезновению многих видов.

Но я слишком отвлеклась на детали. Суть заключается в том, что освеномам катастрофически не хватает психической энергии, которая необходима им для достойного существования. Недовольство населения приводит к частой смене правительств и в данный момент грозит очередным бунтом, а может быть, и тотальной всепланетной войной. И манкорианцы нашли решение. Чтобы не подвергать риску собственное население, они намерены воспользоваться чужим. Некоторые эксперименты, проводившиеся в секретных лабораториях, показали, что лучше всего для этих целей подходит человечество. Во-первых, люди эмоциональны, а во-вторых, на них легко воздействовать биологическим путем. Именно здесь начинается отведенная мне роль.

Освеномы не способны завоевать планету при помощи армии и оружия, поэтому они решили пойти другим путем. Их план — осуществить выброс в атмосферу Новой Земли особого вируса, получившего название Зио К4. Мне была поручена его разработка. Это ДНК-содержащий вирус со сложной структурой, практически неразличимый под стандартным световым микроскопом. При попадании в организм он оказывает необратимое воздействие на психику человека. Результатом

является своеобразный психоз, отчасти напоминающий маниакальную депрессию. Люди испытывают чрезвычайно сильные эмоции, сменяющиеся кратковременными промежутками апатии. При этом для эмоционального состояния характерна резкая смена фаз — от повышенной тревожности до маниакальной эйфории. Предположительно действию вируса будут подвержены около девяноста процентов населения планеты. Остальные десять процентов — это случаи смертельного исхода либо, напротив, люди, неподверженные воздействию.

После распространения вируса новоземцы станут легкой добычей. В новом психотическом состоянии люди будут не способны оказать организованное сопротивление пришельцам. Но намного важнее для освеномов тот колоссальный выброс психической энергии, который повлечет воздействие вируса. Всего через несколько часов после начала атаки даже та малочисленная техника, которую они успеют доставить на Новую Землю, достигнет небывалой мощности. В скором времени манкорианцы переправят на планету дополнительное оружие. Это позволит им не только покорить оба континента, но и противостоять атакам со стороны Интерпланетарного Союза.

О дальнейших планах освеномов я имею лишь смутное представление. Насколько мне известно, они не планируют геноцид и станут соблюдать меры предосторожности, используя человеческую энергию для развития своих проектов и поставляя ее на Манкор. Заселение Новой Земли освеномами пока не предполагается, хотя Зио К4 безвреден для их организма, и, следовательно, полностью исключить вариант экспансии нельзя. Вне всяких сомнений, в будущем проект распространится на спутники Новой Земли, Митос и Истерну.

На данный момент вирус практически готов; подробную информацию я привожу ниже. Однако при его нынешних свойствах он недостаточно быстро распространится в новоземской атмосфере, поэтому работа продолжается. Предполагаю, что окончательный результат будет достигнут через три или четыре месяца. По окончании проекта я покину планету, на которой находится лаборатория, полечу на Дуэллу и заберу этот блокнот. Но если мне это не удастся, прошу тех, кто прочтет мои записи, сообщить обо всем в Интерпланетарный Союз,

чтобы они узнали, какая именно опасность угрожает человечеству».

— Далее следует детальное описание вируса, формулы, схемы и координаты подпольной лаборатории. И подпись, — сказал капитан, поднимая глаза.

Ответом ему была гробовая тишина.

— А это все точно правда? — первым прервал молчание ботаник.

Его рука успела лишь чуть-чуть приподняться в привычном ученическом жесте, после чего замерла. Видимо, Джекки успел сообразить, что в нынешних обстоятельствах подобные привычки не уместны.

— Записи точно сделаны Линдой? — по-своему переиначил вопрос Брэн.

— Уверен, — не колеблясь, кивнул Рэй. — Это ее слог, ее печать и подпись. Ее камера хранения и моя кровь в качестве замка. Ладно, пусть будет вероятность девяносто девять процентов. Готов оставить один на подлог, хотя...

Он многозначительно покачал головой, из чего следовало, что в вариант с подлогом он не верит вовсе. Я невольно перевела взгляд на Кена и, к своему удивлению, поняла, что хакер полностью согласен с соперником. Не иначе тоже ощутил нечто узнаваемое в стиле бывшей любовницы. А мне было как-то не до языковых особенностей. Слишком уж захватывал в этих записях «сюжет». До дрожи в коленях.

— Она что, ненормальная? Эта ваша знакомая? — резко спросила дуэллийка.

— Почему ненормальная? — мгновенно откликнулся капитан.

Реакция Иолетрии показалась ему странной, но и возмущения не вызвала. Последнее отчего-то было приятно. Самой дуэллийке вопрос, напротив, представлялся более чем естественным, как, впрочем, и мне.

— Она пошла на геноцид населения планеты, — удивляясь несообразительности Рэя, объяснила лингвист. — Эта женщина может сколько угодно рассуждать о том, что людей будут не убивать, а «всего лишь» калечить, чтобы потом использовать в качестве своего рода пищи для освеномов. По сути, речь идет о геноциде, и она достаточно умна, чтобы это понимать.

— Все верно. — Радости это признание Рэю не доставило, однако он по-прежнему не колебался. — Но человеческая история знает не один

пример того, как люди осознанно шли на геноцид. В том числе умные и образованные люди.

— В первую очередь умные и образованные, — поддержал друга Брэн. — Другие просто не способны возглавить и осуществить план такого масштаба.

— Возможно, на Дуэлле дело обстоит иначе, — добавил капитан, тем самым слегка смягчая свои предыдущие высказывания, — но на Старой Земле, преемницей которой является наша планета, подобное происходило неоднократно.

Я не могла похвастаться отменными знаниями в области истории. Моя осведомленность о Старой Земле касалась все больше таких свойств, как масса планеты, сила притяжения, состав атмосферы, продолжительность дня, месяца и года; ну и, конечно, той роли, которую она сыграла в межзвездной экспансии. О развитии земных цивилизаций, их войнах и даже фактах геноцида я не знала почти ничего. Но, несмотря на столь внушительный пробел в образовании, утверждение Рэя не сбilo меня с толку. Для того чтобы знать, на что способны люди, не надо долго путешествовать по мирам и эпохам. Достаточно внимательно приглядеться к собственному окружению. Будучи пратонкой, я прекрасно видела, как люди способны поступить с себе подобными.

— Дело не в разнице между планетами, — отмахнулась Иолетрия, тоже немного смягчаясь. Все были взвинчены, но понимали, что никто из присутствующих не несет прямой вины за случившееся. — Да, на Дуэлле геноцида не бывало, но мы отлично осознаем, что с современными людьми у нас общие предки. Строго говоря, с вероятностью в девяносто пять процентов, — добавила она, раздраженно поворачивая голову, будто в ожидании, что кто-нибудь из нас сочтет нужным поправить ее в этом вопросе. — Но здесь практически все считают себя потомками людей. Так что ваши земные предки имеют к нам точно такое же отношение, что и к новоземцам. Включая как свои светлые стороны, так и темные. Меня удивляет другое. Ваша... знакомая, — она вновь повторила это слово, похоже, так и не найдя более удачного, — сама человек. Если, конечно, я сделала правильный вывод из записей. — Мы кивками подтвердили слова дуэллийки. — Вот в чем странность, — продолжала она. — Уничтожить собственный народ, собственную расу, свой же вид? Даже освенумы осознавали, что этого допустить нельзя, и потому успели вовремя остановиться. А ведь они, как я теперь понимаю, — некоторым образом паразиты по своей природе. А тут — человек, который пошел против людей? Не только тех, кто от него отличается, а против человечества

вообще? Вопреки всем устоям и инстинктам своего вида?

«Если бы жизнь заставила ее изнывать от тоски, она бы скорее нашла точку опоры и перевернула землю, чем смирилась», — внезапно вспомнились мне слова капитана.

— Инстинкты бывают разными, — возразил док, не слишком впечатленный аргументацией лингвиста.

— Возможно, Линда сделала это под давлением, — добавил Рэй.

Я напряглась: это прозвучало так, словно он стремился оправдать жену, невзирая на все, о чем мы только что узнали. Эта мысль как-то не грела.

— Не зря же она оставила эти записи, — продолжал капитан, — и спрятала их именно от освеномов. Вариант ножа, приставленного к горлу в буквальном смысле этого слова, можно смело отметить. Но шантаж исключить нельзя. А может быть, причина в другом.

— Возможно, ей очень хорошо заплатили, — док развил до конца неприятную для капитана мысль. — Нет, парой миллионов на счету тут, конечно, не обойдется. Но, говорят, в системе Зед-4 помимо Манкора и Тодороса вертится множество мелких планет. Заполучить одну из них в полное свое распоряжение — мне кажется, это неплохая компенсация за геноцид собственного вида и причиненные сим фактом неудобства.

— Мы не знаем ее мотивов, — отрезал Рэй. — В записях о них не сказано ни слова. Рано или поздно все выясним.

Мне подумалось, что именно отсутствие даже намека на мотивы Линды в электроблокноте свидетельствует против нее в первую очередь. Если бы ее шантажировали, угрожали смертью близких или пытались надавить иным способом, разве она не упомянула бы об этом в письме, оставленном на крайний случай? Фактически на случай ее гибели? Она обязательно попыталась бы оправдаться — перед читателем, перед человечеством, да хотя бы перед собой. А раз этого не сделала — значит, оправданий попросту не было.

— Ладно, а как она рассчитывала открыть камеру, чтобы забрать блокнот? — Гайка как всегда заинтересовалась технической стороной. — Я понимаю, у нее была капля крови в обручалке, но ведь этого хватило бы только на то, чтобы оставить образец. И как после этого отпереть сейф повторно?

— Тут два варианта. — У Рэя нашелся ответ и на этот вопрос. Чувствовалось, что в силу профессии он привык анализировать факты и делать выводы в условиях, требующих быстрых решений. — Возможно, она сохранила немного моей крови еще на Новой Земле. Поскольку мы были

женаты... — Он запнулся на этом «были», исправился и продолжил: — Поскольку мы женаты, это не составило бы труда. Тем более она абсолютно точно использовала кровь, чтобы навести на меня подозрения.

Кен отвел взгляд, а у Иолетрии глаза полезли на лоб, и я не сразу сообразила, что дуэллийка впервые услышала о семейных узах, связывавших капитана с Линдой.

— Но скорее всего, — Рэй перешел ко второму варианту рассудительным тоном, который, должно быть, теперь шокировал лингвиста, — она и не собиралась открывать камеру.

— То есть как? — выдохнул Джекки.

Капитан безразлично пожал плечами.

— Дождалась бы истечения срока и забрала блокнот сразу после этого, предъявив Эоклейе документы и придумав какое-нибудь объяснение. Именно такой вариант она упоминает в письме. В сущности, блокнот нужен ей только в качестве меры предосторожности. Если заказчики попытаются ее устранить, она скажет им, что в этом случае информация обязательно всплывет. Разобравшись в ситуации, они могли бы насильно взять образец ее крови, полететь на Дуэлли и изъять компрометирующий документ. А вот с моей кровью дело обстоит сложнее. Линда выиграла бы как минимум время, как максимум — жизнь.

— Ладно, а делать-то что мы будем? — вмешался Кен.

При звуках голоса хакера Рэй гневно сузил зрачки, но лишь на краткий миг, почти сразу взяв свои эмоции под контроль. А Хендрейк продолжил:

— Мы ведь не можем оставить все как есть. Если мы считаем, что напечатанное в блокноте — правда, значит, опасность угрожает всей Новой Земле. Линда написала, что на работу ей потребуется три или четыре месяца. Но два из них прошли, и уже через месяц вирус могут доставить на планету.

— Спасибо, мы знаем математику, — не удержался от шпильки Рэй. — Естественно, мы сообщим обо всем ВВС. А они найдут способ предотвратить катастрофу. У них есть для этого все полномочия и ресурсы. Иолетрия, скажите, существует ли на Дуэлле прямая связь с Новой Землей?

Лингвист покачала головой.

— Прямой связи нет, мы слишком далеко. Можно обмениваться голосовыми сообщениями, но на это потребуется несколько часов.

Капитан переглянулся с доком.

— Не пойдет, — покачал он головой, — такие вещи можно обсуждать только напрямую. — И снова решение созрело в его мозгу практически мгновенно. — Значит, мы поступим иначе. Полетим к трансляционной

космической станции, подключимся к их сети и позвоним на Новую Землю оттуда. Думаю, одного гиперперехода будет достаточно, чтобы оказаться достаточно близко для прямой связи.

Док, по совместительству заменявший нам радиста, согласно кивнул.

— Тогда по коням, — заключил Рэй, кидая многозначительный взгляд на местное время, которое показывал один из экранов.

Шестичасовой срок уже вышел, и теоретически нас в любой момент могли настичь неприятности в виде местной полиции.

— Госпожа Хризеис, благодарю вас за оказанную помощь. — Рэй протянул Иолетрии руку для пожатия. — Мы несколько отвлеклись на обсуждение. Приношу вам свои извинения, но, сами понимаете, вопрос чрезвычайно важный. Сколько мы должны вам за перевод — разумеется, включая срочное прибытие на корабль?

Иолетрия внезапно растеряла свою уверенность. Опустила взгляд, прикусила губу, затем заставила себя посмотреть капитану в глаза и сказала:

— Я понимаю, что в открывшихся обстоятельствах моя просьба прозвучит не вполне уместно. Тем не менее я бы хотела отказаться от денежного вознаграждения. И вместо этого попросить вас взять на борт меня и еще одного пассажира с планеты. — Она немного помедлила и добавила: — Не фиксируя наше присутствие официально.

Рэй расширил глаза. Глубоко вдохнув, перевел взгляд на меня, потом на Гайку, далее на Хендрейка и, наконец, на Джекки. И молча опустил на стул.

— Водички? — услужливо предложил Брэн.

Судя по выражению лица капитана, он прикинул варианты, подумал о том, что выпить что-нибудь покрепче было бы лучше, затем вспомнил, что алкоголь на работе не употребляет, и покачал головой.

— Вы совершили какое-то преступление и хотите бежать с планеты? — обратился он к Иолетрии с некой обреченностью в голосе.

Та немного поколебалась, потом кивнула.

— Убийство? — тоскливо спросил Рэй.

— Нет.

— Торговля наркотиками?

— Нет, конечно!

— Воровство?

— Вы что, намеренно пытаетесь меня оскорбить?! — возмутилась Иолетрия.

— Я?! — Рэй разгневанно вскочил на ноги. — Послушайте, я

прослужил в должности капитана ВВС более пяти лет. За все это время на мой корабль пытались нелегально проникнуть меньше народу, чем за последнюю неделю! Если вы хотите присоединиться к этой теплой компании, то, черт побери, я по меньшей мере должен знать, что вы натворили на Дуэлле!

Женщина ответила не сразу. У этой задержки было большое достоинство: она дала капитану время взять себя в руки. Потому что последовавший далее ответ прозвучал убийственно:

— Мы совершили преступление перед своей планетой. Нарушили законы и моральные устои дуэллийцев. А значит, предали своих соотечественников.

— Что. Конкретно. Вы. Сделали? — спросил Рэй, делая паузу после каждого слова.

— Я предпочту ответить на ваш вопрос в присутствии персоны, ожидающей внизу.

Капитан поджал губы, затем резко повернулся к механику.

— Гайка, будь добра, приведи дуэллийку, которую обнаружишь около корабля.

Сказано — сделано. Гайке два раза повторять не нужно.

Пока она не вернулась, атмосфера на корабле царила, мягко говоря, не расслабленная. К счастью, приближающиеся шаги мы слышали быстро: как видно, спутница Иолетрии не пряталась, а ожидала у самого входа. Поступь у нее, правда, была тяжелая: создавалось много шума, когда ботинки касались металла. Но дуэллийки — вообще женщины уверенные в себе и решительные, в чем-то даже жесткие...

Когда те, кого мы дожидались, вошли, большинство из нас застыли, разинув рты. Ибо спутница Иолетрии оказалась спутником. Высокий и узкокостный, как и все обитатели планеты, в остальном он походил на человека.

Вновь прибывший сразу же приблизился к своей соотечественнице, она тоже сделала шаг к нему, и дуэллийки взялись за руки.

— Эти люди желают знать, в чем заключается наше преступление, — объяснила Иолетрия. И, повернувшись к капитану, дала ответ: — Мы хотим пожениться.

Непродолжительное молчание.

— И?.. — поторопил ее Рэй.

— И все, — пожала плечами лингвист.

— На нашей планете это преступление, — вступил в разговор ее спутник. — Мы идем против правил, соблюдавшихся веками.

— Мы хотим жить вместе, — твердо сказала Иолетрия, — вместе растить будущих детей. Мы понимаем, что это сложно, быть может, даже нереализуемо. И тем не менее хотим попытаться.

— Благодаря современным технологиям мы знаем, что на других планетах такое происходит, — добавил дуэллиец.

— Понятно, что два лишних пассажира — это обуза, — продолжала лингвист. — Тем более что это не прогулочный корабль. Но мы можем быть полезны. Мне известно, что экипаж вашего звездолета укомплектован не полностью. Аркадайос — профессиональный пилот. Моя специализация не так существенна, и все же в космических полетах возможно всякое. Не с любым языком справляется стандартная программа-переводчик, особенно если речь идет о диалектах.

Док, все это время не отрывавшийся от одного наушника, вдруг резко поднял руку. И, не дожидаясь ничьей реакции, объявил:

— На территорию космопорта въехал наряд местной полиции. Пока направляются к диспетчерам.

— За нами? — высказал предположение Рэй, в очередной раз взглянув на часы.

Определенно мы задержались на этой планете дольше допустимого. Наше время истекло.

— Или за ними, — флегматично заметил Брэн.

Иолетрия и Аркадайос тревожно переглянулись.

— Будем разбираться прямо сейчас? — саркастически осведомилась я.

Повторять намек не потребовалось.

— Нет. — Рэй развернул кресло пилота к экранам и нажал кнопку, фиксирующую его положение. — Подготовка к старту, — рявкнул он.

Компьютер заработал, по дисплеям вновь побежали непонятные строки, панели управления над рабочими столами засеребрились подсвечиваемыми рычагами и сенсорами.

— Всем занять противоперегрузочные кресла, — продолжал раздавать команды Рэй.

— На всех хватит? — на миг нахмурился Хендрейк.

Насколько я могла судить, вопрос был задан не со страху, парень просто счел нужным уточнить. Возможно, даже готов был уступить свое место кому-нибудь из дам. Однако геройства не потребовалось.

— Впритык, — отозвался Рэй и тут же переключился на остальных. — Сэм, сюда! — Кивком головы он указал мне на четвертый стол, тот, что обычно пустовал. — Пока ты на корабле, это твое рабочее место.

Аркадайос, туда. — На сей раз он вытянул руку, направляя дуэллийца к месту, которое я воспринимала как капитанское. — До выяснения обстоятельств вы — второй пилот. Остальные садятся вдоль стены. Пристегнуться как следует. Халатности в этом вопросе не допущу.

— Может быть, мне спуститься в служебный отсек? — предложила Гайка.

— Нет, — отрезал капитан таким тоном, что механик тут же плюхнулась в ближайшее кресло. — Можешь не успеть, — пояснил он, чуть смягчившись. — Брэн, что там?

Док, традиционно занимавший место радиста, покачал головой, дескать, пока ничего для нас интересного. Это внушало некоторый оптимизм. Похоже, Рэй рассудил так же, поскольку, потянув на себя один рычажок и коснувшись пары сенсоров, даже позволил себе короткий диалог с дуэллийцем.

— Какой у вас сертификат?

— Б-3.

Как и большинство присутствующих, я мало что поняла из этого обмена репликами, но догадывалась, что речь идет о правах на пилотирование.

— Опыт работы?

— Четыре года, но большей частью — межконтинентальные перелеты на Дуэлле, — признался Аркадайос. — Плюс два космических перелета, один — в Сигме-Д, другой — за пределы системы. В последнем я выполнял обязанности второго пилота.

— Грузовой транспорт? — уточнил Рэй.

— Туристический.

— Ну что ж, в ближайшее время космический опыт увеличится, — пообещал капитан, после чего полностью сосредоточился на панели управления.

Судя по выбранному Рэем месту, роль первого пилота он предпочел пока оставить за собой.

Огромные экраны включались один за другим, создавая иллюзию прозрачных стен и такого же потолка. Иолетрия наблюдала за происходящим со смесью опаски, восторга и удивления, и даже лингуан вытянул шею, крепко обхватив лапами рукав ее куртки. В следующую секунду была шокирована и я, ибо оказалось, что в такой же огромный экран может превратиться и пол. Создавалось впечатление, будто от падения на планету с высоты нескольких метров нас удерживают лишь пристяжные ремни кресел.

— Взлетаем, — объявил Рэй, на миг включив миниатюрный микрофон.

На этот раз сознание я не потеряла. Взлет был не таким резким, как при побеге с Истерны, и кресла в полной мере выполнили свою функцию, смягчая тяжесть перегрузок. Полицейских мы так и не увидели. Дуэлла быстро уменьшалась в размерах, и пусть бы на взлетное поле высыпал целый наряд, с такого расстояния они не были бы заметны даже в виде крохотных точек.

В очередной раз нам удалось избежать неприятной встречи. А впереди была трансляционная станция и объяснения с Новой Землей. Настало время поговорить со своей родной планетой начистоту.

Глава 7

Гипертоннели основательно сокращали время космических перемещений, заменяя многомесячные, а то и вековые полеты на путешествия, ограниченные всего лишь несколькими днями или парой недель. Однако туннели не могли объединить между собой любые две точки вселенной. «Вход» в такой тоннель — и он же по совместительству «выход» — мог находиться в той зоне космоса, где и без нашего вмешательства наблюдались пространственно-временные колебания.

Такие зоны порой называли по старой памяти «Бермудскими треугольниками». Вроде бы был на Старой Земле такой район, где таинственным образом исчезали морские корабли и флаеры. В нашем случае попавший в нестабильный участок звездолет непредсказуемо перемещался в пространстве.

Принцип работы подобных зон открыли почти одновременно люди и йелондцы, то есть представители двух разумных рас, никак не связанных между собой генетически. Йелондцы даже не были гуманоидами. Дабы не раздувать потенциальный конфликт, спорить о том, чье именно открытие было первым, не стали. Свет просто узнал сразу двух великих ученых, Матти Вааса и... имена йелондцев, общавшихся под водой и издававших звуки, слишком отличные от наших, записать было практически нереально.

С тех пор и стали «создаваться» гипертоннели. Не то чтобы создаваться, скорее, люди и другие разумные виды научились использовать то, что предлагала сама природа. Так появились своего рода космические магистрали, позволявшие перемещаться на огромное расстояние за относительно короткий срок, не теряя при этом многих лет жизни.

Вот и сейчас наличие одного тоннеля, продвигавшего наш звездолет в нужном направлении, существенно сокращало наш путь — предполагалось, что полет займет около двух дней. В итоге мы должны были оказаться возле мощной станции, располагавшейся все еще в Сигме-Д, но недалеко от границы системы Рейзы. Оттуда сигнал, усиленный благодаря возможностям стационарного транслятора, мог достичь Новой Земли в режиме реального времени.

День выдался тяжелый, и вскоре после благополучного вылета с Дуэллы я, приняв душ, отправилась спать. Наверное, во мне говорило что-то женское, но водные процедуры помогали не только почувствовать себя

лучше физически, но и повысить уровень оптимизма. Впрочем, не знаю, возможно, женское начало и пол вообще не при чем. Так или иначе, уснула я быстро и отлично выпалась.

Завтрак проходил приблизительно, как и в прошлый раз, только народу в кают-компании прибавилось. На двоих или даже на троих, есть считать лингуана. Он, ясное дело, ничего не ел. Дуэллийцы вели себя тихо, все больше молчали, приглядываясь к обстановке. Мало того, что были новичками, на нашем корабле они оказались, ко всему прочему, первыми не-людьми.

А вот капитан опять не пришел, и эта «традиция» мне не очень нравилась. Поэтому, снова набрав на тарелку разнообразной еды — поскольку о вкусах Рэя я почти ничего не знала, да и питались мы до сих пор чем придется, главным образом, пастами из тюбиков, я отправилась в командный отсек.

Дверь отъехала в сторону, и я без труда прошла в мир экранов и сенсорных панелей. Капитан как обычно работал, полностью погруженный в цифры, надписи, карты и что там еще показывал ему компьютер.

— Худеешь? — любопытствовала я, опуская тарелку на стол.

Рэй поднял глаза и отвернулся от дисплея.

— Угу, привожу себя в идеальную форму, — усмехнулся он, поддержав шутку. — Хочу нравиться девушкам, а они ведь предпочитают худых?

— Худых, но не тощих, — возразила я. — После тюрьмы тебе бы лучше, наоборот, набирать массу. И потом, что касается девушек, Гайке ты по вкусу и так. По-моему, намекнешь ей на свой интерес — и она будет только за.

От того русла, в которое повернулся разговор с подачи Рэя, настроение резко упало.

— Ну, если верить риторике Гайки, она будет за, кто бы ей на это ни намекнул, — хмыкнул он. — Правда, насколько я могу судить, слова у нее в этом отношении значительно расходятся с делом.

Мужской интерес к предмету разговора за этими фразами не ощущался, и я немного воспрянула духом.

— А если серьезно, так ли необходимо работать без перерыва? — спросила укоризненно. — В конце концов, бортовой компьютер на что?

Рэй немного поколебался, затем со смущенным смешком развернул ко мне виртуальный экран. Я увидела кадр поставленной на паузу игры-стратегии. Вглядевшись, поняла, что правила мне знакомы. На этом уровне персонажу следовало доставить в штаб секретный документ, привлекая к

себе как можно меньше внимания вражеских солдат, что было весьма нетривиальной задачей.

— Ты играешь в игрушки?

Вопрос сорвался с уст непроизвольно, и я испугалась, что обидела Рэя, но того было не так легко задеть.

— Бывало, хотя нечасто, — откликнулся он. — Правда, с момента побега такое желание возникло у меня впервые.

— Это хорошо. Наверное, это значит, что ты позволил себе расслабиться, отпустить.

Сама не знала, что отпустить, но отчего-то именно это слово казалось правильным.

— Наверное.

— Кажется, я говорю, как док. — Я рассмеялась.

— Это нормально. Док вообще заразителен, — тоже развеселился Рэй. — Как обстоят дела в жилом отсеке? — Он взял с тарелки кусок булки и млеквадр, дуэлийский продукт, напоминающий сыр. Как было принято на планете, свернул его в трубочку. — Брэн умудрился всех расселить?

— Да.

— И как ему это удалось?

— Ну... Ты, наверное, знаешь, что сам он спит в лаборатории? — спросила, слегка вжав голову в плечи, будто сама была виновата в таком решении.

— Знаю, — поморщился Рэй. — Я говорил ему не дурить и перебираться ко мне, но Брэн иногда бывает упрям как осел. Мол, капитанская каюта должна оставаться только капитанской. Неважно. — Он безнадежно махнул рукой. — Что с остальными?

— Дуэлийцам выделили отдельную каюту, они ведь жених и невеста или... не знаю, как это правильно назвать в данном случае.

— Полагаю, этого никто не знает, — понимающе кивнул Рэй. — Дальше?

— Джекки с Хендрейком остались вместе. А я перебрался к Гайке. Мы давно уже члены одной команды и воспринимаем это спокойно. Никаких особенных неудобств.

Я отвела глаза, испытывая чувство неловкости. На самом-то деле такое объединение было более чем естественным, вот только никто, кроме нас с доком, об этом не знал. Сама Гайка, правда, восприняла мой переезд в ее каюту совершенно спокойно, даже позитивно. Приставать ко мне не пыталась — признаюсь, было у меня поначалу такое опасение, — видимо, по-прежнему считая любовником капитана. Зато заявила, что так будет

веселее.

Впрочем, Рэй, кажется, ни о чем таком не подумал, а если и подумал, то не подал виду. И, приободренная этим фактом, я поспешила слегка сменить тему:

— Правда, док сразу предупредил, что кроватей, подходящих дуэллистам по длине, не найдется. Сказал, единственный способ решить проблему — это сбегать за скальпелем и слегка их укоротить.

— Плагиатор! — фыркнул капитан.

— Почему?

Я ожидала в адрес Брэна какого-нибудь другого эпитета.

— Описан такой случай в мифологии Старой Земли, — пояснил Рэй. — Один разбойник укладывал людей на кровать и, если она оказывалась коротка, отрубал им ноги. В итоге нашелся человек посильнее, который устроил на этом ложе самого разбойника. Ну и обошелся с ним точно так же.

— Жуть какая! — Я поморщилась, испытывая чувство отвращения, какого докторская шутка не вызвала: слишком очевидно было, что тот просто дурачится. — И для чего людям такие легенды? В чем, так сказать, соль? Кто сильнее, тот и правит бал?

Рэй сделал неопределенный жест рукой.

— Историю придумал не я, но, думаю, мораль другая. Например — всех рано или поздно ждет расплата за содеянное.

— И Линду тоже?

Не знаю, почему, но, когда речь заходила об этой женщине, мне плохо удавалось сдерживать эмоции. Слова лезли вперед мыслей, как минимум — вперед одной простой мысли о том, что следовало бы держать язык за зубами. А может, я просто не желала этого делать.

Настала очередь Рэя поморщиться.

— Не знаю, — покачал он головой он, — и, признаться, не испытываю сейчас желания об этом думать. Время покажет. Радует одно: все это предприятие оказалось не зря. Мы раздобыли важную информацию, вечером передадим ее тем, кто сумеет предотвратить катастрофу, и на этом можем считать себя свободными. Это позволяет до определенной степени расслабиться. И, говоря откровенно, мои мысли заняты совершенно другим.

— Чем же?

Он посмотрел на меня испытывающе, а потом внезапно, так сказать, «без объявления войны», подошел вплотную, наклонил голову и поцеловал в губы. Глаза мои округлились, я встала на цыпочки — не для того, чтобы

приблизиться к нему, наоборот, инстинктивно стремясь, сравнившись в росте, вырваться из-под его власти. Сложность заключалась в том, что никакой власти и не было. Рэй не подходил ко мне с позиции силы. Он не сминал мои губы и не заставлял задыхаться, не хватал за волосы, не душил в порыве животной страсти. Он просто целовал — мягко, осторожно, умело, ласково, отпуская мои губы и сразу же снова к ним принося. И именно этой невероятной, совершенно неожиданной нежности я не смогла противиться. Инстинктивно приоткрыла губы, хотя понятия не имела, что в таких случаях нужно делать. Стала отвечать на поцелуи, даже обвила руками его плечи. И хотя его поведение не было агрессивным, я все же ощутила, как усилился напор, едва он понял, что не наткнулся на ледяную стену отчуждения с моей стороны. Где-то в груди защемило до исступления сладко, и от этого сбилось дыхание, и я почувствовала, что если не буду сейчас держаться за Рэя, упаду — хоть сразу садись в противоперегрузочное кресло.

Тем не менее я заставила себя отступить. Пусть не к креслу, но хотя бы к столу, о край которого можно было в случае нужды опереться. Вырваться с боем не пришлось — Рэй отпустил меня легко, поняв, что таково мое желание. Уж не знаю, чей поступок — его или мой — требовал объяснений в первую очередь. Голова по-прежнему кружилась, и способность трезво мыслить возвращаться не спешила.

— Послушай, Рэй... — Старалась говорить как можно мягче, чтобы его не обидеть. — Не пойми меня неправильно, ты — очень хороший парень, честное слово. Но просто у меня стандартная сексуальная ориентация.

Преодолев смущение, я подняла на него извиняющийся взгляд. Так, мол, и так, ничего личного.

Вместо того чтобы расстроиться или смутиться, Рэй... улыбнулся.

— У меня тоже, — заверил он.

— Как же тогда... — начала было я и осеклась.

Да, мозги работали плохо, как минимум медленно. Потребовалось время, чтобы осознать смысл сказанного.

— Стало быть, док тебе все-таки раскололся...

В голове прояснилось. Теперь я была в состоянии мыслить логически; во всяком случае, хотелось в это верить.

Но вывод оказался ошибочным, либо Рэй солгал, отрицательно покачав головой.

— Я уже говорил, Брэн очень трепетно относится к понятию врачебной тайны. Но у его молчания была и вторая причина. Стоило ли

рассказывать мне то, что я знал и так?

— То есть, хочешь сказать, ты сам догадался... — неожиданно для самой себя я смутилась, — о моей половой принадлежности?

— Сам.

— И давно?

Надо же, столько лет благополучно хранила свою тайну, и тут — на тебе! Целых два человека на корабле независимо друг от друга разгадывают мой секрет, в то время как я терплю значительные неудобства ради того, чтобы все оставались в неведении.

— Порядочно, — оценил срок своей осведомленности Рэй.

— С каких пор?

Тут меня уже взяло в оборот любопытство.

— М-м-м... С момента, как мы подрались в тюремной камере.

Ну конечно! До чего же наивно было с моей стороны понадеяться, что тот случай останется без последствий!

— Это не мы подрались, это ты со мной подрался, — зачем-то поправила я.

— Не без причины. — Рэй не спешил посыпать голову пеплом. — К тому же у меня есть смягчающее обстоятельство: в тот момент я еще не знал, что передо мной — девушка.

Ответила не сразу. Так странно, непривычно и, что удивительно, приятно было услышать это слово в свой адрес, тем более от него.

— Между прочим, во многом именно поэтому я относился к тебе с таким недоверием, — добавил он. — Зная, что ты — не та, за кого себя выдаешь, подозревал, что это часть игры против меня.

— Стало быть, именно своей маске я обязана тем, что на катере ты направил в мою сторону бластер?

— В первую очередь, — кивнул он серьезно.

— Оказывается, быть женщиной не так удобно, как пишут в книгах, — иронически заключила я.

— Ну, стрелять-то я, положим, не собирался, только рассчитывал разобраться в твоих мотивах, — решил внести ясность кэп. — Не могу сказать, что мне удалось, но во всяком случае я понял, что подозрения беспочвенны.

— И почему ты до сих пор ни разу не намекнул мне, что знаешь правду?

— Честно говоря, я очень надеялся, что ты расскажешь мне сама. Думал, если проявлю терпение и подожду, рано или поздно ты снимешь маску. Или хотя бы расскажешь свою историю. Но, как видишь, терпения

все-таки не хватило.

Он бесхитростно, и оттого обезоруживающе, рассмеялся и развел руками.

То, что я почувствовала, больше всего напоминало укол совести. Конечно, на первом этапе доверие между нами было чрезвычайно хрупким. Но ведь с тех пор ситуация успела измениться.

— Мне казалось, признание будет неуместно. Мы были заняты слишком серьезными делами. Хотя на самом деле все, наверное, куда элементарнее. Я просто не привыкла снимать маску. Откровенно говоря, я ни разу этого не делала. На людях, имею в виду.

— Прежде я даже не знал, что такие существуют, — признался Рэй.

— Док знал.

— Что ж, лишний жирный плюс его квалификации. А голос? Тоже технология?

— Да.

Я поднесла руку к верхней части рубашки. Непосредственно на заклепку на воротнике указывать не стала, технические подробности к нашему разговору имели весьма поверхностное отношение.

— И давно ты так живешь?

— Давненько.

Далеко отойти друг от друга мы не успели, и Рэю потребовалось не больше секунды, чтобы приблизиться ко мне вплотную, погладить по щеке и снова коснуться губ поцелуем — правда, на этот раз еще менее настойчивым. Зато для меня сдерживающих факторов стало меньше. И я обвила его шею руками.

Это было полнейшее безумие. Мы стояли посреди командного отсека, с незапертой дверью, через которую в любую секунду мог кто-то войти, я — в образе мужчины, Рэй — ясное дело, тоже, и безудержно целовались, теперь уже не отрываясь друг от друга. Опыт у меня был нулевой, но я быстро училась и — по крайней мере так мне казалось — ученицей была талантливой. Уста не жили отдельной жизнью, нет, скорее я сама стала своими устами, полностью растворяясь в обнимавшем меня мужчине.

Не знаю, долго ли это продолжалось. Двадцать секунд? Несколько минут? Времени в тот момент для меня не существовало, а задним числом не просчитаешь.

— Пойдем ко мне, — прошептал Рэй, касаясь губами моего уха. Чуть отстранился и заглянул мне в глаза. — Я понимаю, что слишком спешу. Я веду себя, как зеленый юнец, которому не хватает терпения. Брэн прав, и я — чертов псих, растерявший всю свою выдержку. Но я прошу тебя —

пойдем ко мне. Хотя бы покажи мне свое лицо. И голос. Я обещаю, что не буду больше ни на чем настаивать, если ты будешь против.

Я не была против. И нетерпение его мне только нравилось. Наверное, в силу полного отсутствия опыта следовало бы проявить большую сдержанность, но, возможно, я просто не ощущала себя в должной степени женщиной. Присутствовало разве что легкое смущение.

— Маска так просто не снимается, — объяснила я, в очередной раз коснувшись губ Рэя в мимолетном поцелуе, заставившем волну тока пробежать по коже. — Нужен раствор, он у меня в каюте. Сбегаю за ним и приду. Это быстро.

Я развернулась и поспешила прочь, торопясь поскорее преодолеть минуты и метры, отделявшие нас от близости, не знаю, физической или духовной, да и к черту эти разграничения! К счастью, все постепенно налаживается, мы вовремя нашли записи Линды, теперь можно будет начать жизнь заново...

Я застыла на месте, остолбенела, так и не успев ступить за порог. Сердце билось глухо и тяжело, будто ради каждого удара ему приходилось переворачивать каменные глыбы. Медленно, прилагая невероятное усилие, я развернулась. Руки безвольно повисли.

— Прости, Рэй. Я не приду.

Выражение его лица резко изменилось. Теперь на нем было написано разочарование. Он даже как будто чуть-чуть постарел, заставив меня вспомнить внешний облик того заключенного, которого я встретила в камере-одиночке пару месяцев назад.

— Почему?

Невеселая улыбка коснулась моих губ.

— Ты женат.

Какое-то время он хмурил брови, покачивая головой, словно не в силах осмыслить моих слов.

— Но ты же понимаешь, после всего, что произошло, это уже не имеет значения. Не может иметь значения.

Моя улыбка стала шире, и это парадоксальным образом отражало всю степень моего отчаяния.

— Тебе сейчас так кажется. Но ты ведь собираешься ее найти, верно? Во что бы то ни стало.

Он не ответил, подтверждая давно известный тезис, что молчание — знак согласия.

— Ты отыщешь ее, вы поговорите. Она даст какие-нибудь объяснения своему поступку — не может же их не быть! Скажет, что ее

шантажировали или еще как-то заставили. Да даже если окажется, что все это ради денег или научного интереса. Или маленькой планетки в личное пользование, как говорил док. Все равно ты сумеешь ее понять. Простить, может, и нет, но понять сумеешь точно. Ведь она, какая бы ни была, для тебя — не чужой человек. Сколько вы прожили вместе? Восемь лет? Больше? Она варила тебе кофе, встречала после долгих вылетов... Не знаю, что там еще делают жены?..

Рэй попытался что-то сказать, но я замотала головой, призывая к молчанию, и, как ни странно, он послушался.

— Ты не подумай, я не наивный ребенок. — С губ сорвался смешок, а глаза заволокла влажная пелена. — И вовсе не считаю, что после постели люди непременно женятся и умирают в один день. Но ценность недолговечного романа в том, что люди заранее не знают, сколько он продлится. Не знают, что он окажется недолгим. Каждый такой роман мог бы оказаться на всю жизнь. И поэтому он всю жизнь хранится в памяти. У меня, конечно, нет опыта, но, — я пожала плечами, чувствуя себя в этот миг как никогда хрупкой, — так мне представляется. Такие отношения — как бабочка, которая вспорхнула с ладони. Может, она и однодневка, но пока живет, она красивее всей окружающей фауны. А наши с тобой отношения — это как если бы бабочку еще при жизни пригвоздили булавкой к странице альбома. Я так не смогу. Заранее знать, как все будет, а потом шаг за шагом наблюдать развитие того, что и так было очевидно. Поэтому давай лучше... — Пошлое предложение остаться друзьями так и не сотрясло ценный на звездолете воздух, в последний момент замененное на «оставим все как есть».

Вот теперь я развернулась и почти побежала прочь, не надеясь, что Рэй помчится следом, а искренне этого боясь. К счастью, ему хватило ума меня не останавливать. По искусственному лицу текли струйки настоящих слез.

Ворвавшись в жилой отсек, я чуть не врезалась в Хендрейка. С трудом избежав столкновения, остановилась возле стены.

— Что-то случилось?

Он выглядел искренне озабоченным.

Я мотнула головой, сжимая губы.

— Сэм, тебя кто-то обидел?

Хакер прищурился и коснулся рукой моего плеча.

— Я сам кого хочешь обижу, — огрызнулась.

Эффект, увы, был подпорчен вынужденно шмыгнувшим носом.

— Может быть, тебя к доку сводить? — не отставал Кен, не слишком

убежденный моим заявлением.

— Еще не хватало, — фыркнула я, отворачиваясь, чтобы вытереть мокрую от слез щеку.

Парень немного помолчал.

— Хоть чем-нибудь помочь?

Кажется, он уже был готов меня отпустить, и все, что мне оставалось, — это спокойно шагать себе мимо, но вместо этого я подняла глаза и спросила:

— Ты куришь?

Мне явно удалось его удивить.

— Да. Но разве на корабле можно? — уточнил он, не без оснований разглядев в моей фразе не столько вопрос, сколько приглашение.

— Вообще-то нельзя. Но у меня есть что-то вроде индульгенции.

Прямо в коридоре курить не стали. Засели у меня каюте на застеленной кровати и смолили, используя в качестве пепельницы первую попавшуюся на глаза тарелку. К середине сигареты мне стало легче. Когда в пальцах остался лишь коротенький окурок, я с неохотой выбросила его и блаженно прикрыла глаза.

Нет, я понимаю, что от курения для легких не может быть ничего хорошего, но, видно, разбитое сердце воздействует на дыхание еще хуже. Сейчас я хоть немного успокоилась.

— Хорошие сигареты, — отметил Кен.

Своих у хакера не было, и он стрельнул у меня.

Я кивнула.

— А ты на Новой Земле какие курил?

— Да электронные только. Так, иногда, разными вкусами баловался.

— Электронные — это и правда баловство, — наставительно заявила я, не открывая глаз.

— Да я не спорю, — добродушно отозвался хакер.

Заядлым курильщиком нельзя было назвать ни одного из нас, но требовалась нейтральная безболезненная тема для разговора, которая не несла бы в себе ровным счетом ничего личного. И сигареты подошли не хуже любой другой.

— Вот на Грине было веселее, — удобно устроившись, ударился в воспоминания Кен.

— Ну, электронные там явно не в ходу, — сделала я логический вывод.

— Нет, конечно. А обычные не то чтобы поощрялись, но особо и не порицались. Жизнь на планете непростая, людям надо как-то расслабляться. Вот и расслаблялись... все по-разному. — Он

усмехнулся. — Короче, официально сигареты не купишь, там вообще с магазинами не ахти. То сосед с ярмарки вернется — подбросит, но кто-нибудь из гостей самокрутки привезет. В общем, внутри могло оказаться что угодно. Я так один раз покурил... Знаешь такое выражение — «поехала крыша»? Так вот, оно точно описывает мои ощущения. Казалось, верхняя часть черепа отсутствует, и мозги приятно обдувает ветерком. В общем, с тех пор я на Грине не рисковал.

— Ничего себе экологически чистая у вас планетка! — чуть не подавилась я.

— Экологически чистая трава, — пожал плечами Кен. — Вообще любые хорошие начинания заканчиваются у людей лицемерием. И хорошо, если только им. Когда имеешь доступ к закрытой информации, такое понимание приходит быстро.

Я немного посидела с прикрытыми глазами. Слово «лицемерие» вызвало мои собственные ассоциации.

— Скажи, эта Линда... Чем она вас с кэпом взяла? Что в ней такого особенного? — чуть позже спросила я.

Хакера при упоминании ее имени прямо перекосило. Разговор о люто ненавидимой жизни на Грине он воспринимал значительно спокойнее.

— Да как тебе сказать... Просто она это умеет, — протянул он, и я поняла, что ничего, кроме неприязни, Кен к своей бывшей любовнице уже не испытывает. — Есть в ней что-то такое...

Так и не подобрав слов, он махнул рукой и развивать тему не стал.

Ну да. Мы с Линдой слишком разные, и все сравнения — в ее пользу. Она умеет, я — нет. Она по-женски манипулирует мужчинами, я даже не знаю толком, что это такое — быть женщиной. У нее профессия, у меня — так, сугубо теоретическое образование, и то незаконченное. Она идет по головам к четко поставленной цели, я же все эти годы понятия не имела, для чего живу. Она — блондинка, я — брюнетка, мы даже в этом как две противоположности...

Настроение снова испортилось, и я потянулась за второй сигаретой.

Глава 8

— Готово. — Кен оторвался от экрана и повернулся к Рэю. — Я подключился к трансляционной станции. Теперь вызов будет фиксироваться так, как будто сделан оттуда.

Капитан сосредоточенно кивнул. Сегодня он впервые подпустил хакера к более серьезному компьютеру, чем древний планшет, начисто лишенный какой-либо опции подключения к плантернету. И это решение, похоже, себя оправдало.

— Честно скажу: надолго их это не обманет, — предупредил Кен. — Если начнут проверять и выяснят, что нас там нет, быстро сообразят, что к чему.

— Это понятно.

— Выиграем немного времени — и хорошо, — подтвердил док. — Так я звоню?

Начинавшемуся сейчас действу предшествовал продолжительный спор между капитаном и врачом о том, кто будет говорить с Новой Землей. Рэй считал это своим долгом, Брэн же был убежден, что беглому заключенному нельзя «светиться» на родной планете даже таким, сугубо звуковым способом. В конце концов, местоположение корабля и правда нетрудно просчитать. В итоге Рэй неохотно, но сдал позиции, о чем и свидетельствовал его согласный кивок.

Брэн надел наушники с прикрепленным к ним микрофоном и повернулся к экрану, на котором была открыта нужная программа — Скайфон. Сначала он напечатал какое-то имя, потом принялся набирать длинную комбинацию цифр — видимо, для связи с абонентом требовалось знать некий заковыристый код.

— Господин полковник! — начал он после нескольких секунд всеобщего напряженного молчания. — Говорит капитан в отставке Брэндан Уолкс.

Ого, а он, оказывается, в чине капитана! Ничего себе доктор!

— С кем он разговаривает? — прошептала Гайка.

Реплик с той стороны линии мы не слышали, и Кен тихо ответил:

— Предполагаю, что с полковником ВВС Виктором Робле.

— Откуда ты знаешь?!

— Не знаю, предполагаю. Он же сказал «господин полковник». А дальше достаточно немного покопаться в сети. Я же собирал инфу по кэпу

и «Галалэнду».

Мне показалось любопытным, что вместо «Макнэлл» или хотя бы «Рейер» он выбрал своё «кэп», но, к счастью, сам предмет разговора этого услышать не мог, полностью сосредоточенный на диалоге, который вел врач. В отличие от нас капитан мог слышать обоих собеседников, поскольку надел вторые наушники. Впрочем, вскоре нам стало более чем хватать реплик Брэндана.

Сначала док вкратце, четко и по существу пересказал предысторию и содержание записей Линды. О том, как мы вышли на эти записи, сообщал осторожно, не вдаваясь в лишние подробности и ни разу не упомянув открытым текстом участие Макнэлла. После того, как он закончил, для нас, не имевших наушников, но все равно собравшихся в командном отсеке, наступила тишина.

— Так точно, господин полковник, мне известно, что мой вылет с Истерны был несколько неожиданным.

Мы переглянулись. На наш взгляд, это была не самая актуальная тема в контексте пересказанных доком событий.

— Нет, господин полковник, капитан Макнэлл в данный момент не рядом со мной, — сказал в микрофон Брэн, не отрывая взгляда от Рэя. — Так точно, бывший капитан. Нет, мне неизвестно его местонахождение. Конечно, жду на линии.

Мы тоже ждали в напряженной, звенящей тишине. Думаю, прошло не более пары минут, но вытерпеть их было довольно трудно. Затем врач снова стал отвечать на неслышные нам вопросы.

— Да, господин полковник, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Да, мне известно, что Линда Макнэлл числится умершей. Ее убийство было тщательно инсценировано. У меня есть свидетель, который может это подтвердить. Сообщник Линды Макнэлл, программист Кен Хендрейк. Да, числящийся пропавшим без вести в системе Сигма-Д. Именно так. Я могу предоставить доказательства. Нет, предоставить Линду Макнэлл не могу. Рейера Макнэлла тоже. Совершенно верно, господин полковник. Человеческая женщина вступила в сговор с не-гуманоидами. Цивилизация освеномов оказалась не настолько отсталой, как мы привыкли считать. Именно так, психическая энергия. Информацию я почерпнул исключительно из электронного блокнота. Вы совершенно правы, я не вирусолог.

Снова непродолжительное молчание.

— Вас понял, господин полковник. Конец связи.

Брэн нажал прерывающую разговор клавишу. Лишний раз

удостоверился, что связь действительно отключена. Потом они с капитаном одновременно сняли наушники. Мы молча ждали, словно обвиняемые оглашения приговора в зале суда.

— Нам не поверили, — удрученно сообщил Брэн. — Потребовали, чтобы мы с капитаном незамедлительно возвратились на Новую Землю.

— Может быть, в этом случае они всерьез займутся вопросом освеномов? — предположил Рэй.

Док уверенно покачал головой.

— Не займутся. Ты сам все слышал. Погибшая человеческая женщина, оставшаяся в живых согласно свидетельству столь же мертвого программиста. Вступила с представителями примитивной, дикарской цивилизации в сговор по порабощению высокотехнологичной планеты с помощью несуществующего вируса. Дикари — энергетические вампиры. Обо всем этом я утверждаю исключительно на основании записи в электроблокноте, после того, как помог бежать с Истерны уголовному элементу, убийце той самой человеческой женщины... А я специально выбрал Робле, он один из самых адекватных.

— Стало быть, от ВВС помощи не будет? — решила уточнить то, что все еще не поддавалось осмыслению. — И от правительства Новой Земли тоже?

— Скорее всего, нет, — подтвердил Брэн. — Можно попытаться связаться еще с парой человек, но если этот не послушал, другие и вовсе пошлют меня в пешее космическое путешествие. Странно, что Робле проговорил со мной так долго.

— Не странно, — выходя из состояния оцепенения, возразил Рэй. — Он давал своим людям время нас локализовать. Уходим отсюда, и как можно быстрее! Со всем остальным будем разбираться потом.

Подавая пример собственным поведением, он пересел, заняв капитанское кресло, и вывел на удобный уровень виртуальную клавиатуру. Аркадайос отстал лишь на пару секунд, но вскоре, расположившись по правую руку от капитана, уже переключал рычажки и отдавал бортовому компьютеру голосовые команды. У каждого свой стиль общения с техникой. Одни предпочитают набирать текст, другие — разговаривать с машиной. Брэн остался сидеть на месте радиста, функции которого по-прежнему выполнял в меру своих возможностей.

— Все это время они высчитывали наше расположение? — с тревогой спросила я.

— Вне всяких сомнений, — откликнулся Рэй, который на сей раз, в отличие от дока, не надевал наушники. — Я бы на их месте поступил

именно так. Хорошо, что Брэн быстро прервал разговор.

— Куда проложить курс? — спросил, оторвавшись от экрана, дуэллиец.

— Возвращаемся вглубь Сигмы, но не через гипертоннель, — решил Рэй. — Там станут поджидать в первую очередь. Сколько у нас топлива? Достаточно, — ответил он сам себе, на всякий случай удостоверившись в том, что знал: на Дуэлле мы заправились и много растратить по дороге сюда не могли. — Самое главное: не двигайся в направлении обитаемых планет. Именно оттуда ближайшие корабли ВВС вылетят за нами. Так что пусть будет открытый космос. Продержимся. Для радаров мы невидимы, поэтому главное не попасть в поле визуального восприятия. Будем придерживаться этого правила — и они не отыщут нас, если только не сумеют разгадать наш курс. Поэтому чем менее предсказуемым он окажется, тем лучше.

Пилот кивнул и занялся маршрутом, а вот его девушка (или невеста? а может быть, даже жена?) подошла к креслу капитана вплотную.

— Вы бежали из тюрьмы? — сурово спросила она. Впрочем, может быть, у нее просто была такая манера общения — суровая.

Нисколько не задетый ни смыслом вопроса, ни тоном, каким он был задан, Макнэлл поднял глаза.

— Бежал, — подтвердил он. — Я бежал со своей планеты, как и вы со своей. Если вас что-то не устраивает, осмелюсь напомнить, что не заставлял вас подниматься на борт. Напротив, был склонен лететь без вас.

— Я не сказала, что меня что-то не устраивает, — возразила Иолетрия. — Но в данный момент я и мой спутник втягиваемся в непростую ситуацию, по-видимому, носящую как уголовный, так и политический характер. Полагаю, в этом контексте мы имеем право знать, что именно вы натворили на Новой Земле.

Со стороны казалось, что Аркадайос полностью сосредоточен на мерцающем далекими звездами экране, но я не сомневалась, что мысли его значительно ближе, и он следит за каждым произнесенным в отсеке словом.

— Убил свою жену, — с насмешкой ответил Рэй.

— Вот эту? — Иолетрия поискала глазами электроблокнот, вынесенный из дуэллийского хранилища.

— Ту самую, — согласился кэп. — У нас на планете многоженство не в ходу.

— Но она ведь жива? — продолжала допытываться лингвист, желавшая окончательно прояснить ключевые вопросы.

Рэй виновато развел руками.

— Видать, что-то я здесь недоработал.

Иолетрия немного помолчала.

— Сильно недоработали, — укорила она, указывая пальцем на блокнот, который все-таки обнаружился на капитанском рабочем столе.

— У меня еще будет шанс исправиться.

Этот обмен репликами, степень серьезности которых я все никак не могла оценить, прервал негромкий, но почему-то немедленно услышанный голос Аркадайоса:

— Вижу искусственный объект, предположительно космический корабль.

Рэй немедленно развернулся к столу и перегнулся к экрану пилота. Тот указал на мерцающую красную точку. Сейчас на изображение были наложены черные линии окружностей, помогавшие делить интересовавший нас участок на сектора.

— Раза в три больше нас, во всяком случае, по массе, — высчитал каким-то образом капитан. — И наверняка по нашу душу.

Логический вывод, с которым я не могла не согласиться.

— Он такой один?

Пилот вывел на дополнительные экраны еще несколько изображений.

— Судя по всему, да.

— В таком случае уходим, и как можно скорее. Точное направление принципиального значения не имеет. Наша цель не попасться им на глаза. Для их радаров наш корабль невиден, так что пока мы далеко, нас не засекут. Но если окажемся в зоне видимости... Игра в догонялки — не слишком хороший вариант.

Аркадайос кивнул и плавно наклонил джойстик в сторону. Видимо, перешел на ручное управление.

Здесь, внутри, мы не ощутили ни смену курса, ни повышение скорости, если таковое имело место. Как правило, на корабле вообще не ощущалось движение. Но красная точка на экране пилота удалялась и наконец окончательно исчезла.

— Ушли? — все еще напряженно спросил ботаник.

— Будем надеяться. — Док не стал давать обещаний.

— А это что?

Джекки с интересом рассматривал голубоватое небесное тело, появившееся справа от нас. Отсюда оно казалось огромным, поскольку занимало почти весь экран.

И тут Рэй неожиданно обратился ко мне.

— Сэм, что это?

Капитан всего лишь переадресовал мне вопрос пассажира, но я отчаянно искала подвох в его словах. Затем все же пришлось ответить:

— Астероид класса В, насколько могу судить. Сравнительно небольшое небесное тело. Раньше их называли малыми планетами. Но это не планета. У него неправильная форма, нет атмосферы, да и размер... — С помощью Аркадайоса, уменьшившего изображение и выведшего на экран дополнительную информацию, я произвела вычисления. — Около километра в диаметре, но это так, грубое приближение. Впрочем, бортовой компьютер сможет сказать точнее. У астероидов даже бывают спутники...

— Но, полагаю, не такие, — перебил меня Джекки, замороженно глядя на другой экран.

На котором из-за огромного голубого камня медленно выплывал космический корабль. Судя по характерному дизайну, военный.

— Нет, не такие, — едва слышно подтвердил Рэй, столь же неотрывно следя за приближающимся звездолетом.

— Почему наши радары не засекали их раньше? — пробормотал Брэн.

— Невидимость, как и у нас? — предположил Хендрейк.

Капитан покачал головой.

— Для таких больших кораблей невидимость пока недоступна, — объяснил Аркадайос. — Полагаю, просто исказился сигнал. Возможно, из-за астероида. Попытаемся сбежать?

Рэй усмехнулся с невеселым видом, но, как мне показалось, не без чувства гордости.

— Не сумеем. Это «Галалэнд».

Если кто-то и хотел вступить в спор, на это элементарным образом не хватило времени. Поскольку док, сдвинув в сторону наушник, произнес:

— Они нас вызывают.

Рэй, видимо, ожидавший этого хода, кивнул.

— Включай громкую связь, — распорядился он, с силой сжимая ручки кресла.

Я вздрогнула, когда из ожившего динамика полился непривычный фоновый шум.

— Частный звездолет класса Т-397!

Голос, зазвучавший, едва связь с кораблем оказалась налажена, принадлежал мужчине, вероятнее всего человеческому и, кажется, немолодому, хотя тут со мной могло сыграть шутку несовершенство звука.

— С вами говорит Томас Дебург, капитан патрульного космолета ВБС «Галалэнд». Как меня слышите?

Вообще подобный выход на связь был стандартным. Когда два космических корабля встречались в открытом космосе, считалось нормальным удостовериться, что у случайных «попутчиков» все в порядке, оказать посильную помощь, а также зафиксировать встречу в бортовом журнале. По прибытии звездолета на цивилизованную планету такая информация попадала в общую базу данных. Это помогало в расследовании чрезвычайных происшествий, а также поиске пропавших без вести — как, например, в случае с нашим предположительно покончившим с собой хакером.

Вот только в стандартных ситуациях на связь выходил отнюдь не капитан, тем более если речь шла о таком крупном судне как «Галалэнд». Для этого существовали радисты.

— Они послали видеовызов? — уточнил Рэй, перегнувшись через спину пилота.

Док кивнул.

— Переведи на меня и врубай, — махнул рукой кэп.

Брэн недовольно нахмурился, сомневаясь в том, что его друг поступает правильно, но не подчиниться приказу в экстренных условиях не рискнул. Все-таки военный человек всегда остается военным, и то, что он уже несколько месяцев как подал в отставку, ничего не меняет.

— Кто не хочет попасть в их зону видимости, держитесь подальше от моего компьютера, — успел предупредить нас Рэй, недвусмысленно постучав по обрамлявшей дисплей рамке рядом с круглым глазком камеры.

Мы как один, вместо того чтобы последовать совету, подошли ближе. Но кэп этого уже не видел и, кажется, не слышал.

На его собственном экране возник немолодой мужчина в серой форме ВВС, тоже сидевший в кресле с высокой прямой спинкой. Я с трудом подавила неуместный смешок. К человеку, ведущему с нами разговор, со всех сторон сходились другие члены экипажа, обступая его примерно так же, как мы только что окружили Рэя.

— Слышим отлично и видим тоже, — взял между тем слово кэп. — С вами говорит капитан частного звездолета класса Т-397 Рейер Макнэлл.

Не надо было обладать парапсихологическими способностями, чтобы понять, насколько напряжен Томас Дебург. Он тоже сжимал подлокотники кресла, учащенно дышал и хмурил брови, отчего на лбу проявлялись морщины.

— Капитан Рейер Макнэлл, — через силу произнес он, — согласно приказу высшего командования ВЕС мы обязаны взять вас под стражу и передать властям Новой Земли либо другой дружественной планеты.

— Приказ касается только меня или всего моего экипажа?

— Только вас и доктора Брэндана Уолкса, — все так же напряженно и неохотно сообщил Дебург. — Надеюсь, вы понимаете, что попытки уйти от преследования в данном случае бесполезны.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь. — Кэп повернулся к пилоту. — Аркадайос, вы сможете самостоятельно довести корабль до ближайшей обитаемой планеты?

— Полагаю, что да.

— Хорошо. Что ж, — Рэй снова заговорил, устремив взгляд на экран, — мне известно, что такое приказ командования, капитан Дебург. Действуйте в соответствии со своими обязанностями и принципами.

Несколько мгновений офицер в серой форме молчал. Должно быть, набирался решимости для последнего шага. Потом, четко и внятно выговаривая слова, спросил:

— Господа, мы ведь не встречали в полете звездолет класса Т-397?

Я даже не понимала, что он обращается не к нам, а к членам собственного экипажа, до тех пор, пока те не начали отвечать:

— Никак нет, сэр!

— Нет, сэр!

— С этими Т-397 вечная проблема: сплошные «невидимки», — протянул кто-то.

— Я вообще паял провода, а в такие минуты я ничего не вижу и не слышу.

Мужчина, сказавший последнюю фразу, в подтверждение даже повертел в руках инструмент, показавшийся мне, правда, отверткой, а не паяльником.

— В таком случае, я не понимаю, на что вы в данный момент смотрите, — с каменным лицом отчеканил Дебург.

Пару секунд ничего не происходило. Затем человек с «паяльником», посвистывая, вышел из области, просматриваемой капитанской камерой. Следом потянулись остальные. Один за другим солдаты и офицеры ВБС с невозмутимым видом возвращались к своим делам.

— Вы уверены в своем решении, капитан Дебург? — тоже стараясь сохранять хладнокровный вид, уточнил Рэй.

— Стар я уже, чтобы метаться, — проворчал в ответ тот.

Покривил душой, конечно: старым он не был. Да, не безусый юнец, не мужчина в самом расцвете лет вроде Макнэлла, но до старости все равно далековато.

— Спасибо, капитан. — Рэй на мгновение опустил веки, вроде так

кивнул в знак благодарности. Черты его смягчились, и он добавил: — Цифровой код для корректировки видеозаписей вам известен? Нужно аккуратно стереть наш разговор, чтобы у вас не было неприятностей.

— Не сомневайтесь, известен.

— Мне тоже.

На экране появился давешний любитель паять провода и помахал рукой.

Дебург шикнул на подчиненного; Рэй позволил себе мимолетную улыбку.

— Счастливого пути, «Галалэнд»!

— Вам тоже, капитан Макнэлл.

— Конец связи, — объявил Рэй.

Дисплей погас. Всеобщее внимание переключилось на соседний экран, где крупный военный корабль начал отдаляться, постепенно уменьшаясь в размерах.

На самом деле, конечно, двигался не только «Галалэнд», летели и мы, медленно, но верно уходя от кораблей-преследователей. Впереди не ждало ничего, кроме открытого космоса с его безмолвной бесконечностью. У нас не было цели, не было дома, не было будущего. Не было понятия, куда и зачем летим. Наш корабль, не имевший даже имени, лишь невзрачное название «частный звездолет класса Т-397», чем-то напоминал сейчас мою жизнь на Новой Земле. Будущее туманно, прошлое болезненно, настоящее бесцельно. Держишься кое-как на плаву — оно и ладно.

Но теперь у нас появилась надежда. Потому что Рейер Макнэлл — не из тех людей, что готовы жить, не имея цели. Да и сама я успела измениться за последнее время. А значит, в конечном итоге наш белый парусник все же прибьется к далекому берегу. Но вот каким этот берег окажется, пока оставалось только гадать.

Часть 3
Спасти Новую Землю

Глава 1

Когда корабли преследователей остались далеко позади и стало понятно, что на сей раз нам удалось выйти сухими из воды, экипаж и пассажиры позволили себе немного расслабиться. И, как часто бывает в подобных ситуациях, моментально выяснилось, что мы жутко устали. Однако по каютам не разбрелись, потому что изнеможение сопровождалось охватившим нас чувством голода. Проще говоря, на команду напал жор. Так что в скором времени почти все переместились в кают-компанию. Док и Джекки немного задержались: Брэн потащил ботаника вниз за едой, напомнив тому о мнимых обязанностях кока. Дескать, пойдём, студент, покажу тебе, как пользоваться кухонной утварью. Тот возмутился, напомнив, что он давно не студент, а вовсе даже доктор биологических наук, поэтому ученичество ему не грозит. Док и бровью не повёл, наставительно заметив, что учиться никогда не поздно. Самое главное — вернулись они с едой, на которую мы дружно набросились. Даже капитан ужинал с нами.

Только Аркадайос, наполнив тарелку, вернулся в командный отсек — кому-то следовало быть на дежурстве. Автопилот на корабле работал исправно, мог придерживаться курса, избегать мелких столкновений и уведомлять команду о неполадках и чрезвычайных ситуациях, но по инструкции было положено, чтобы хотя бы один член экипажа постоянно следил за ходом полета. К тому же, хотя дуэллийцы недолго успели пробыть на нашем звездолете, я успела заметить, что Аркадайос любит одиночество. Нет, к своей женщине он относился с нежностью, наверное, с любовью, но постоянная совместная жизнь с представителем противоположного пола была им обоим в диковинку. Столь радикально менять свою жизнь непросто, даже когда делаешь это по любви. А может, особенно когда делаешь это по любви?.. Словом, эти двое нуждались в возможности друг от друга отдохнуть.

Я плюхнулась на диван по соседству с Кеном, справа в низком кресле со спинкой, по мягкости и толщине напоминавшей обрезанный матрас, сидела Гайка. Кэп устроился с другой стороны стола рядом с доком, Иолетрией и Джекки.

Первым делом принялись за еду. Купленная на Дуэлле птица, в запеченном виде по вкусу неотличимая от курицы, свидетельствовала о том, что кухонная аппаратура на корабле весьма неплохая. Мясо отлично

сочеталось с салатами, румяным хлебом, сыром и консервами. На блюдо выложили свежие фрукты и овощи, некоторые из которых имели порой странную форму и непредсказуемый вкус — как-никак скоропортящиеся продукты с далеких планет были мало известны на Новой Земле. Но это не мешало: коль скоро они подходили для рациона дуэллийцев, стало быть, учитывая сходство наших видов, годились и для людей.

Насытившись и расслабившись, народ постепенно стал отодвигаться от стола. Джекки выбрал укромное местечко и теперь сидел, уставившись в планшет и беззвучно шевеля губами. Поскольку голографический режим ботаник не включил, я не видела, что он там читает. Впрочем, это не слишком меня интересовало. Наверняка какие-нибудь научные статьи о высоком, например, о растениях семейства зонтичных. Док, полагаю, предположил бы иное — скажем, что наш ученый рассматривает пикантные картинки, а не петрушку с укропом, но я и к этому была равнодушна. С женской анатомией была знакома в силу своей половой принадлежности, с мужской же — ну, поживи, как я, среди парней, хочешь не хочешь, а познакомишься.

Расходиться не торопились. Уж не знаю, кто чего ожидал, но Кен первым озвучил вопрос, который с некоторых пор немало занимал и меня саму.

— Что делать будем?

Рэй вскинул голову, но пока промолчал.

— Ты о чем? — прищурился Брэн.

— ВБС, как я понимаю, не собирается спасать Новую Землю от катастрофы, — пояснил хакер. — Что теперь? Не оставлять же все как есть.

— А что мы можем сделать? — любопытствовала Гайка. — Я понимаю, у правительства планеты — большие возможности, подтянули бы армию, да ту же ВБС — мощную военную организацию. А у нас — маленький частный корабль, восемь гуманоидов на борту. Если только помимо этого полковника к кому-нибудь еще обратиться?

— Можно попробовать, — отозвался док, переглянувшись с Рэем. — Но если не прислушался Робле... Я бы не стал ждать от других большего доверия. Нас и так чуть было не сцапали.

— И в следующий раз они будут действовать еще быстрее, — добавил кэп.

Хмурясь, я буравила взглядом низкий столик. Признаюсь: у меня не возникало ни малейшего желания быть пойманной и посаженной в тюрьму ради Новой Земли, которая не лучшим образом обошлась со мной и моей

семьей. Я и без того с трудом унесла ноги с этой планеты. А уж то, что в скором времени место заключения окажется в эпицентре межвидового конфликта, и вовсе не добавляло энтузиазма.

— Лично меня не вдохновляет перспектива лезть в мышеловку, — честно озвучила свои соображения.

— Сэм прав, — поддержала меня Гайка.

Мужчины молчали. Понятно, что бывшие офицеры ВВС более подготовлены к самопожертвованию, но при этом, будучи военными, они осознавали, что не вправе требовать того же от гражданских. К тому же у них имелись собственные причины для двойного отношения к Новой Земле, во всяком случае у Рэя.

Опустила глаза и сжала виски, пытаясь остановить неожиданный прилив головной боли. Да, правительству планеты я могла бы выставить счет, который они никогда не сумеют оплатить. Но это никак не касалось простых новоземцев, которых я видела каждый день, выглядывая в окно своей старой квартиры или отправляясь в университет. А нашествие освеномов затронет всех, даже устойчивых к психической атаке. Жизнь в системе Рейзы никогда не будет прежней. Продавщица из пекарни за углом... Женщина из флаербуса, панически боящаяся высоты... Рассудительный пассажир в куртке со старомодной молнией, объяснявший ей, почему людям необходимо летать... Мальчишки в парке, вечно перепрыгивающие через самодвижущиеся дорожки к немалому неудовольствию прохожих... Они не виноваты в том, что некий народ в другой части галактики так и не изобрел электричество. И в том, что их беспринципная соотечественница со светлыми волосами, которая «просто это умеет», решила сделать великое научное открытие или вознамерилась заполучить в личное пользование небольшую компактную планету. И даже в том, что другая их соотечественница, ничего эдакого не умеющая, не хочет садиться в тюрьму.

— Должны быть еще какие-то варианты, — сказала я, поднимая голову.

И вздрогнула от громко прозвучавшего собственного голоса.

— Они есть.

Впервые со времени нашего неудачного разговора в командном отсеке я открыто посмотрела Рэю в глаза. Не то чтобы до этого его избегала — на таком небольшом корабле это было бы трудно, но старалась не оставаться наедине, а если мы и встречались взглядами, то лишь случайно и мимоходом. Думаю, напряженность была взаимной: кэп тоже, кажется, не знал, как себя вести в моем присутствии. Правда, какие именно чувства он

при этом испытывал, я понятия не имела. Были ли они схожи с моими? Или он просто злился на молоденькую дуреху, которая ни черта не понимает в этой жизни? Ощущал досаду из-за неудавшейся интрижки? Или ненависть к судьбе, которая слишком поздно свела его с по-настоящему подходящей женщиной? Впрочем, последнее — это я загнула.

— Ты их знаешь? — спросила с надеждой, стараясь не выказать дрожи в голосе.

— Нет. — Рэй озорно улыбнулся, все еще не отводя глаз. — Но я не в первый раз сталкиваюсь с безвыходными ситуациями. Пара-тройка лазеек в них находится всегда.

Игнорируя многозначительное покашливание, раздавшееся с стороны дока, капитан медленно обвел взглядом остальных. К тому моменту, когда это визуальное турне подошло к концу, выражение его лица в корне изменилось. Теперь оно было жестким, серьезным и предельно сосредоточенным.

— Все хотят присутствовать при дальнейшем обсуждении этой темы?

Никто не сдвинулся с места и не сказал ни слова, но этим капитан не удовольствовался и, хмурясь, пояснил:

— Ввязаться в подобную историю означает непременный риск. Мы и так уже не в самом лучшем положении. У нас, как бы назвать помягче, несколько сложные отношения с ВБС, с Новой Землей и, — его взгляд на секунду задержался на Иолетрии, — с Дуэллой. Но если мы — тем или иным образом — дадим ход записям Линды, в список наших недоброжелателей запишутся и освеомы. — На имени жены Макнэлл слегка споткнулся, но сразу же продолжил свою речь. — Поэтому к ситуации следует отнестись со всей серьезностью. Легкомыслие может дорого стоить как проявившему ее человеку, так и всей команде. Повторюсь: если вы предпочитаете не лезть в это дело, вам лучше прямо сейчас покинуть кают-компанию. Мы высадим вас с корабля при первой возможности. Естественно, не на Новой Земле или ее спутниках.

Рэй высказался и теперь ждал, не спеша поднимать новую тему. Все молчали, то и дело устремляя друг на друга подозрительные, многозначительные или любопытные взгляды. Я, признаюсь, думала, что выйдет Джекки. Зачем инфантильному ученому, случайно застрявшему на неудобной планете, ввязываться в хитросплетения большой политики и межзвездных завоеваний? Но он остался на месте и, как будто утратив интерес к происходящему, вернулся к своему планшету. А вот кэп явно подозревал в малодушии Кена. Во всяком случае именно к хакеру раз за разом возвращался его пытливый взгляд. Но Хендрейк, закинув ногу на

ногу, сидел с независимым видом, дескать, мое место здесь, и никуда я с него не сдвинусь. Меня это не удивило. Парень считал себя ответственным за то, что провернула Линда. На Новую Землю ему тоже было не наплевать. Так что чувство долга, которое у хакера, что бы ни думал по этому поводу Рэй, присутствовало, призывало его вместе со всеми расхлебывать кашу, заваренную «покойной» госпожой Макнэлл.

Немного выждав, Кен промолвил:

— По-моему, если все до сих пор остались здесь, это говорит само за себя.

— Иолетрия? — Рэй повернулся к инопланетянке. — И Аркадайос. Его здесь нет, но вскоре вопрос встанет ребром и для него.

— Я поговорю с ним, — спокойно пообещала лингвист, — но могу гарантировать, что он примет то же решение, за которое проголосовали остальные. Нам, дуэллийцам, несвойственна нерешительность.

— Хорошо.

Рэй отодвинул стоявшую перед ним тарелку, мы последовали его примеру, и вскоре посуда со стола переместилась на свободную тумбу.

— Что мы можем предпринять в связи с возможной атакой освеномов? Высказываем все варианты, все идеи, даже самые безумные. Что реалистично, а что нет, будем решать в ходе обсуждения. Да, и это все надо записывать. Гайка, твой планшет далеко?

— Почему сразу мой? — вскинулась механик. — Потому что я — женщина? Значит, сразу секретарша?

— Не о том думаешь. — Рэй укоризненно покачал головой.

— Очень даже о том, — не согласилась девушка. — Если бы я об этом не думала, как раз и занималась бы какой-нибудь чисто женской работой на Новой Земле. Не подозревая, что вот-вот стану кормом для инопланетян, о которых на моей планете и слышали-то немногие.

Кэп закатил глаза, не оценив аргумента, но, не желая тратить время на спор, повернулся к доку.

— Даже не думай, — замахал тот руками.

— Что такое? Ты тоже женщина? — с ехидцей осведомился Рэй.

— Хуже! Я врач. Вдруг кому-нибудь станет плохо? Я всегда должен оставаться во всеоружии.

— Если здесь кому-нибудь и станет плохо, то только от твоих острот, — пробурчал капитан.

— Я буду записывать, — вызвался Хендрейк, и док протянул ему планшет.

Хакер перестроил изображение на голографический режим. Пока

экран был пуст, лишь призывно помигивала в углу едва заметная полоска.

— Итак, вариант первый. — Рэй приступил к созданию списка. — Обратиться за помощью к другим представителям ВВС или правительства Новой Земли. Найти способ сделать это так, чтобы нас не сумели вычислить столь же быстро. Вряд ли такой образ действий даст плоды, вторая часть и вовсе может оказаться нереализуемой, но это — один из вариантов. Другие предложения?

— Можно попытаться действовать через плантернет, — высказался с позиции компьютерщика Кен. — Выложить в сеть известную нам информацию о скором нападении освенюмов. Распространится она быстро. Не факт, что это заставит правительство зашевелиться, хотя бы предупредим население. Многие сочтут эту новость фейком, но кто-то прислушается и покинет планету.

— Неплохой вариант, — кивнул Рэй. — Возможно, в конечном итоге именно так нам придется поступить. Если не сможем решить проблему кардинально, наша задача спасти как можно больше людей. Постараемся преподнести информацию так, чтобы в нее поверили. Но здесь кроется и опасность.

— Какая? — спросил Кен.

Наблюдать подобное было удивительно, но сейчас эти двое не спорили, не ругались, а вели конструктивный диалог, стремясь совместными силами решить поставленную самой жизнью задачу.

— Паника, — просто ответил Рэй.

— Планомерная, хорошо организованная эвакуация населения — это одно, — решил расширить объяснение док. — Хотя даже тогда есть вероятность разброда и неразберихи. Кстати, основная часть полицейских сил была бы брошена именно на сохранение порядка. А теперь представьте, что люди действуют сами. Прочитали ленту новостей, сделали вывод, что с планеты надо убираться, притом как можно скорее, и решились на побег. Что мы получим? Толпы граждан, покидающих дома с вещами и без, сметающих все на своем пути. Перегруженные флаербусы и монорельсы, заполненное частными флаерами воздушное пространство, аварии, каких мы не знали уже больше ста лет. В космопортах — еще лучше: они ведь не рассчитаны на то, чтобы вместить такое количество пассажиров. Да и звездолетов — частных, рейсовых, туристических, даже военных — не хватит на то, чтобы разом увезти даже треть населения. Результат — толпы, массовая истерия, беспредел. Слабых и невезучих буквально затопчут, травм будет немыслимое количество. На заброшенных улицах начнется мародерство. Религиозные фанатики станут собирать

вокруг себя небывалое число адептов, поскольку народ просто не будет знать, куда деваться и кому верить. Одни будут призывать к поклонению новым богам-освеномам, другие и вовсе предложат совершить торжественное самосожжение, но спасти свои души от инопланетных дьяволов. И это моя фантазия еще недостаточно богата, чтобы охватить все возможные варианты.

— Звучит логично, — проговорила Иолетрия. — И никуда не годится.

— Логично, — согласился Рэй. — И не годится при наличии плана получше. Если же придется выбирать между красочно описанной доктором картиной и полным бездействием, при котором все новоземцы превратятся в сумасшедших, я однозначно проголосую за вариант Хендрейка. Но, к счастью, пока мы не выбираем одно из двух. Отсюда вопрос: как еще мы можем поступить?

Вопрос был закономерен, однако идей, признаться, у меня не было. Ну разве что взорвать ко всем чертям Линду вместе с ее изобретением, но это, наверное, глупая мысль, иначе ее кто-нибудь уже бы озвучил. Стоило мне подумать, как голос подала Гайка.

— А если добратся до лаборатории и устроить так, чтобы она взлетела на воздух?

Рэй и не пытался ее высмеивать. Наоборот, кивнул, взглядом дав Кену знак сделать соответствующую запись.

— Звучит неплохо, — согласился он, — на первый взгляд даже лучше, чем предыдущий вариант. Есть несколько сложностей. Лаборатория наверняка как следует охраняется. Даже не наверняка, а абсолютно точно. У нас недостаточно людей, чтобы прорвать оборону. Допустим, мы найдем способ незаметно пробраться внутрь. — Тут Рэй многозначительно посмотрел в мою сторону, и я поняла намек: палатка-невидимка, благополучно спрятанная в одном из запираемых шкафов. — Тогда переходим ко второй проблеме: оружие и взрывчатку в лабораторию не пронесешь. Освеномы должны быть полными идиотами, чтобы не снабдить ее металлоискателями и прочими системами защиты. Вся планета может жить без телевизоров и холодильников, но объекты такого уровня никогда не останутся без качественной охраны. Стало быть, наши шансы на успех ничтожно малы. Далее. Предположим, что каким-то чудом нам все-таки удалось добиться желаемого. Пункт три: где гарантия, что записи Линды не скопированы и их нельзя будет использовать, чтобы воссоздать уничтоженное?

— Я бы сказал, с девяностопроцентной вероятностью они скопированы, — подал голос Брэн.

— Настолько ценные формулы не могут существовать в одном экземпляре, — согласился Рэй. — Даже сам вирус может храниться где-нибудь еще — не знаю, в каком там виде хранят вирусы? — Вопрос был адресован доку, но дожидаться ответа кэп не стал — такие подробности не имели принципиального значения. — Ну и пункт четыре. Представим на минуту, что мы уничтожили и записи, и вирус, и разработавшего его ученого. — В этом месте я особенно напряженно вглядывалась в лицо Рэя, однако оно оставалось непроницаемым. Лишь пауза, как мне показалось, слегка затянулась, но, возможно, он просто давал нам время осмыслить сказанное. — Полагаете, на этом освеномы остановятся?

— Они найдут другого человека — или не-человека, который сумеет сделать ту же работу, — негромко произнес хакер, глядя на стол. — Незаменимых не бывает. Как бы хорош ни был изобретатель, всегда найдется другой не хуже.

— Верно, — подтвердил Рэй. — Следовательно, даже... — Он явно не хотел говорить «в лучшем случае» и вскоре подобрал этой фразе замену: — Даже достигнув оптимального результата, мы всего лишь отсрочим неизбежное.

— Погоди-ка, — прокашлявшись, проговорила Гайка, — и при всех этих пунктах ты заявил, что мое предложение «звучит неплохо»? Ты издевался, да?

— Нет, — без тени улыбки откликнулся кэп. — В нашей ситуации любой вариант безнадежен по определению. Задача в том, чтобы выбрать из всех безнадежных наиболее перспективный.

— Наиболее перспективный из безнадежных, — медленно, словно пробуя на вкус хорошее вино, повторила Иолетрия. — Хорошо сказано.

Лингуан поддержал хозяйку одобрительным писком. Этаким сугубо технический звук, странным образом сочетавшийся в «живом словаре» с осмысленной человеческой речью.

— А тебе уже доводилось когда-нибудь выбирать из безнадежных вариантов? Ну, в прошлой жизни? — полубопытствовала я. И снова рискнула встретиться взглядом с Рэем.

Тот улыбнулся.

— Доводилось.

— И как, из этого что-нибудь выходило?

— Непременно.

Взгляд его снова стал тем, мальчишеским, и я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Уж слишком сильным было ощущение, что говорил он сейчас не только о прошлом и не только о военных действиях.

И что слова эти предназначены в первую очередь лично мне.

— Есть у кого-нибудь другие предложения по части безнадежных планов?

А вот это обращение уже было адресовано всем присутствующим. Хендрейк крепко задумался, постукивая пальцами по колену; док смотрел сквозь экран, не обращая внимания на методично бегущие перед глазами строки; Гайка уставилась в пол, то наматывая на палец, то снова разматывая тонкую прядь волос, выпавшую из прически-хвостика. Джекки впервые оторвал глаза от планшета, распрямил плечи и, подслеповато щурясь, выдал:

— Роцеанский мопассан и альтербонит велия.

Ответом ему было молчание. Все пытались осмыслить фразу ботаника, вычленив хотя бы одно знакомое слово и оценить степень заумности сказанного. Похоже, этим был занят даже лингуан. Причем он, как и все мы, позорно не справился с задачей, в конечном итоге заявив:

— Могу перевести и проанализировать только соединительный союз «и».

Мы с умным видом закивали: насчет анализа не факт, а вот перевести союз «и» мы тоже были готовы. В отличие от всех остальных слов.

Немного подумав, лингуан — видимо, чтобы не выглядеть совсем уж профнепригодным, добавил:

— С вероятностью девяносто целых, два десятых процента данная языковая единица является фрагментом, а не полным предложением, и состоит из конъюнкции двух именных словосочетаний в именительном падеже. Дополнение «велия» фигурирует в генитивном, или родительном, падеже; форма именительного падежа — «велий».

Иолетрия согласно покивала, мы же посмотрели на очнувшееся чудо техники приблизительно так же ошалело, как прежде на ученого.

— Господин ботаник, — Брэн все-таки предпочел обратиться к Джекки, — а не могли бы вы сформулировать свою мысль на общечеловеческом наречии, доступном каждому из присутствующих? Или хотя бы на одном из тех ста семидесяти языков, с которыми, как мне помнится, знаком наш друг лингуан? Дальнейший перевод он, полагаю, не откажется осуществить.

— Нейтрализатор, — никак не отреагировав на нескрываемый сарказм докторского высказывания, сообщил Джекки.

И замолчал, снова водя пальцем по экрану планшета.

— Прекрасно, — после небольшой паузы подытожил врач, — хорошее слово. И действительно на общечеловеческом. А что, ваша предыдущая

фраза, состоявшая, если не ошибаюсь, из четырех слов...

— Из пяти, — поправил лингван. — Полагаю, вы не учли соединительный союз.

— Из пяти, — благодарно кивнув, согласился док. — Так вот, неужели столь длинная реплика несла в себе столь краткий смысл?

Джекки поднял на него сердитый взгляд и нетерпеливо махнул рукой, в результате чего чуть не выронил планшет.

— Два вещества, которые необходимо достать, чтобы создать нейтрализатор!

Он буквально выплеснул на Брэна эти слова вместе с недоумением: как может взрослый человек не понимать таких очевидных фактов?!

Врач не обиделся, оценивающе присмотрелся к ботанику, в мыслях явно прикидывая что-то, касавшееся планируемой второй диссертации.

— На самом деле ингредиентов понадобится больше. — Джекки продолжал жестикулировать, но теперь уделял внимание безопасности планшета. — Но все остальные легко достать, а эти два — наиболее редкие. Именно в них мне видится самая серьезная проблема.

— Господин Робертсон, о каком нейтрализаторе вы говорите? — Рэй попытался вернуть ученого с небес на землю.

— Что-то вроде противоядия. Можно создать субстанцию, которая аннулирует эффект воздействия вируса на человеческую психику. Не удивляйтесь так сильно!

Честно говоря, особо удивиться мы еще не успели, однако ученый, кажется, отреагировал не на реальную нашу реакцию, а на ожидаемую.

— Я специализируюсь не только на ботанике в чистом виде, — принялся объяснять он, — но и на интеракции свойств растений с химией и медициной. Все это время я разбирался в формулах... э-э... госпожи Линды и нашел слабое место в ее разработке.

— А откуда вы взяли ее формулы? — вкрадчиво осведомился капитан.

— Ну... — Джекки откровенно замялся и потупил глаза, — я сфотографировал их, когда электроблокнот лежал без присмотра...

Несмотря на сложность момента, я хихикнула и заметила, как изогнулись в аналогичном смешке губы Кена и Гайки.

— Продолжайте, — предложил Рэй с вздохом, впрочем не слишком страдальческим.

Красный как рак ботаник продолжил:

— Понимаете, я изучил работу госпожи Линды и понял систему воздействия вируса на организм человека. Так вот, существуют вещества, которые, если соединить их должным образом в нужных пропорциях,

полностью аннулируют этот эффект. Конечно, приборы смогут определить...

— Стоп-стоп-стоп, — замахал руками Рэй. — Для начала я хочу понять одну вещь. То «противоядие», о котором вы говорите, как бы оно правильно ни называлось на самом деле... Предположим на секунду, что оно у нас есть. Как им можно воспользоваться? Добавить в разработку Линды? Распылить в атмосфере до появления вируса? Или после? Индивидуально давать каждому пострадавшему, как с настоящим противоядием?

— Нет. — Джекки покачал головой. — То есть можно, конечно, и распылить в атмосфере. Но надежнее всего было бы модифицировать оригинальную разработку, добавив мои ингредиенты.

Рэй вопросительно посмотрел на Брэна. Тот пожал плечами.

— У меня пока не было времени внимательно вглядываться в формулы, — признался он, — но я — медик, а не биолог, химик или ботаник, так что вычислить эффект мне вряд ли по силам. Во всяком случае, разработать такое противоядие не сумею. Зато, надеюсь, смогу его оценить.

Мы напряженно притихли, пытаясь осмыслить сказанное и просчитать вероятность успеха, — занятие по определению провальное, поскольку ни один из нас (за исключением разве что дока) не понимал и сотой доли того, что Линда написала на языке формул. Иолетрия беззвучно шевелила губами, и лингуан, как ни странно, будто что-то отвечал — не на человеческом наречии, а все тем же электронным попискиванием.

— Мне нравится идея нейтрализатора, — внезапно прервал воцарившуюся тишину Кен. — По-моему, когда дело касается науки, этот парень знает что говорит. А если так, у нас есть шанс.

— Мизерный, — пробормотал Рэй.

Он не спорил с Хендрейком, не стремился оставить за собой последнее слово, просто констатировал факт. И возразить ему было нечего.

— Что с ингредиентами и подготовкой? — обратился к ботанику кэп. — Насколько я понял, некоторые компоненты сложно добыть?

— Сложно, — кивнул Джеки, — очень сложно. Ну, то есть... Может быть, это окажется и легко, но они редкие.

— Что значит «редкие»? — продолжал допытываться Рэй. — Дорого стоят? Хранятся только в избранных магазинах? В биологических музеях?

Ученый с виноватым видом покачал головой.

— Как раз там вы их не найдете. Как я и говорил, часть компонентов проблемы не составят, их можно приобрести в любой аптеке. — Джекки

немного оживился, словно сей факт его реабилитировал, однако затем опять повесил нос. — Но вот два из них можно извлечь лишь из растений, обнаруженных... на недавно открытых планетах. — Сделав последнее признание, он опустил глаза, избегая наших взглядов. — Мало изученных.

Лицо капитана посуровело, свидетельствуя о том, что нервничал ботаник не зря.

— Каких именно? — потребовал уточнений Рэй.

— Две планеты из системы Апомакрос. Рока и Арэнзия.

— Ничего полегче и поближе, конечно, быть не могло, — проворчал кэп.

— Расстояние — не такая большая проблема, — неожиданно вступился за предложение Джеки Брэн. — Гипертоннели туда, к счастью, ведут, иначе эту систему не открыли бы еще лет семьсот. Два прыжка — возможно, три, надо свериться с картами — и мы на месте.

Я старательно перебирала в уме свои познания о перечисленных ботаником небесных телах. Информации было не слишком много: систему открыли не так давно, а ее жители космических путешествий не совершали. Но все же кое-что имелось, главное было продраться сквозь дебри воспоминаний и выудить нужные сведения, почерпнутые из учебников. Не такая легкая задача в свете всплывших за последние дни фактов, давящих на мозг. Я снова сжала виски. Рока. Больше всего было известно о ней. Планета второй категории, поскольку коренное население относили к гуманоидам. Ее орбита пролегла ближе всего к уже освоенным людям системам, и именно эту планету открыли первой лет пятнадцать назад. За это время с роцеанцами успешно установили контакт, обустроили небольшой космопорт и вроде бы расшифровали местный язык, так что теперь перевод не был проблемой для электронных носителей. Впрочем, этот факт лучше проверить у Иолетрии, уж кто-кто, а она будет знать точно.

— Ладно. — Рэй словно не обратил внимания на слова дока, но я-то ни секунды не сомневалась: он принял их к сведению. — Эти планеты открыли недавно, о них мало что известно, туда даже патрули ВБС не летают, не говоря уж о пассажирских рейсах. Откуда, в таком случае, подробная информация об особенных свойствах местной растительности?

— Это неправда, будто туда не летают, — обиделся за своих коллег Джеки, — экспедиции отправлялись регулярно, хотя работы для исследователей еще непочатый край.

Он мечтательно вздохнул. Я хмыкнула: неужто парню Грина не хватило? На Роке технологии ограничены, роцеанцы обитают под землей,

поскольку на поверхности после падения метеорита условия для жизни не слишком подходящие. Арензия и вовсе планета четвертой категории, там разумная жизнь не обнаружена. Неужто Джекки рассчитывает, что эти небесные тела окажутся более комфортными для пребывания, чем Грин?

— Увы, не все участники экспедиций вернулись назад, — «обнадежил» нас ботаник, — но некоторым улыбнулась удача. Они подробно описали результаты своих исследований. Самый выдающийся из них — профессор Марк Штейнберг. Он побывал на обеих планетах, тщательно исследовал особенности местной флоры и оставил несколько статей, одну книгу и ценнейшие записи. Именно в неопубликованных заметках можно найти наиболее значимые вещи, слишком инновационные, чтобы их напечатали в сегодняшних научных журналах. Гении всегда опережают свою эпоху. Так или иначе, — Джекки заметил некоторую нетерпеливость, проявившуюся в мимике капитана, дока и еще кое-кого из слушателей, — именно Штейнберг описал особые свойства флоры системы Апомакрос. Он нашел вещества, у которых нет аналогов на других изученных планетах. И некоторые из его открытий имеют колоссальное значение именно для нас. Хотя в научном мире их важность не успели еще оценить по достоинству.

И он горестно вздохнул.

— Насколько хорошо вы представляете себе, как изготовить нейтрализатор? — Рэй не позволил беседе принять сентиментальное направление.

— Довольно хорошо. Надеюсь, что за оставшееся время разберусь до конца.

Уж не знаю, что говорило в ботанике — истинные знания или излишняя самоуверенность, но его голос звучал убежденно.

— Как скоро ты сможешь просмотреть формулы и высказать свою оценку? — Рэй повернулся к доку.

— Постараюсь как можно скорее, — отозвался тот. — Стопроцентных познаний в этой области у меня нет, но попытаюсь, насколько смогу.

— Хорошо...

Кэп снова задумался.

— Гайка, можешь вывести на планшете карту системы Апомакрос?

Механик кивнула, немного повозилась с поисками нужного документа и передала компактный компьютер капитану. Тот перевел изображение на голографический режим, пальцами раздвигая-увеличивая нужный участок. Коснулся двух точек, и они засветились красным. Я поняла, что это — интересующиеся нас планеты, в ускоренном темпе движущиеся на карте

по своим орбитам.

— Более точные данные получим в командном отсеке, — заметил Рэй. — Но ориентировочно я бы сказал, что полет за иноземными травами займет от недели до десяти дней. В случае если найдем мы их быстро и не наткнемся на неприятные сюрпризы.

— А гарантий, что мы на них не наткнемся, нет, — флегматично констатировал Брэн.

— Гарантий нет, — согласился кэп, — зато у нас есть высококвалифицированный врач.

И он мило улыбнулся доку. Тот скорчил в ответ кислую мину.

— Сколько лет служу во флоте, столько и слышу эту отмазку.

— Ушел из флота — и ничего не изменилось, — оптимистично подхватил Рэй и похлопал друга по плечу.

— Эта идея с нейтрализатором и правда хороша, — повторил свою мысль Кен. — Она оставляет возможность работать и по другим направлениям. Никто не мешает нам до и после полета к планетам Апомакроса выходить на связь с представителями Новой Земли или внедрять информацию об освеномах в ее системы. А если все это не сработает, мы пойдем ва-банк и попытаемся добраться до разработки Линды. В надежде, что все пройдет как надо.

— Плюс если освеномы распространят безвредное вещество в атмосфере, правительство все равно поймет, что наши слова — не выдумка и не шутка, — добавил Рэй. — Попытка вторжения станет неопровержимым фактом. Дальше подключат ВБС, и планету обезопасят. А значит, мы не просто отсрочим беду, мы решим проблему раз и навсегда. Да, согласен. Мне тоже нравится это направление.

— Все, что вы сейчас говорите, логично, — пробурчал док, — и все же это план для клинических безумцев.

— Не стану говорить за других, но я как раз таковым и являюсь, — согласился Рэй. — По крайней мере с некоторых пор.

Голосования по вопросу дальнейших действий не проводили. На кораблях капитана Макнэлла демократия была не в ходу, как, впрочем, и на других судах, хоть морских, хоть космических (исключение в некотором смысле составляли пиратские). Каждый из нас мог принять активное участие в обсуждении, но окончательное решение принимал Рэй. Единственное, на что по-прежнему имел право любой член экипажа, — это потребовать высадки на обитаемой планете, дабы не принимать участие в авантюрном предприятии. Но, что характерно, ни один из восьмерых такого пожелания не высказал.

Глава 2

Я сидела в кафе под открытым небом и потягивала напиток, напоминающий молочный коктейль, несмотря на его голубой цвет и отсутствие продуктов животного происхождения в составе. Ощущения возникали странные — не от вкуса коктейля, а от окружающей среды, каковая на Освальде, планете, которую мы посетили, была весьма специфической.

Начать с того, что непосредственно над землей практически отсутствовал ветер. Вернее, был настолько слаб, что обозначался только цифрами в прогнозе погоды, но никак не чувствовался. Ни салфетка, ни одноразовая тарелка, каковые тут кое-где использовались, не то что не улетела бы со стола, а даже не переместилась на пару миллиметров. Ну, если бы в ход не пошли сверхспособности пратонцев конечно.

Зато стоило поднять глаза — и можно было увидеть, как высоко, под небесами, с сумасшедшей скоростью кружит не просто ветер — ураган. От этого зрелища становилось не по себе — казалось, что это безумие вот-вот спустится на землю и начнется настоящее стихийное бедствие. И лишь немалым усилием разума удавалось себя успокоить, вновь и вновь твердя, что такая «милая» погодная особенность — специфика климата этой планеты. Чего нам стоило сюда приземлиться — отдельная песня; к счастью, для посадок была разработана особая система, а пилоты руководствовались подробнейшими инструкциями. Аркадайос справился со своей задачей на отлично.

В прежние времена Освальд не был населен, но развитие технологий позволило внести некоторые изменения в климатические условия, сделав мир пригодным для жизни. Теперь планета была не просто обитаема, но стала популярным туристическим центром. Помимо специфики погоды и связанных с ней географических особенностей туристов привлекали спортивные развлечения, завязанные главным образом все на этом безветрии. К примеру, здесь проводились тренировки и турниры по бадминтону и стрельбе из лука: легкие воланчики не уносило в сторону, а меткость не зависела от поправки на ветер. Существовали и другие спортивные игры с использованием легких шариков, характерные именно для этой планеты.

Но мы прибыли сюда не за острыми ощущениями и не ради спортивных развлечений. Для нас Освальд оказался ближайшим из

доступных космических объектов, где мы могли пополнить запасы перед полетом в систему Апомакрос. Имелись планеты и поближе, но они были недостижимы для нас по иным причинам. К примеру, мне, доку и Рэю приходилось держаться как можно дальше от Новой Земли и ее спутников. Из-за Иолетрии и Аркадайоса нам был заказан путь на Дуэллу. А Грин не подошел бы по той простой причине, что там нереально было купить необходимое нам оборудование: помимо воды, продовольствия и изрядного запаса топлива мы планировали приобрести запчасти, а также несколько дополнительных защитных комбинезонов и кислородных масок. Последние — на случай если условия на планетах Апомакроста окажутся не слишком благоприятными. Подобное снаряжение на нашем корабле, как и на любом звездолете такого класса, имелось, но лишь пять комплектов, тогда как наша команда разрослась до восьми человек. Разумеется, элементарные правила безопасности не позволяли всем членам экипажа сходить на незнакомую планету одновременно, но те же самые нормы требовали, чтобы количество защитных костюмов соответствовало числу путешествующих на звездолете людей или иных разумных существ.

Допив коктейль и стараясь лишней раз не поднимать глаза на небо, я обвязала вокруг опустевшего стакана зеленую ленту, выбранную из других, всех цветов радуги, подававшихся к каждому блюду — на Освальде практиковался такой способ оценки еды и питья. Чем ближе по цвету лента и поданное кушанье, тем выше аттестация. Учитывая синеватые оттенки коктейля, мой выбор означал высокий, но не максимальный балл: напиток был вкусным, но все же не совершенным. Не забыв оставить на столе монету, покинула заведение и по мощеной красными и голубыми камнями улице отправилась в сторону космопорта.

— Прекрасная погода, не правда ли?

Пройти успела совсем немного, когда была вынуждена остановиться, чуть ли не столкнувшись с человеком, задавшим вопрос. Хмурясь от недопонимания, что могло понадобиться незнакомцу, подняла на него глаза.

Передо мной стоял мужчина лет сорока-пятидесяти, точнее на вид не поймешь, из разряда тех, о ком принято говорить, что они обладают приятной наружностью. Но вот парадокс: назвать его внешность *приятной*, невзирая на неплохие природные данные, мне не хотелось. Напротив, что-то в нем вызывало отрицательные эмоции. Скорее всего, причина крылась в выражении лица и особенно во взгляде, устремленном на мою скромную персону.

— Я понимаю, для нас, новоземцев, это может прозвучать несколько

странно, — улыбнулся он, подняв глаза к небу, где продолжало твориться подлинное безумие. — Но, видите ли, я — художник. Для меня такая погода интересна в первую очередь как своего рода рабочий материал.

При этих словах он как-то странно посмотрел на меня, будто разговор в действительности велся не об освальдском климате, а о чем-то ином. Более того, меня не покидало ощущение, что это иное — я, вот только оставалось абсолютно непонятно, с какой радости.

— Вы новоземец? — спросила, то ли чувствуя необходимость поддержать разговор, то ли не желая уходить, не разобравшись, чего хотел от меня этот странный человек.

— Да, — широко улыбаясь, подтвердил он. — Так же, как и вы.

— С чего вы взяли, что я именно с Новой Земли?

Прозвучало, должно быть, невежливо, но отчего-то с этой конкретной личностью разводить политесы не хотелось.

— Просто мне знакомо ваше лицо.

Фраза прозвучала настолько многозначительно, что меня стало подташнивать.

— Очень странно, — холодно ответила я. — Поскольку мне ваше не знакомо совершенно. А у меня нет причин жаловаться на зрительную память.

Теперь и улыбка его стала многозначительной и сладкой. Нет, меня точно скоро вывернет наизнанку.

— Ничего удивительного. — Мой ответ не сбил мужчину с толку, наоборот, был ожидаем. — Вы меня и не видели. Те люди, через которых мы с вами косвенно общались, строго соблюдают анонимность — и свою, и клиентов. — Его зрачки сузились — так внимательно он следил за моей реакцией — и чем-то напомнили змеиные. — Но я имел возможность тщательно изучить голограмму вашего лица — я имею в виду ваше подлинное лицо, ведь для того, чтобы нарисовать эскиз такой маски, требуется знать все самые мельчайшие детали.

— Маски? — лишенным интонаций голосом переспросила я, чувствуя, как деревенеет все внутри.

— Именно, — охотно закивал художник. — Можно сказать, что ваше новое лицо создал я. Конечно, эта работа — моя лишь частично, воплощение по эскизу — труд другого мастера и, должен признать, несомненного профессионала. И все-таки мой вклад немал. Надеюсь, вы остались довольны результатом?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Уйти в несознанку показалось мне наилучшим вариантом поведения в

сложившихся обстоятельствах. Быть может, этот человек ничего и не знает на самом деле, а просто идет ва-банк, каким-то невероятным образом догадавшись, что я ношу чужую личину.

— Понимаете, — возразил новоземец. — Сейчас. — Он извлек из кармана небольшой планшет. — Я все работы храню в архиве.

Меньше чем через минуту я с замирающим сердцем смотрела на два изображения. Первое было именно эскизом, схемой, с многочисленными цифрами, обозначающими размеры, и подведенными к ним стрелочками пояснениями. Нетрудно было угадать в рисунке маску с прорезями для глаз, бровей и губ. Второе более всего напоминало портрет. *Мой* портрет. Не фотография, а именно работа художника, как нельзя лучше отражающая мою ненастоящую мужскую внешность.

— Чего вы хотите?

Я постаралась задать вопрос как можно более равнодушно, но отпираться уже не имело смысла.

— Денег, — буднично сообщили мне в ответ.

— За это лицо, — я кивнула на планшет, который новоземец благоразумно не выпускал из рук, — давно и сполна заплачено.

— Бесспорно, — согласился он, — поэтому я требую платы не за лицо, а за молчание.

Впервые в его дружелюбной, на поверхностный взгляд, речи прозвучало это слово — «требую».

— Сколько?

— Шестьдесят тысяч НЗА.

— Шестьдесят тысяч новоземских асимонов?! — На сей раз мне не удалось сохранить даже видимое спокойствие. — Да за такие деньги можно купить две подобных маски!

Художник развел руками.

— Тайны нынче дороги. К сожалению, они стоят дороже искусства. Сам хотел бы, чтобы складывалось по-иному, но, увы, такова современная жизнь. Я ведь могу сообщить вашим знакомым — к примеру, тем, с кем вы прилетели на эту планету, — пронизательно прищурился он, — что на самом деле вы совсем не тот человек, каким притворяетесь. Или известить об этом полицию Новой Земли. Вы ведь продолжаете носить мое творение, значит, для вас это важно — сохранять инкогнито. Уж не знаю, что заставило вас скрывать свою личность и почему не прибегли для этих целей к пластической операции. Предполагаю, что вы совершили серьезное преступление или скрываетесь от какого-то богатого и влиятельного человека, возможно, бывшего любовника. В любом случае

заплатить за свою тайну вам придется. — Сладость из голоса исчезла начисто, сменившись теперь неприкрытой жесткостью. — Поэтому я жду вас ровно через шесть часов на углу улиц Гимел и Йота.

Адреса на Освальде были именно такие. Улицы не носили заковыристых имен, не обозначались числами, вместо этого название каждой из них заключалось в одной из букв многочисленных алфавитов, главным образом человеческих и миенжских, поскольку основное население планеты составляли именно эти два вида.

Ничего не говоря, я обогнула вымогателя и в быстром темпе продолжила прерванный путь. Мужчина ответа не ждал и тоже двинулся дальше.

Время и место встречи я запомнила, хотя и не имела твердого намерения выплачивать шантажисту столь внушительную сумму. Твердого намерения послать его куда подальше у меня тоже не было. В тот момент я вообще ничего не планировала, поглощенная эмоциями, которые по силе и по хаотичности были сравнимы с бушевавшим в небе ураганом.

В таком состоянии я и возвратилась на корабль. Буквально вбежала в поднимающуюся дверь, на автомате вскочила на лифтовую платформу и поднялась на второй этаж. В этом равномерном движении вверх было нечто медитативное, и мечущийся в голове поток сознания начал приобретать некоторую осмысленность.

Существовал один человек, к которому я могла обратиться за советом, и я не видела причин пренебрегать этой возможностью.

Проигнорировав командный отсек, шагнула в жилой, прошла его насквозь и распахнула дверь в медицинский блок. Брэн был там, раскладывал новые закупки по шкафам с медикаментами.

— Док, мне срочно нужна помощь! — заявила я с места в карьер, ворвавшись в помещение.

И только тут заметила кэпа — увидеть его с порога мешала дверь. Он стоял, опираясь спиной о край докторского стола.

— Э-э... зайду попозже. — Я начала отступать к выходу.

Брови Рэя недовольно сдвинулись.

— Что, до такой степени? — безрадостно поинтересовался он. — Или это чисто медицинский вопрос?

Я замерла, так и не выбравшись за порог. А ведь Рэй прав. Семейное положение семейным положением, но он ничем не заслужил моего недоверия. Тем более вранья.

Вернувшись обратно, опустилась в кресло. Оно, правда, было предназначено для пациентов, но, с другой стороны, а кем еще меня сейчас

можно было назвать?..

— В общем, так... — Я сцепила руки и устремила взгляд в пол. — Здесь, на Освальде, мне повстречался один человек. Не знаю, случайно или нет, но вряд ли он умышленно выслеживал меня от самой Новой Земли. Короче, этот мужчина утверждает, что он — художник, работавший над моей маской. И видел настоящее лицо, то есть фотографию. Грозится обо всем рассказать не то вам, не то полиции, не то кому-нибудь еще, если сегодня через... — взглянула на многофункциональные часы, автоматически перенастроившиеся на местное время, — пять с половиной часов я не доставлю ему шестьдесят штук. НЗА, — на всякий случай уточнила валюту. И заключила: — Вот такая увлекательная история.

Во время этого монолога меня ни разу не перебили. Слушали внимательно, а Рэй ещё и переместиться ко мне поближе успел. Договорив, я вдруг осознала, что он стоит у спинки моего кресла, крепко сжав руками верхний ее край.

— Какая... интересная встреча, — прокомментировал он.

Здрав голову и увидев выражение его глаз, я невольно содрогнулась и одновременно порадовалась, что гнев на их дне предназначался не мне, а кому-то другому.

— Интересная и познавательная, — согласился док. — А он не врет?

— У него на планшете эскиз моей маски. А в остальном... — Нарочито пожала плечами, мол, откуда мне знать, как там обстоят дела на самом деле. — Платить я ему не собираюсь. В конце концов, не настолько ценны для Новой Земли пратонцы, чтобы гоняться за нами по всей галактике. Да и в любом случае свое настоящее имя я на южном континенте уже засветила, без этого побег бы не удался. Сэма и Саманту Логсон все равно больше не считают разными людьми. Так какой смысл платить этому вымогателю?

Не знаю, удивился ли Рэй при упоминании пратонцев, но для развития этой темы момент был неподходящий.

— Молодец, Логсон, — похвалил Брэн. — Умнеешь с каждым днем.

Иногда он называл меня так, по фамилии, особенно когда мы бывали наедине, намекая таким образом на неоднозначную природу моей личности. Дескать, неясно, как ко мне следует обращаться, Сэм или Саманта.

— Вот я и думаю: просто не приду на встречу, и все тут, — резюмировала я, подбодренная полученной поддержкой. — Пускай просто так прождет и уйдет ни с чем.

Однако на сей раз мое решение одобрено не было.

— Ну не-е-ет, — на удивление слаженно протянули доктор и капитан.

— Эх, Логсон, все-таки есть в тебе это, женское, — попенял Брэн в ответ на мой удивленный взгляд. — Просто взять и не прийти на свидание — это очень по-вашему. Ты пойми: человек ждет, верит, надеется. Минуты, наверное, до встречи считает. А ты хочешь его надежды буквально-таки растоптать. Нехорошо так с людьми. Непорядочно.

— Это верно. Не будем обманывать ожиданий, — поддержал друга Рэй.

— Вы что, предлагаете мне к нему пойти?! — возмутилась я.

— Ну что ты, — поморщился док, — тебе и не надо. Иди к себе в каюту, отдохни, кино посмотри какое-нибудь по местному телевидению. А вот нам с Рейером не помешает немного размять ноги. Верно, Рэй?

— Абсолютно, — с удовольствием подтвердил тот. И громко хрустнул пальцами, разминая руки. — Некоторые мои знакомые медики утверждают, что прогулки на свежем воздухе полезны для здоровья. Так что пообщаемся-ка мы, пожалуй, с этим художником от слова ху...

— Капитаны, молчать! — одернул его Брэн. — При даме-то.

— Ох! «Дама», знаешь ли, со своим вторым лицом столько всего за долгие годы наслушалась, что шанса меня удивить ни у одного из вас нет, — фыркнула я.

— А вот не надо зарекаться! — возразил док. — В военно-безвоздушных силах ты все-таки не служила.

— А я-то всегда считала, что врач — это интеллигентная профессия...

— Конечно интеллигентная! — с энтузиазмом поддержал меня док. — Я сам интеллигентен, бел и пушист, аки заяц зимой. Но попробуй объясни это истекающим кровью воякам, которых крепкое словцо вытаскивает с того света почище сердечно-легочной реанимации.

Я не стала развивать дискуссию о вреде и пользе ненормативной лексики.

— В общем, так, господа мужчины. Хотите вы того или нет, но я иду вместе с вами.

— Зачем? — Рэю моя идея явно не понравилась.

— Ну, во-первых, прогулки на свежем воздухе полезны для здоровья, а во-вторых, ситуация, как-никак, имеет ко мне некоторое отношение. — Я была непреклонна и решила лишний раз сей факт подчеркнуть. — А если вы откажетесь взять меня с собой, просто соберу вещи и сойду с корабля на этой планете. В конце концов, Освальд ничем не хуже любого другого места.

На какой-то миг я замерла, внутренне содрогаясь: а вдруг оба они

сейчас со свойственной им солидарностью воскликнут — сходи, вот и отлично! К счастью, мои опасения быстро развеялись. Тяжело вздохнув и проявив в этом отношении немалое единодушие, мужчины махнули рукой, ладно-де, хочешь с нами — идем, и пообещали зайти за мной перед отправлением на встречу с художником. Вопрос о происхождении последнего слова остался нераскрыт, и я подумала, что не мешало бы обсудить эту тему с Иолетрией.

Оставив кэпа с доком в медотсеке, двинулась обратно в направлении каюты, которую делила с Гайкой. Но не успела добраться до нужной двери, когда в коридоре мне повстречался Хендрейк.

— Что случилось, Сэм? — спросил он, вытягивая руку, чтобы осторожно коснуться моего локтя.

Я вдруг осознала, что по-прежнему тяжело дышу, лицо, судя по ощущению жара, покраснелось, а куртка съехала набок. Словом, от моего вида и впрямь не веет спокойствием и умиротворенностью.

— Тебя кто-то обидел? Что-то произошло на планете?

Похоже, это становилось доброй традицией.

Я бы прошла дальше, но Кен по-прежнему держал меня за руку, причин ссориться с ним не было, а главное, я не испытывала ни малейшего желания скрытничать. Наоборот, хотелось поделиться собственными переживаниями. Крайне странная ситуация с учетом того, что свою жизнь привыкла держать в тайне, ни с кем и никогда не откровенничая.

— Если тебе так уж интересно, один урод тут, на Освальде, кое-что обо мне знает. Нечто, что я не желаю делать всеобщим достоянием. И пытается меня шантажировать, — выдала, твердо намеренная молчать о подробностях, но согласная в очередной раз совместно покурить в случае, если хакер озвучит такое предложение.

Каково же было мое удивление, когда вместо дальнейших расспросов он довольно-таки буднично поинтересовался:

— Это в связи с твоей половой принадлежностью?

Видимо, столь пренебрежительное отношение к моей страшной тайне подвело меня к некой точке кипения, поскольку в ответ я совершенно некультурно заорала:

— Откуда, черт тебя побери, ты об этом знаешь?!

Кажется, с громкостью и гневом я слегка переборщила, поскольку Кен стушевался от такого напора и даже вжался в стену.

— Кто тебе сказал? — осведомилась малость потише, зато сквозь зубы.

— Никто. — Хакер примирительно выставил перед собой руки. —

Сэм, я понимаю: после истории с Линдой может показаться, что я совершенно не разбираюсь в женщинах, но это не так. На самом деле я не так уж мало общался с девушками, в том числе со своими коллегами. И в реале, и еще больше — в сети. А женщины моей профессии часто ведут себя... чуть более по-мужски, чем другие. Например, используют не женский сленг. Короче, штука в том, что я привык иметь дело с... девушками в брюках, если можно так выразиться. Поэтому мне не так сложно отличить тебя от мужчины.

Я была готова рвать и метать. Черт знает что! Сначала док, потом Рэй, а теперь еще и этот хакер! И каждый догадался самостоятельно, по своим собственным причинам. Выходит, мой грим вообще ничего не стоит? В таком случае уж точно ни к чему платить огромные деньги художнику, спроектировавшему совершенно бессмысленную маску!

— Что же до сих пор никто не догадывался-то?! — не вполне логично возмутилась я. — А теперь вдруг посыпалось: один, другой, третий...

— Может быть, потому, что до сих пор ты ни с кем достаточно близко не сходилась? — предположил Кен. — Или...

Договорить он не успел. Ворвавшись в коридор подобно вихрю, Рэй буквально смел бедолагу хакера с места и прижал к стене, схватив рукой за горло.

— Что он сделал? — рявкнул кэп, лишь слегка повернув голову в мою сторону — чтобы не выпускать из поля зрения Хендрейка.

— Ничего. — Поспешила замотать головой, пока жертве капитанского произвола ненароком не свернули шею.

В проеме со стороны медотсека появился запыхавшийся Брэн.

— Ерунда! — отрезал Рэй. — Я слышал крики. В первый раз это еще могла быть случайность, но никак не во второй. Так что не вздумай его покрывать. Говори, что он тебе сделал? От этого будет зависеть, запрю я его в каюте, ссажу на планете или выброшу в открытый космос.

Припомнился намек дока на то, что некоторых вещей кэп никогда не сделает, хотя припугнуть может. Не знаю, насколько далек Брэн был от истины, скорее всего, не слишком, но в данный конкретный момент слова Рэя звучали очень уж убедительно.

— Ни в чем он не виноват! — Я не стала проверять серьезность намерений капитана. — Это я психанула не по делу.

— Психанула? — переспросил Рэй.

Его глаза, уже не следившие за Кеном, превратились в узкие щелки, и было нетрудно догадаться, что в повторенном слове его заинтересовал в первую очередь женский род.

— Ну да, о том и речь. Он тоже догадался, что я... ну, не мужчина. Это слегка выбило меня из колеи, но сейчас все уже нормально.

— Не все, — прохрипел хакер.

Поддавшись психологическому давлению в виде наших с Брэном укоризненных взглядов, Рэй опустил руку. Кен, малость пошатнувшись, отступил в сторону. На его шее отчетливо виднелся красный след.

— Больно? — спросила, содрогнувшись.

Хакер беззаботно отмахнулся.

— А, я уже привык. — Этот комментарий заставил Рэя скрипнуть зубами. — Так что там с этим шантажистом?

— Он и об этом знает?!

— Я ему сказала. Вкратце, — призналась, виновато потупившись, хотя реальных причин для извинений тут не видела.

— Я так понимаю, вы идете на Освальд разбираться с тем парнем? — угадал Кен. — Тогда я с вами.

Тем же вечером на перекрестке улиц Гимел и Йота мы повторно пересеклись с новоземским художником, только на сей раз встреча точно не была случайной. В руках я держала конверт, в каких часто хранили денежные карты. На лицо был накинут капюшон длинной толстовки.

— Ну как, *леди*, вы доставили то, что мне причитается?

Народу вокруг почти не наблюдалось, этим и был обусловлен выбор места передачи денег, и шантажист счел возможным использовать такое обращение, дабы продемонстрировать мне серьезность своих намерений.

— Да, — быстро определившись с ответом, согласно кивнула, — именно это я вам и доставила.

И откинула капюшон, открывая не маску, а свое настоящее лицо, впрочем, тоже знакомое художнику. Удивление его было столь велико, что он не сразу заметил три тени, одновременно подступившие с разных сторон. А когда заметил, было уже поздно.

— Вечер добрый, — вежливо поприветствовал новоземца док и уколол собеседника в плечо крошечным шприцем, более всего напоминающим канцелярскую кнопку. Сквозь шелк рубашки проступила крохотная капелька крови.

— Что это зна... Ой! — Художник обвел нас всех по очереди затуманенным взглядом, а затем переключился на близлежащие дома и деревья. — А почему все так кру-у-ужитя? — с веселым недоумением спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Не знал, что сосны на Освальде умеют танцевать!

Он говорил довольно громко и этим привлек-таки внимание пары припозднившихся прохожих. А уж когда новоземец, закатив глаза, упал в беспамятстве — Рэй еле-еле и не слишком охотно успел поддержать его, ухватив под мышками, местные жители и вовсе стали высовываться из окон первого и даже второго этажей.

— Все в порядке! — зычным голосом объявил Брэн, демонстрируя всем мнимое электронное удостоверение, каковое в действительности могло оказаться чем угодно — от документа о службе в ВВС до клубной карты торговой сети «Голограммы для мамы». — Я врач. У этого человека стандартные симптомы. Семь целых, восемь десятых процента туристов с Новой Земли испытывают подобное из-за непривычных климатических условий Освальда. Сейчас мы заберем больного в безопасное место, а затем он получит необходимую медицинскую помощь.

Он вытащил из чемоданчика предмет, похожий на складной табурет, и нажал на расположенную сбоку кнопку. Дополнительные части начали выезжать наружу, и вскоре конструкция превратилась в полноценные носилки. Уложив на них «больного», Рэй и Кен понесли его в направлении «безопасного места».

— А это не заразно? — крикнул один из жильцов, опасно свесившись с подоконника второго этажа.

— Для коренных освальдианцев — нет, — деловито ответил Брэн, захлопывая чемоданчик. — В любом случае эффект кратковременный и продолжительных последствий практически не бывает. Но если почувствуете головокружение, обратитесь к своему семейному врачу.

Других вопросов у любопытных наблюдателей не возникло, и мы благополучно удалились с места происшествия.

— Я же говорил, — пропыхтел Рэй, поудобнее перехватывая носилки. — Лучший способ скрыть преступление — это совершить его у всех на глазах. Жаль только, что этот художник такой упитанный, — сокрушенно добавил он. — Все-таки правду говорят: талант обязан быть голодным.

— О, кажется, просыпается! — потер руки Кен.

Несмотря на довольный вид, было крайне трудно назвать выражение лица хакера доброжелательным, скорее уж хищным. То же самое можно было сказать и об остальных свидетелях пробуждения похищенного, присутствовавших в тщательно заблокированном изнутри медотсеке, — Рэе, Брэне и мне. От очнувшегося художника наша агрессивность не укрывалась, поскольку выглядел он откровенно испуганным. Впрочем,

возможно, причина заключалась в том, что он был распластан на кушетке для пациентов, с руками и ногами, прочно зафиксированными при помощи ремней.

— Что же вы, молодой человек? — пожурил художника док.

Как по мне, не слишком логичное обращение. Вряд ли Брэн был старше нашего подопечного.

— Шантаж, вымогательство... Нехорошо как-то. Не поджентльменски.

— Я действовал из лучших побуждений!

В стремлении доказать свою невиновность художник попытался подскочить на ноги, но по понятным причинам ему это не удалось.

— Сейчас угадаю, — невозмутимо отозвался Кен. — Твоя мать очень тяжело больна, и было ну просто необходимо любым способом собрать деньги на лечение?

— При чем болезнь должна быть очень редкой, раз операцию не покрывает медицинская страховка, — внес профессиональное уточнение док.

— Да нет, — протянул Рэй, — тут дело не в болезни. Я думаю, он собирался отдать все вырученные деньги на благотворительность. Кого поддержать хотели? — полюбопытствовал он у шантажиста. — Детей-сирот или, быть может, бездомных кошечек? Или хотели сделать пожертвование в организацию по защите среброзубых стрекоз на планете Кохатол?

Вид у кэпа, когда он высказывал эти предположения, был прямо-таки дружелюбным, словно он действительно верил в то, что говорил.

— Все не так, — принялся оправдываться похищенный. — Увидев ее в кафе, я понял, что она по-прежнему носит маску и скрывается. Значит, скорее всего, на ее совести тяжелое преступление. Вот я и решил проверить. Если придет на встречу, следовательно, рыльце у нее в пушку, и надо сообщать в полицию. А если не придет, значит, все невинно, и я могу больше об этом не вспоминать.

— Совестьливый ты наш! — с доброй улыбкой похвалил Рэй. — Что же ты, такой законопослушный, взялся работать над маской, когда тебе ее заказали? Понимал же, что без причины такие вещи не покупают?

— Ну... — художник слегка стушевался, — каждый зарабатывает на жизнь как может.

Рэй и Брэн синхронно закатили глаза, после чего понимающе переглянулись.

— Если бы ты знал, от скольких людей и нелюдей я слышал эту

фразу, — поделился опытом кэп. — И от торговцев наркотиками из системы Рейзы, и от космических пиратов с Миенга, и от дуэллийских грабителей, и от проституток Истерны. «Не я такой, жизнь такая».

— ...и если сдать меня в химчистку, вы сразу же увидите мой белый и пушистый хвост, — охотно подхватил Брэн.

— Хороший у вас круг знакомств.

Эту ехидную реплику просто обязана была произнести Гайка, но ввиду ее отсутствия я решила принять эстафету.

— Он еще лучше, — заверил док. — Наш капитан всего лишь постеснялся продолжить список.

— Так, а с этим-то экспонатом что будем делать? — возвратил нас, если можно так выразиться, с небес на землю Кен.

— Есть варианты, — охотно сменил тему Брэн, степенно обходя вокруг койки.

Шантажист не отрывал от него затравленного взгляда.

— Например, у нашего бортового врача есть чудо-таблетка, превращающая людей в миенгов, — припомнил недавнюю шутку-страшилку дока Рэй. — Каких-то полчаса — и у человека вырастают две дополнительных руки.

— И еще два глаза, — подсказала я. — Хороший вариант. — Это я уже обратилась непосредственно к «пациенту». — С четырьмя глазами гораздо удобнее наблюдать за окружающими и выискивать новую жертву для шантажа.

— Я не хотел! — провыл тот. — Говорю же, это была всего лишь проверка!

— А мы тоже всего лишь проверим, долго ли проживет человек с такими изменениями в организме. — Я оставалась непреклонна.

— А я предлагаю проще, — неожиданно отступился от собственного предложения Рэй. — Давайте не будем отращивать ему новые части тела. — И, стоило пленнику благодарно закивать, добавил: — Лучше оторвем пару уже имеющихся.

Жертва нашего произвола заметно задрожала, но тут вмешался док:

— Э нет, такого я не потерплю! Я, знаете ли, все-таки врач, давал клятву Гиппократу. Да и вообще, зачем отрывать, когда можно спокойно и аккуратно отрезать? В нашем распоряжении столько прекрасных инструментов — лазер, скальпель, хирургические ножницы, в конце концов!

Стоит отметить, что Брэн и правда, пока пациент спал, успел выудить из шкафов и красиво разложить на столе многочисленные медицинские

инструменты, в том числе и те, которые больше напоминали орудия для пыток. Раскладывал с вдохновением, будто натюрморт рисовал.

Еще пару минут мы потрепали художнику нервы молчанием, которое порой эффективнее слов. Затем Рэй с ножом в руке подошел к изголовью кушетки и принялся проникновенным голосом объяснять:

— Значит, так. Из сегодняшнего происшествия тебе следует извлечь три урока. Первый: шантажировать нехорошо. — Он выдержал паузу, чтобы эта глубокая философская мысль в полном объеме проникла в сознание пациента. — Второй: как видишь, личность нашей подруги уже не является секретом, так что шантажировать ее еще и бессмысленно. И наконец, последнее: ты можешь идти отсюда в полицию, звонить в службу безопасности Новой Земли, писать хоть президенту Южного континента. Но даже не вздумай обращаться в представительство ВБС и сообщать им об экипаже звездолета класса Т-397, высадившемся на Освальде и интересующемся осведами. Иначе у тебя будут большие проблемы.

С этими словами он перерезал ремни, которыми были стянуты руки художника, и, предоставив «пациенту» самостоятельно освободить себе ноги, отошел, дабы включить компактный кругляш переносного коммуникатора.

— Аркадайос, готовимся к взлету, — передал он.

— А вот это, — Кен помахал перед носом шантажиста планшетом, на котором по-прежнему хранились эскизы моей маски, — я, пожалуй, оставлю себе.

Уже позднее, когда художник был выпущен с корабля, точнее, выброшен с высоты пары метров, а мы благополучно удалялись от вечно ураганной планеты с названием Освальд, Брэн вздохнул, тоскливо разглядывая непригодные ремни.

— А что, просто расстегнуть было нельзя?

— Так выходило более поучительно. — Рэй без особого раскаяния передернул плечами.

— Ну-ну. А не звонить в ВБС ты ему зачем посоветовал? — насмешливо поинтересовался док, особенно выделив частицу «не».

— Разве не очевидно? Чтобы он сразу побежал это делать. Информация постепенно дойдет до кого надо, они получат подтверждение тому, что мы относимся к угрозе серьезно и продолжаем ею заниматься. Чем черт не шутит, может, и сами лишний раз задумаются. При этом вычислить нас они не смогут, поскольку иметь прямого отношения к звонку мы не будем.

— Красиво, — признал врач. — Неплохая комбинация.

— Ну так не первая же, — хмыкнул Рэй.

Прошло еще два часа. Корабль давно погрузился в сон. Даже Аркадайос уединился с Иолетрией в их общей каюте, предоставив автопилоту управлять звездолетом до условного общекосмического утра. Гайка сладко сопела на верхней полке, обхватив рукой подушку.

Я же ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть. Вновь надетая маска давила как никогда, и это невзирая на недавний весьма продолжительный перерыв в использовании. Откровенно говоря, давила она не столько на лицо, сколько на психику. Она душила меня, как душила необходимость находиться в четырех стенах в рамках узкой корабельной каюты. Клаустрофобия была не свойственна мне не более, чем боязнь высоты, но непосредственно сегодня, как видно, сработали основательно сдавшие нервы. На протяжении последних недель они будто сжимались глубоко во мне в маленький плотный клубок. Давление внутри шара постепенно усиливалось, энергия требовала выхода, и все это было просто обьязано привести к взрыву.

Устав валяться без толку, я откинула одеяло, тихо, практически бесшумно, поднялась на ноги и, удалившись в ванную, вновь избавилась от маски. Возможно, навсегда. Во всяком случае сейчас ее отсутствие не пугало. Половина корабля уже знала мой секрет, к тому же все спали, а в помещениях было темно.

Я выскользнула в коридор, понятия не имея, что буду делать дальше. Зато сразу поняла, что поступила правильно: дышать стало легче, ощущение клаустрофобии отступило. А дальше... ноги сами привели меня к той двери. К двери капитанской каюты.

Честное слово, я шагала бесшумно. У меня легкая поступь, особенно когда я этого захочу, к тому же, выходя из нашей с Гайкой спальни, я специально не обулась. Даже в мягкие тапки. Но Рэй все равно открыл сразу. Моментально распахнул дверь, стоило мне замереть с противоположной ее стороны.

Я спросила его об этом позднее. Ответил, что ждал меня всегда. Говорил ли он в буквальном смысле или переносном? Действительно ли стоял часами у двери или просто не переставал надеяться, что я приду? Не знаю. Глупо было задавать уточняющие вопросы.

Проем автоматически закрылся, оставляя нас наедине. Рэй первым поцеловал меня, но я не стала бы утверждать, что это была его инициатива. Думаю, решимость читалась в каждом моем движении.

— Боги, какая же ты красивая! — прошептал он.

Конечно, это была глупость. Как можно разглядеть лицо, целуя человека в губы? Тем более и освещение в каюте было минимальным. Но в некоторых случаях совершенно не важно, соответствует высказывание действительности или нет. Хотя не знаю, согласится ли с этим Иолетрия.

— Мне наплевать, женат ты или нет, — выдохнула, обнимая его за шею, и только теперь понимая: я действительно чувствую то, что говорю.

— Забудь.

Он уложил меня на кровать, более широкую, чем наши с Гайкой койки, и склонился надо мной, принимаясь расстегивать рубашку.

— Что это?!

Рэй замер, когда его руки коснулись стягивавшей грудь ткани. Я тихонько засмеялась.

— Аналог нижнего белья. Верхнего нижнего, если быть точной. Можешь разрезать.

Он укоризненно покачал головой, оценив намек на сегодняшние ремни, и приподнял меня, чтобы полностью снять рубашку.

— Я могу быть жестким и, наверное, даже пугающим. Но неужели ты думаешь, что это хоть когда-нибудь коснется тебя?

И он стал осторожно разматывать широкую белую ленту. По окончании процесса я испустила стон облегчения: все-таки это постоянное давление было очень неприятным.

Тело била легкая дрожь, но не знаю, от возбуждения или от страха. Осознанного страха я не ощущала: с подросткового возраста привыкшая вращаться в мужской среде, просто не успела заполучить тот коктейль комплексов и предубеждений, который даже в наш просвещенный век продолжал передаваться женщинам патриархального общества. Думаю, на Дуэлле все было иначе. На Новой Земле — пока не изменилось. Но я не боялась и, вероятно, вела себя совсем не так, как положено девушке в моей ситуации. Стремилась не только и даже не столько дать, сколько взять. И при первой же физической близости быстро оказалась в положении сверху.

Это уже потом, лежа на кровати рядом с Рэем, я начала думать и анализировать и запоздало испугалась, что поступала не как должно. Действовала по-мужски, а не по-женски. А ведь это точно не то, что нужно человеку, который был рядом. Иначе он и сходил бы с мужчинами, как по ошибке заподозрила Гайка.

В сторону Рэя я старалась даже не смотреть, но сам он, видимо, думал о другом, поскольку прошептал, склонившись к моему уху:

— Я никогда не вернусь к Линде. С ней все, окончательно и бесповоротно. По сути уже давно, а сейчас — тем более. — Он крепче

прижал меня к себе, будто это придавало словам убедительности. А может, и вправду придавало?.. — Да, я хочу ее отыскать, но только для того, чтобы поставить точку. Во всем. В убийстве, которого не было. В геноциде, которого, надеюсь, не будет. И в наших с ней отношениях в том числе.

— ...которых нет? — криво улыбнулась я, достойно завершая красивую формулировку.

Красивые формулировки не всегда обрамляют правдивое содержание, вот в чем беда.

Рэй развернулся и меня развернул так, чтобы видеть мое лицо.

— Неужели ты думаешь, что в нашем браке может что-то быть после всего, что она устроила? Мы и без того давно уже жили по принципу не мешать друг другу. Я не лгу тебе, Сэм. Не пытаюсь ввести в заблуждение. Я не обещаю на тебе жениться. Получить развод будет для меня затруднительно, учитывая, что сам я в бегах, Линда формально мертва, да и договориться с ней о чем бы то ни было вряд ли реально. О своем неприглядном положении и вовсе молчу.

Не выдержав, я рассмеялась в подушку, которую специально для этого притянула к лицу.

— Давай еще мое приданое обсудим! Можно подумать, если бы не все это, ты бы сделал мне предложение. Вот так, сейчас, после нескольких недель знакомства, еще и настолько специфического. Если да, то Брэн прав, и ты ненормальный.

— Брэн всегда прав, — фыркнул Рэй. — А сделал ли бы я тебе предложение? С легкостью. Короткий срок, говоришь? Иногда складываются обстоятельства, при которых узнаешь человека так, как за двадцать лет не узнал бы. Ты всем пожертвовала, чтобы спасти мне... Не жизнь, нет, даже не свободу... Чувство собственного достоинства. Ты ввязалась в безумную авантюру со спасением человечества от освенотов — опасную, практически без шансов на успех. И это притом, что сама ненавидишь Новую Землю. Ты много лет — не знаю пока, сколько и почему, но, надеюсь, ты мне расскажешь — прожила в маске и не утратила человеческого облика. Ты справедливая, решительная и при этом сдержанная. В общем... не рассказывай мне о коротких сроках.

— Ты описал отличную боевую подружку, — усмехнулась я, — а совсем не жену.

Над краем кровати виднелся уголок одеяла, давно и безнадежно слетевшего на пол. Поднимать его никто не спешил. Лично мне после случившегося было по-прежнему жарко, а кутаться в покрывало от стыдливости даже в голову не приходило. Ну не глупо ли прятать грудь

после того, чем мы занимались каких-нибудь десять минут назад?

— А боевая подруга — это как раз отличная жена, — возразил Рэй.

— И все равно. Я совершенно на нее не похожа... — посерьезнела я, не слишком прислушиваясь к его последним словам.

— На кого? — Моя реплика вышла довольно туманной, и потому понимание пришло к нему не сразу. — На Линду? Конечно не похожа!

От этого утверждения, казалось бы, всего лишь повторявшего мои собственные слова, стало холодно и неприятно. И почему-то одиноко. Даже захотелось завывать подобно голодному волку, вот только какую выбрать луну?

— Еще не хватало, чтобы ты была на нее похожа! — припечатал Рэй, заставив меня почувствовать себя значительно лучше. — Мне второй Линды не надо. Первой хватило... — Он приложил руку даже не к горлу, а к самому верху лба, наглядно демонстрируя, до какой степени исчерпана его готовность к общению с «Линдами».

Мне по-прежнему казалось, что по чисто женской части леди Макнэлл могла дать мне сто очков форы, но спорить и отстаивать такую точку зрения я, естественно, не стала.

— Ты не понимаешь. — Рэй снова притянул меня к себе и теперь говорил, почти касаясь губами макушки. — Я ведь поставил на себе крест. Да, сбежал, но все равно знал: прежнюю жизнь не вернуть, а другая мне была не нужна. Просто хотел поставить точку. Разобраться, найти виновного, восстановить справедливость, насколько это вообще было возможно. И все. Как говорит современная молодежь, «уйти в закат». Да хоть бы в ту же черную дыру. А потом появилась ты. «Появилась» — это я так, образно, конечно, ты уже была, но в какой-то момент я вдруг понял, что снова хочу жить. Именно жить, а не только доживать.

Он замолчал, а я не готова была сказать что-либо в ответ. Не от недостатка чувств, а чтобы не испортить момент, не спугнуть, не сфальшивить, не пересластить. Просто прижалась к нему сильнее и крепче обвила руками обнаженное тело. Не думаю, что Рэю было нужно что-то еще.

Прошло, должно быть, несколько минут, когда мое внимание привлекло нечто едва уловимое, легкое изменение в освещении. Как оказалось, во встроенных в стену каюты часах цифра «семь» сменилась на «восемь», а это означало немного больше горящих огоньков, из которых складывались знаки.

— Ой!

С этим возгласом я не столько соскочила, сколько скатилась с кровати

— на кораблях они вообще обычно бывают низкими, не считая, конечно, двухэтажных.

— Что такое?

Рэй приподнялся, но паниковать не спешил, должно быть, достаточно хорошо «считав» мое настроение.

— Мне в каюту пора! — объяснила, торопливо и оттого довольно бестолково ища свои разбросанные вперемешку с постелью вещи. — Уже утро. Гайка поймет, что я на месте не ночевала. И решит... Ну, в общем, много чего решит, — не стала уточнять.

— А это, кстати, немаловажный момент. — Рэй поднялся и помог мне с поиском, выудив из-под одеяла рубашку. — Что ты собираешься делать дальше? Продолжишь носить маску? Как ты решишь, так и будет, — добавил он. — Но на таком небольшом корабле о наших отношениях, сама понимаешь, быстро узнают. И если ты по-прежнему будешь оставаться мужчиной, выводы сделают соответствующие. — Он усмехнулся. — Нет, повторяюсь, решать тебе. Но мне надо будет хотя бы морально подготовиться.

— Не надо морально готовиться, — отмахнулась, ради этого жеста прерывая процесс застегивания пуговиц. — Я об этом уже думала и все решила. Нет смысла продолжать скрываться. Новая Земля осталась далеко, а я для того и стремилась улететь оттуда, чтобы получить право быть собой. И потом, на корабле половина экипажа и так обо всем знает. Глупо продолжать прятаться. Да и надоела мне маска.

— Ты так и не рассказала мне, почему носила ее столько лет, — напомнил Рэй.

— Расскажу. — Полностью одевшись, я оглядела себя ради последней проверки перед выходом. — Но не сейчас. Не хочется портить настроение.

Возражать и настаивать он не стал. Время впереди было. Правда, много ли, не знал пока ни один из нас.

Глава 3

Маску я сняла и немногословно, без лишней патетики сообщила экипажу, что Сэм — это в действительности сокращение от Саманты. Особо бурной реакции, надо сказать, не последовало. Рэй, Брэн и Кен уже были в курсе. Джекки практически полностью существовал в мире биологии и химии. Он, конечно, вынырнул оттуда на минутку и признание услышал, но, по-моему, принял к сведению и сразу забыл. Дуэллийцы, более сдержанные, чем люди, ярких эмоций сверх соответствующего случаю удивления не выказали. А уж как они отреагировали внутренне, один лингуан знает. И только Гайка долго еще качала головой и фыркала: «Ну ты даешь!». И все грозила, что, когда выпадет свободная минутка, мы сядем и начнем всех обсуждать и вообще болтать «о своем, о женском». Перспектива не пугала, просто казалось, что мне все это будет в диковинку.

А мы уже приближались к первой планете системы Апомакрос — Роке, наиболее известной и исследованной. Один-единственный космопорт был построен здесь новоземцами не столько из альтруистских соображений, сколько для собственных нужд: сами роцеанцы летать никуда не собирались. Но на контакт шли охотно, будучи видом разумным и неагрессивным. А люди получили возможность с относительным удобством посещать планету ради исследований, экстремального космотуризма и будущего сотрудничества с очередной цивилизацией.

— Сэм, расскажи-ка нам вкратце о Роке, — предложил Рэй, когда мы все вместе собрались в командном отсеке незадолго до подготовки к посадке.

В сущности, он призвал меня как члена экипажа к исполнению непосредственных обязанностей. При отсутствии практических навыков теоретическая база оставалась моей сильной стороной.

— Рока — планета второй категории, то есть населена гуманоидами. — Я не стала делать вид, будто факты вспоминаются с трудом. Естественно, учитывая цель нашего путешествия, успела проштудировать всю доступную информацию о системе Апомакрос. — Внешне они похожи на нас и дуэллийцев, по росту ближе к людям, в среднем даже чуть пониже. Правда, блондинов и рыжих у них не бывает — только брюнеты и еще зеленоволосые, это какая-то местная мутация.

Гайка многозначительно присвистнула и стала слушать меня с удвоенным интересом. Док трагически возвел глаза к потолку.

— О том, были ли у нас общие предки, до сих пор ведутся споры, — продолжала я. — Если да, то очень давно. Биологические особенности роцеанцев связаны со специфическими условиями их жизни. Дело в том, что несколько веков назад, точная дата пока не установлена, на поверхность планеты упал крупный метеорит. От столкновения жизнь на поверхности была практически уничтожена, но нескольким видам удалось сохраниться благодаря тому, что на момент катастрофы их представители находились глубоко под землей, в том числе роцеанцы. Планета богата всякими ископаемыми — не слишком разбираюсь, какими именно, с геологией у меня слабовато — и у них уже тогда была система пещер, частично естественных, частично искусственных. В общем, некоторым роцеанцам удалось выжить, и вид не был уничтожен. Научились существовать в условиях постапокалипсиса. А потом и эволюция поспособствовала.

— Что, эта мутация, которая с зелеными волосами?

Кто о чем, а Гайка о внешности. Хотя, по-моему, ей лишь бы дока поддразнить.

— Да не знаю я насчет волос, если честно. Не хочу никого разочаровывать, но, думаю, одно к другому вообще отношения не имеет. Просто в подгорные города солнечный свет почти не проникает. И вообще на планете долгое время было темно, об электричестве и речи не шло. В общем, они жили во тьме — и приспособились. Зрение за ненадобностью ослабло, все роцеанцы близоруки и плохо переносят яркий свет. Зато у них развилась эхолокация.

— Это что за зверь? — любопытствовал Кен.

— Ой... — При помощи таких вопросов меня было легко завалить на экзамене. Понимать понимаю, а вот как внятно объяснить... — Ну, это когда издаешь звук, он отражается от предметов и эхом возвращается к тебе. И по «пойманному» эху можно определить, с какими предметами звук «столкнулся» — их форму, расстояние, на каком они находятся, сколько их... Мы-то всего этого не ощущаем, а вот роцеанцы развили такую чувствительность, что она позволяет им в абсолютной темноте как бы видеть ушами. Когда они слышат эхо, в мозгу складывается четкий образ объекта, что находится впереди. Практически как зрение.

— Похожий принцип работы используется на подводных лодках, — добавил Рэй.

То ли счел, что так мужчинам будет понятнее, то ли просто озвучил собственную ассоциацию, естественную для военного, пусть даже иного профиля.

— У некоторых зверей тоже, — подключился Джекки. — Дельфинов, например.

— И летучих мышей. — Гайка на секунду расширила глаза, будто рассказывала детскую страшилку. — Хм, интересно, а вампиры тоже так «видят»?

— Если на какой-нибудь планете обнаружатся настоящие вампиры, мы у них спросим, — пообещал Брэн.

— В общем, — вернула я инициативу в свои руки, — принцип тот же. Что под водой, что в темноте с видимостью проблемы, зато звук проводится хорошо. Роцеанцы этим пользуются, в чем, наверное, их основное отличие от остальных гуманоидов.

— Они по-прежнему живут под землей? — уточнил Аркадайос. — Или успели подняться на поверхность?

— Под землей, — кивнула я, — во-первых, привыкли уже, города и коммуникации построили. Во-вторых, условия на планете, конечно, улучшились, но для жизни по-прежнему неидеальны. Людям полноценный скафандр не требуется, но кислородную маску настоятельно рекомендуют. Думаю, дуэллиям тоже. В общем, по поверхности почти никто и не ходит, разумная жизнь — только под землей, так что и все наши контакты там. А что наверху, пока не очень-то изучено.

— Отлично. — Вероятнее всего, Рэй дал оценку не нашим скудным знаниям о Роке, а моему отчету. — Аркадайос, сколько у нас времени до входа в атмосферу?

— От десяти до двенадцати минут, — сообщил пилот, сверившись с датчиками.

Кэп кивнул, удовлетворенный ответом.

— И у нас есть время определиться, кто выйдет на планету, а кто останется на корабле, — заключил он. — Причин не доверять роцеанцам у нас нет, но в связи с нехваткой информации уровень опасности все равно считается повышенным. Поэтому корабль должен находиться в режиме готовности к внезапному отлету. Значит, так. Высаживается Джекки, поскольку он — единственный, кто толком знает, что за растение нам нужно. Дальше. Иолетрия. — Взгляд Рэя переключился с ботаника на лингвиста. — Нам понадобится переводчик. Я тоже иду. Думаю, этого достаточно. Остальные ждут нас на звездолете.

Аркадайос, до сих пор редко отрывавшийся от экранов, развернулся к ним спиной, чтобы принять участие в разговоре.

— Я пойду с вами. Я должен сопровождать Ио.

Рэй непреклонно покачал головой.

— Нет. Никто кроме тебя и меня не сможет поднять в воздух корабль. Если мы оба сойдем, он останется без пилота.

— Я не могу бросить свою женщину, — недовольно настаивал Аркадайос. — Не для этого улетел с Дуэллы. Я обязан защитить ее, если возникнет необходимость.

— Именно так, — энергично подтвердил кэп. — И именно поэтому ты останешься на звездолете. Чтобы в случае опасности быстро эвакуировать нас с планеты.

— Я не согласен.

— Мы не говорим сейчас о согласии. — В голосе Рэя зазвенели железные нотки. — Речь идет о приказе капитана. Основанном на межпланетных правилах безопасности. При посещении плохо изученной планеты как минимум один пилот обязан оставаться на корабле.

— Если уж строго следовать этим правилам, — нехотя вмешался Брэн, — то капитан тоже не должен покидать корабль в условиях повышенной опасности.

Кажется, он был не в восторге от необходимости спорить с Рэем, тем более принимать сторону дуэллийца в завязавшейся баталии, и все-таки что-то заставило его высказаться. Не думаю, что абстрактное чувство справедливости, Брэн, скорее, беспокоился о кэпе и предпочитал найти лазейку, которая заставит Макнэлла остаться на звездолете.

— Верно, — недовольно, но не обескураженно кивнул Рэй. — Но раз уж ты так хорошо знаком со списком рекомендаций, то вспомнишь и другие пункты. Например, что при посещении мало изученной планеты с разумным населением именно капитан корабля выступает как представитель своей цивилизации. Следовательно, он обязан лично контактировать с местными жителями; в противном случае его поведение может трактоваться как неуважение.

Из того, как фыркнул Брэн, я сделала вывод: такой пункт действительно существовал, но, с точки зрения дока, Рэй вовсе не поэтому планировал высадиться на Роке. Опальному капитану и беглому заключенному просто не сиделось на месте.

— Меня с собой возьмешь? — без особого оптимизма полюбопытствовал врач.

— Не могу, — огорченно покачал головой его друг. — Ты единственный, кто может взять на себя работу радиста. Это тоже необходимо. По аналогичной причине остается и Гайка. Звездолету нужен механик.

Девушка разочарованно вздохнула.

— Кстати, Гайка, тебе предстоит проверить те системы корабля, которыми нельзя заниматься во время полета, — добавил Рэй.

— И все-таки мне это не нравится, — вмешался Брэн, — слишком маленькая группа отправляется за растением. Тебе в компанию понадобится хотя бы один... — подыскивая нужное слово, он скосил глаза в сторону Джекки, — зрелый мужчина. Не в обиду ботаникам будет сказано.

Тот, вопреки ожидаемой обиде, по-моему, даже не обратил внимания на эту эскападу. Зато заметно побледнел — кажется, нашего ученого несколько выбили из колеи постоянные намеки на опасность планеты.

— Все верно, — вмешался Хендрейк. — Я пойду.

— Это еще с какой радости? — резко повернулся к нему Рэй.

— А с такой, — голос хакера прозвучал довольно агрессивно, — что я считаю нужным хоть как-то искупить то, что натворил, если кому-то это непонятно. Сеть на корабле в полном порядке. И вообще летать без компьютерщика вполне допустимо. Уверен, этот ваш свод правил мою высадку не запрещает.

Рэй пожал плечами, уклонившись от ответа, и тем самым показал, что дал слабину. Док этот нюанс, естественно, сразу же заметил и за него уцепился. Будто друзья для того и существуют, чтобы отслеживать наши слабые места.

— Значит, Хендрейк идет с вами, — быстренько постановил он, спеша превратить в несомненный факт решение, которое еще даже не было принято. — Четыре гуманоида. Нормальная группа. Одна женщина, один ботаник и двое мужчин.

Джекки наконец-то отвлекся от нерадужных мыслей и посмотрел на Брэна с яростью, сменившей нездоровую бледность лица на густой румянец. Врач, кажется, именно такого эффекта и добивался и выглядел теперь донельзя довольным.

— Две женщины, — вмешалась я неожиданно для остальных присутствующих. — А что такого? — поинтересовалась в ответ на удивленные взгляды. — На корабле я де факто исполняю роль аналитика, использую теоретические знания в надежде, что они окажут хоть какую-то практическую помощь. Обойтись без меня в полете — легче легкого, зато на планете вполне могу пригодиться. Все-таки о Роке я знаю больше остальных — не считая ее растительности, конечно, — добавила я, сделав реверанс в сторону Джекки.

— Резонно, — немного подумав, признал Брэн.

— Мне все равно не нравится, — возразил Рэй. — Не вижу причин

рисковать, когда в этом нет необходимости.

— Насколько нам известно, на Роке вполне безопасно, — вновь вступился за меня док.

— На корабле всегда безопаснее.

Упрямства капитану было не занимать.

— А вот и неправда! — воскликнула Гайка. — Я в одном фильме видела, там по звездолету бегал маньяк с топором, выслеживал всех по одиночке и убивал.

— Точно! — подхватил Брэн. — Актуальная проблема. На нашем корабле такой маньяк — я.

— Что-то не припомню, чтобы на моих кораблях кого-нибудь убивали, — скептически приподнял бровь кэп.

— Это потому, что я ни разу в жизни не видел топора — ну, кроме как в кино, — признался врач. — Но если бы такой инструмент попал мне в руки... пиши пропало.

— Что-то мы отвлеклись... — Рэй посмотрел на часы, потом на дисплей Аркадайоса, который, к счастью, уже давно следил за приборами вместо того, чтобы участвовать в наших спорах. — Ладно, если Сэм хочет, может идти. С одним условием — все время держаться рядом со мной и безоговорочно следовать любому моему приказу. То же самое касается и остальных, — добавил он, обводя будущих спутников тяжелым взглядом. — Стало быть, нас будет пятеро. Не считая лингуана, — добавил он прежде, чем замечание по этому поводу успела сделать Иолетрия. Подобное было ей свойственно. — Но он, надеюсь, не нуждается в фонарике и кислородной маске. Снаряжением займемся перед выходом. Маски — на всякий случай, фонари — с запасом. Учтите, зрение для роцеанцев второстепенно, и весьма вероятно, что в подземном городе нас ждет кромешная темнота.

Наши зарождавшиеся вопросы на корню оборвал пилот, заявив что пора выходить на связь. Брэн взялся за наушники.

— Всем занять противоперегрузочные кресла! — распорядился Рэй.

Легко вышли на связь с местным диспетчером, зная, как выяснилось, некоторые базовые фразы на новоземском, но для более полноценного общения они с Брэном переговаривались не напрямую, а посредством лингуана. Основной диалект Роки уже был расшифрован и введен в память робота-переводчика. По словам Иолетрии, некоторые пробелы в знаниях пока имелись, но в нашем случае переговорам это не помешало.

— Любопытно, как они выходят на связь? И вообще управляются с

космопортом? — громким шепотом поинтересовался Кен.

— Что ты имеешь в виду? — Я тоже понизила голос, дабы не мешать Брэну.

— Ну у них же не может быть наших компьютеров или их аналогов, — пояснил хакер. — Что такое голограмма для их этой... эхо...

— Эхолокации, — подсказала я.

— Ну да. Голограмма — это же почти что мираж. Звук наверняка спокойно проходит сквозь нее, так что с точки зрения эха ее попросту нет. Или обычный двухмерный экран... Нет, я понимаю, сам экран эхолокация фиксирует. Но вот что за текст там высвечивается — это-то на звуке никак не отразится. Как же они могут с такой техникой разбираться? Или все-таки на это им зрения хватает?

Я пожала плечами. Никогда не задумывалась над этим конкретным вопросом, а на лекциях и в прочитанных мной статьях он не поднимался. Вполне вероятно, что роцеанцы отлично обходились без компьютеров — жили же без них когда-то люди, но справляться без электронной аппаратуры в космопорту довольно сложно.

Проблем с разрешением на посадку не возникло. Правда, чисто технически дело оказалось непростым. Крохотный космопорт располагался под землей, и для того, чтобы добраться до места, пришлось спуститься по узкому, учитывая габариты звездолета, тоннелю, потолок которого был автоматически поднят, чтобы впустить нас внутрь, а затем снова опущен. Когда мы, удивительным образом ни разу не задев стены, остановились на небольшой освещенной площадке и дали компьютеру команду отключить двигатели, Аркадайос утер со лба обильный пот. Иолетрия подошла и положила руки ему на плечи.

— Добрались, — устало, но удовлетворенно выдохнул пилот.

Собрав снаряжение, мы впятером покинули корабль. Фонари прикрепили к поясам, но пока не использовали: служившее посадочной площадкой помещение — точнее было бы сказать «пещера» — худо-бедно освещалось. В кислородных масках потребности тоже пока не было: анализаторы показали, что состав воздуха, уровень радиации и прочие характеристики окружающей среды по всем параметрам пригодны для нас и дуэллийцев.

Нашу команду встречали несколько роцеанцев, по-видимому, обслуживавших космопорт. Внешне они действительно походили на людей. Рост чуть ниже среднего, крепкое телосложение, слегка кривоватые ноги. Зеленых волос мы пока не увидели, все присутствующие были брюнетами, что лишь усиливало сходство с человеческой расой.

— Добрый день! — с сильным акцентом произнес один из них. — Рады приветствовать вас на Роке.

— Спасибо.

Переговоры сразу же взял на себя Рэй.

— Какова цель вашего визита?

— Научная, — солгал капитан, не моргнув глазом.

Беседу продолжили при помощи лингуана. Нам задали несколько стандартных вопросов из серии «кто, откуда, куда». Ответы никто не записывал. Может, у них вообще отсутствовала письменность, либо просто не принято было разводить бюрократию, либо нас снимало какое-то видеоустройство, хотя на Роке это казалось маловероятным.

Под конец разговора Рэй сообщил, что мы разыскиваем определенное растение, и поинтересовался, кто бы мог нам помочь, направив в поисках. Немного подумав, роцеец порекомендовал пройти в библиотеку и справиться у какого-то Тонг-Бера. Наличие на Роке библиотеки несказанно меня удивило, но я постаралась свое изумление не проявлять. Одного из местных мужчин выделили нам в провожатые, и мы отправились в путь.

По дороге миновали будку с прозрачными стенами, служившую аналогом наших диспетчерских. Кен сжал мое запястье, привлекая внимание, а сам буквально-таки прилип к стеклу, за которым на своеобразном каменном столе стоял ответ на его недавний вопрос. Компьютер на первый взгляд выглядел обычным, вот только вместо кнопок на клавиатуре были фигурки разной формы, каждая из которых, по-видимому, соответствовала букве местного алфавита. Несколько символов уже были напечатаны, и только тут я сообразила, что они не просто видны на дисплее. Они были объемными, выпуклыми и потому различимыми как на ощупь, так и посредством эхолокации. Представить себе не могла, из какого материала сделан экран, но, судя по всему, набранные на клавиатуре знаки лепились из него, как из пластилина, а потом снова стирались нажатием какой-то очередной клавиши.

Будка осталась позади, и вскоре мы шагали по коридорам, которые правильнее было бы назвать улицами города. Ощущения клаустрофобии или страха, что потолок вот-вот обвалится, не возникало. Это место воспринималось не как сеть подземных пещер, а как современные тоннели, какие у нас строились для монорельсов. Чувство спокойствия и безопасности поддерживали в первую очередь размеры широких проходов — три человека запросто могли двигаться рядом — и высокие потолки.

Правда, стоило мини-космопорту остаться позади, как мы погрузились бы в крошечную тьму, если бы не включенные заранее

фонарики. Правда, не те, что мы захватили с собой. Вместо них нам выдали местные светильники, специально хранившиеся для инопланетных туристов, и надевавшиеся на лоб. Удобно: и руки свободны, и окружающее пространство легко разглядеть.

А посмотреть было на что. С точки зрения эстетики переплетение коридоров и залов напоминало не технические тоннели, а музей или дворец. Стены и потолки были украшены разнообразными узорами и сюжетными сценками, причем изображения были не нарисованы, а выдолблены в камне, что делало их объемными и доступными для своеобразного зрения роцеанцев. Вот только раскрашены они не были: цвета при помощи эхолокации вряд ли распознавались. Не исключено, что, эволюционировав, местные жители и вовсе стали дальтониками. В учебниках ничто не подтверждало, но и не опровергало такую гипотезу.

Пожалуй, единственное, что нервировало меня в подземном городе, — это звуки, эдакий однотипный клекот, раздававшийся с разных сторон. Постепенно до меня дошло, что именно с его помощью роцеанцы и воспринимали окружающий мир, отправляя звуки на его исследование и затем ловя эхо своими особенными органами чувств. Значит, никуда не денешься, и к клетоту, пока мы здесь, придется привыкнуть. Это такая же данность, как отсутствие солнечных лучей.

Библиотека оказалась недалеко, и через четверть часа мы добрались до места. Я все гадала, как могут выглядеть местные книги. Электронный формат казался маловероятным, хотя после увиденного в космопорту компьютера я уже ни в чем не была уверена. Бумажные книги по аналогии с нашими древними, виденными в музеях, тоже не подходили — вряд ли под землей росли деревья, из которых обычно производят бумагу. Да и текст, напечатанный на страницах, не был бы объемным. Хотя, быть может, роцеанцы читали при помощи зрения, ведь даже сильная близорукость — это еще не слепота.

Ответ оказался довольно простым. Книги и впрямь были похожи на те, что я видела в музеях, только бумагу заменял пластик, а буквенные символы были выпуклыми, что позволяло читать на ощупь или при помощи все той же эхолокации. Собственно, именно поэтому даже в таком учреждении осветительные приборы не были предусмотрены, так что мы продолжали пользоваться фонарями.

Тонг-Бер оказался старым роцеанцем с волосами того самого зеленого цвета. Правда, впечатление сглаживала обильно разбавлявшая их седина.

Нас усадили возле круглого стола, прямо на месте высеченного из камня. Общались через лингуана, которому Иолетрия задавала какие-то

параметры — ну или делала подсказки, тут уж смотря как относиться к этой зверюшке, как к роботу или к разумному существу.

— Мы ищем растение, которое называется «раковина-на-стебле», — взволнованно объяснил Джекки и добавил, неестественно отчетливо проговаривая каждый слог: — Сарку райн-фер.

В устах лингуана роцеанское название прозвучало не совсем так, как у Джекки, но похоже. Во всяком случае, наш собеседник понял, о чем идет речь, это легко читалось по его мимике. Еще одно свидетельство в пользу гипотезы о дальнем родстве роцеанцев и людей.

Тонг-Бер неодобрительно поджал губы, и лингуан перевел нам его слова:

— Не советую. Цветок растет над землей. Очень опасно.

Мы с Рэем переглянулись.

— Над землей? Стало быть, на поверхности? — уточнил он.

— Там, — кивнул роцеанец, для пущей наглядности поднимая палец кверху.

Теперь мы все уставились на Джекки, но он лишь втянул голову в плечи, дескать, откуда было знать о таких нюансах? Рэй тихо выругался сквозь зубы, лингуан предусмотрительно не стал переводить.

— Нам все равно необходимо достать эти цветы, — взяла разговор в свои руки Иолетрия. — Есть ли способ попасть наверх?

Тонг-Бер вздохнул.

— Напрасно. Дело, конечно, ваше, но мир над городом — не место для живых. Ничто не постоянно. Земле нельзя доверять.

— Туда кто-нибудь ходит? — решил прояснить немаловажный вопрос Кен.

— Некоторые из наших поднимались на поверхность и возвращались, не встретив неприятностей, — ответил роцеанец. — Другие пропадали, и больше мы ничего о них не слышали. Сейчас выходить запрещено: мы не хотим напрасных жертв. Но вы — чужаки, вам мы не вправе запретить. Можем только предостеречь. Предпочтете рискнуть — вам покажут путь к двери и объяснят, как открыть ее с той стороны, если повезет и вы сумеете вернуться назад.

— Да. — Рэй кивнул. — Мы будем очень за это благодарны. — И, пока Тонг-Бер переговаривался с кем-то, видимо, организовывая сопровождение к загадочной двери, обратился к нам: — Внешний мир Роки явно небезопасен, к тому же мы знаем о нем еще меньше, чем о подземном. Риск следует свести к минимуму. Поэтому ты, Иолетрия, проводишь нас и сразу возвращаешься на корабль. Наверху переводчик не понадобится.

Передай Брэну, чтобы оставался на связи, а Аркадайосу — чтобы был готов взлететь в любой момент, если нам понадобится помощь. — Он окинул взглядом остальных. — Джекки идти должен, иначе мы можем не найти то, что ищем. Сэм и Кен, вы можете остаться с Иолетрией.

— Ну уж нет, — возразил хакер. — Я еще на корабле ясно высказался на этот счет.

— Тогда мы предполагали, что идти придется только под землю, туда, где есть цивилизация, — парировал Рэй. — Впрочем, дело хозяйское. А вот ты, Сэм...

— Я тоже пойду, — спешно заявила, не дожидаясь, пока мне перечислят десяток-другой причин этого не делать. — Даже о поверхности хоть что-то, да известно. И потом, мои общие знания об обитаемых планетах тоже могут пригодиться.

Дурацкие, конечно, аргументы, что тут скажешь. Но мне не хотелось сворачивать на полпути, а Рэй понимал, что время и место не подходят для споров. Поэтому все сделали вид, будто мои объяснения сочли убедительными.

На сей раз дорога заняла куда больше времени. Выход на поверхность располагался далеко от центральной части города, да и популярностью наш маршрут не пользовался. Прохожие попадались все реже, потом вовсе перестали встречаться по пути; теперь единственным издававшим клекот существом был наш провожатый. Просторные залы закончились, сменившись одним-единственным коридором без ответвлений, который постепенно забирал вверх. Никто не счел нужным украшать здешние стены узорами, потолок стал неровным, как и каменный пол под ногами.

Тоннель неожиданно закончился тупиком. Как выяснилось, чтобы выбраться наружу, надо было лезть наверх, причем никакой мало-мальски удобной лестницей, хоть переносной, хоть высеченной в камне, роцеанцы не озаботились. Видимо, действительно считали, что выходить «в свет» никому не следует, а раз так, к чему стараться? Пришлось лезть по сталагмиту, скользкому и оттого крайне неудобному для таких целей, затем перебираться на широкий выступ, потом подтягиваться, чтобы достичь очередной каменной площадки. А там наконец-то нашлась и дверь.

Насколько я поняла, выход в скале не прорубали; наоборот, использовали каменную глыбу, чтобы перегородить возникший естественным образом проход и так защитить себя от внешнего мира. Существовавший механизм позволял немного сдвинуть тяжеленную дверь для образования проема, через который мог протиснуться человек средней комплекции. Роцеанец вышел вместе с нами и показал, как открыть проход

снаружи, после чего сразу исчез в темноте коридора. Возможно, опасался наказания за нарушение закона, но, по-моему, ему просто было некомфортно при естественном освещении. Хоть небо и было сплошь затянуто низкими облаками, даже нам потребовалось время, чтобы привыкнуть к дневному свету после долгого пребывания под землей. Что уж говорить о коренном роцеанце?

Фонари за ненадобностью выключили, сняли заранее надетые кислородные маски: прибор Рэя показал, что воздух пригоден для человека. Возможно, что-то изменилось с тех пор, как новоземские ученые проводили здесь свои исследования, а может, условия просто зависели от географической зоны или времени года.

Без масок стало удобнее, и я осмотрелась вокруг. Мы стояли на склоне каменистого холма, поросшего короткой зеленой травой, на вид жесткой и колючей. Проверять на ощупь не стала: хватало ума не делать подобных глупостей на незнакомой планете. Кто знает, что за насекомые в этой траве водятся, не ядовита ли она сама по себе. Хотя Рока была обитаема и относилась ко второй категории, ее поверхность смело можно было отнести к четвертой: разумной жизни здесь не было, она осталась под землей.

Устремив взгляд вперед, увидела простиравшуюся равнину, покрытую такой же травой. Редкие кусты были невысокими и по большей части сухими, лишь на некоторых ветках виднелись зеленые листья. Травяной ковер под ногами местами украшали скопления мелких желтых цветов, местами оплетало неприятное на вид черное растение, и эти участки казались покрытыми плесенью. Я брезгливо поморщилась, решив по возможности не приближаться к этому виду местной флоры.

Глянув чуть дальше, обнаружила растение, уже знакомое по показанным Джекки картинкам. Но первым его заметил Кен, возбужденно воскликнувший:

— Вот оно! Это ведь те самые «раковины», так?

Вопрос был адресован ботанику, и тот кивнул, замороженно глядя на предмет наших поисков. Метрах в трехстах от нас начиналась целая куртина этих сар-ку райн-феров, бутоны которых по форме напоминали морские раковины. Они покачивались на ветру, но крепко держались на тонких зеленых стеблях.

— То есть все, что нам требуется, — это дойти туда, — хакер указала на полянку, — и нарвать цветов? Звучит как-то подозрительно легко.

Он с некоторой неуверенностью повернулся к Рэю, затем ко мне. Я кивнула, не отводя взгляда от «раковин». Действительно легко. Вокруг не

видно укрытий, где могли бы спрятаться дикие звери. Даже в траве не спрячешься — короткая. Ну, если только угроза — мелкие ядовитые насекомые. Но обувь у нас хорошая, одежда добротная, маску можно надеть не ради кислорода, а чтобы закрыть лицо, плюс капюшон накинуть... Риск существовал, но задача и правда казалась простой. И это было подозрительно.

— Ладно, чем раньше начнем, тем быстрее закруглимся, — решил Рэй, которого, похоже, одолевали такие же мысли. — Брэн, пока все спокойно, видим цель, источников опасности не наблюдается, — отчитался он в переговорное устройство. — Оставайся на связи.

Из шипящего от помех динамика прозвучало нечто в духе «Да куда я от вас денусь». Рэй еще немного посверлил взглядом окрестности и повернулся к нам.

— Значит, так. Я иду первым, за мной Джекки, дальше Сэм, Хендрейк замыкает. Идти стараемся след в след. Никуда не отступать, ничего не трогать, не отставать. При любых изменениях в самочувствии оповестить остальных и надеть маску. Все ясно? Тогда вперед.

И мы пошли. Сначала медленно и осторожно, затем быстрее, но стараясь не терять бдительности. Спустились с холма. Все вроде было обычным — трава, цветы, укывшееся облаками небо. Внезапно я ощутила легкое покачивание, будто плыла на корабле, или же по почве под ногами прошла волна от небольшого землетрясения. Причина, скорее всего, не в объективной реальности, а в банальном головокружении — видимо, воздух не так безопасен, как показали приборы. Приготовилась надеть маску, как вдруг колебание повторилось. Я бы и этому не придавала особого значения, если бы впереди не остановился Рэй. Значит, не одну меня преследует иллюзия нестабильности окружающего мира. Или это вовсе не иллюзия?

Джекки, как всегда погруженный в себя, не успел заметить остановку и врезался в Рэя. Я застыла на месте, Кен тоже.

— Чувствуете? — спросил кэп, сдвинув брови и словно прислушиваясь.

Хотела сказать «да», но язык будто примерз к небу, когда справа в нескольких шагах от нас по земле пробежала извивающаяся трещина. Стоило труда даже поднять руку, чтобы указать на этот малоприятный сюрприз. Но излом был не единственным, такой же обнаружился у нас за спиной; первым его заметил Кен. Не успели мы толком отреагировать, как по ушам ударил подозрительный чавкающий звук. С ужасом я увидела, как первая трещина наполняется мутной темно-серой жижей. Точнее сказать, участок земли, отделившийся от нашего, стал медленно удаляться, и

образовавшийся проем затопил этот отвратительный на вид «кисель».

Чертыхание Рэя, возглас Кена, крик Джекки заставили меня оглядеться — вся поляна покрылась трещинами, как лед на озере по весне.

— Брэн, чрезвычайная ситуация, может понадобится ваша помощь! — крикнул в переговорное устройство Рэй. Но в ответ на взволнованный вопрос, что у нас тут происходит, лишь рявкнул: — Не до тебя!

Земля медленно делилась на островки, к счастью, пока крупные.

— Быстро назад! — крикнул Рэй.

Поверхность холма ничуть не изменилась, так, по крайней мере, казалось отсюда; кроме того, начальная точка нашего маршрута была ближе, чем поляна «раковин».

Капитан первым перепрыгнул на соседний островок, проверяя безопасность такого действия и подавая личный пример. Прыжок прошел благополучно, и мы последовали за ним. Увы, удача сопутствовала нам недолго. Новая трещина поделила островок на две неравные части, оставив на меньшей из них Рэя с Джекки, а на большей — нас с Кеном. Идея оказаться оторванными друг от друга не понравилась никому, и мы попытались снова объединиться. Вдруг очередной раскол пробежал прямо под моей ногой. Я отскочила в сторону, с трудом избежав падения, но в результате оказалась на крохотном кусочке земли, сходу начавшем отдаляться. Краем глаза уловила движение в мутной жиже, и была готова поспорить, что заметила зубы, торчавшие из чьей-то разъявленной пасти. Тут я совершенно не по-мужски завизжала.

Рука Кена крепко обхватила меня. Какое-то мгновение казалось, что мы оба вот-вот упадем в опасную воду, потом ему все-таки удалось перетянуть меня на свой островок.

— Спасибо.

Я оперлась руками о колени, стараясь отдышаться. К нам подоспели Рэй с Джекки, и мы вчетвером снова оказались на одном участке суши. Надолго ли? «Ничто не постоянно. Земле нельзя доверять». Кто же знал, что слова Тонг-Бера следовало воспринимать буквально!

— Айо!

Мы вскинули головы, заслышав этот крик, и синхронно повернулись в сторону холма, у подножия которого стоял роцеанец. Видела ли я его раньше, сказать не смогла бы, для меня они были так похожи друг на друга. Как и все — невысокий, коренастый, на вид молодой, черноволосый.

— Черт, вот сейчас нам бы пригодился лингуан, — пробормотал Рэй, ответивший местному неопределенным восклицанием и взмахом руки.

И тут, к нашему немалому удивлению, тот отчетливо, пусть и с сильным акцентом, произнес:

— Старайтесь не двигаться.

Мы переглянулись; каждый будто спрашивал у остальных: «Это я свихнулся, или он действительно говорит по-нашему?» Выходило, что если и свихнулись, то все разом.

— Я могу помочь, — продолжал роцеанец.

«Могу», — поправила мысленно, но правильное спряжение глаголов сейчас занимало последнее место в моем списке приоритетов.

— Будем очень вам благодарны! — прокричал в ответ Рэй.

— Не двигайтесь! — повторил абориген. — Стойте месте на... На месте, — поправился он. — Если видите такое... — он почесал макушку, не находя нужного слова, — черное... как черные нитки...

— Растение? — крикнула я. — Да, здесь есть! — и указала рукой на ближайшую паутинку «плесени».

— Встаньте на него! — донесся ответ. Я даже отпрянула от неожиданности. — Где оно растет — там плотная почва! — объяснил роцеанец. — Не развалится!

Долго упрашивать нас не пришлось. На островке было три небольших участка, охваченных этим самым черным растением. Я заняла один, Джекки — второй. На третий оставалось два кандидата.

— Хендрейк, туда! — распорядился Рэй, указывая на последнюю безопасную зону.

— Да ладно, вставай сам, — возразил хакер.

— Отставить разговоры!

Кен не шелохнулся.

— Твоя жизнь здесь для всех важнее.

— Я — капитан! — рявкнул Рэй. — Здесь все делают то, что говорю я. И тебе я уже сказал — стоять!

Его палец недвусмысленно указывал на черный участок. Кен нехотя повиновался.

Пока мы выясняли отношения, роцеанец не терял времени даром. Он притащил откуда-то несколько связанных вместе бревен и деревянное весло, грубо сработанное, но свою функцию выполнявшее. Теперь брюнет продвигался в нашем направлении на этом самодельном плоту, отталкиваясь веслом от более-менее крупных островков.

Время, казалось, едва тянулось, в действительности же роцеанец довольно-таки ловко — опыт явно имелся — лавировал в образовавшемся водоеме и до нас добрался быстро. Общего языка не требовалось, чтобы

понять, что он приглашает нас перебраться на плот, притом не медля. Рэй был последним, но когда он приготовился прыгнуть, между островком и плотом вновь показалась зубастая пасть. Джекки закричал, реакцию Кена я не видела, но сама не испугалась. Вернее, испугалась, конечно, но за Рэя, потому что понятия не имела, что делать и как помочь. К счастью, роцеанец был знаком с практической стороной вопроса. Невозмутимо, будто прихлопывая назойливого комара, он ударил неизвестное чудовище веслом прямо по зубам. Пасть тут же исчезла в мутной жиже. Рассмотреть, что происходит в ее глубине, было невозможно, но главное, что Рэй благополучно воссоединился с нами на плоту. Не удержавшись, бросилась в его объятия.

— Поляна ближе, чем холм, — заметил наш спаситель. — Она вам нужна?

— Да! — тут же ответил Джекки.

Я с трудом подавила нервный смешок: и откуда взялась такая решимость после недавнего смятения?

— Да, — секунду поразмыслив, поддержал ботаника кэп.

Он по-прежнему не размыкал обвившихся вокруг меня рук, только немного ослабил объятия.

— Хорошо, — согласился абориген. — Плываем туда.

— Пльвем, — машинально исправила.

К счастью, очень тихо — еще не хватало в такой момент обидеть роцеанца придирками. Тем более что мы его язык не знали вовсе, а он наш, судя по всему, неплохо.

Приближающийся шум двигателей заставил задрать головы. Корабль! Наш родной Т-397. Кажется, никогда еще я не была так рада его видеть!

Рэй все-таки отпустил меня и, схватив переговорное устройство, заорал:

— Где вы были все это время, черт вас побери?!

— Это вы где были все это время?! — Из динамика послышался не менее гневный, искаженный техникой голос дока. — Какого дьявола не отвечал на мои вызовы?

— Было немного не до того, — понизив градус агрессивности, ответил Рэй. — Вы нас видите?

— Имеем такое счастье.

Судя по интонации, Брэн намекал, что счастье это было весьма сомнительным.

— Мы вот-вот пристанем к поляне с тем самым растением. Передай Аркадайосу, пусть подберет нас, когда закончим с цветами. Приземляться

не стоит, здесь происходит черт знает что.

Плот трянуло, и я испугалась, что что-то снова пошло не так, но, как выяснилось, мы просто добрались до берега.

— Там безопасно? — с сомнением спросил у роцеанца Рэй.

— Да. — Тот говорил уверенно. — Там только суша. Сарку райнфер, — указал на цветы-раковины, — растет только на твердой земле.

Не скрою, впервые ступив на поляну, я почувствовала себя неуверенно. И неуютно. Медленно, очень неохотно сделала первый шаг, второй... Другие проводили аналогичные эксперименты по соседству. Все это напоминало игру в духе «Интересно, а что будет, если я нажму вот эту большую красную кнопку?». Но ничего не случилось, толчков не было, и мы постепенно осмелели, поверив местному жителю. Тем более что времени рефлексировать не оставалось. Что бы ни происходило на поверхности планеты, лучше как можно скорее отсюда убраться.

Джекки объяснил, что нас интересуют именно бутоны-раковины, и мы принялись за работу. Срывать цветы оказалось непросто, приходилось орудовать ножами: стебли были невероятно прочными, внутри них обнаружались твердые волокна, напоминающие зеленые провода. Однако дело пошло на лад, и припасенные специально для этой цели пакеты стали наполняться нашими трофеями.

— Рисковать четырьмя жизнями ради букета? Надеюсь, это очень красивая дама, — заметил роцеанец, наблюдавший за нашими стараниями со стороны.

Слово «дама» прозвучало несовременно и слегка резало слух. Но ведь брюнет и не разговаривает на своем родном языке.

— Весьма, — согласился Кен, примериваясь к очередному стеблю. — Это целая планета.

— Вы прилетели с Новой Земли?

— Некоторые из нас.

Я поднялась на ноги, с удовольствием разгибая уставшую спину. Оценив фронт работ, пришла к выводу, что и без меня отлично справляются, а потому решила поддержать беседу с роцеанцем.

— А как вы научились говорить по-новоземски?

Он улыбнулся. Кажется, затронутая тема была для него существенна и, что немаловажно, приятна.

— Когда у нас приземлился первый корабль, мне было очень любопытно. Пошел посмотреть. Даже сумел поговорить с инопланетянами. На пальцах. Как это... вечно вертелся у них под ногами. — Он рассмеялся, я тоже улыбнулась. — Потом были другие

корабли. Я приходил, старался помогать, показывать дорогу... Меня стали учить. Пять слов, потом десять. Потом даже буквы. Один астроном, очень славный парень, подарил мне учебник. Там нет объяснений на других языках. Только новоземский и картинки. Но все понятно.

— Видимо, у вас способности к языкам, — сделала заслуженный комплимент. — Но как вы прочитали учебник? Ведь у вас темно. И он, наверное, плоский?

Уже спросив, побоялась, не задела ли чем-то собеседника, но тот добродушно и даже воодушевленно ответил:

— Да, пришлось читать глазами. — Он поднес палец к краешку века. — Мы можем, только очень тяжело. Но я часто выхожу на поверхность, привык к свету. Нелегко, но лучше, чем другим. При свете читал.

Роцеанец сильнее сощурил глаза, и я осознала, что щурился он все это время. А ведь погода пасмурная. Каково бы ему пришлось, если бы здесь ярко сияло солнце?

— А разве на выход из-под земли нет запрета?

— Есть, — с детской непосредственностью подтвердил брюнет. — Но за воротами никто не следит.

Своеобразные у них порядки... Впрочем, своя логика тут присутствовала — в конце концов, нарушающий закон рискует исключительно собственной жизнью. А нашествия существ извне роцеанцы не опасались: других разумных видов на планете не было, а местная фауна, видимо, не могла преодолеть каменную дверь.

Я решила сменить скользкую тему.

— Вы сумели здорово выучить язык. Это большое достижение.

— *Здорово?* — озадаченно переспросил роцеанец. — Как *здоровый?* *Здоровый-больной?*

— Не совсем, — поправила, мысленно гадая, насколько чужеземец прав и как связаны слова *здоровый* в смысле не *больной* и *здорово* в значении *отлично*. — *Здорово* — это значит *хорошо*.

— Правда? — Он расплылся в улыбке. — Вы правда думаете так? Считаете, я хорошо выучил язык?

— Конечно, — заверила я, не покривив душой. — Имея всего лишь один учебник, который так трудно читать, и редкое общение с носителями языка? По-моему, ваши успехи просто потрясающие!

— Благодарю вас.

— Брэн, все готово. Букетик собрали, — отчитался по рации Рэй. — Забирайте нас отсюда.

Звездолет уже завис над поляной, к нам медленно спускалась выдвигная лестница, рассчитанная как раз на такой случай.

— Как вас зовут? — спросил Рэй у роцеанца, а мне невольно стало стыдно, что сама до сих пор не додумалась задать такой элементарный вопрос.

— Тин-Рок.

— Я — Рэй Макнэлл, капитан этого корабля. Хотите полететь с нами? Мы доставим вас в космопорт, а потом отправимся по своим делам.

Я была уверена, что Тин-Рок откажется. Во-первых, если он поднимется на корабль, плот и весло останутся на поляне. Как их потом прикажете доставать? Если, конечно, у него не припасена еще парочка таких же, но отчего-то я в этом сомневалась. Во-вторых, если роцеанец прибудет в космопорт, его соплеменники непременно узнают, что он покидал подземный мир, а это, насколько поняла, запрещено законом.

Поэтому представьте себе мое удивление, когда брюнет без колебаний ответил:

— Благодарю вас, с удовольствием.

Пока мы ожидали своей очереди на подъем, я тихо спросила:

— Рок — это как в названии планеты?

— Да, — кивнул он, — это имя означает «земля».

— Как наше «Адам», — отметила я для себя.

Несмотря на ругань по переговорному устройству, Брэн встретил нас с распростертыми объятиями. Остальные члены экипажа тоже столпились на первом этаже, не считая Аркадайоса, пилотировавшего корабль. Зато теперь жажда выяснить отношения передалась Рэю.

— Где вы пропадали, черт вас побери?! — гневно спросил он. — Мы все потонули бы там к чертовой матери, или еще чего похуже, если бы не этот молодой человек!

— Да сначала у местных какая-то заминка, никак взлет не могли разрешить, — досадливо сообщил док. — Кто их поймет, этих роцеанцев? А потом вас, уж прости, еще и найти надо было.

Я попыталась знаками дать Брэну понять, что Тин-Рок знает наш язык, а высказывание про роцеанцев вышло не слишком политкорректным. Но врач в моих жестах не разобрался, а наш спаситель, похоже, не обиделся, только усмехнулся.

— Ладно, сейчас нам надо запросить повторное разрешение на посадку, чтобы доставить домой нашего гостя, — переключился на деловые вопросы Рэй. — Тин-Рок, мы чрезвычайно благодарны вам за

помощь. Есть ли что-нибудь, что мы можем для вас сделать?

— Есть, — не раздумывая, подтвердил роцеанец, очень внимательно слушавший капитана. Все-таки понимание чужого языка давалось ему не так легко. — Возьмите меня с собой.

Ошарашенное молчание было ему ответом.

— Почему? — спросил Рэй, прислоняясь спиной к стене. — У вас есть враги на планете?

— Враги? Нет, врагов нет. — Роцеанец уверенно отклонил такое предположение.

— Может быть, вам грозит наказание за то, что вы поднялись на поверхность? — мягко предположила я.

Над этим Тин-Рок немного подумал.

— Нет, — решил наконец, — серьезное наказание — нет. Может быть, чуть-чуть... как это сказать... поругают и дадут лишнюю работу. Ничего серьезного. Это не причина улететь с планеты, — заключил он.

Поняв, что объяснение потребует некоторого времени, окликнула Брэна, успевшего подняться на второй уровень, и попросила подождать с передачей пилоту новых указаний.

— Так в чем же причина? — меж тем продолжал расспросы кэп.

— Хочу посмотреть другие миры, — просто, как будто речь шла о чем-то элементарном вроде похода в магазин, заявил Тин-Рок. — Мне это интересно, больше чем интересно. — Похоже, гость сумел почувствовать наше скептическое отношение к его мотиву и теперь старался нас переубедить. — Наш подземный мир хорош, но, понимаете... Я молод, и уже чувствую, что знаю о нем все. Каждый поворот, каждую картину, все месторождения и правила добычи камней. А мне хочется узнавать новое. И я стал ходить наверх, несмотря на запрет. Часто бываю на поверхности и знаю о ней намного больше других. Но здесь тоже далеко не продвинешься, по крайней мере один. К тому же здесь нет разумной жизни. Когда я впервые увидел инопланетян, то есть, я хотел сказать, людей, — поправился он, — стал буквально грезить звездами.

— Но оказаться в чужом мире очень непросто, — стал увещевать роцеанца Рэй. — Слишком много различий. Насколько мне известно, никто из обитателей Роки ни разу не покидал свою планету.

— Меня не пугают отличия, — ответил Тин-Рок, не пытаясь оспаривать слова капитана. — Я знаю человеческий язык — насколько понимаю, довольно неплохо?

Интонация последней части предложения была вопросительной, и вопрос, кажется, адресовался мне. Я уверенно кивнула, не имея сомнений

на этот счет. Иолетрия следила за разговором с немалым интересом, в первую очередь профессиональным, и с ее стороны возражений тоже не последовало.

— Еще у меня есть инопланетные деньги, — продолжал роцеанец. — Не очень много. Я выполнял поручения для пришельцев. Еще у меня есть это.

Порывшись в кармане, он извлек оттуда несколько разноцветных камней каплевидной формы.

— Драгоценные камни? — поражено выдохнула Гайка.

— Этого ведь хватит, чтобы прожить на одной из людских планет какое-то время?

— Хватит, — признал капитан. — Хотя деньги решают не все.

Тин-Рок согласно кивнул.

— Я знаю, что на ваших планетах трудно обходиться без зрения. Еще я знаю, что бывают люди, которые рождаются со слабым зрением, как у меня. И им делают операции, после которых они хорошо видят. Может быть, мне тоже смогут сделать операцию?

Рэй поднял глаза на Брэна.

— Возможно, — признал док. — Это, конечно, не моя сфера... Думаю, коррекция роцеанцу не подойдет, а вот операция из тех, что возвращают зрение слепым, — возможно. При условии, что анатомия местных жителей достаточно близка к человеческой.

— Я бы очень хотел улучшить свое зрение, — воодушевленно сказал Тин-Рок.

Кэп вздохнул, кажется, давая слабину.

— Возможно, вам действительно имеет смысл попутешествовать по другим мирам. Я даже приветствую эту идею. Но наш корабль — не слишком удачный выбор. У нас важная и опасная миссия. Мы пока не летим к цивилизованным мирам, нам надо посетить одну неразвитую планету в этой системе. Только потом мы вернемся в освоенный людьми и другими разумными видами мир. А там, как я уже говорил, наши задачи выходят за рамки безопасных. Можете считать нас малым военным кораблем. Так что вам будет лучше покинуть Року с другим звездолетом.

Тин-Рок помолчал, раздумывая над словами капитана.

— Если возможно, я предпочел бы полететь с вами, — произнес наконец. — Другие звездолеты прилетают к нам нечасто. Очень редко, — исправился он. — И меня могут туда не взять.

— Хорошо, — сдался Рэй. — Я не могу вам отказать, учитывая оказанную помощь. Но есть условия.

— Я заплачу.

Роцеанец потянулся к карману, в котором хранил самоцветы.

— Не надо, — довольно резко возразил капитан. — Денег мы не возьмем. Мои условия таковы. Первое: на корабле вы подчиняетесь моим приказам. Второе: когда мы высаживаемся на необитаемых планетах, вы остаетесь на звездолете. И третье: когда мы вернемся в цивилизованный мир, вы сойдете на первой же подходящей планете.

Тин-Рок слушал, шевеля губами; кажется, он повторял про себя отдельные фразы, чтобы лучше вникнуть в их смысл.

— Хорошо, я согласен со всеми условиями.

Рэй задрал голову, чтобы встретиться взглядом с доком.

— Скажи Аркадайосу, мы покидаем планету. Повторная посадка отменяется.

Брэн кивнул и исчез в командном отсеке, а кэп обратился к экипажу.

— Взлетаем через четыре минуты, — объявил он. — Мы и так потратили слишком много времени. Гайка, ты занимаешь место в своем отсеке: наверху может не хватить рабочих противоперегрузочных кресел, у одного ремни не в порядке. Остальные — в командный отсек.

И он подал пример.

Лишь после того, как мы покинули атмосферу планеты и стали постепенно отстегиваться, Рэй задал Тин-Року еще один вопрос.

— Вы сказали, что вас могут не взять на другой корабль. Причина в том, что люди не хотят принимать на борт роцеанцев?

— Роцеанцы сами обычно не хотят, — откликнулся брюнет. — Меня свои же могли не отпустить.

— Почему? — Рэй напрягся. — Сколько вам лет? — внезапно спросил он.

Для меня этот вопрос оказался неожиданным.

— Двадцать один, — ответил Тин-Рок и, немного помешкав, добавил: — У нас я считаюсь несовершеннолетним.

Глухо зарычав, капитан схватился за голову.

— Похищение ребенка! Только этого мне не хватало для полного комплекта! — простонал он.

Глава 4

— Черт знает что такое! Не звездолет, а сумасшедший дом! Проходной двор! Космопортовый паб!

После каждой фразы Рэй резким взмахом руки сбрасывал на пол какой-нибудь предмет либо стучал кулаком по стене. В итоге капитанская каюта все больше походила на свалку, до которой не успели добраться перерабатывающие мусор машины.

— Это не лезет ни в какие ворота! — бушевал он. — Команду нельзя собирать таким способом! Каждое назначение надо тщательно взвесить, ни один человек не должен оказаться случайным!

Я знала, что причина гнева кэпа не во мне, и все-таки вжалась в стену — на всякий случай, чтобы ненароком не смел с пути.

— А что происходит у нас? — Он продолжал метаться по каюте. — Перед нами стоит задача, важнее которой никогда не приходилось решать «Галалэнду». И кто находится на борту? Хакер, которому надоело торчать на бескомпьютерной планете. Великовозрастный ребенок, которому захотелось космических приключений. Дуэллиец, не знающий, что такое дисциплина, спорящий с приказами капитана. Это не экипаж, это случайный набор пассажиров. А действовать должны, как идеально сработавшаяся команда, иначе ничего у нас не получится!

Рэй замолчал, чтобы отдышаться, а я услышала в коридоре шаги и приоткрыла дверь. Завидев дока, схватила его за руку и буквально втянула в каюту.

— Брэн, пожалуйста, сделай что-нибудь! — воскликнула я. — У тебя же должно быть успокоительное?

— Для тебя? — поинтересовался врач, оценивающим взглядом окидывая окружающий разгром.

Я помотала головой.

— Нет, для него!

— Для него? Конечно, — заверил док.

Не колеблясь, подошел к Рэю и с размаху ударил его кулаком по скуле. Я зажала рукой рот, чтобы криком не привлечь постороннего внимания. Кэп отшатнулся, в гневе засучил рукава и двинулся на Брэна... Но так же резко остановился, фыркнул и с усмешкой кивнул.

— Полегчало? — невозмутимо осведомился док.

— Да, спасибо.

В последнее слово Рэй вложил изрядную долю иронии, но, похоже, действительно успокоился.

— Обращайся, — щедро предложил врач. Повернувшись ко мне, добавил:

— Ты тоже.

Я нервно сглотнула и на всякий случай отодвинулась подальше, едва не споткнувшись о валяющуюся на полу книгу.

— Благодарю покорно, я, если что, лучше сама таблеточку поищу. Не обижайся, но твои методы лечения далеки от ортодоксальных.

— Можешь не волноваться: тебя я таким способом лечить не буду, — заверил док, усмехнувшись.

— Эта методика — только для друзей?

— Нет, только для тех, кому она оптимально подходит.

— Слушай, Айболит, иди своей дорогой, — порекомендовал Рэй, помахая рукой в сторону двери. — А то как бы я не применил к тебе твою собственную методику.

Брэн хотел что-то ответить, но потом фыркнул и, подмигнув мне напоследок, покинул каюту. И даже дверь за собой аккуратно прикрыл. Прямо сама воспитанность!

Когда удаляющиеся по коридору шаги затихли, я вновь повернулась к Рэю. Тот сидел на краю кровати, опустив голову на руки.

— Я все-таки не способен себя контролировать, — сказал он, поднимая на меня глаза. — Ты не поверишь, но когда-то я таким не был. Наверное, тюрьма. Или все ей сопутствовавшее. Неважно. Назад уже не отмотаешь. Суть в том... — Он болезненно поморщился, сжимая пальцами виски. — Суть в том, что тебе не стоит со мной связываться. Не пойми превратно: я никогда и пальцем тебя не трону. Но наблюдать все это, — он с горькой ухмылкой обвел взглядом царящий вокруг беспорядок, — тоже не здорово.

— М-м-м, — неопределенно промычала я в ответ.

Рэй, похоже, воспринял мычание как знак согласия и продолжил:

— Тебе надо найти нормального мужчину. Не психа. Не беглого заключенного, у которого все уже в прошлом. Плюс еще и неженатого.

Я дважды кивнула, напустив на себя важный вид.

— Так я пойду, — сказала и, едва он вскинул голову, добавила: — Только один момент. Тебе не кажется, что ты немного... зажрался?

— Это в каком смысле? — вытаращился на меня Рэй.

— Ну а как? Места на корабле не хватает. Все теснятся по двое в маленьких каютах. Брэн в медотсеке живет, Тин-Рок и вовсе спит между

холодильником и стиральной машиной на первом уровне. А ты как барин — в огромной каюте.

— Брэну я сто раз предлагал ко мне переехать, Тин-Рок сам захотел спать внизу, потому что там темнее и ему комфортнее.

Рэй хмурился, не вполне понимая, к чему я клоню.

— Неважно, — сурово отрезала я. — Не пытайся оправдаться: это все равно никуда не годится. С неравенством на борту пора кончать.

— И что из этого следует?

— Я переезжаю к тебе.

— Что?!

— Постарайся немного прибрать тут, пока я схожу за вещами.

Не оглядываясь, выскочила за дверь.

Никогда бы так не поступила, не будь уверена в том, что действительно ему нужна. Но в этот раз я была уверена.

Сложить вещи легко — их не так много. Ценности хранились в специальном корабельном сейфе, а тут... Сменное белье, пара брюк, рубашки, ноут, растворы и косметические принадлежности, связанные с ношением маски, в которых теперь отпала потребность... Да еще недавнее приобретение, сделанное на Освальде до встречи с шантажистом, — брючный костюм, но женский, с немного приталенным жакетом. Купить купила, а надеть пока не решилась, так что пакет с обновкой пылился под кроватью.

Гайка зашла в тот момент, когда я его вытаскивала, стараясь не удариться головой о днище. Оценила обстановку, особенно задержавшись взглядом на собранной спортивной сумке, взятой с собой перед побегом с Новой Земли, и сделала правильный вывод.

— Переезжаешь к кэпу?

Я потрясла головой, избавляясь от подкроватной пыли, затем кивнула.

— Молодец. Такого мужика отхватила! Эх, знала бы, что он не из этих, может, еще вперед тебя успела бы! Да не обращай внимания, пошутила я неудачно, — добродушно пробурчала она. — Но тебе правда везет.

Мне почему-то казалось, что мою ситуацию трудно назвать везением. Даже то, что мы сошлись с Рэем, представлялось почему-то закономерным. Но я не стала акцентировать на этом внимание и заметила:

— На корабле осталось еще немало свободных мужчин.

— Да... — задумчиво протянула Гайка. — Только Джекки сам пока не знает, что он — мужчина, док... Ну, док — он особенный, вы с кэпом отпали, вот разве что этот роцеанец... — Ее лицо приняло на миг мечтательное выражение. — Эх, жалко, что у него волосы не зеленые!

— Кто ж виноват? Надо было ловить удачу, пока мы стояли на Роке!

— Угу, это когда мне кэп надавал заданий как Золушке? — скривилась девушка. — А потом вдруг раз! — и за вами уже срочно надо вылетать. Что бы я там успела?

— Слушай, я же пошутила! Не может быть, чтобы ты это всерьез! Они же не просто низкие и зеленоволосые, они не люди! Это же другой вид! Инопланетяне. И не как с Митоса или Грина, а настоящие!

— Ну и что?

Тон Гайки оставался невозмутимым. У меня поникли плечи.

— Ну... у нас же с ними совместимости элементарно может не быть. В той самой области, на которую ты намекаешь.

— А вот это очень даже спорный вопрос! — вновь воодушевившись, Гайка извлекла из бокового кармана, крепившегося к матрасу, небольшой ридер прошлогодней модели. — У меня есть отличная книга — «Сексуальная совместимость разумных видов». Тут и теория, и практика, и обо всех известных науке видах сказано, кто с людьми совместим, а к кому даже не приближаться. А потом и позы приводятся всякие... для всех вариантов, — заговорщическим шепотом сообщила она.

Это было так похоже на школу, на то, как девочки-подростки секретничают на переменах, — еще один опыт, в силу обстоятельств прошедший мимо меня. И оттого, невзирая на несомненную бредовость обсуждаемой темы, у меня защемило в груди. Даже захотелось задержаться в каюте подольше... Но меня же ждали.

— В любом случае роцеанцы в эту книгу наверняка еще не попали, — предположила я, поднося палец к металлическому кругляшу на сумке. Молния сразу же начала застегиваться.

— Не попали, — немного досадливо призналась Гайка, — но книга все время обновляется!

Я улыбнулась: девушка-механик никогда не унывала. Пообещав попозже продолжить разговор, покинула каюту, служившую мне временным домом с первого появления на корабле, и отправилась к Рэю.

К моему удивлению, он действительно прибрался. Видимо, масштабы разрушений были не столь внушительны, как казалось на первый взгляд. Иногда несколько предметов вернешь на место — и все, комната снова выглядит пристойно. Но Рэй помимо ликвидации свидетельств своего гнева еще и душ успел принять, и даже одеться, правда, не до конца. Брюки были на месте, зато по ковровому покрытию он ходил босиком, а к влажному телу липла не застегнутая рубашка.

Он встретил меня у двери, принял мои вещи, сразу отставил их в

сторону и... Словом, в этот раз меня точно ждали, а время до приближения к следующей по плану планете еще оставалось.

До Арензии добрались без приключений, сели благополучно, и на поиски нужного растения отправились тем же составом, что и на Роке. Дышать можно было без масок, планета вообще прекрасно подходила для жизни, каковая имелась здесь в изобилии в форме многочисленных видов растений и животных. Зато разумная жизнь на Арензии обнаружена не была. От этого, с одной стороны, становилось спокойнее, но с другой — возникали некоторые сложности. Например, некому было оказать нам помощь в поисках «чудо-травы», как док насмешливо окрестил цель нашего прилета к вящему неудовольствию Джекки.

И сейчас мы пробирались через джунгли, покрывавшие весь континент. Высокие деревья с огромными, чуть ли не в половину человеческого роста листьями оплетали многочисленные лианы. В глазах рябило от ярких оттенков желтого, оранжевого, розового и зеленого.

Спустя пару часов мы остановились передохнуть возле широкого шершавого ствола шафранового цвета.

— Это полный бред, — покачал головой Кен, извлекая из сумки фляжку с водой. — Ищем аленький цветочек незнамо где.

— Не аленький, а синий, — недовольно поправил Джекки.

— Да хоть фиолетовый! Такими темпами можем полконтинента обойти, прежде чем хоть что-нибудь найдем.

— Значит, обойдем полконтинента, — холодно высказался Рэй. — Искать будем, сколько понадобится. Мы с самого начала знали, что затеваем трудное предприятие, возможно безнадежное. Тебя никто не заставлял ввязываться, так что теперь изволь не ныть.

— Я не ною, — повысил голос Кен, которого слова капитана задели за живое, — и отлично знаю, что сам вызвался участвовать. И не жалею об этом. Но считаю, что поиски должны вестись не так. Необходимо найти хоть какие-то зацепки. Все, что мы знаем, — это что местные «васильки» растут на этом материке, а не на втором. Это, конечно, сужает зону поиска, но недостаточно.

— У тебя есть что предложить? — скептически поинтересовался Рэй.

— Есть. Думаю, надо вести поиски с корабля. Лететь как можно ближе к земле, настроить наружные камеры на максимальное увеличение, вывести изображения на большие экраны и смотреть в оба. Так мы гораздо быстрее охватим зону поиска.

— Зато повысится риск просто не заметить искомое, — возразил

Рэй. — Мы и сейчас-то можем пройти мимо, занятые разговором. К тому же добавляется риск повредить корабль. А какими последствиями это чревато, я, пожалуй, не стану расписывать.

Долго ли продолжался бы этот спор, не знаю, но Иолетрия внезапно вытянула руку, указывая куда-то за наши спины.

— Смотрите! Что это?

Обернувшись, мы сразу поняли, на что обратила внимание дуэллийка. Перед нами предстало нечто, очень похоже на огромную, в человеческий рост медузу, плавно плывшую по воздуху, лишь слегка касаясь щупальцами стволов деревьев. Могу ошибаться, но вроде бы она от них отталкивалась, корректируя таким образом направление.

— Это животное или такое растение? — спросила Иолетрия, на всякий случай понизив голос до шепота.

— Не знаю. — Я старалась говорить так же тихо и одновременно не выпускать существо из поля зрения. — Инопланетные растения бывают иногда столь экзотическими, что...

Вместо продолжения я развела руками.

— Скажем так: какова вероятность, что оно разумно?

Дуэллийка тоже не отрывала глаз от представителя местной то ли флоры, то ли фауны.

— Думаю, невелика.

Я вгляделась в тело медузы, в верхнюю его часть, которая интуитивно ассоциировалась с головой, а формой своей больше всего напоминала зонтик. Мне не удавалось найти ни глаза, ни ротовое отверстие, ни подобие носа или ушей. Никаких знакомых сенсорных органов... Потом пробежалась взглядом по длинным щупальцам — их было восемь.

Между тем медуза определенно двигалась в направлении нас. Вероятнее всего, намеренно, в ином случае ветер унес бы ее в другую сторону.

— Кто-нибудь знает, как лучше себя вести? — полусшепотом спросил Кен.

— Убегать, наверное, не стоит, — предположила Ио.

— Для этого слишком поздно, — подтвердил Рэй. — Сейчас замираем, где стоим, и ждем. Будьте готовы действовать, но старайтесь ее не провоцировать. Может, просто пролетит мимо.

Но если сначала на подобный исход оставалась хоть какая-то надежда, она быстро испарилась. Поравнявшись с нами, существо остановилось, спокойно ухватившись за траву кончиками двух щупалец.

— Что теперь?

Задавая этот вопрос, Иолетрия старалась не шевелиться.

— Не знаю, — отозвался Рэй. — С некоторыми животными следовало бы встать на цыпочки и повыше поднять руки. Это означало бы «Я большой, и ко мне опасно приближаться». После такого сигнала они чаще всего просто уходят.

— И почему бы нам это не сделать? — поинтересовалась я.

— Потому что другие животные принимают такой сигнал как вызов, — сообщил он. — И нападают.

— Внушает оптимизм.

— Ну а если это вообще не животное, а растение, то лучше спросить, что нам скажет ботаник, — добавил Рэй.

— Это не растение, — тихо, но убежденно заявил Джекки.

— Почему?

Ответить ученый не успел. Медуза еще немного приблизилась и без всякого предупреждения обвила мою руку очередным щупальцем. Не знаю, почему она выбрала именно меня. Слабое звено почувствовала, что ли?..

Я инстинктивно попыталась отдернуть руку, но не тут-то было — держали ее крепко.

— И что теперь прикажете делать? — Я основательно струхнула, но старалась держать лицо. — Надеюсь, она хотя бы не кусается, как настоящая медуза.

— Медузы не кусаются, — авторитетно сообщил Джекки. — Они жалят и таким образом парализуют свою будущую пищу...

— Слушай, отложи свой ликбез до другого раза! — прошипела я.

Тем временем Рэй успел осторожно подойти ко мне вплотную, не нервирруя существо, и сжал мое плечо.

— Что ты чувствуешь, Сэм? — спросил он, медленно извлекая из футляра нож. — Больно?

— Вообще-то нет. Если не пытаться освободиться. А так... Оно теплое.

Стоило это сказать, как меня будто огнем обожгло. Щупальце стало нестерпимо горячим. Я громко закричала, и, как ни странно, на сей раз медуза меня выпустила. Я отшатнулась и, тяжело дыша, схватилась за запястье. Рэй так и не успел воспользоваться ножом, равно как и Кен, который тоже начал вытаскивать свой. Нехотя отведя в сторону пальцы, увидела на руке алый след от ожога.

— Меня теперь парализует?

Волна дикого, безотчетного, иррационального в сущности страха накрыла с головой.

— Мы ничего не знаем, — отрезал Рэй. — Хендрейк, не тянись к бластеру. Неизвестно, что сюда сбежится на звук выстрела.

Медуза шелохнулась, и кэп отодвинул меня себе за спину, после чего потянулся к переговорному устройству.

— Брэн, слышишь меня? Нам может понадобится медицинская помощь. Скоро вернемся на корабль.

Он осекся, глядя, как существо снова поднимает щупальце.

Самым удивительным было то, что медуза даже не пыталась меня схватить, тем более снова ужалить. Она застыла, вытянув конечность в мою сторону.

— Что она хочет? — выдохнула я.

— Главное, не двигайся, — велел Рэй. — Если нападет, мы с ней справимся.

— Ножами? — скептически уточнила, не отводя взгляда от существа, которое стояло почти неподвижно.

Лишь слегка подрагивали на ветру края «зонтика». Или мне только казалось, что на ветру?

— В крайнем случае бластерами.

— Ты же говорил, стрелять нельзя.

— Можешь обвинить меня в непоследовательности. Но лучше потом.

Джекки с шумом втянул воздух.

Второе щупальце оторвалось от травы, вытянулось в мою сторону, после чего коснулось первого, уже поднятого.

— Она хочет, чтобы ты дотронулась до нее рукой, — предположила Ио.

— Ты думаешь?

— Да. — На этот раз голос лингвистки прозвучал увереннее. — Она показывает тебе, что делать.

— Хочет, чтобы я тоже ее ужалила?

— Не знаю.

— Ладно.

— Не стоит! — вмешался Рэй, но я уже поднимала руку.

Сперва это было просто прикосновение, затем я осторожно обхватила щупальце ладонью.

— Что? — Взволнованный голос Макнэлла прорвался сквозь мои попытки сконцентрироваться на собственных ощущениях.

— Все нормально.

Голос подвел, перейдя в хрип. Я была невероятно напряжена, опасаясь, что в любую секунду руку снова обожжет, а то и что-нибудь

похуже произойдет. Но не происходило ровным счетом ничего.

— Как будто она что-то ждет от меня.

Я смотрела на медузу, но ответа не находила. Отпустила щупальце и, отведя руку, посмотрела на ладонь. Никаких следов контакта.

Медуза как будто отчаялась и, больше не стоя у меня над душой, переместилась подальше, хватаясь при передвижении за пучки травы. Ошибиться было немудрено, но вроде бы она использовала для этой цели другие щупальца.

— Я попробую, — заявила вдруг Ио и, не дожидаясь нашей реакции, шагнула к медузе почти вплотную.

— Я — Иолетрия, планета Дуэлла, — четко произнесла она и вытянула руку.

Секунду поколыхавшись на ветру, медуза обвила предложенное запястье щупальцем, как сделала совсем недавно со мной. Каждый вдох и выдох давались тяжело, биение сердца, казалось, встряхивает все тело.

— Что?

На сей раз я не удержалась от вопроса, теперь понимая, что чувствуют те, кто имеет возможность лишь ждать чужих ответов.

— У нее меняется температура, — сосредоточенно хмурясь, ответила Ио. — Была примерно как у меня, сейчас щупальце резко стала холодным... Опять потеплело...

Вскоре медуза отпустила руку дуэллийки, вытянула в ее сторону другое щупальце и застыла в ожидании. Последовав моему примеру, лингвистка ответила «рукопожатием». Никакого понятного для нас эффекта это не возымело. Физический контакт прервался без очевидных результатов. Массируя пальцами виски, опустив голову и прикрыв глаза, Иолетрия принялась что-то бормотать себе под нос. Лингуан выполз из-за ее пояса и вытянул вверх длинную шею.

Переключив внимание на существо из этого мира, я вновь стала рассматривать его и наконец обнаружила то, чего никак не могла найти поначалу — глаза! Притом целых четыре. Вот только располагались они на щупальцах — не тех, которые медуза протягивала к нам с дуэллиейкой — и поэтому я поначалу приняла их за простые пятнышки, не выполняющие никакой значимой функции.

— Кажется, я поняла! — выдохнула Иолетрия, распрямляя спину. — Температура. Она разговаривает посредством температуры!

— Ты хочешь сказать... — начал было Рэй, но лингвистка, взволнованно шагнувшая взад-вперед, продолжила:

— И со мной, и с Сэм она использовала одно и то же щупальце.

Видимо, именно оно отвечает за передачу информации. Потрясающе. Ни у одного разумного вида, ни на одной планете не зафиксирована такая система коммуникации! Эти существа обладают способностью регулировать температуру собственного тела, — принялась объяснять она, все-таки вспомнив о нашем существовании. — И используют ее вместо слов или жестов. Каждый градус, или десятая часть градуса, или даже сотая — откуда нам сейчас знать? — это примерно как наша фонема. Звук, использующийся в речи, — уточнила она в ответ на несколько вопросительных взглядов. — Просто для примера: 37,1 — «а», 37,2 — «б» и так далее. При общении они обхватывают щупальце собеседника, восприимчивое к таким переменам, и начинают «прыгать» с одной температуры на другую, подобно тому, как мы переходим от звука к звуку.

— То есть ты считаешь, что она разумна? — уточнил Рэй.

— Практически уверена. Посмотрите, как она себя вела.

— Как? — скептически спросила я, инстинктивно поглаживая обожженный участок кожи.

— Последовательно. Терпеливо. Попыталась «поговорить» с тобой, потом предоставила тебе возможность ответить. Прodelала то же самое со мной, когда я пошла на контакт. При этом, похоже, поняла, что в первый раз что-то пошло не так, и избежала использования той же температуры.

— Хорошо. — По-моему, Иолетрии не удалось окончательно убедить Рэя, но он был готов дать ее гипотезе шанс. — Ты можешь попробовать наладить с ней контакт?

— Не уверена. — Дуэллийка наконец остановилась, воодушевление во взгляде сменилось беспокойностью. — Если я права, этот язык настолько не похож на все, нам известные, что я даже не знаю, с чего начинать. Мы ведь не обладаем способностью менять температуру на кончиках пальцев. В лингуана такая программа тоже не заложена. Это все равно, что пытаться говорить на новоземском, не умея издавать звуки. В таких ситуациях проще общаться письменно или с помощью рисунков...

— Думаешь, она умеет рисовать? — скептически спросила я.

— Она, может быть, и умеет, а вот я — нет.

На это признание мы отреагировали нервными смешками.

— Можно попробовать что-нибудь напечатать, — предложил Кен, — и показать ей. Если у них есть письменность, возможно, она тоже что-нибудь продемонстрирует. Но я не знаю, чем это поможет. Все равно у них не будет таких букв, как у нас.

— С изображениями легче работать, — объяснила Иолетрия. — Лингуан сможет их проанализировать и составить словарь, неполный,

разумеется. Но это поможет хотя бы минимальному общению.

Скинув на землю рюкзак, она поспешила вытащить из него планшет и, быстро включив экран, напечатала свое имя. Затем увеличила шрифт и продемонстрировала результат медузе.

— То, что мы говорим, — она несколько раз указала на свои губы, — вот здесь. — Ее палец уткнулся в планшет. — Я — Иолетрия. — Она прикоснулась сначала к собственной груди, потом к дисплею там, где было напечатано имя. Огляделась и дотронулась рукой до ближайшего дерева. — Это — дерево. — Дуэллийка быстро напечатала произнесенное слово.

Те щупальца, на которых располагались глаза, передвигались в такт движениям лингвистики. Спустя пару минут медузу словно подменили. Если прежде она почти не шевелилась, то теперь, напротив, превратилась в сплошное движение. «Зонтик» затрясся, а с щупальцами — или все-таки ногами? — и вовсе творилось нечто невообразимое. Четырьмя из них медуза крепко держалась за траву, в то время как остальные четыре словно жили своей жизнью, точнее сказать — пытались убежать от остальных. Устремлялись в сторону, насколько того позволяла физиология существа, потом возвращались назад и снова торопились прочь.

— Что это с ней? — опасливо любопытствовал Кен.

— Она показывает нам, куда идти! — внезапно осенило Ио.

Долго не раздумывая, она шагнула в направлении, в котором перемещались подвижные щупальца. Увидев это, медуза тут же выпустила траву и поплыла по воздуху, активно используя окружающие предметы, чтобы отталкиваться от них, ускоряясь и корректируя траекторию. Нам ничего не оставалось, кроме как пойти следом.

Путь оказался недолгим. Вскоре мы добрались до свитого из лиан шалаша. Переплелись ли они естественным образом, сформировав своего рода убежище, или же мы оказались в рукотворном, точнее щупальцетворном доме, определить было трудно. Войдя внутрь, я увидела над головой прозрачную пленку синего цвета, исполнявшую роль не то крыши, не то окна — во всяком случае, сквозь нее можно было, не щурясь, смотреть на достигшее зенита солнце. Казалось чрезвычайно маловероятным, чтобы эта деталь интерьера появилась здесь сама по себе, тут уж наверняка потрудились местные обитатели.

Шалаш был невысоким, приблизительно в человеческий рост, так что дуэллийке пришлось наклонить голову. Сама медуза зависла под потолком, края ее щупалец при этом лишь чуть-чуть не доставали до пола. А потом я увидела предмет, стоявший на этом самом полу, ради которого, судя по всему, нас сюда и привели. С этого момента мне стало уже не до медузы.

Это была крупная раковина вроде наших морских, с той разницей, что они серьезно уступали ей в размерах. Та часть, которая должна быть пустой, была затянута пленкой, на вид такой же, как исполнявшая роль окна. Но главным сюрпризом оказалось то, что сейчас на этой пленке один за другим появлялись незнакомые нам символы...

— Компьютер! — выдохнул Кен, опускаясь на пол, чтобы рассмотреть чудо инопланетной техники.

— Похоже на то, — согласился Рэй.

Это действительно был компьютер. И даже тот факт, что он стоял именно на полу, быстро нашел свое объяснение, достаточно было посмотреть на медузу. Как я уже говорила, она зависла под потолком шалаша, в результате чего ее глаза на щупальцах оказывались непосредственно на уровне экрана. В увиденной конструкции не хватало клавиатуры или какого-нибудь ее аналога, впрочем, и в этом отношении долго искать ответа не пришлось.

Иолетрия первой заметила, что медуза обвила одним из своих щупалец небольшой отросток сбоку от дисплея-раковины будто своеобразный рычаг или джойстик. Медленно опустившись на колени, лингвистка поднесла к отростку руку и, убедившись, что медуза не возражает, приложила ее к щупальцу, после чего принялась следить за происходящим на экране.

— Она меняет температуру, — наконец сообщила нам дуэллийка. — При каждом изменении появляется новый символ.

— То есть это вроде как сенсорная клавиатура с одной клавишей? — Джекки с интересом подался вперед.

— Да. — Ио воодушевленно кивнула. — Это ведь логично. Они общаются, играя с теплом и холодом. Неудивительно, что тот же принцип заложен в их технологиях. Так, линги. Теперь нам предстоит поработать.

Лингуан послушно переполз ей на руку, устроившись поближе к экрану, и процесс пошел. Мы с Рэем и Джекки вскоре покинули шалаш, чтобы не мешаться. Кен присоединился к нам чуть позже, вдоволь насмотревшись на местный гаджет. Вскрыть его и разобраться, как там что работает, возможности не было, несомненно к большому неудовольствию хакера. Насколько я успела понять, в наше отсутствие лингуан набирал минимальный словарный запас. Иолетрия указывала на всевозможные предметы, а медуза набирала соответствующее слово на «клавиатуре». Затем робот, сфотографировав уже имевшиеся на компьютере тексты, анализировал их и на основе полученной информации расширял лексикон и выстраивал грамматику незнакомое языка. В итоге спустя полтора часа мы получили возможность более-менее продуктивно общаться с

обитательницей планеты.

— Эти существа представляют собой единственный разумный вид на Арензии, — отчитывался лингуан. — Определить их число не представляется возможным, поскольку местная система счета отличается от нашей. Но можно с уверенностью сказать, что население материка составляет не менее ста тысяч особей. Разделение на мужской и женский пол отсутствует. Органов слуха нет, для них неясно само понятие звука. Информацию из окружающего мира получают при помощи зрения и осязания, чрезвычайно чувствительны к малейшим колебаниям температуры. Развитию технологий способствовало существование растений, способных генерировать электричество.

— Это будет сенсация в научном мире, — пробормотал Джекки.

Почти все это время ботаник ползал по близлежащим кустам, исследуя местную флору.

— Включая лингвистический, — добавила Иолетрия.

— Сначала стоит подумать, надо ли сообщать научному миру о жизни на этой планете, — возразила я. — И о том, какие последствия будет иметь для нее интерес гуманоидов.

— А еще лучше первым делом позаботиться о том, чтобы гуманоиды не прекратили свое существование, — возвратил нас с небес на землю Рэй. — Давайте все остальные проблемы решать потом. Так что, Джекки, для начала опиши интересующий нас цветок. Иолетрия, лингуан сможет перевести наш вопрос на местный язык?

— Постараемся, — пообещала лингвистка.

Они действительно работали с лингуаном в паре, совещаясь по некоторым пунктам. Наконец вопрос был составлен и показан медузе. Та исполнила тот же «танец» четырьмя ногами, который мы уже видели прежде, и мы загашали по джунглям следом за ней.

До поляны с синими цветами шли около четверти часа. Подозреваю, что сами бы мы никогда ее не отыскали, слишком уж хорошо прятались синие цветы под длинными и широкими листьями других растений. Зато теперь, набрав нужное количество, мы со спокойной совестью направились обратно к кораблю. Медуза нас сопровождала. Лингуан регулярно выдавал ей какие-то сообщения через планшет Иолетрии.

У звездолета нас ожидало неожиданное зрелище: здесь скопилась дюжина сородичей нашей новой знакомой. Они рассматривали иноземное средство передвижения во все четыре глаза и переговаривались, обвивая друг друга своими многофункциональными щупальцами. Наша спутница произвела среди медуз особый фурор: все они разом устремились к ней,

отталкиваясь от травы и близлежащих деревьев.

Лингуан поблагодарил медузу и попрощался с ней от нашего лица, также намекнув на возможные последующие визиты. Полноценной уверенности в правильности перевода ни у кого не было, так что оставалось надеяться на лучшее. Уже заходя в корабль, я оглянулась. Несколько существ обступили нашу знакомую и дружно обвили ее вытянутое вперед щупальце. Кажется, сейчас мне представилась редкая возможность наблюдать, как совещаются — или сплетничают — представители этого вида.

— А все-таки наша — самая симпатичная, — объявил Кен, глядя в заменяющий окно экран.

Корабль был почти готов к взлету. Двигатели шумели, но это не пугало медуз, хотя они несомненно ощущали сопутствовавшую вибрацию и колебания температуры.

— Линги, ты бы все-таки спросил, какой у нее ник в соцсетях! Могли бы общаться время от времени, — продолжал хакер. — А что? Всего-то делов — поставить в этой системе пару трансляционных станций.

— Ради того, чтобы ты мог поболтать со своей новой подружкой? — подначила я.

— А ты что, ревнуешь? — Кен немедленно ухватился за мой ехидный вопрос.

— Ох, ну ты, Хендрейк, даешь! — протянула Гайка. — Мне вон с роцеанцем не разрешают замутить, дескать, другой вид и всякое такое. А тут — неизвестное науке бесполое существо! Ну и вкусы у тебя, однако!

— Уж лучше бесполое существо, чем отдельные женские особи, — задумчиво проговорил хакер, усаживаясь в противоперегрузочное кресло.

Глава 5

Аркадайос нуждался в отдыхе, как и все прочие, и теперь пришел черед Рэя дежурить в командном отсеке. Я составила ему компанию, остальные же разошлись по кораблю, занимаясь каждый своим делом.

Полет проходил нормально, и вместо того, чтобы следить на мелькающими на экранах показателями, Рэй осматривал мое запястье. Ожог постепенно сходил, и в скором времени о нем должна была напоминать разве что едва заметная красная полоска.

Наше уединение внезапно прервал ворвавшийся в отсек Джекки.

— Это возмутительно!

Ботаник тяжело дышал, глаза его пылали от гнева. Мы с Рэем недоуменно переглянулись. Можно было с уверенностью сказать, что ученого вывело из равновесия отнюдь не наше поведение, тем более что в данный момент оно было вполне целомудренным. Впрочем, парень не заставил нас долго ждать объяснений.

— Поведение этого доктора совершенно неприемлемо! Недопустимо! Не лезет ни в какие ворота!

Видимо, он решил, что слова, произнесенные на более простом языке, прозвучат более убедительно.

— Что он сделал? — с ноткой обреченности вздохнул Рэй, отпуская мою руку.

— Он... он... — Джекки все еще тяжело дышал, и это мешало ему внятно высказаться. — Я вошел в медотсек, чтобы позаимствовать линзу для микроскопа, — наконец собравшись с мыслями, принялся объяснять ботаник. — Ее не хватало, чтобы детально исследовать лепесток роцеанской раковины. Обычного увеличения между объективом и окуляром...

— Давай все-таки ближе к делу, — мягко предложила я.

Был, конечно, риск обидеть ученого, учитывая его и без того не радужное расположение духа, но я надеялась, что обойдется. Обычно Джекки спокойно относился к подобным комментариям, если только они не исходили от Брэна. Зато выслушивать подробную лекцию о принципе работы микроскопа и биологических особенностях роцеанских цветов не возникало ни малейшего желания.

Я оказалась права: ботаник перешел к делу без всяких возражений.

— Я зашел в медотсек и не успел даже прикрыть за собой дверь, как

этот хам в обличие медика, не отрывая глаз от своего ноутбука, заявил: «Спермотоксикоз».

— Что-что?

— Вот именно! — Джеки воздел руки к потолку. — Я тоже полюбопытствовал, о чем он вообще говорит и с какой стати. А он заявил, что это диагноз. И что с какой бы проблемой я к нему ни заявился, причина именно в этом самом.

Повторять слово парень не пожелал. Мы с Рэем потихонечку начинали хихикать, но старательно — и пока еще успешно — скрывали это от визитера.

— Теперь скажите, с какой стати он позволяет себе такие инсинуации?! Разве я пришел к нему как больной? Разве я начал жаловаться на какое-либо недомогание? Да я всего-навсего заглянул, чтобы забрать линзу! И вообще, что за врач ставит диагнозы, не глядя на пациента, не говоря уже об обследовании?

— Я все понял, Джекки. — Рэй жестом, опуская вытянутые руки с повернутыми вниз ладонями, призвал к спокойствию. — Не надо так нервничать. Я поговорю с Брэном. Как проходят исследования?

— Нормально, — буркнул Джекки. — Если бы не эта задержка, я бы уже получил нужное увеличение...

— Да-да, разумеется. Но как ты считаешь, будет нейтрализатор готов в срок?

— Будет, — уже бодрее заговорил ботаник. — У меня готово несколько компонентов. Понадобится прикупить кое-что из оборудования на ближайшей цивилизованной планете, но не думаю, что в этом плане возникнут сложности.

Я незаметно улыбнулась Рэю, впечатленная тем, как легко он увел Джекки от болезненной темы. А после того как он ушел, вызвалась самостоятельно побеседовать с доком и направилась в медицинский отсек.

Брэн сидел за рабочим столом, что-то набирая на виртуальной клавиатуре. Подозреваю, что со времени визита ботаника он не сдвинулся с места.

— Привет!

Я прикрыла дверь и остановилась напротив врача. Тот неторопливо поднял выжидающий взгляд.

— Мне ты не поставишь диагноз? — полюбопытствовала я.

Док намекнул не понял либо сделал вид, что не понял, и вопросительно приподнял бровь.

— Например, спермотоксикоз? — вкрадчиво предложила я.

— Такого диагноза не существует, — бесстрастно сообщил он. — Нет такого заболевания. Это даже если на миг забыть о твоей половой принадлежности.

— Если такого диагноза не существует, зачем было ставить его Джекки?

— Ах, это... — вздохнул док. — Уже наябедничал? Ну, согласись, он буквально напрашивается на нечто подобное. С ним просто невозможно удержаться.

— Почему нельзя его просто игнорировать? — пожурила я, усаживаясь в кресло для посетителей. — Ну что вы, право слово, как кошка с собакой? На таком небольшом корабле это не самое здоровое явление.

— Хочешь поговорить со мной о нездоровых явлениях? — весело осведомился Брэн, но то была напускная веселость.

Глаза его стали неожиданно серьезными, а на лбу проступили морщины. Одним коротким движением он удалил изображение клавиатуры, висевшее в воздухе между нами.

— Да ладно, Логсон, — примирительно протянул Брэн. — Я отлично понимаю, что наш ученый — вовсе не самый ненормальный человек на этом звездолете. Лет через десять он остепенится, начнет задумываться хоть о каких-то вопросах помимо инопланетной флоры, и никто уже не сможет угадать в нем ботаника. Разве что останется легкая склонность к занудству.

— И кто же в таком случае наш главный ненормальный? Я?

Это было не обидно, скорее любопытно, и я склонила голову набок в ожидании ответа.

— Ты? — Похоже, мое предположение по-настоящему его рассмешило. — Умоляю тебя, Логсон, не надо так себе льстить. Да, понимаю, у тебя в голове каша на почве половой принадлежности, но учитывая жизненные обстоятельства, это вполне естественно. К тому же ты семимильными шагами идешь на поправку. Кстати, отличный наряд.

Опустила голову, чувствуя, что краснею: похвала новому женскому костюму заставила испытать не удовольствие, а смущение.

— Я все равно слишком часто веду себя, как мужчина.

— Да, это у тебя есть.

— Мужеподобность?

Я даже обиделась, что с моими словами так легко согласились.

— Нет, комплекс неполноценности, — поправил Брэн. — Ты вечно приписываешь себе всякую ерунду.

— Ну и какие же еще ненормальности ты зафиксировал на нашем

корабле? — полубопытствовала, повеселев.

— На самом-то деле ничего криминального, — хмыкнул док. — Так, всего помаленьку. Даже инопланетяне не удивили. Роцеанец — нормальный подросток, жаждущий приключений и космических путешествий. Правда, готов ради этого не только пускаться во все тяжкие, но и учиться, а это уже редкость. Фактически он первопроходец, так что не удивлюсь, если лет через двадцать именно ему достанется должность роцеанского посла на Новой Земле.

— В этом случае Гайка меня убьет. Я отсоветовала ей с ним связываться, намекнув на видовые и возрастные различия.

— Наша Гайка — прелесть, — просиял док, — и ты могла ее не отговаривать.

— Почему? — Я аж глаза выпучила от удивления.

— А ты не заметила, что она вечно грозитя переспать чуть ли не со всеми окружающими мужчинами, но никогда этого не делает?

Я задумалась. А ведь действительно не припомню, чтобы хоть раз застучала Гайку даже не то чтобы за чем-то непристойным, а так, за какой-нибудь ерундой вроде поцелуя.

— Девочка рано потеряла отца, подсознательно ищет его во всех представителях противоположного пола, но никогда не переступает подсознательно же поставленную границу. При этом умеет подшучивать над своими слабостями, а смех — лучшее лекарство, — добавил Брэн. — Так что с ней все будет в порядке. Наша дуэллийская пара — классика жанра. Результат столкновения личных интересов с интересами социума. Индивидуальность против общества. Как итог — постоянное чувство вины в связи с тем, что и преступлением-то, с нашей точки зрения, не является.

— Общество осталось за бортом, — напомнила я.

— Ошибаешься, Саманта. — Док покачал головой. Пригляделся ко мне повнимательнее. — Тебе и правда идет этот костюм. Так вот, общество не осталось, как ты говоришь, за бортом. Оно поселилось у наших приятелей в головах, назвало себя красивым словом «совесть» и теперь потихоньку тянет из них жилы. Я же говорю: классика жанра. Пожить подольше среди представителей нашей культуры, несколько раз пообщаться с психоаналитиком — и они смогут смириться с тем «страшным поступком», который совершили.

— А Кен?

Брэн снова внимательно посмотрел на меня, но на сей раз по-иному, и этот взгляд не слишком мне понравился.

— Ну, наш хакер натворил немало дел, и, надо признать, угрызения

совести ему тоже не чужды. Хотя в его случае они более оправданы. Так основательно напакостить и другим, и себе — это все же надо суметь. Но он раскаивается и пытается исправить, а для этого нужна смелость.

— Почему именно смелость? — удивилась я. — Ты имеешь в виду, что он не боится мести Рэя?

— Не Рэя. — Брэн пренебрежительно отмахнулся от этой гипотезы. — Скорее, своей собственной. Большинство людей чрезвычайно боятся собственной неправоты, — проговорил он, задумчиво коснувшись пальцами края стоявшего на столе стакана. — Готовы хвататься за иллюзии, увязать в болоте своих ошибок все глубже и глубже, только бы не признать, что они действительно поступили неверно. Особенно если этот поступок имел серьезные последствия.

Я молчала, отчетливо осознавая: о Рэе док пока не сказал ни слова. Тот, кажется, понял и грустно усмехнулся.

— Наш капитан для своей ситуации держится отлично, только ни в коем случае не сообщай ему, что я это сказал. Увы, избежать посттравматического синдрома ему не удалось. Обстоятельства оказались слишком серьезными и продолжительными. Взрывы ярости, которые тебе довелось наблюдать, — тому подтверждение. И неудивительно, что он обеими руками схватился за возможность сначала разыскивать убийцу жены, а затем — спасти Новую Землю. Так он занимается более-менее привычными вещами, не успевая задумываться о том, как сильно изменился для него мир после тюрьмы. Впрочем, для него все-таки нашлось лекарство, так что, надеюсь, ситуация изменится к лучшему.

— Лекарство? — Я оживилась, разглядывая застекленные полки у дока за спиной. — У тебя есть лекарство от посттравматического синдрома?

Брэн почему-то рассмеялся.

— Нет, — покачал он головой, — в моем шкафу такой таблетки нет. Лекарство — это ты.

Я откинулась на спинку стула и смерила его цинично-вопросительным взглядом.

— Что это значит?

Док улыбнулся краешками губ.

— Ты большая девочка, к тому же с высшим образованием. Сама разберешься.

Он снова активировал виртуальную клавиатуру, намекая, что разговор завершен.

— С неполным высшим! — воспротивилась я.

— Вот когда Новую Землю отстоим, как раз и закончишь.

Даже не знаю; что в этом замечании было более оптимистичным: предпосылка, что нам удастся спасти планету, или утверждение, что я смогу потом продолжить обучение.

Так или иначе, мне недвусмысленно дали понять, что время беседы подошло к концу, поэтому не без чувства облегчения я освободила кресло пациента и направилась к двери. Но, не успев ее открыть, припомнила кое-что еще.

— Ты так и не высказался об одном члене экипажа!

Думала, он как-нибудь выкрутится — либо отшутится, либо прямым текстом отправит меня восвояси. Но Брэн неожиданно легко согласился.

— Ты о некоем враче, который, будучи не юным уже человеком и имея уважаемую профессию, мог остепениться и припеваючи жить на одной из наиболее благополучных планет альянса? А вместо этого мотается по самым задрипаным уголкам галактики, занимаясь совершенно не солидными делами? Ты права, крайне подозрительный тип. На месте других членов экипажа я бы держался настороже.

— И какие же черти водятся в этом омуте? — любопытствовала, с улыбкой подаваясь вперед.

— Если бы я знал, Саманта! — рассмеялся он. — Возможно, тогда меня не было бы на этом корабле.

Нейтрализатор был готов в срок. Недостающее оборудование и ингредиенты приобрели во время кратковременной посадки на Освальде, оказавшемся ближайшей цивилизованной планетой. Памятуя о недавних «сложностях с представителями богемы», как метко выразился Брэн, на всякий случай приземлились на другом континенте. Заодно купили солнечные очки Тин-Року — его глаза быстро уставали даже при минимальном искусственном освещении. Улетели, обзаведясь всем необходимым, после чего работа продолжилась в медотсеке, каковой легче всего было переоборудовать в лабораторию. Джекки и док работали бок о бок — ситуация, казавшаяся мне взрывоопасной, и вовсе не из-за возможных химических реакций. Взрывы в виде ссор действительно случались, но намного реже, чем я ожидала.

Дальнейшие приготовления проходили уже на Манкоре. Планета освеномов была открыта несколько десятилетий назад, и помимо местного населения здесь можно было встретить предостаточно инопланетян — людей, дуэллийцев, миенгов и даже йелондцев. Поэтому беспокоиться о том, что мы привлечем излишнее внимание, не приходилось. Затеряться

здесь мог представитель практически любой цивилизации.

Технологии тоже существовали, но в ограниченном количестве. Такая роскошь, как местные аналоги телевидения и плантернета, имелась только в правительственных организациях и у зажиточных обывателей, то же самое касалось и наземных флаеров. У больших компаний были даже космические корабли, но в основном инопланетного производства. Ситуация хорошо вписывалась в картину, обрисованную Линдой: продвинутые наука и техника при постоянной нехватке энергии.

Однако тайная лаборатория — мы без труда нашли ее благодаря указанным Линдой координатам — была оборудована как положено. Имелись здесь и компьютеры, и условия для опытов, и вооруженная охрана. Наблюдение за объектом мы вели как снаружи, так и «изнутри». Последнее — благодаря Кену, который, разобравшись с системой манкорианского плантернета, сумел подключиться к внутренней лабораторной сети. Правда, добраться до личного компьютера леди Макнэлл ему все же не удалось. Зато мы скачали подробный план помещений и получили возможность отслеживать стадии развития проекта. В сущности, разработки Линды подошли к концу, и мы лишь дожидались, когда последние проверки останутся позади и контейнер с вирусом будет готов к отправке на Новую Землю. После того, как это произошло, мы и начали действовать.

«На дело» отправились вчетвером. Гайка, специалист по механике, ждала нас в заранее взятом напрокат флаере и была наготове на случай, если придется спешно уносить ноги. Мне предстояло под покровом плащаневидимки проникнуть в лабораторию, добраться до хранилища и добавить нейтрализатор в контейнер с разработкой Линды. Учитывая, что с «палаткой» я управлялась лучше остальных, эта задача оказалась естественным образом поручена мне. Не скажу, что это привело меня в восторг, Рэя — тем более, но вариантов не было. Кен, единственный среди нас хакер, должен был пробраться в рабочий кабинет Линды, скачать с ее компьютера информацию, которую мы могли бы впоследствии использовать в суде, а также удостовериться в том, что электроника не продолжает отслеживать состояние смертоносного вещества. Иными словами, не получит ли Линда уведомление после того, как я добавлю нейтрализатор. Если такая опасность существовала, первоочередной задачей Кена становился взлом соответствующей программы. Освеномы не должны были узнать о подмене. До кабинета Кена предстояло довести мне, пользуясь все тем же покровом невидимости. Что же касается Рэя... У него были свои дела.

Теснясь в отцовской «палатке», мы с хакером выжидали неподалеку от длинного белого здания, казавшегося одноэтажным. В действительности лаборатория, подпольная как в прямом, так и в переносном смысле, располагалась под землей, так что дополнительные этажи в доме имелись. Пройти внутрь было пока нереально: двое охранников стояли у двери и явно относились к своей службе серьезно.

Защита помещения была особо внушительной, учитывая физиологическую специфику освеномов. Все дело в том, что эти существа, в целом похожие на людей и дуэллийцев, могли бы сойти за гуманоидов, если бы не одно необычное качество. У них было восемь глаз, которые располагались как на лице, так и на висках и затылке, в результате чего складывалось ощущение, будто они оплетают голову наподобие венка. Разумеется, при таком раскладе и волосы затылок не покрывали, а росли небольшим пучком на макушке, и местные модники и модницы красили их в разные цвета. В нашем случае важно было другое: количество и расположение глаз охранников гарантировало им круговой обзор, притаиться за их спиной было невозможно.

Припекающее солнце начинало причинять дискомфорт, несмотря на защиту невидимой «палатки». Внезапно я услышала громкий окрик Рэя.

— Эй! Я хочу поговорить с Линдой Макнэлл.

Эти слова он произнес на новоземском наречии, но автоматический переводчик механическим голосом повторил требование на манкорианском. Это был самый обычный аппарат, потому что лингуан в данный момент неподвижно висел, обвившись вокруг моего пояса.

Я повернулась так, чтобы видеть Рэя с помощью миниатюрной камеры, транслировавшей изображение происходящего снаружи на встроенный изнутри экран.

— Здесь частная территория.

Грубый ответ прозвучал на незнакомом языке, но лингуан честно перевел.

— Поэтому я на нее и не вторгаюсь, — тоже не слишком любезно отозвался Рэй. — Попросите госпожу Макнэлл прийти сюда.

— Почему вы думаете, что здесь находится госпожа Макнэлл? — последовал ответ. — И, даже если так, что она захочет с вами разговаривать?

— Просто передайте, что ее желает видеть ее муж. — Это заявление было сделано хозяйским тоном, я бы даже сказала величественным. — Уверяю вас, она захочет со мной поговорить.

Охранники о чем-то зашептались, глядя сразу во все стороны, как

обычно освеномы и поступают. На курсе нам объясняли, что основное внимание они концентрируют на части обзора, но как определить, на какой именно... К ним подошел кто-то третий, наверняка вызванный специально по такому поводу. Затем он удалился, а остальные остались ждать. Рэй стоял чуть в стороне, с независимым видом скрестив руки на груди.

Думаю, прошло не больше пяти минут, когда дверь открылась и на пороге возникла блондинка в светло-голубом брючном костюме, не узнать которую я не могла. Невзирая даже на то, что никогда прежде с ней не встречалась.

Увидев Рэя, Линда Макнэлл в нерешительности задержалась на пороге, хотя знала, чего ради ее вызвали на улицу. Вероятно, до последнего надеялась, что это ошибка или обман, но никак не реальность. Наконец она шагнула к мужу, напряженная, но хорошо держащая себя в руках.

— Рэй?

Полагаю, ее изумление можно было считать вполне искренним.

— Линда!

Он буквально бросился к ней, но обниматься не спешил, остановившись в паре шагов.

Повисло неловкое молчание. Создавалось впечатление, что этим двоим нечего сказать друг другу.

— Как ты здесь оказался? — словно через силу спросила блондинка.

— Искал тебя.

— Но... — Она долго подбирала слова, не уверенная в том, что именно известно Рэю, и не желая ненароком признаться в том, о чем он не подозревал. — Почему?

Видимо, такой вопрос она сочла наиболее безопасным.

— Сначала я думал, что ты погибла. — Голос Рэя был хриплым от волнения. — Но побег этого парня, Хендрейка, казался слишком подозрительным. И я решил догнать его, чтобы во всем разобраться.

— А разве ты... — Линда закусил губу, но все же рискнула продолжить: — Разве у тебя не возникло на Новой Земле проблем? До меня доходили слухи... Я очень надеялась, что они ошибочны.

— Проблемы были, — кивнул Рэй, — и меня посадили в тюрьму. Обвинили в твоём убийстве. Ты можешь себе такое представить?

Он усмехнулся, и Линда тоже вынужденно скривила губы.

— Какой удивительный бред.

Охранники внимательно следили за развивающимися событиями, чем-то напоминающими новоземские мыльные оперы (уж не знаю, как насчет

манкорианских). Я была уверена, что они улавливают содержание разговора. Вероятнее всего у них, как и у нас, имелись аппараты, переводящие инопланетную речь. Сейчас оба освенома подались вперед, стараясь расслышать диалог воссоединившихся супругов.

Решившись, я легонько ткнула локтем Кена, и мы, стараясь двигаться настолько синхронно, насколько возможно без специальной подготовки, стали продвигаться к двери. Плащ-невидимка скрывал наши перемещения, но нам предстояло открыть дверь достаточно широко, чтобы пролезть внутрь, и в этом была основная загвоздка. Остановившись у входа, я осторожно взялась за ручку, обхватив ее сквозь ткань «палатки». И толкнула.

Дверь, не до конца закрытая Линдой, распахнулась. Мы с Кеном замерли, стараясь не дышать и готовые в любой момент ретироваться. Однако охранники, похоже, не обратили на это внимания. Расчет оказался верным: они сосредоточились на Рэе, представлявшем как интерес, так и потенциальную угрозу. Если бы к зданию попытались приблизиться видимые существа, они бы это заметили, но нас надежно скрывало изобретение отца.

— Именно, бред!

Оказавшись внутри, мы продолжали слышать голос Рэя благодаря крохотным передатчикам, имевшимся у всех троих.

— И... как же ты вышел на свободу?

Даже сейчас, когда мы осторожно пробирались в сторону кабинета, трудно было не заметить тревожности в голосе Линды.

— Сбежал.

— Это... очень впечатляет.

Поворот, пустой коридор, лестница вниз. Все точно так, как изображено на плане.

— Мне было важно разобраться, что случилось с тобой.

— И что же произошло дальше?

Еще один коридор — и вот он, вход в кабинет. Удостоверившись, что поблизости никого нет, мы вошли внутрь.

— Я отыскал этого непутевого программиста.

Кен криво усмехнулся. Выпустив его из-под покрова палатки, я снова выскользнула наружу.

— Это, наверное, было непросто.

Я так и видела сжавшиеся в тонкую линию губы и острый холодный взгляд.

— Ты же знаешь, — знакомый смешок был словно призван растопить

лед, — такие задачи — это почти что моя профессия. Пообщавшись с Хендрейком — пришлось, правда, как следует его встряхнуть, я смог просчитать твой дальнейший путь.

— Даже так...

А вот и собственно лаборатория. Первая дверь открывалась кодовым замком, но благодаря «непутевому программисту» комбинацию символов я знала. Правда, палатку следовало снять именно здесь, равно как и извлечь из рюкзака сосуд с нейтрализатором. Убедившись, что поблизости никого нет, так и поступила. Оставалось надеяться, что сейчас, в отсутствие Линды, никто в лаборатории не работает. Риск был, но небольшой, и на него пришлось пойти.

Сложила невидимую палатку в углу, набрала код, чувствуя, как начинаю потеть от страха, и включила защитный костюм последней модели. Самое дорогое приобретение, сделанное нами на Освальде. Силовое поле, из которого он состоял, надежно предохраняло от вирусов, делая риск инфицирования практически нулевым... Во всяком случае, в этом меня вполне убедительно заверяли. Но сейчас, когда одна дверь автоматически отъехала в сторону и передо мной возникла вторая, герметично закрытая, чем-то напоминающая фильмы о подводных лодках, к горлу подкатила паника.

Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, перебирая в голове информацию, которая должна была вернуть мне оптимизм. Прямого контакта с вирусом не будет, в лаборатории задействованы все возможные средства защиты, а мой костюм — дополнительная предосторожность, полностью аннулирующая любой риск. Вот только попробуй в это поверить, когда всего десяток метров отделяет тебя от отравы, которая может поразить девяносто процентов населения планеты, а предохраняющую спецодежду даже увидеть нельзя, ведь человеческий глаз не способен разглядеть энергобарьер.

Пространство между двумя дверьми было небольшим и давило на психику зарождающейся клаустрофобией, поэтому я решила и, надавив на ручку, толкнула тяжелую дверь. Здесь уже не требовалось вводить код.

Внутри оказалось довольно просторно. Чистота, белизна и ни одного лишнего предмета вроде картины на стене. Окна тоже отсутствовали. Под потолком тянулась труба кондиционера. Слева — холодильные камеры, справа — длинный стол, на котором стоял микроскоп и еще какие-то предметы, названия и предназначение которых мне не были известны. У противоположной стены — громоздкий аппарат, напоминающий инкубатор, с металлическими стенками, сверкающими чистотой, и

небольшими застекленными участками. Два круглых окошка для рук персонала, так называемые перчаточные порты, а на самом верху конструкции — несколько красных рычажков. Где-то внутри этого агрегата находился контейнер с вирусом, защищенный несколькими прочнейшими стенками.

Глубоко вздохнув, подошла ближе. Мысленно повторила инструкции, данные мне Брэном и Джекки, которые, в свою очередь, долго консультировались со знакомыми специалистами. И опустила крайний левый рычажок. Не знаю, как именно работало силовое поле, но подобные манипуляции оно допускало. Впрочем, на руках у меня были перчатки — на всякий случай.

Металлический ящик прямоугольной формы выдвинулся чуть выше круглых окошек. Наполнив его нейтрализатором, я вернула рычаг в исходное положение. Ящик автоматически закрылся. Теперь нашей разработке предстояло попасть в контейнер без моего непосредственного участия.

— Да. — В моем левом ухе снова звучал голос Рэя. — Послушай, Линда. Мне необходимо поговорить с тобой, и поговорить очень серьезно. — Последовало непродолжительное молчание, возможно, они отходили подальше от охранников — если, конечно, леди Макнэлл была готова решиться на подобное. — Я — не наивный юнец и отлично понимаю, насколько все серьезно. У меня имеется кое-какой опыт в таких делах. Так вот, я пришел ради тебя. Я хочу помочь тебе выкарабкаться.

— В самом деле? — Впервые за все время голос Линды показался мне живым. Сквозь холод проступало изумление или по меньшей мере любопытство. — После всего, что произошло?

Перчатки и сосуд из-под нейтрализатора я уничтожила, выбросив в жерло высокочастотного утилизатора. Последний располагался как раз в пространстве между двумя дверьми. Вышла в коридор, отключила силовое поле и снова укрылась под «палаткой».

Оставалось надеяться, что, во-первых, я ничего не напутала, во-вторых, ничем не заразилась, и, в-третьих, никто не заподозрит о проделанных мною манипуляциях. Теперь я направилась обратно в кабинет Линды, откуда следовало забрать Кена.

Сердце вновь забило сильнее, когда на квадратике экрана, связывавшего меня с внешним миром, возникло изображение освенома,двигающегося в моем направлении. Отец учил меня, что самое главное в таких ситуациях — не впадать в панику. Психологически прячущемуся всегда кажется, что его вот-вот найдут или уже нашли и продвигаются в его

сторону с целью разоблачения. На самом же деле плащ-невидимка надежен.

— Представь себе, да. Я отлично отдаю себе отчет в том, что ты натворила много дел, и далеко не всему реально дать обратный ход. Но понимаю и другое. Сколько лет мы живем с тобой? Восемь? Слишком долго, чтобы от этого можно было отмахнуться. Ты хорошо понимаешь меня, а я — тебя. И я уж точно не готов оставить тебя наедине с твоими проблемами.

— О каких проблемах ты говоришь?

Справиться с паранойей мне, пожалуй, удалось, но существовала и более объективная проблема. Коридор не широкий, освенком шел в мою сторону, а убегать было поздно: я бы выдала себя шуршанием — увы, это по-прежнему оставалось главным слабым местом «палатки». Пришлось вжаться в стену и застыть, стараясь задержать дыхание и похудеть одновременно. Манкорианец приближался. Шаг. Еще шаг. Меня он, похоже, не замечал, хотя кто их, таких глазастых, разберет? Расстояние между нами сократилось до минимума...

Его локоть проскользнул буквально в миллиметре от ткани моего укрытия. Мне стоило немалых усилий не испустить шумный вздох облегчения, едва стало ясно, что мы благополучно разошлись. Я продолжила свой путь чуть медленнее, чем прежде, опасаясь каждой тени и не позволяя себе ни на секунду расслабиться. Уже почти добралась до кабинета, и тут экран, пару раз мигнув, отключился.

Вот и первая техническая неполадка. К сожалению, проблема достаточно серьезная: не видя, куда идешь, далеко не продвинешься. Даже имея представление о маршруте, будешь тыкаться вслепую, врезаться в стены, спотыкаться на ступеньках, даже не заметишь, если кто-нибудь повстречается на пути. Альтернатива идти без палатки тоже не вдохновляла. На ощупь отыскав дверь, ввалилась в кабинет, где работал Кен.

Понятия не имея, что творится вокруг, я не представляла, как себя вести. Заговорить? Или, наоборот, замереть у стены, прикинувшись ветошью? К счастью, Кен разрешил мои сомнения, заговорив первым.

— Как все прошло?

— Ты один? — Я тут же перехватила инициативу.

— Ну да.

Облегченно выдохнув, вылезла из-под плаща.

— Прошло нормально, но есть одна проблема. Камера перестала работать. Теперь там внутри я и сама ничего не вижу. А нам еще отсюда

выбираться.

— Это прискорбно.

Кен отошел от компьютера и принял у меня из рук наполовину вывернутую наизнанку «палатку».

— Сможешь починить? — озабоченно спросила я.

— Попробую.

— А что там с компьютером?

— Все готово, — небрежно бросил Кен, полностью сосредоточившись на новой задаче.

А я продолжила слушать Рэя, теперь даже более внимательно, чем это удавалось мне раньше.

— Не делай вид, будто не понимаешь. Говорю же: я знаю тебя слишком хорошо. Эти освеномы, твои наниматели, могут в любой момент решить, что ты им больше не нужна. Думаю, ты и сама догадываешься, что за этим последует. Пойми, Линда. Я не знаю, каким образом они заставили тебя сотрудничать. Шантажировали, запугивали... В любом случае сейчас важно быстро уйти. Ты, конечно, думаешь, что прежнюю жизнь не вернуть и дороги на Новую Землю тебе больше нет. Но все может оказаться не так глобально. Главное — разобраться в деталях и выработать правильную линию поведения. Со всем этим я тебе помогу. В крайнем случае мы сможем начать новую жизнь и на другой планете. Ты и я.

Вздрогнув, я выронила декоративный компас, который до этого зачем-то вертела в руках. Звук падения оказался громким, стеклянная крышка разбилась (и почему ее не сделали из пластика?!), осколки разлетелись по всей комнате. Дверь распахнулась прежде, чем мы успели хотя бы попытаться спрятаться под покровом. В кабинет вбежал освеном, вскоре следом за ним еще двое. Я осторожно выпустила «палатку» из рук и потихоньку задвинула ногой под стол. Поскольку сама она не видна, есть шанс, что теперь ее не обнаружат хотя бы некоторое время. Кен и вовсе возился с компьютером так, будто не его поймали на горячем.

Раздался окрик на незнакомом языке. Значения его я не поняла, поскольку лингуан благоразумно предпочел не светиться как в буквальном, так и в переносном смысле, и потому перевода мы не получили. Несколько секунд спустя механический голос отчеканил:

— Стоять! Руки за голову!

Значит, у охраны имелись собственные приспособления для перевода, хотя вряд ли они были так же умны, как наш.

Получив столь недвусмысленный приказ, мы послушались. Тем более что команду подкрепляли дула двух бластеров, направленные

непосредственно на нас. Во всяком случае, одно из этих орудий точно было бластером. Второе выглядело довольно странно, напоминая горизонтально повернутую подозрительную трубу, но я несколько не сомневалась в его смертоносности.

Послышался топот шагов, крики, в комнату кто-то вбежал, еще группа освеномов промчалась по коридору мимо. Несколько минут прошли во всеобщей суматохе. Затем охрана, видимо, получила конкретные инструкции, и в лаборатории начал восстанавливаться порядок. Нам приказали следовать за очередным представителем местной разумной расы. Выбора не было: бластеры по-прежнему оставались весомым аргументом. Нас провели в пустую комнату, не отличающуюся от недавно посещенного мною хранилища, вскоре туда же втолкнули Рэя. Всех троих обыскали, забрали оружие и переговорные устройства.

Охранники о чем-то переговаривались; один, наверное, главный, отдавал остальным распоряжения, как мне показалось по тону. Я тайком огляделась. Все было ожидаемо пессимистично: ни окон, ни трубы кондиционера, ни даже мышшиной норы (или кто у них на Манкоре водится). И дверь — высокая, тяжелая, запирающаяся на замок, который открывался с помощью специальной пластиковой карты — это я успела углядеть, еще когда мы сюда заходили. Сейчас этот своеобразный ключ держал в руке тот самый освеном, который показался мне начальником.

— Видите эту карточку? — стараясь как можно меньше шевелить губами, прошептала я. — Он должен выпустить ее из рук хотя бы на секунду. Это очень важно.

Я понятия не имела, как можно добиться такого результата, но мужчины не подвели. Выждав с полминуты, Кен пошатнулся, схватился за горло и с воплем «Помогите, мне дурно!» начал заваливаться набок. В другой момент я бы выругалась, добавив пару ласковых про актера из погорелого театра, но для инопланетян, никогда не слышавших про Станиславского, такой спектакль был, похоже, в самый раз. Рэй бросился к товарищу на помощь, подхватил его, не позволяя упасть, а в процессе «случайно» толкнул в бок главного освенома. Пытаясь удержать равновесие, тот разжал пальцы, и карточка стала падать. Однако охранник практически сразу ее перехватил. Последовала громкая брань, нас оттеснили к противоположной стене, после чего тюремщики один за другим покинули комнату, до последнего держа нас под прицелом. Громко хлопнула дверь, пискнул замок. Мы остались одни в пустой каменной коробке.

Какое-то время стояли молча, прислушиваясь к стихающему гулу

шагов.

— Вы все успели? — негромко спросил Рэй.

Мы с Кеном по очереди кивнули.

— Сэм, ты в порядке? Как все прошло? Не было никаких... сюрпризов?

Он обхватил меня за плечи и заглянул в глаза. Я подбадривающе улыбнулась.

— Кажется, не было. Ну разве что такие, о которых я сама не догадалась. В общем, надеюсь, что опасности больше не существует ни для меня, ни для Новой Земли.

— Хорошо.

Рэй погладил меня по рукам и выпустил из объятий.

— Они догадаются, что мы сделали? — неуверенно спросила я.

— Не думаю, — покачал головой хакер, — у них камера висит в коридоре, который ведет к лаборатории. Проверят записи и увидят... вернее, ничего не увидят. Сделают вывод, что никто не заходил. Ты ведь там не наследила?

— Нет.

— Дверь заперта, как раньше? — уточнил Рэй.

— Да.

— Значит, не догадаются, — заключил Кен. — Я в офисе с компом поиграл, как будто пытался взломать, но не сумел. Решат, что мы за этим и приходили. Собрать информацию плюс, может быть, Линду похитить.

— Это если мы сами не проболтаемся, — добавил положенную ложку дегтя кэп.

— Не проболтаемся, — решительно заявила я.

Мужчины удивленно нахмурились.

— Трюк с карточкой — он же ничего не дал? — уточнил Рэй, пытливо глядя на меня, будто ожидал, что я вот-вот жестом фокусника выну ключ из кармана.

Невольно улыбнувшись, я возразила:

— Наоборот, он прошел отлично. — И, не желая тратить драгоценное время на объяснения, спросила: — Твой бластер был заряжен? Перед тем, как его забрали?

Рэй кивнул, не понимая причин моего интереса.

— Хорошо. — Прикидывая, все ли детали учтены, я осмотрелась и, придумав ничего лучше, уселась прямо на пол возле стены. — Пожалуйста, не отвлекайте меня ближайшие несколько минут. И будет лучше, если вы тоже сядете.

Переглянувшись, напарники послушались, хотя, судя по взглядам, которые они бросили в мою сторону, оба тревожились о моем душевном здоровье.

— Все в порядке, — заверила я, устраиваясь в позе лотоса и прикрывая глаза. — Мне нужно немного времени.

То, что со стороны выглядело, как медитация, и правда продлилось недолго. Кажется, и двух минут не прошло, когда у Рэя на поясе появился бластер. Он почувствовал это сам, еще раньше, чем я увидела, что все получилось.

— Как... Черт! — негромко выругался он. — Откуда?! Его же унесли. Я готов поклясться, что его не было в комнате!

— Можно?

Кен аккуратно пощупал переданное Рэем оружие, удостоверившись в его реальности.

— Еще не все, — предупредила я, стараясь не терять сосредоточенность. — Пожалуйста, не отвлекайте меня.

Снова закрыла глаза, теперь сфокусировавшись на другом предмете. Еще пара минут и очень много душевных сил — и карточка-ключ возникла в том самом месте, где ее выпустил из рук охранник-освегом. Доля секунды — и, на сей раз никем не подхваченная, она с тихим стуком упала на пол.

С шумом выдохнув, Рэй метнулся к ней. Дверь отпиралась с обеих сторон, и теперь у нас появились реальные шансы на побег.

— С «палаткой» так же не смогу, — прохрипела я, с трудом поднимаясь на ноги. Рэй заметил мое состояние и, подбежав, дал опереться о свое плечо. — Придется либо прорываться так, либо возвращаться за ней в кабинет.

Рэй на миг прищурился, раздумывая, затем принял решение.

— До кабинета намного ближе, чем до выхода. Значит, попробуем вызволить наше укрытие. Втроем под ним поместимся?

— Поместимся, — хихикнула я, все еще ощущая предательскую слабость. — Но после этого моя репутация будет окончательно погублена.

— Нас никто не увидит, — напомнил Кен.

— Это хорошо, — хмыкнула я. — Если мы не заберем плащ-невидимку, рано или поздно ее обнаружат и тогда догадаются, что мы перехитрили их камеру.

Рэй согласно кивнул и перевел бластер в рабочий режим.

— Но потом ты расскажешь, как сумела все это проделать, — не попросил — констатировал он, пока Кен разбирался с замком.

— Конечно, — пообещала и с напускной гордостью добавила: — Не зря же нас, пратонцев, так тщательно изучают на Новой Земле.

Нам повезло: по дороге мы никого не встретили. Более того, Линды в кабинете тоже не оказалось, хотя мы были морально готовы к ее присутствию. Убедившись, что мужчины плотно закрыли дверь, я залезла под стол и сразу же нащупала «палатку».

— Черт! — От неприятного воспоминания я чуть не ударилась головой о столешницу. — Как я могла забыть?! Там же экран не работает!

Подниматься по лестнице втроем под одним покровом, не видя, что происходит вокруг, — это представлялось практически невыполнимой миссией.

— Тратить время на починку рискованно, — озвучил наши общие опасения Рэй.

— Один раз мы уже на этом пролетели, — признался Кен, рассматривая небольшой квадратный дисплей.

Потом стукнул по нему ладонью. Экран мигнул, на секунду показал подрагивающие полоски... и мы увидели на нем изображение пола.

— Ура. Заработало, — прошептала я.

Подниматься оказалось тяжело, пусть даже у нас была возможность видеть все, что показывала камера. Мы спотыкались, толкали друг друга, проносили ноги мимо ступеней. Подъем на этаж, где располагался вход, принес нам немало ушибов и синяков, но, к счастью, более серьезных неприятностей мы избежали.

До флаера, в котором нетерпеливо поджидала нас Гайка, добирались добрых десять минут. С наслаждением выбравшись из-под «палатки», устроились на сиденьях и, быстро набирая скорость, помчались прочь. Когда мы вернулись на корабль, док первым делом уволок меня в медотсек, чтобы проверить состояние здоровья. По окончании обследования убежденно заявил, что новый вирус меня не поразил. У них с Джекки была подробная информация о разработке Линды, что позволяло сделать такой вывод. Кроме того, инкубационный период вируса короток, и если бы я заболела, это уже успело бы проявиться.

Еще через час мы сидели в командном отсеке родного корабля и попивали кто пиво, кто чай, а кто минеральную воду. Немного путаный рассказ о наших приключениях был закончен, и теперь окружающие все более хищно и настойчиво поглядывали на меня. Объяснений было не избежать.

Глава 6

— Ладно.

Я глубоко вздохнула. Не для того, чтобы продемонстрировать, будто мне плохо, а просто собираясь с мыслями.

Уж коли взялась рассказывать о себе правду, почему бы ни пойти до конца? Мой пол ни для кого больше не тайна, а что касается происхождения... В конце концов, мы улетели очень далеко от Новой Земли, а здесь пратонцев преследовать не принято.

У меня была возможность замолчать эту историю. Рэй изначально предложил не говорить остальным о том, как именно нам удалось сбежать из запертого помещения — если я так захочу. Кен выразил редкое единодушие с капитаном. Но я сама решила, что в соблюдении секретности больше нет необходимости.

— Мои предки какое-то время жили на Пратоне, — начала рассказывать я. — Не знаю, кому из вас это известно, а кому — нет, но на той планете люди пережили некую генетическую мутацию. В итоге женщины нашей расы рождаются с особыми способностями.

— Мне это известно, — кивнул Рэй. — Насколько знаю, ваши возможности связаны с телекинезом. Но я своими глазами видел, что произошло в лаборатории. Это было что-то другое. Даже при помощи телекинеза нельзя перенести предмет сквозь закрытую дверь или каменную стену. И ключ не просто возник в комнате, он появился в том месте, где его прежде уронил охранник. Как такое могло случиться? Почему именно там?

Я огляделась. Все остальные ожидали ответа с не меньшим вниманием, хоть и не успели провести такой же логический анализ случившегося, как Рэй.

— Дело в том, что пратонцы вовсе не обладают способностью к телекинезу, — принялась объяснять. — Вернее, то, что многие из нас умеют делать, это не совсем телекинез. Мы не передвигаем вещи на расстоянии взглядом или силой мысли. Думаю, так вообще никто не умеет делать. Мы действуем по иному принципу.

— Какому?

Даже не знаю, что руководило собравшимися — интерес к науке, лично ко мне или просто общая любознательность. Я постаралась сосредоточиться: тема была сложная и относилась к сфере, в которой не

специализировался ни один из нас.

— Скажем так, — начала я, незаметно для самой себя сцепив от напряжения пальцы обеих рук. — Реальность состоит из многочисленных версий, так называемых «возможных миров». Некоторые из них отличаются друг от друга радикально, другие же очень похожи, не считая мелочей.

Из всех слушателей с наибольшим пониманием кивнула почему-то Иолетрия. Я продолжала:

— Представьте, например, версию реальности, которая абсолютно идентична нашей, за исключением того, что в ней я сижу сейчас не здесь, а вон в том кресле. — Я указала на пустовавшее сиденье перед крайним справа рабочим столом. — То же самое происходит с неодушевленными предметами. Возможных миров бесконечно много. В одном из них, настоящем, этот ноутбук, — я взглянула на портативный компьютер Гайки, — лежит там, где мы его видим. В другом — на пару миллиметров левее. В третьем — еще немного левее, и так далее. Число таких вариантов опять-таки бесконечно. И вот если нужно переместить ноутбук, скажем, со стола на кресло — я имею в виду пратонок, которые обладают такими способностями, — мы не будем его двигать. Мы просто извлечем его из той реальности, в которой он уже лежит на кресле. И таким образом он окажется в нужном нам месте.

— Но как же другой ноутбук? — нахмурился Джекки. — Тот, который изначально лежал на столе? Выходит, ноутбук в нашем мире станет два?

Я покачала головой.

— Не станет. Ни в одном мире, тем более — в реальности как она есть, не может существовать двух копий одного и того же предмета. Как только у нас появится этот же ноутбук в другой своей версии, оригинальная копия просто исчезнет.

— Кажется, я начинаю понимать, — протянул Рэй. — Вы действительно не перемещаете предметы. Вы уничтожаете существующую вещь и создаете или, вернее, призываете вместо нее новую, точно такую же. И появляется она сразу в нужном вам месте.

— Что-то в этом роде, — согласилась я, — только на самом деле эта вещь не точно такая же, а та же самая, что и была изначально.

Некоторое время все молчали, осмысливая новую информацию. Тишину нарушал лишь периодический клекот — это «осматривался» Тин-Рок.

— Все равно не сходится, — всплеснул руками Рэй. — Если ты просто могла переместить ключ из одного места в другое, почему он возник

именно там, где его выронил освеном? Даже высота была та же самая! И зачем ты просила нас добиться, чтобы тот парень выпустил ключ из рук? Какой в этом прок, если ты могла вытащить ключ из параллельной реальности в любом удобном месте?

Он не казался мне взволнованным, но ему было безумно интересно решить эту задачу. Я улыбнулась.

— Потому что никто из нас не всемогущ. Каждая пратонка работает со своей группой возможных миров. Моя область — чуть более редкая. Я специализируюсь не на пространстве, а на времени.

— Это как?

На сей раз в приливе любопытства вперед подался Аркадайос.

— Я работаю с теми версиями, которые соответствуют нашему, реальному миру в разные временные промежутки. — Надеюсь, что объяснения не окажутся слишком сложными. Мне и самой было бы трудно все это понять, не будь я чисто интуитивно знакома с явлением, которое описывала. — Представьте себе замедленную съемку. Или даже перемотку голографического фильма, когда в каждую конкретную секунду вы видите одну картинку. Если запустить фильм в обычной скорости, картинки начнут быстро сменять друг друга, возникнет иллюзия движения. Но на самом деле каждый кадр существует сам по себе. Так же и тут. Существуют версии реальности, каждая из которых — словно застывший кадр фиксирует тот или иной момент из прошлого. Именно с такими реальностями я могу работать. Я не способна «передвинуть» предмет туда, где он никогда раньше не был. Но я могу вернуть его в точку, в которой он находился в близком или далеком прошлом. Лучше близком, — справедливости ради добавила я. — Чем ближе прошлое, тем легче, то же самое и с расстоянием. На подобные игры с реальностью и без того тратится страшно много сил.

— Поэтому ты так устала после того, что сделала? — догадался Рэй.

— Да. — Я улыбнулась его нескрываемому сочувствию. — Две вещи подряд — это уже много. У нас масса ограничений. Я не знаю ни одну пратонку, которая могла бы творить невероятно серьезные дела без последствий для своего состояния. Обычно мы можем изменить лишь самую малость, и в большинстве случаев это просто того не стоит. Легче взять ноутбук в руки и переложить со стола на кресло, чем сосредотачиваться на множестве миров, выискивать среди них нужный и концентрироваться на переносе предмета.

— Но в недавнем случае альтернативы отсутствовали, не так ли, — напомнил Тин-Рок. — И ваше умение оказалось... как правильно сказать?..

бесценным.

— Совершенно верно, — охотно подтвердил Кен, в то время как я не слишком убежденно передернула плечами.

— У меня была возможность вернуть бластер и ключ только туда, где они уже находились прежде. — Дабы не краснеть, я поспешила перевести разговор на детали нашего бегства из лаборатории. — С бластером было чуть проще: он крепился к поясу капитана раньше, и я просто возвратила его туда же. А ключ освеномы постоянно держали в руках. Поэтому было важно, чтобы они выпустили его хотя бы на секунду. Положили на стол, уронили на пол — что угодно.

— А если бы этого не произошло?

Задавая вопрос, Гайка напряглась, как если бы мы возвратились назад, в тот самый момент, когда ничего еще не было решено и у нас оставались шансы не выбраться из лаборатории живыми.

Я развела руками.

— Тогда единственный шанс был бы вернуть карточку вместе с тем, кто ее держал. Физический контакт играет в таких вещах большую роль. А перенос из мира в мир живого существа... — Я скептически сжала губы. — Даже если кто-нибудь на подобное и способен, я таких не знаю. Но мне кажется, нечто в самих законах природы этому противится. Хотя учитывая, что наука так до сих пор и не разобралась, как вообще объяснить феномен пратонок... Масса вопросов остается без ответов, в том числе и для нас самих.

Громкий сигнал, раздавшийся со стороны одного из компьютеров, привлек всеобщее внимание. Рэй, Аркадайос и Брэн мгновенно развернулись к своим рабочим местам.

— Два интересующих нас корабля готовятся к взлету, — первым вывел на экран сообщение док. — Предположительное время старта — между восемью и восемью тридцатью.

Мы дружно посмотрели на часы, показывавшие семь двадцать пять по местному времени.

— Отрава из лаборатории на борту?

— Судя по полученной информации, да.

— Отлично. — Несмотря на позитивное значение произнесенного слова, Рэй выглядел мрачным. — Кен!

— Уже делаю! — не дожидаясь, пока распоряжение будет озвучено, отозвался хакер.

Он держал на коленях включенный планшет, пальцы стремительно перемещались по сенсорной клавиатуре. Сомнений не оставалось:

компьютерщик подключается к внутренней лабораторной сети, чтобы раздобыть свежую информацию.

— Подтверждаю, — объявил он, прервав свое занятие десять минут спустя. — Освеномы приняли решение о начале операции.

— Так скоро? — хмуро спросила Иолетрия.

— Работа Линды завершена. — Брэн пожал плечами.

— К тому же их могло подхлестнуть наше вторжение, — добавил Рэй. — Предпочли не рисковать и не дожидаться повторных действий со стороны... Собственно, они даже не знают, с чьей стороны, и это наверняка нервирует их еще сильнее.

— Что они собираются делать?

Тин-Рок, постоянно присутствовавший на корабле, конечно же улавливал обрывки наших разговоров. Как много он успел услышать и понять, не смог бы с уверенностью сказать ни один из нас.

— Поработить Новую Землю, — просто, почти буднично сообщил ему Рэй.

— Ууху...

Это роцеанское междометие не было нам известно, но степень его эмоциональности не оставляла сомнений.

— Готовимся к взлету.

Капитан перешел на командирский тон. Бортовой компьютер принял приказ, и панель управления замигала зелеными огнями. Брэн надел наушники, Аркадайос вывел перед экраном голографическую карту.

— Курс — Новая Земля, промежуточная остановка — трансляционная станция Йота-3, — продолжал Рэй.

Пилот скорректировал маршрут.

— Там мы подключимся к местной системе — Хендрейк, это по твоей части — и передадим несколько сообщений на Новую Землю с последними предупреждениями. Текст сообщений нужно тщательно продумать и подготовить заранее. Но это позднее. Сейчас всем готовиться к старту. Даем освеномам небольшую фору, затем вылетаем. Мы знаем, куда они направляются, так что не потеряем.

Мы разбрелись по своим местам. Большинство заняли противоперегрузочные кресла в командном отсеке, Гайка спустилась в служебный, Тин-Рок в своих неизменных темных очках отправился вместе с ней.

Через десять минут частный звездолет класса Т-397 покинул Манкор и взял курс на Новую Землю.

Отправка текстовых сообщений через систему связи космической станции прошла благополучно. Письма были высланы представителям как правительственных, так и военных организаций. Кроме того, состоялся один видеоразговор с нынешним капитаном «Галалэнда».

— Я постараюсь убедить начальство серьезно отнестись к угрозе. — Лицо Томаса Дебурга было суровым, черты обострились, на лбу и возле уголков губ проступили глубокие морщины. — Но вы сами понимаете... Я буду обязан назвать источник. И даже если найти решение этой проблеме... На Новой Земле готовятся к приему важной делегации с Манкора. Встреча пройдет на высочайшем уровне, будут обсуждаться важные политические и экономические вопросы. Все ходы обговорены, одобрены и проработаны до мелочей. Поверят ли наверху, что под видом правительственного кортежа в атмосферу планеты войдут корабли с биологическим оружием, тем более неизвестным науке... Одним словом, мы сделаем то, что от нас зависит.

— Я понимаю, — кивнул Рэй. Он действительно понимал. — Рекомендую отправить своих близких на другие планеты или хотя бы на спутники, а также, если удастся, добиться разрешения находиться поблизости от Новой Земли. — Насколько я знала, сам Рэй послал сообщение и своим родителям. — Если мы не сможем остановить неизбежное, хотя бы постараемся вывезти с планеты столько людей, сколько удастся. Постарайтесь негласно задействовать и другие корабли ВБС, если появится такой шанс. До скорой связи.

Брэн отключился.

Суровое молчание стало уже нормой жизни на нашем корабле. Мы летели на Новую Землю с той самой целью, которая была озвучена в разговоре с Дебургом. В случае если наш нейтрализатор не сработает — полноценных испытаний, как ни крути, никто не проводил, — нам предстояло попытаться эвакуировать с пострадавшей планеты как можно больше мирных жителей. Возможно, даже сделать с этой целью несколько «ходов», но тут все зависело от того, как быстро сориентируются в новой ситуации освеномы и что они сумеют нам противопоставить. Судя по записям Линды, возможности у них к этому времени будут обширные.

— А мы-то наивно думали, что манкорианцы торопятся из-за нас, — фыркнул Рэй. — Следовало быть скромнее. На самом деле они просто подгоняли диверсию под сроки заранее назначенной политической встречи. И специально договорились об этом визите, чтобы иметь идеальный предлог для беспрепятственного прибытия на Новую Землю.

— Умный противник — это не недостаток, это плюс, — привнес ноту

оптимизма Брэн. — Его действия можно просчитать. Обезьяна с гранатой была бы значительно хуже.

— Хуже, — не стал спорить Рэй. — Но освеомы — не обезьяны. Моя жена вполне доходчиво объяснила это в своих дуэльных записях.

Меня царапнуло это словосочетание — «моя жена». И, когда у нас с Рэем возникла возможность отдалиться, оставшись хоть в какой-то степени тет-а-тет, я не удержалась.

— Тебя не беспокоит будущее Линды?

Мои пальцы цепко сжимали локоть Рэя, а глаза смотрели на него в упор, требуя незамедлительного ответа.

— Саманта, меня беспокоит судьба целой планеты. — Он глядел с недоверием, будто в его представлении мой вопрос выбивался из логической цепочки. — В не меньшей степени меня беспокоит судьба экипажа этого конкретного корабля. А еще я тревожусь за команду «Галалэнда». И особенно навязчиво меня преследует вопрос: что будет с тобой, если проблему не удастся разрешить малой кровью и ты окажешься в центре настоящей мясорубки? А также — какого черта я не ссадил тебя на Дуэлле, или Освальде, или хотя бы Роке, где ты могла бы переждать весь этот переполох в относительной безопасности. Линда — моя бывшая жена, формально даже настоящая, так что, наверное, по правилам этики я должен сильно о ней волноваться. Но, уж прости, на общем фоне это не слишком хорошо получается. Если я тебя разочаровал, что ж поделаешь... Можешь попереживать за нее вместо меня.

— Даже и не подумаю.

Встав на цыпочки, я горячо поцеловала Рэя в губы, давая понять, что разочарование — это последняя эмоция, которую вызвали в моей душе его слова.

— Корабль!

Зычный голос Аркадайоса заставил нас отстраниться друг от друга и побежать обратно к панели управления.

— Где? — спросил Рэй.

Пилот указал точку на голографической карте. Затем вывел изображение на занимавший всю стену экран. Пока упомянутый звездолет и там представлял собой всего лишь маленькую блестящую точку.

— Можно определить размер?

Аркадайос ввел соответствующий запрос.

— Они слишком далеко, чтобы можно было сказать точно, но стремительно приближаются. Судя по имеющимся данным о расстоянии и скорости... — Он еще постукал по клавишам, но затем разочарованно

покачал головой. — Оpoznать тип звездолета пока не удастся. Возможно, его вообще нет в базе данных. Но габариты, без сомнения, внушительные. Думаю, превышают наши раз в сорок. Это, конечно, очень приблизительные данные, когда расстояние между нами сократится, смогу сказать точнее, — добавил он после того, как Гайка и Кен, впечатлившись, присвистнули.

— А сократится оно, судя по всему, очень и очень быстро, — пробормотал Рэй.

— Намного быстрее, чем нам бы того хотелось, — подхватил Брэн.

— Компьютер! Рассчитать траекторию полета неопознанного корабля. Уйти с их курса. — Оpoznавшая голос капитана послушная приказу система заработала, посверкивая огоньками. — Аркадайос, отслеживай изменения в их курсе. Посмотрим, последуют ли они за нами.

— А если да? — спросил пилот, уже выведивший на свой персональный экран необходимую программу.

— Отличный вопрос, — процедил сквозь зубы Рэй, вглядываясь в растущую точку на настенном дисплее. — Знать бы, кто это и что им надо. В любом случае будем исходить из предпосылки, что в наших интересах с ними не встречаться.

— Понятно, — сосредоточенно кивнул Аркадайос.

Собственно, возражений против такой предпосылки не возникло ни у кого из нас. Но, к сожалению, кто бы ни летел на незнакомом корабле, у них было иное мнение на этот счет. Очень быстро стало ясно, что их курс непосредственно зависит от нашего. Нас преследовали, даже не пытались этого скрывать. Наш звездолет был маневреннее, но их — быстрее, и расстояние неумолимо сокращалось.

— Как им удастся развивать такую скорость? — возмущенно выдохнула Гайка.

— А черт их знает! — В голосе Рэя звенело даже не возмущение, а бешенство. — На всякий случай всем занять противоперегрузочные кресла и пристегнуть ремни!

— Думаешь, они могут открыть огонь? — с долей скептицизма спросил Брэн, тем не менее неукоснительно последовавший приказу.

— Да ничего я не думаю! — раздраженно бросил Рэй. — Я не представляю, кто они такие, а значит, и их мотивы понять не могу. Знаю одно — это не корабль ВВС. Таких вообще нет ни на одной из человеческих планет, если, конечно, модель не засекречена настолько, что даже я при своей должности ничего о ней не слышал!

— Не забудь о собственном распоряжении, — подсказал док.

Рэй, сжав зубы, опустился в кресло.

— Кажется, я знаю, откуда этот корабль, — подал голос Кен. Восторга от собственной осведомленности он явно не ощущал. — Когда я лазил по разным сайтам манкорианского плантернета, видел на одной картинке что-то очень похожее.

Место хакера располагалось у стены, у капитана за спиной. Рэй повернул голову так резко, что я невольно испугалась, как бы у него не сломались шейные позвонки.

— Освеномы?

Кен кивнул.

— Не помню подробностей, не было цели разбираться в их космической программе, и далеко не все сайты были переведены на новоземский. Но, кажется, это какой-то навороченный правительственный крейсер.

— Только этого нам не хватало. — Рэй говорил, практически не размыкая челюстей. — На Новую Землю они отправили корабли другого класса. Возможно, этот следует за ними, чтобы прибыть на все готовенькое. А может, именно по нашу душу. В любом случае продолжаем уходить. Аркадайос, принимай ручное управление. Мы меньше и лучше маневрируем, используй это преимущество по максимуму. Необходимо от них оторваться. Гайка, спустись в служебный отсек. Если они все-таки откроют огонь, там может потребоваться механик. Не исключено, что счет будет идти на секунды. Вывести изображение на все экраны!

Последний приказ был отдан бортовому компьютеру. Вмиг стены, потолок, пол — все исчезло, сменившись «окнами» в окружавший нас космос.

Аркадайос делал все что мог. Брэн пытался вызвать неизвестный корабль на связь, но безуспешно. То ли наши системы коммуникации настолько разнились, что разговор был нереален, то ли освеномы просто не желали идти на контакт. В конечном итоге манкорианский корабль подошел настолько близко, что мы получили возможность разглядеть его во всех деталях. Вернее, получили бы, если бы наш корабль не потерял управление. Тут уж стало не до любопытства. Нас стремительно притягивало к звездолету освеномов. Через «окно» мы увидели, как открылся шлюз. Несмотря на все старания команды, нас затянуло внутрь. Затвор опустился, погрузив экраны во мглу, которую не рассеивал теперь даже свет далеких звезд. Это оказалось делом нескольких секунд.

— Отстегнуть ремни, приготовить оружие.

Голос капитана действовал отрезвляюще. Послышались щелчки, все

повскакивали с мест, бластеры переключивались с поясов в руки. Внутреннее освещение корабля работало, на дисплеях по-прежнему царил тьма. Мы делали то единственное, что нам оставалось. Ждали.

Время тянулось невероятно долго, но электронные часы, не знающие, что такое волнение и нервы, уверенно утверждали, что прошло всего несколько минут. Затем боковые экраны одновременно вспыхнули: видимо, в помещении, в котором находился наш корабль, загорелся свет. Тин-Рок пробурчал нечто неразборчивое, но явно недовольное: видимо, такой резкий перепад стал для него перебором, даже несмотря на солнечные очки.

— Уважаемые господа и дамы! — с сильным акцентом произнес голос, лицезреть обладателя которого мы пока не могли.

— Шовинисты хреновы, — пробурчала Гайка, реагируя на нестандартный порядок слов в обращении.

Меня не волновало, кого говоривший уважал сильнее — господ или дам. Беспокоил скорее сам факт, что обращался он, вне всякого сомнения, к нам, экипажу корабля класса Т-327. Вряд ли пассажиры похитившего нас звездолета беседовали друг с другом по-новоземски.

— Будьте любезны оставаться на своих местах. Вам не о чем беспокоиться. Мы хотим задать несколько вопросов. Вам ничто не угрожает, если вы первыми не проявите агрессию. — Рэй повертел в руках свой бластер, будто прикидывая: видит ли это оружие говорящий или же просто основывается на логических предположениях. — Поэтому мы взываем к вашему благоразумию. Вероятно, вы предпочтете вести беседу на своей территории. Поэтому мы просим вас разблокировать двери.

— С кем мы имеем дело? — громко спросил Рэй, не спеша прятать бластер в кобуру. — Этот корабль — ваш корабль — принадлежит манкорянам?

— Совершенно верно, — вежливо ответил голос.

— Стало быть, сейчас сюда войдут освенумы?

— Именно так.

— Сколько?

Рэй говорил таким тоном, будто узнавал цену на помидоры и готовился торговаться.

Последовало озадаченное молчание, затем мы все-таки получили ответ:

— Одиннадцать.

— Мне не нравится это число. Нас только девятеро, и не все вооружены.

— Ваше предложение? — спросил голос после короткой паузы.

— Пять манкорианцев с вашей стороны, и все они должны быть безоружны.

Не видя собеседника, Рэй говорил, глядя на передний экран и задрал голову вверх.

— Это невозможно, — возмутился переговорщик.

Неожиданно его прервал другой голос, звучавший намного тише, причем на чужом языке.

— Предлагаем компромисс, — с прежней громкостью объявил первый. — Нас будет девятеро, так же, как и вас. Делегация будет включать вооруженную охрану. Мы обязуемся не применять оружие, если в этом не возникнет крайней необходимости, и надеемся, что вы дадите нам такое же обещание.

— К сожалению, мне это мало о чем говорит. — Рэй покачал головой. — Мы недостаточно знакомы с культурой Манкора и плохо представляем себе, что именно вы можете счесть крайней необходимостью в сложившихся обстоятельствах.

Вновь еле слышное перешептывание, словно манкорианцы совместно вырабатывали дальнейшую тактику. Или же кто-то один отдавал распоряжения остальным.

— Мы будем действовать в соответствии с общепринятым этическим кодексом межпланетных контактов, — известили нас затем. — Но полностью пренебречь мерами безопасности не можем. С вами будет говорить очень важная персона.

Последняя фраза заставила брови ползть на лоб не у меня одной. Переглянувшись с Брэном, со мной и с Аркадайосом, Рэй наконец принял решение.

— Хорошо, — объявил он. — Девять членов нашего экипажа и девять — вашего. Обязуемся не использовать оружие без крайней необходимости, но оставляем за собой право любым способом защищать собственные жизни. Входите медленно и по одному. Мы находимся в командном отсеке. Это второй этаж, наверх поднимает лифтовая платформа. Ждем. — Разблокировать двери!

Мы сосредоточились возле панели управления. Пришлось немного потесниться, и сидячих мест хватало не на всех, зато так мы были увереннее в себе, физически ощущая поддержку друг друга. Вскоре в отсек стали один за другим заходить освеномы. В первых несложно было определить охранников: они были вооружены, хотя, соблюдая условия договоренности, не держали нас на прицеле и быстро рассредоточились

вдоль ближайшей к дверям стены. Их было шестеро. Наиболее колоритный манкорианец вошел седьмым. Он двигался неспешно, величаво, я бы даже сказала царственно. Его грудь и живот обхватывал весьма своеобразный по нашим меркам пояс — широкий, жесткий, зигзагообразный. Красный цвет чередовался на нем с желтым, и я вдруг сообразила, что именно такой была расцветка манкорианского корабля. Возможно, это были государственные или даже общепланетарные цвета, а может быть, цвета герба определенной фамилии. Освеном шагал, высоко держа голову, и мне подумалось, что даже кольцо его глаз выглядит как царственный венец.

Следом за ним, держась на почтительном расстоянии, вошли еще двое. Как вскоре выяснилось, один из них был переводчиком — тем самым, который обращался к нам до сих пор через микрофон. В точной же функции второго я так и не разобралась. Возможно, советник или просто сопровождающий своего господина слуга.

Мы застыли, практически не шевелясь, и не играли сейчас в радушных хозяев. Гости были незваными и не так чтобы желанными, и мы без зазрения совести предоставили им самостоятельно устраиваться в отсеке, превратившемся в зону ведения переговоров.

Освеном в зигзагообразном поясе сел первым, выбрав себе одно из наиболее удобных кресел. Переводчик поспешил занять соседнее место.

— Я — Чарвокоррен, правитель Манкора.

Эти слова были сначала произнесены на незнакомом нам языке, вне всяких сомнений манкорианском, затем переведены специалистом на новоземский. Иолетрия что-то тихо шепнула лингуану, Аркадайос покосился на спину зверька. Похоже, они проверяли на соответствие утверждения правителя и предложения, озвученного толмачом.

Вновь полилась освеномская речь, в которой неожиданно промелькнуло слово «президент» или очень похожее сочетание звуков. Объяснение нашлось быстро, стоило только переводчику сделать свою работу.

— В вашей политической системе титул, наиболее близкий к моему, — это «президент».

— Президент — не титул, а должность, — прошептал Джекки, но Гайка одернула его, двинув локтем в бок.

Между тем Чарвокоррен обвел нас немигающим взглядом нескольких глаз.

— Кто из вас капитан Рейер Макнэлл? — требовательно спросил он.

Рэй не счел нужным юлить и прятаться.

— Я, — откликнулся он, выступая вперед, и, сложив руки на груди,

стал ждать продолжения. При этом его бластер мирно покоился в кобуре на поясе. — Бывший капитан, — безэмоционально уточнил он.

— Капитаны не бывают бывшими, — возразил президент.

— Отчего же? Они выходят на пенсию, или их увольняют, — не согласился Рэй.

— Значит, они становятся капитанами на пенсии или капитанами уволенными, — констатировал по-манкориански Чарвокоррен, а вслед за ним по-новоземски — переводчик.

— Допустим.

Спорить не по существу Рэй не желал, а может, был в чем-то согласен с президентом.

— Вы служили в военно-безвоздушных силах альянса, затем были осуждены за убийство, но совершили побег из тюрьмы, а потом и с планеты, — продолжал освенном, будто они и не отклонялись от темы.

— Благодарю вас, мне об этом известно.

На лице Рэя не дрогнул ни один мускул, манкорианец тоже никак не отреагировал на шутливый, но дерзкий ответ. Однако хорошо они умеют собирать информацию! Впрочем, стоит ли удивляться, если перед нами действительно президент целой планеты?

— Мне совершенно безразличны законы Новой Земли и их нарушения, — спокойно сообщил Чарвокоррен. Немного подумав, добавил: — Впрочем, пожалуй, не стоит сообщать об этом вашему правительству. Насколько я успел понять, людям обидно слышать подобные утверждения.

— А вам это не было бы обидно? — подал голос Кен.

Освенном качнул головой вправо, затем влево, будто колебались из стороны в сторону старинные весы.

— Обидно? Нет. Безразличие — значит отсутствие подпитки. Когда нет питания, это печально. Досадно. Но не обидно. Вы же не обижаетесь на электричество, если в вашем доме выходит из строя розетка?

Это был риторический вопрос, и мы вежливо промолчали. Но не все. Док, разглядывая президента как очередной предмет исследования, поинтересовался:

— То есть люди и освеномы для вас — розетки?

— Да, — не больно-то и раздумывая, ответил Чарвокоррен. — И освеномы, и люди, и другие разумные существа — это источники питания.

— Это очень грустно, — заметил Джекки.

— Да, я вижу, что грустно, — улыбнулся президент, переводя на ботаника взгляд по меньшей мере трех глаз. — И это хорошо. Грусть — это подпитка.

Беднягу Джекки передернуло. Вжав голову в плечи, он подался назад, словно отступая перед разъявленной пастью зубастого чудовища. Все это не ускользнуло от пронизательного освенома.

— Вы не совсем верно понимаете, что такое энергетическая подпитка, — спокойно отметил он. Так спокойно, что мне даже подумалось: а не задевает ли его самого его же собственная безэмоциональность? — Вам кажется, это как если бы я откусил, например, ваше ухо.

Джекки инстинктивно поднес руку к левому уху, то же самое начали было делать и другие члены экипажа, но быстро себя одернули.

— Но если я съем ваше ухо, — продолжал Чарвокоррен, якобы не обративший внимания на столь острую реакцию слушателей, — у вас его не останется. Есть, конечно, второе ухо, но это совсем не то же самое, что два. Для человеческих особей вообще важна симметрия. С эмоциями происходит иначе. Это больше похоже на солнечные лучи. Как называется звезда вашей родной системы? Рейза? Так вот, представьте себе, что греетесь в лучах Рейзы. Вам становится тепло, но света на планете от этого не меньше. Солнце тоже ровным счетом ничего не теряет. Всем хорошо.

Меня несказанно удивила романтичность такого сравнения. Никак не ожидала ни от освеномов вообще, ни от этого конкретного их представителя описаний природы и красивых метафор. Впрочем, возможно, с точки зрения самого Чарвокоррена ни о какой романтике речи и не шло. Он просто нашел аналогию, оптимально подходящую для аргументации.

Даже если в дискуссии и нашлось место для романтики, ее безжалостно развеял Рэй, резко спросив:

— А как насчет ситуации, когда население целой планеты умышленно сводят с ума, чтобы получить огромный всплеск эмоций — или как вы это называете? — подпитку. Это, по-вашему, тоже для всех хорошо?

Он смотрел на Чарвокоррена тем же цепким и пронизывающим взглядом, какой так хорошо удавался самому освеному, хотя, конечно, и уступал последнему в количестве используемых глаз.

Освеном даже не пытался возмутиться столь неподобающему обращению — хотя кто их знает, как на Манкоре принято общаться с президентами? Он лишь вздохнул и мрачно ответил:

— Нет. Это для всех плохо. И именно поэтому я намерен вернуться к вопросу, ради которого мне понадобилась встреча с вами. Мне известно, что вы и ваша команда сумели разыскать тайную лабораторию, в которой разрабатывалось губительное для людей средство. Более того, вам удалось

пробраться на территорию этой лаборатории и благополучно выйти оттуда живыми. Не знаю, как вам это удалось, но в данный момент существуют вопросы важнее. Итак, что вы сумели узнать об этом средстве и планах по его применению?

Существуют такие портреты, при взгляде на которые кажется, будто изображенный на них человек смотрит вам прямо в глаза. Причем эффект этот не зависит от ракурса, с какого вы изучаете картину. Отойдите на пять шагов вправо или влево — и получите точно такой же пристальный взгляд, обращенный на вас. Но то иллюзия, созданная мастерством художника. Сейчас же Чарвокоррен действительно смотрел в несколько сторон одновременно. Если ориентироваться только на те его глаза, которые попадали в поле моего зрения, он внимательно следил за Рэем, Кеном, Брэном и Иолетрией. Последняя, наверное, была выбрана потому, что с самого начала разговора читала выдаваемую лингуаном информацию, проверяя манкорианского переводчика. Вполне вероятно, что пятый глаз сконцентрировался на темных очках Тин-Рока, но я не могла за это поручиться.

Рэй раздумывал над ответом. Конечно, можно было спросить, где именно Чарвокоррен почерпнул столь точную информацию, но если перед нами действительно сидел президент планеты, наличие грамотной системы осведомителей уже не удивляло.

— Если я отвечу на ваш вопрос — вернее, на ваши вопросы, — уточнил Рэй, — дадите ли вы гарантию, что отпустите мой экипаж?

— Разумеется, — без малейшей заминки откликнулся Чарвокоррен, едва его спутник закончил перевод. — И ваш экипаж, и вы сами будете вольны лететь туда, куда вам заблагорассудится. Мне нужны не вы, а исключительно информация, которой вы владеете.

Какое-то время Рэй сверлил президента взглядом, пытаясь разобраться, правду тот говорит или нет, и принять верное решение. Однако игра в гляделки с обладателем восьми глаз — дело априори гиблое, и долго тянуть наш капитан не стал.

— Я расскажу вам то, что нам известно, — произнес он таким тоном, за которым просто обязано было последовать некое «но». И оно последовало. — Но только при условии, что прежде вы объясните мне, как именно собираетесь воспользоваться этой информацией и каков ваш интерес в истории с вирусом.

Дослушав толмача, Чарвокоррен немного помолчал. Но впечатления, будто он колеблется, не возникло. Думаю, правитель давно уже решил, в какие сведения готов посвятить иноземцев, а в какие — нет. Мою правоту

подтверждала краткость последовавшей паузы: президент достаточно быстро принял условия Рэя.

— Хорошо, — произнес он, сводя взгляды четырех глаз более-менее в одну сторону. Это было удачно, поскольку с непривычки сразу несколько их направлений выбивали стороннего наблюдателя из колеи. — В нашей цивилизации уже несколько сотен лет не угасают споры о том, насколько допустимо и этично использовать чужую психическую энергию, и при каких именно условиях. В древние времена этот вопрос не имел большого значения, поскольку для той минимальной энергетической подпитки, которая необходима нам как виду, достаточно обычных повседневных эмоций. Однако с появлением технологий все изменилось. Наши ученые открыли способ перерабатывать психическую энергию, хранить результат в специальных биоконтейнерах, а затем использовать для работы аппаратуры и коммуникаций. Это привело к созданию центрального отопления, освещения улиц, телевидения, машин, самолетов, компьютеров...

— Что такое «машины»? — шепотом поинтересовался Джекки.

— Наземные флаеры, — пояснила Гайка.

— А самолеты?

— Нечто вроде флаербусов, как правило, летающих на большие расстояния, — отозвался Рэй.

— Полагаете, мне следует заменить перевод этих терминов? — оживился толмач.

— Перевод в принципе правильный, — возразила Иолетрия, — но эти слова вышли из обихода из-за неактуальности соответствующих им понятий на территории Новой Земли. Зато в дуэлийском диалекте «машина» звучит совершенно органично.

Чарвокоррен что-то недовольно сказал по-манкориански. Переводчик, смутившись, ответил, после чего принес нам свои извинения за невольное отступление. Президент продолжил свой рассказ.

— Психической энергии, вырабатываемой естественным путем, стало не хватать. Изобретения наших ученых поражали воображение, но их применение оказалось чрезвычайно ограниченным. Представьте себе, что у вас в доме есть телевизор, компьютер, холодильник, но нет электричества. Затем произошла катастрофа, унесшая жизни почти тысячи освеномов. Родственники страдали, друзья плакали, огромный город погрузился в траур. Количество накопленной за этот период энергии поразило всех. И повлекло за собой очередной скачок в технологическом развитии. Появились радикалы, считающие, что аналогичные катастрофы следует создавать умышленно, чтобы способствовать прогрессу. Потом их

точку зрения стали более или менее тайно разделять политики и торговцы, продающие машины и аппаратуру. В конечном счете выгода оказалась сильнее здравого смысла, и планета погрузилась в пучину мировой войны. Бойни, целью которой было не завоевание территорий, не чужие богатства, а те страдания, которые приносит война как на фронте, так и в тылу. Биоконтейнеры заполнялись в считанные секунды. Вас это как будто радует? — резко спросил он, недовольно уставившись на Брэна.

— Что вы, отнюдь, — отозвался тот, хотя его губы, кажется, и правда тронуло некое подобие улыбки. — Не радует, скорее восхищает.

— Массовое убийство моих соплеменников?

— Нет. Сходство освеномов с людьми, — припечатал док. — Во всяком случае, на политическом уровне. Прошу вас, продолжайте.

И Чарвокоррен продолжил.

— Та война едва не привела к уничтожению всего нашего вида. Итогом стало подписание не только мирного договора, но и общепланетарного закона, накладывающего строгие ограничения на использование психической энергии освеномов в технологической отрасли. Мирная жизнь постепенно налаживалась, население росло, но война и новый закон отбросили прогресс далеко назад. С тех пор мы существуем в состоянии постоянной нехватки энергии. К счастью, освеномы помнят последствия мировой войны, и подобное больше не повторялось. Но наша фауна серьезно пострадала, а в парламент то и дело попадают представители радикальных партий, считающие необходимым изменить или даже полностью аннулировать старый закон. К счастью, ключевых должностей они не занимают. Но деятельность свою продолжают вести. А после открытия существования других разумных цивилизаций политическая борьба приобрела новый виток. «Хорошо, — говорят радикалы, — допустим, поствоенный закон нерушим. Но он касается исключительно освеномов. Об инопланетянах там не сказано ни слова. Давайте объявим войну им. Воздействуем на их эмоциональный фон и получим столь необходимую нам энергию». Вынужден отметить, что у таких лозунгов последователей куда больше, чем у предыдущих, касавшихся только манкорианцев.

Президент обвел нас тяжелым взглядом.

— Продолжайте, — с наигранной веселостью предложил Брэн. — Полагаю, настало время рассказа о том, как под давлением электората вы решили заразить Новую Землю вирусом, превращающим людей в ходячую подпитку для вашей техники?

Я плохо разбиралась в мимике освеномов, а президент, несомненно,

отлично владел собой. Тем не менее даже мне стало очевидно, что Чарвокоррен весьма удивлен, не говоря уже о переводчике. Оба недоуменно сверлили дока... очень большим количеством глаз. Это изумление никак не вписывалось в наше представление о происходящем и оттого нервировало.

— Почему вы решили, что создание вируса и план по его распространению имеет отношение ко мне и моему электорату? — Президент настолько опешил от этого предположения, что даже забыл возмутиться. — Могу с уверенностью утверждать, что освеномы, разработавшие эту программу, голосовали отнюдь не за меня. Речь идет не о правящей коалиции, а о радикальных оппозиционерах.

Слева от меня с шумом втянул воздух Кен; очередное эмоциональное роцеанское восклицание сорвалось с губ Тин-Рока; металлический шарик, который Джекки нервно перекачивал в пальцах, упал на стол и с шумом покатился к противоположному краю.

— То есть вы хотите сказать, — не спеша, чтобы не совершить ошибки, принялся суммировать Рэй, — что никоим образом не собираетесь вредить Новой Земле? А план по ее порабощению разработан группой маргиналов-подпольщиков, радикальные взгляды которых большинство освеномов не разделяют?

— Вы очень точно сформулировали то, что я хочу сказать, — благосклонно кивнул президент.

Приложив ладони к пылающим вискам, я попыталась перехватить взгляд Рэя. С того момента, как Иолетрия и лингуан предоставили нам перевод письма Линды, мы были уверены в том, что освеномы — враги человечества, и мы стоим на грани безжалостной межвидовой войны. Теперь же выяснялось, что наши враги — не огромная цивилизация, а горстка отщепенцев. Это не делало висящую над людьми угрозу менее страшной, но картина, как ни крути, менялась кардинально.

Чарвокоррен, похоже, воспринял наше шокированное состояние как безмолвное требование обосновать его позицию.

— Я еще не сошел с ума и отлично понимаю, чем чревато для Манкора нападение на Новую Землю. На ее сторону тут же встанут не только другие человеческие планеты, но и весь альянс малоглазеров, так что ничего хорошего освеномов в этом случае не ждет. Радикалы наивно полагают, что, получив огромное количество энергии новоземцев, они станут невероятно могущественны, а стало быть, сумеют решить любую военную и политическую задачу. Я же отлично осознаю, что никакая мощь не поможет нам выиграть в войне такого масштаба. Кроме того, — добавил он

после непродолжительной паузы, — мы уже начали переговоры с Новой Землей о возможности прибытия на Манкор специалистов, которые обучат нас использованию электричества. Это решило бы многие наши проблемы технического характера. Электричество в сочетании с небольшим количеством психической энергии откроет перед нами мир огромных возможностей.

— Именно поэтому вы и летите на Новую Землю? — сообразила вдруг Гайка. — Чтобы продолжить или закончить переговоры?

— Да, такова наша цель на данный момент, — подтвердил Чарвокоррен.

Это объясняло, почему во главе делегации стоит не кто-нибудь, а именно первое лицо планеты. Как-никак, а в случае удачного исхода переговоры привели бы к решению проблемы, терзавшей Манкор на протяжении черт знает скольких веков.

— Тогда почему же вы не сообщили правительству Новой Земли об угрозе, которая нависла над планетой? — выпалила я.

— А как вы полагаете, какие последствия будут у такого сообщения? — любопытно спросил Чарвокоррен. Три черных зрачка переместились, чтобы лучше меня видеть. — По меркам межгалактических связей наши контакты начались недавно. Мир между цивилизациями хрупок, взаимное доверие еще не было заработано. Допустим, сейчас я сообщу: «Господа новоземцы, отдельные освеномы готовятся нанести по вашей планете сокрушительный биологический удар с целью порабощения вашего населения. Но уверяю вас, эти агрессоры не занимают ведущих позиций в политической системе Манкора. Большинство из нас — хорошие, не желающие зла человечеству».

После того как переводчик договорил, то тут, то там стали раздаваться короткие невеселые смешки. Будто одна и та же ухмылка кочевала с лица на лицо.

— Я, конечно, немного преувеличил, — возобновил свою речь Чарвокоррен, — но, полагаю, общая идея ясна. В угрозу поверят, в наше же доброе расположение — нет. Воздушное пространство Новой Земли, а заодно и всех прочих планет альянса будет закрыто для манкорианцев. Итогом, вероятнее всего, станет все та же межпланетная война, которой мы так стремимся избежать.

Мы молчали, стараясь быстро, как того требовали обстоятельства, осмыслить сказанное и выработать свою собственную точку зрения. Слова президента освеномов во многом были справедливы. Правда, с точки зрения Новой Земли обрисованный им сценарий был все же лучше, чем

заражение планеты. Но Чарвокоррен смотрел на ситуацию с позиции интересов своего народа, и это было естественно для политика.

— Некоторое время назад нам стало известно о существовании подпольной лаборатории, в которой разрабатывается опасное для людей средство, — продолжал освенном. — Мы также выяснили, что к делу был подключен выдающийся человеческий биолог, обладающий обширными знаниями. Вычислить место, к сожалению, не удавалось. Лишь после вашего проникновения силы правопорядка добрались до этого здания. Но радикалы оказались достаточно умны, чтобы понять это заблаговременно. К нашему прибытию место было заброшено. Мы нашли там немало интересных вещей, но не нашли главного — самого биологического оружия. Поэтому теперь настало время ваших ответов на мои вопросы. — Его голос посуровел. — Что вам известно об исследованиях подпольщиков? Какой стадии достигли разработки? Куда их могли переместить? Что конкретно вы делали в лаборатории?

— Я мог бы ответить на все ваши вопросы, — с ледяным спокойствием произнес Рэй. Не знаю, как ему удавалось смотреть освенному прямо в глаза; мой взгляд постоянно скользил бы с одной пары глаз на другую. — Но, полагаю, ответа на предпоследний будет более чем достаточно. Вас интересует, куда могли переместить биологическое оружие? Сообщаю: в данный момент оно движется в направлении Новой Земли с той скоростью, какую способны развить ваши малогабаритные космические корабли.

По-моему, Чарвокоррен побледнел. Сначала он смотрел на Рэя с недоверием, затем выругался — я была уверена, что он именно выругался! — по-манкориански.

— Совершенно с вами согласен, — подтвердил капитан, не дожидаясь перевода, который вряд ли последовал бы. — И чем дольше вы задерживаете нас вблизи Манкора, тем сильнее пространственный разрыв между нами и вашими радикалами.

Президент громко заговорил на своем языке, и в комнату сразу же вбежали двое освеномов. Получив распоряжения, они так же быстро удалились.

— Я отдал приказ лететь на Новую Землю с максимально возможной скоростью, — сообщил нам Чарвокоррен. — Наш звездолет быстрее, так что времени вы не потеряете. Теперь сообщите мне в деталях обо всем, что вам известно. Следует решить, как действовать в сложившихся обстоятельствах — в том случае, если перехватить корабли с оружием не удастся.

Возможности посоветаться не было, и принять совместное решение мы могли, лишь обменявшись взглядами. В итоге юлить не стали. Рассказали то, что знали, правда, избегая лишних подробностей. К примеру, мы ни разу не упомянули о связи Рэя с новоземским биологом, о не вполне законном присутствии на корабле дуэллийцев и роцеанца. Как и об открытии новой формы разумной жизни на Арензии, а то кто их, освеномов, знает, откуда они в следующий раз надумают черпать свою энергию. Завершающим штрихом был вылет с Манкора кораблей радикалов, последующий наш старт и захват звездолета кораблем самого Чарвокоррена — уверена, что смягчать формулировки Рэй не стал умышленно.

— Итак, теперь вы знаете, как обстоят дела на данный момент, — заключил капитан. — Звездолеты агрессоров направляются к Новой Земле. Нам удалось заменить, точнее — подправить содержимое контейнера с отравой. Поэтому есть шанс, что атака не приведет к пагубным для людей последствиям. Но точно мы этого не знаем, поскольку не имели возможности провести серьезное тестирование. Хотя могу заявить с полной ответственностью, что команда наших ученых сделала все возможное и даже невозможное.

Я перевела взгляд на Джекки и увидела, как тот покраснел от удовольствия.

— Насколько легко будет незарегистрированному кораблю проникнуть в атмосферу Новой Земли? — спросил президент.

Из четырех видных мне глаз два смотрели на Рэя, а еще два — в потолок, что наверняка свидетельствовало о напряженной работе мысли.

— Не знаю, легко или нет, но вполне реально, — отозвался кэп. — Вы ведь понимаете, речь идет о немаленькой планете с интенсивным трафиком. К тому же теперь я подозреваю, что они знают о планирующихся переговорах Новой Земли с Манкором и собираются воспользоваться этой информацией.

— Каким образом?

— Представятся вами или вашей службой безопасности, прибывшей на планету немного раньше, чтобы проверить место проведения переговоров, — пожал плечами Рэй. — Люди и освеномы недостаточно хорошо знают друг друга, и я сомневаюсь, что мои соотечественники сумеют своевременно раскрыть обман. Задерживать же на орбите звездолет самого президента Манкора до выяснения обстоятельств попросту не рискнут.

Чарвокоррен покивал, и я заметила, что тот же жест повторили два

других освенома.

— И каковы ваши соображения, капитан Макнэлл? Вы лучше меня и моих советников знаете людей и Новую Землю. Как бы вы поступили в сложившихся обстоятельствах?

Для меня такой вопрос оказался неожиданным: не думала, что фактически взявшие нас в плен освеномы станут просить нашего совета. Но Рэй, похоже готовился именно к такому повороту.

— Я предлагаю совместно двигаться к Новой Земле, но разделить в районе трансляционной космической станции, позволяющей прямой контакт с планетой. Я понимаю ваше прежнее нежелание сообщать людям о готовящемся покушении, но ситуация несколько изменилась. Даже в том случае, если наша диверсия удалась и содержимое контейнера обезврежено, попытка нападения на планету состоится, и новоземцы о ней узнают. Узнают и о том, что нападавшие — освеномы. Поэтому в ваших же интересах быть первым, кто предупредит правительство о грядущей опасности. Это сохранит шанс на добрые отношения между цивилизациями. И даст Новой Земле шанс хоть как-то подготовиться к атаке — если, конечно, мы успеем своевременно добраться до подходящей станции. Увы, *наши* предупреждения услышаны не были.

— То, что вы говорите, логично, — согласился президент. — Я сам думал о том, чтобы поступить подобным образом. Однако вы предложили разделить. Что в этом случае станет делать ваша команда?

— То же, что и намеревалась делать до встречи с вами. Лететь к Новой Земле и наблюдать за разворачивающимися событиями. В случае необходимости оказать посильную помощь населению.

— Насколько я понимаю, вы сильно рискуете, возвращаясь на родную планету? — уточнил освеном, испытывающе глядя на Рэя.

Тот усмехнулся.

— Бывают случаи, когда личное отступает на второй план.

Как мне показалось, в многочисленных глазах манкорианца читалось искреннее уважение. Впрочем, не исключено, что я просто приписывала ему свои собственные эмоции.

Глава 7

Мы опоздали. К тому моменту, как мы, отстыковавшись от манкорианского корабля в районе трансляционной станции, приблизились к Новой Земле, на планете уже творилось черт знает что. Мы получали информацию, используя два основных источника: радиосвязь, которая вполне прилично функционировала на орбите, и плантернет, подключение к которому, пусть не без перебоев, но удавалось. Над первым способом связи работал главным образом Брэн. Над вторым, не поднимая головы, — Кен.

Осколки фактов и слухов, которые нам удалось собрать, сводились к следующему. Освеномам удалось проникнуть на территорию Новой Земли. Один корабль пролетел над Северным континентом, второй над Южным. Иными словами, атаковать попытались обе населенные части планеты. Это произошло еще до нашего появления и, вероятно, даже прежде, чем Чарвокоррен успел передать сообщение с космической станции.

Один из звездолетов был сбит случайно оказавшимся поблизости кораблем ВБС «Галалэнд». Слово «случайно», проскользнувшее на одном из порталов, изрядно нас повеселило, разряжая нервную обстановку. Не иначе капитан Дебург и его экипаж как раз надумали провести отпуск, купаясь в водах Лазурного океана, омывающего восточный берег Северного континента. А вместо удочек и сачков прихватили с собой ракеты дальнего радиуса действия. Так или иначе, один освеномский корабль был теперь в распоряжении новоземцев. Второму же пока удавалось уходить от преследования.

Границы планеты были закрыты; нарушить их, не только приземлившись, но даже всего лишь войдя в атмосферу, с высокой степенью вероятности означало расстрел из соответствующего оружия без предварительного предупреждения. Предъявлять правительству претензии на этот счет было сложно: в сложившихся обстоятельствах режим чрезвычайного положения был оправдан.

Чего мы никак не могли понять, так это какой эффект возымело содержимое доставленных освеномами контейнеров. И был ли, собственно, какой-либо эффект? Непреложный факт — люди продолжали функционировать. Преследовать (и даже сбивать) корабли агрессоров, отдавать приказы, обсуждать последние новости на форумах и строить версии одна невероятнее другой. Спуститься на планету по упомянутым

уже причинам мы не могли, поэтому продолжали описывать круги вокруг орбиты. Для того чтобы усовершенствовать свои знания, было необходимо поговорить с кем-нибудь, кто был в курсе последних событий. Пробовали выйти на связь с «Галалэндом», но безуспешно. Особых надежд не питали с самого начала, поскольку звездолет только-только завершил участие в боевой операции и наверняка в эти самые минуты докладывался высшему начальству. Затем у Брэна возникла другая идея, и он, зафиксировав наушники, принялся набирать очередную комбинацию символов.

На этот раз ответ поступил практически сразу. Похоже, док воспользовался личными связями и мало кому известной линией, поскольку на экране возник не секретарь, не ассистентка, а импозантный, одетый в строгий костюм мужчина, сидящий в ортопедическом кресле с высокой спинкой.

— Привет, Виталий. Это Брэн, — по-свойски поздоровался док.

Ответа мы не слышали, зато отчетливо видели, как собеседник расплылся в широкой улыбке.

Из наушников послышался шум, свидетельствуя, что с той стороны говорят громко и эмоционально. Большого мы понять не могли. Но вскоре Брэн сказал:

— Хорошо, пусть твои ребята присоединяются, но с условием, что я тоже включу громкую связь.

Все то же невнятное оживленное гудение, и врач переключил рычажок громкой связи, одновременно снимая наушники, которые в дальнейшем разговоре стали бы скорее помехой, нежели подспорьем.

— Ну, ты, конечно, дал, дружище! — протянул Виталий. Интонация, манера говорить и даже выбор слов — все свидетельствовало о том, что этот человек совсем не такой строгий и нудный, как можно было решить исходя из его внешнего облика. — Может, объяснишь теперь нам с коллегами, какого черта тут везде творится с твоей легкой руки?

Коллеги и правда облепили экран. Многие из них были молоды, и все строго одеты — должно быть, как раз те самые помощники и ассистенты.

— Ты мне льстишь, — проворчал Брэн. — К той чертовщине, которая у вас сейчас творится, приложила руку еще пара-тройка человек и нелюдей.

— Да, про освеномов мне известно, — подтвердил тот. — Но хотелось бы получить более точную информацию. Здесь такой хаос, что в сети, что снаружи — просто сам черт ногу сломит.

— Нам тоже многое хотелось бы узнать, — подхватил Брэн, — причем очень и очень срочно. Возможно, речь идет о миллионах жизней. — На том

конце линии заметно посерьезнели. — Поэтому скажи мне, пожалуйста, первым делом: после атаки освеомов у вас появились пострадавшие с психическими отклонениями?

Мы затаили дыхание, отчаянно надеясь на отрицательный ответ. Вот он, момент истины: удалось нам реализовать план Джекки, или же все усилия пошли насмарку?

— Еще как появились! — уверенно, но почему-то без намека на траурное настроение ответил Виталий. — О чем ты вообще спрашиваешь? Не знаю, как на Северном континенте, а здесь у нас все вокруг просто чокнутые. Мечутся туда-сюда, пишут в сети такую ересь, что читать смешно, считают, что все должны спрятаться по убежищам, но ради того, чтобы сообщить об этом, собирают огромные толпы народа на открытых площадях... Короче, нормальная паника, но бреда такого уровня я, кажется, еще не видел.

Мы выдохнули с некоторым облегчением, хоть и понимали: настоящего ответа на свой вопрос мы пока не получили, и все еще впереди.

— Меня интересует другое, — внес за нас всех уточнение док. — Есть массовые случаи реального психоза? Возможно, неизвестного науке? Особенно на тех участках, над которыми пролетали корабли освеомов? Предположительно именно там в атмосферу был выпущен вирус.

— Так это все-таки был вирус, — сдвинув брови и опустив глаза, покивал Виталий. — Мы это предполагали, но полной уверенности до сих пор не было. Но нет, ответ на твой вопрос — нет. Учитывая сразу возникшие опасения, мы госпитализировали людей, находившихся в очаге предположительного заражения. Их состояние отслеживают. Показатели в норме. Странностей в поведении тоже нет, ну, не считая паники, естественной при подобных обстоятельствах.

— А как насчет эмоциональной нестабильности? Напоминающей, скажем, симптомы маниакальной депрессии?

— Нет, ничего такого не было. Меня бы известили. Пробы воздуха сейчас тщательно исследуют в лабораториях. Но пока ученые способны объяснить обнаруженное лишь нецензурными словами. При переходе на нормативную лексику и тем более научную терминологию сразу теряются. Короче, освеомы задали нам задачку. Ты сможешь ее решить?

— Сам нет, но я отправлю к вам отличного специалиста, который все объяснит в деталях. Матерных слов он, скорее всего, даже не знает, зато языком формул владеет виртуозно. И очень подробно расскажет, что за компоненты содержатся в этой гадости, а также почему она в конечном итоге не сработала. Очень талантливый мальш, рекомендую выделить ему

лабораторию, он вам сделает еще кучу открытий в области межпланетной биологии.

Мы с Рэем покосились на Джекки. Тот стоял красный как рак, отодвинувшись подальше от докторского экрана и камер.

— Если в двух словах, — продолжал Брэн, — то эта отравка должна была дестабилизировать психическое состояние людей, после чего планировалось вторжение на Новую Землю. Но мы туда кое-что незаметно подмешали, своеобразный нейтрализатор, так что надеюсь на отсутствие последствий.

— Ну вы даете, — покачал головой Виталий, одновременно впечатленный этим достижением и шокированный масштабами угрозы. — Как вам удалось такое провернуть?

— Ничего не пришлось бы проворачивать, если бы некоторые личности вовремя прислушались к нашим предостережениям, — уклончиво ответил док.

— О да! — Собеседник охотно ухватился за предложенную тему. — Наслышан я о предупреждениях. Там сейчас головы летят — мама не горюй! Можешь не сомневаться: каждый, кто знал о возможной атаке и ничего не предпринял, по меньшей мере навсегда лишится работы независимо от статуса. Впрочем, многие из тех, кто ничего не знал, но допустил, — тоже. Так что, признаться, я рад, что служу в аналитической правительственной организации, а не в ВВС или министерстве обороны.

— Надеюсь, «Галалэнда» эти санкции не коснутся?

Виталий фыркнул в знак отрицания.

— «Галалэнд» сегодня герои. К тому же Дебург передавал начальству ваши предостережения, так что головы полетят у вышестоящих.

— Ладно, другой вопрос. Ты не в курсе, выходил ли на связь президент освеномов?

— Ты и об этом знаешь? — изумился Виталий. — Этак я заподозрю, что ты не в опале, а просто перешел работать в разведку, причем далеко не эскулапом. Ладно-ладно, только не спорь! — поспешил добавить он прежде, чем док выразил желание что-либо сказать. — Я же понимаю, что ты в любом случае не признаешься! — Он хохотнул, радуясь собственной шутке. — Короче, раз ты уже осведомлен, то да, их президент, имя которого я выговорить не способен, звонил и предупредил о предстоящей атаке. Не сказать, что это помогло, — на станции, которой он воспользовался, были перебои, и информация достигла нас, когда манкорианские корабли уже вошли в атмосферу. Но в политическом плане галочка была поставлена.

— И что теперь? — любопытно спросил Брэн. — Встреча на высшем уровне отменена или состоится, как было намечено?

Я внимательно прислушалась: меня тоже интересовал ответ на этот вопрос.

На сей раз Виталий долго думал, прежде чем заговорить.

— Скажем так: ее перенесли. Как по времени, так и территориально. Думаю, в ближайшие месяцы пускать освеномов на Новую Землю и обитаемые спутники не будут. Но космос большой.

Понятно. Вероятнее всего, время и место переговоров уже известны, но выдавать нам такую информацию приятель дока, естественно, не уполномочен. Да нам оно и не надо: присутствовать при общении президентов мы и не планировали. Главное, что отношениям цивилизаций все-таки не пришел конец.

— Послушай, Брэн, — взгляд Виталия стал сосредоточенным, — нам нужен этот твой юный гений. Ты же понимаешь, что с учетом обстоятельств мы не вправе терять ни минуты. И не можем гарантировать, что биологическая угроза миновала. Ты сам говоришь, что не до конца уверен в эффекте. Ученый нужен мне здесь, — он постучал рукой по столу, — лабораторию ему, можешь не сомневаться, я организую.

Док покосился на Джекки, тот с готовностью кивнул.

— Ладно, в хорошие руки я, так и быть, его передам. Но есть сложность. Приземление на планету в данный момент запрещено. К тому же у нас имеются собственные причины не спешить на встречу с Новой Землей.

— Да не вопрос. Вышлю корабль, состыкуетесь на орбите.

Брэн обменялся многозначительными взглядами с Рэем, потом обернулся к остальным членам команды. Риск был понятен: знакомец дока мог решить, что «долг перед родиной» превышает всего, в том числе и дружбы. И тогда сразу же после стыковки нас ожидает неприятный сюрприз.

— Раз уже решили, поздно отступать, — тихо, но без тени сомнения ответил Рэй на не озвученный вопрос.

— Хорошо, Виталий, — громче произнес Брэн, — но очень надеюсь, что ты обойдешься без глупостей. И прежде, чем мы начнем договариваться о деталях, будь добр, отошли свою группу.

Так и случилось, что наш звездолет неспешно двигался по новоземской орбите в ожидании стыковки, умышленно незащищенный от слежения радаров. Иными словами, режим невидимости был отключен. И когда к нам приблизился корабль, модель которого была похожа на

используемые гуманоидами, мы не сразу заподозрили неладное. А когда профессионалы разглядели детали, свидетельствующие, что он не имеет никакого отношения к флоту Новой Земли, было уже поздно.

Все прошло примерно так же, как при нашей предыдущей встрече с освеномами. Нас просто затянули внутрь, будто пылинку, поглощаемую пылесосом. После чего манкорианцы поспешили покинуть орбиту, и у посланных Виталием пилотов уже не было никаких шансов нас отыскать.

Дальнейшие события развивались совсем иначе, нежели «в плену» у Чарвокоррена. С нами никто не церемонился. Освеномы ворвались на нашу территорию и, не спрашивая, зато угрожая оружием, вывели наружу. Мы были вынуждены повиноваться. Численное преимущество было на их стороне, к тому же наше пребывание в своеобразной мышеловке не позволяло выдвигать свои условия. Поэтому в наших рядах победил разум, и мы сдались без борьбы, однако это не означало, будто мы не вынашивали планы на ответную пакость.

С нами заговорили лишь один раз, на манкорианском наречии, и механический голос электронного переводчика донес до нас смысл сказанного, нечто в духе «Следуйте за нами. Сопrotивляться не в ваших интересах». Перед тем как мы получили возможность за кем бы то ни было проследовать, нам завязали глаза. Всем девятерым, одинаковыми повязками. При этом очки Джекки и Тин-Рока сбросили на пол и умышленно на них наступили, раздавив стекла. Это пугало. Не просто нервировало, а именно пугало, отчего в горле сформировался противный комок, затруднявший глотание. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что именно в этом состояла одна из целей завязывания глаз. Нагнать страху. Ведь страх — это сильная эмоция, а эмоции для освеномов — что-то вроде топлива. Вторая причина сводилась к отсутствию на корабле тюремных камер. Помещения, запирающиеся на ключ снаружи, отсутствовали, во всяком случае в той части звездолета, куда нас провели. Попав сюда с завязанными глазами, мы не могли знать, как открываются кодовые замки, да даже понять, где именно расположены сливавшиеся со стенами двери.

После продолжительного перехода, утомительного главным образом с моральной точки зрения, мы остановились в довольно просторном помещении, судя по тому, что теперь не приходилось жаться друг к другу, как в узковатых коридорах. Однако снять повязки нам не разрешили. Зато немало удивили вопросом, кто из нас является Рейером Макнэллом и Самантой Логсон. Не знаю, как скоро отреагировал Рэй, сама я подняла руку с задержкой в пару секунд. Соблазн затаиться и промолчать был велик, но ведь в конечном счете времени я бы выиграла не много, а вот

создать своим спутникам проблемы могла бы. А их у нас и так хватало.

Нас с Рэем подтолкнули друг к другу и вывели в соседнее помещение, предварительно набрав комбинацию символов кодового замка, об этом свидетельствовали сопутствовавшие звуки. Дверь за нашими спинами закрылась, и лишь теперь мы получили разрешение снять повязки.

Привыкнуть к приглушенному искусственному свету оказалось нетрудно, и я поспешила оглядеться. Вне всяких сомнений, мы находились в местном аналоге командного отсека, хотя помимо панели управления здесь обнаружилось оборудование, больше напоминающее скромную лабораторию. Полупрозрачные контейнеры, похожие на осветительные приборы, наполненные уже знакомой на вид синей жидкостью, и с тянущимися к стенам проводами. В специальных подставках — несколько склянок с раствором другого цвета. А в самом центре помещения — высокая конусообразная конструкция, по которой нервозно пробегали, чтобы затем вновь исчезнуть, цветовые пятна. От конструкции тоже отходили многочисленные провода, несколько из них крепились к креслам, установленным вплотную спинкой к спинке.

Отсек, однако же, оказался еще просторнее, поскольку приличная его часть отделялась от нашей прозрачной стеной, на первый взгляд совершенно однородной и не имевшей дверей. Именно там, за «стеклом», находились наши спутники, тоже успевшие избавиться от масок. Освеномов в их помещении не было, видимо, никто не опасался, что кто-либо из пленников сумеет ускользнуть из этой прозрачной клетки. Зато на нашей стороне отсека я насчитала шесть особей. Хоть и не сразу, но заметила державшуюся в стороне Линду. Все такую же аккуратную, серьезную, сосредоточенную, в деловом костюме, с хорошо уложенными светлыми волосами и без тени сомнения или раскаяния на суровом лице. Впрочем, сцепленные пальцы наводили на мысль о нервозности, которую ученая дама тщательно скрывала.

— Ну хорошо. И что вам от нас нужно? — любопытно спросил Рэй, обращаясь не к жене, а к одному из освеномов.

Мы уже знали, что автоматические переводчики у них имеются.

Выбор адресата был не случайным. Еще перед тем, как нам завязали глаза, Кен успел указать мне на манкорианца со словами «Это тот самый, из лаборатории». В ответ на мое удивление, как ему удалось это определить — для меня они все были на одно лицо, он кивнул на полоску белесого шрама на левой руке. Сама бы я на эту деталь внимания не обратила.

И вот теперь этот освеном, глава охранников подпольной

лаборатории, находился здесь, в нашей части командного отсека. Но вместо него заговорил другой.

— Я — Количаррен, предводитель законной оппозиции Манкора, борющейся за правое дело. — Говорил он, разумеется, на своем наречии, но мы слышали перевод, раздававшийся из небольшого аппарата, висевшего на уровне его шеи. — Вы и ваша команда нарушили наши планы. Мы как никогда были близки к цели. — Его глаза сузились, а гнев явно нарастал. — Два наших корабля добрались до новоземских континентов. Мы ожидали на орбите и, едва вирус начал бы действовать, должны были приземлиться на поверхность планеты. Эмоциональный всплеск, который непременно последовал бы в результате самоотверженных действий наших товарищей, обеспечил бы нас огромным количеством энергии и позволил занять прочные позиции на Новой Земле до прибытия подкрепления. В нашем распоряжении сверхмощное оружие, для использования которого не хватает должного количества психотоплива. Кроме того, корабли наших соратников ожидают недалеко от системы Рейзы. Вашими стараниями все наши планы пошли насмарку. Теперь мы застряли вблизи Новой Земли, и нашему кораблю не хватает топлива даже на то, чтобы вернуться домой. И вам придется хотя бы частично компенсировать урон.

Автоматический переводчик не отражал интонаций, но не уловить угрозу в последних словах было затруднительно.

— Чего же вы хотите? — Голос Рэя звучал спокойно, мне оставалось лишь позавидовать его самообладанию.

— Сейчас мы подключим вас к нашему психодвигателю, — с бесстрастностью удава произнес освенон.

Кивком головы он дал знак своим помощникам, и те быстро втолкнули нас в кресла, пристегнули ремнями и нацепили на руки какие-то провода. Теперь я Рэя не видела: мы оказались сидящими спина к спине.

Наши спутники прильнули к прозрачной стене, кто-то даже стукнул по ней со всей силы, но, увы, это было не обычное стекло — скорее всего, тот же материал, что и в тюремной камере подвального этажа. Разбить его было нереально.

— Затем при помощи этого аппарата, — Количаррен неопределенно кивнул в направлении каких-то проводов, — система начнет причинять вам боль.

Волна страха пробежала по телу, и почти сразу же ускорился ритм, в котором кружили по конусу цветные пятна. Послышалось еще несколько тщетных ударов в герцианское стекло.

— Почему именно они? — крикнул с той стороны Кен. Слышимость

была отличной, звук беспрепятственно проходил в обоих направлениях. — Выпустите хотя бы женщину! В конце концов, они слабее мужчин! Возьмите меня вместо нее, если надо!

— Способность испытывать эмоции у особей мужского и женского пола одинакова, — менторским тоном сообщил Количаррен. Тон, разумеется, характеризовало оригинальное высказывание, а не автоматический перевод. — И выбор наш не случаен. Рейер Макнэлл — беглый заключенный, в одночасье лишившийся головокружительной карьеры. Его психика нестабильна сама по себе, и эмоциональный фон подходит нам как нельзя лучше. Саманта Логсон — пратонка, всю жизнь скрывавшаяся под чужой личиной. Постоянное нервное напряжение, вечный страх разоблачения, одиночество, а в последнее время — резкие перемены, сопровождавшиеся эмоциональным всплеском. Мы умеем собирать информацию. Лучших кандидатов среди присутствующих нам не найти. Но в случае если эти подопытные перегорят, можете не сомневаться, что мы перейдем к следующим.

Слово «перегорят» прозвучало, мягко говоря, пугающе. Цветовые пятна вновь ускорили свое движение.

— Обдумайте в таком случае кандидатуры собственных приятелей, — посоветовал Рэй.

— Точно! — подхватила я. — Наверняка у кого больше глаз, у того и эмоций больше.

Увы, освенумы восприняли эти издевательства в высшей степени спокойно. Наверняка наше поведение их полностью устраивало. А вот что показалось мне странным, это реакция Линды. Супруга Рэя не была ни холодна, ни равнодушна, ни сурова. Взгляд ее выражал целую гамму эмоций — волнение, сомнение, быть может, даже смятение. И отчего-то этот взгляд был устремлен не на мужа, а на меня. По какой причине? Думаю, даже в обычном своем состоянии я не смогла бы ответить на этот вопрос. Тем более сейчас, когда сознание мое было затуманено страхом.

— Переходим к следующему этапу.

Количаррен надавил на какой-то рычаг, и все мое тело пронзила острая боль. Казалось, болела каждая клеточка, независимо от того, присутствовали там нервные окончания или нет. Я закричала, а вскоре услышала, что рядом кричит Рэй: освеном привел в действие второй рычаг, точно такой же. Стало вдвойне больно и за него, а в груди начала зарождаться паника: этой пытке не будет конца, и мы уже не выйдем отсюда живыми. Криков, раздававшихся из-за стекла, и очередных бесплодных стараний его разбить я уже не слышала.

Перерыв оказался внезапным и неожиданным, словно глоток свежего воздуха в газовой камере. Тяжело дыша, я обессиленно откинула голову на спинку кресла. Когда голову начали посещать хоть какие-то мысли, первой из них была: нас освободили. Но нет, одного взгляда хватило, чтобы понять, что все оставалось, как раньше. Я пристегнута, друзья за стеклом, вокруг — полдюжины освеномов, в стороне — Линда, почему-то бледная и взволнованная, но это беспокоило меня в последнюю очередь. Может, ее собираются использовать в качестве материала для топлива следующей, когда в нас с Рэем жизненной энергии уже не останется? Что ж, даже если так, туда ей и дорога.

— Сэм! Сэм, как ты? — донесся из-за спины тревожный оклик Рэя.

— Если скажу, что прекрасно, ты все равно не поверишь. — Я сама удивилась тому, как тихо прозвучал ответ, но надеялась, что кэп все-таки услышит. — Но я в сознании, это точно.

— Самое главное в подобном деле — не перестараться, — прохаживаясь по отсеку-лаборатории, спокойно произнес манкорианец. — Боль нельзя делать слишком слабой, иначе объекты быстро к ней привыкнут. Но и чрезмерность вредна, равно как необходимы и перерывы. Невыносимая постоянная боль заставляет объект полностью сосредоточиться на физических ощущениях и попытке хоть как-то с ними справиться. Наша же задача — оставить место эмоциям. Сильным эмоциям — страху, панике, жалости к себе и другому, ненависти к мучителям. Весь этот коктейль превосходно наполняет контейнеры психоэнергией, что в свою очередь приводит в действие двигатели и позволяет нам уйти далеко от Новой Земли. На данный момент мы уже с приличной скоростью движемся к границе системы Рейзы.

Не знаю, говорил ли он это специально для нас или же обращался исключительно к своим соплеменникам, а переводчик сработал автоматически. Но мне стало жутко от его слов. К перечисленным освеномом эмоциям добавилось отчаяние: скоро мы окажемся далеко от дома, фактически без шансов на спасение.

— Сэм! Слушай меня внимательно. — Рэй старался говорить негромко, чтобы не привлекать внимания манкорианцев, но при этом вложил в свой голос весь дар убеждения, на который был способен. — Они ничего необратимого с нами не сделают. Они заинтересованы в том, чтобы мы были в порядке. Боль — да, но они всячески стараются не нанести нашему организму серьезных повреждений. И всегда будет наступать время отдыха. Держись, Сэм! Это надо просто пережить. Это закончится, я тебе гарантирую. Про нас знает Виталий, про нас знает Чарвокоррен, нас ищут

ВБС и основные силы освеомов тоже. За этими преступниками гонится вся галактика. Нас освободят, надо только сжать зубы и немного подождать.

Не знаю, во что из всего сказанного он действительно верил, а что говорил с единственной целью меня успокоить, но, так или иначе, я и правда немного успокоилась. Словно почувствовала у себя за спиной опору, которая будет рядом всегда, до последнего края и вдоха, никогда не предаст и не исчезнет, пусть даже я и не могу ее видеть. Жаль, что у меня нет глаз на затылке, как у этих гадов...

В это время один из них снова потянулся к рычагам.

— Не понимаю, почему надо устраивать все эти глупости с болью, — подчеркнуто громко заявил Рэй. — Вы не могли вместо этого рассказать анекдот? Смех, знаете ли, сопровождается достаточно сильными эмоциями, да к тому же продлевает жизнь.

Разумеется, он всего лишь тянул время, и надолго этот прием не сработал. Боль снова моментально распространилась по всему телу.

* * *

А между тем всплеск эмоций, происходивший за стеклом, был вряд ли слабее, чем то, что творилось в непосредственной близости от центрального накопителя энергии. Недаром более мелкие контейнеры были расставлены и здесь, и быстро заполнялись слепящей глаза синевой.

Еще несколько ударов кулаком по прозрачной стене не привели ни к чему. Кроме резкой боли в руке.

— Мне очень повезло, что ты находишься с той стороны, — зло бросил Кен Линде, стоявшей совсем близко, хоть и вне досягаемости.

— Это еще почему?

Ученая говорила холодно и, казалось, мыслями была вовсе не с хакером, а там, в центре отсека, где инопланетяне измывались над Самантой и капитаном.

— Потому что в противном случае я бы тебя убил, — совершенно искренне, без тени бахвальства ответил Хендрейк. — А насилие над женщиной против моих принципов.

— О принципах заговорил? — Линда неожиданно вспыхнула. — Строишь из себя белого и пушистого? Я, может, и ввела тебя в заблуждение, но не забывай, ты сам тогда принял решение. Тебя никто не заставлял палить из эксплоудера, взламывать сеть гражданского

космофлота и писать поддельные письма о самоубийстве. Если бы ты отказался, мне бы пришлось искать другого исполнителя.

— Не отказался, — без колебаний признал он. — И белого-пушистого из себя не строю. Но я, во всяком случае, сожалею о том, что совершил. И знаешь, это действительно хорошо, что ты сейчас за стеклом. Все же я кое-чем тебе обязан. Я всю свою сознательную жизнь просидел в виртуальном мире. А благодаря твоим козням в реале познакомился с людьми, которых действительно уважаю. И с которых, как бы смешно это ни звучало в моем возрасте, хочу брать пример. И двое из них сейчас по твоей милости сидят в этих креслах и испытывают адскую боль. И за это я все-таки придушил бы тебя, если бы мог.

При упоминании Саманты и Рэя Линда плотно сжала губы и отвернулась, возможно, даже не дослушав Кена до конца. Было в этом нечто странное. Неужели спустя столько времени в ней все же проснулось сострадание к мужу?

Женщина отдалилась от стекла, и хакер поступил так же, но для того, чтобы переговорить с Брэном.

— У тебя же есть бластер, — шепотом сказал он. — Я видел, как ты его спрятал в той неразберихе.

— Для жителя виртуального мира ты слишком внимателен, — прошептал в ответ док. — Строго говоря, это не бластер, тот не поместился бы в сапог, но оружие действительно имеется. Только что дальше? Герцианское стекло прострелить можно разве что из эксплоудера, а у меня не то что одежды, даже анатомии не хватит, чтобы такое припрятать. Что предлагаешь делать? Начать отстреливать всех вас по очереди, авось освеномы заволнуются и откроют-таки проход?

Кен понимал, что Брэн переживает не меньше его самого, и именно поэтому каждое слово дока источает сейчас яд, так что обид не было. О такой ерунде, как обиды, речи сейчас вообще не шло, но что-то необходимо было предпринять, притом незамедлительно!

— У меня тоже есть оружие, — подходя, тихо сообщила Иолетрия. — Меня как женщину они едва обыскали.

— Наверное, освеномы — шовинисты почище людей, — подключилась Гайка. — Бластера у меня не осталось, зато есть парочка инструментов, которыми можно легко размозжить голову особи любого вида.

— Значит, все, что нам нужно, — это выбраться на ту сторону, — подытожил Кен. — Но как? Вот он, кодовый замок. — Хакер указал на коробку с сенсорной панелью, на которой были изображены не известные

никому из присутствующих символы. — Если бы мы только знали код! Но пока они его набирали, у нас были завязаны глаза, а на то, чтобы подбирать его наугад, уйдут месяцы... Если бы у меня была специальная программа... Но что толку об этом мечтать?!

— Вы нужно дверь здесь открыть? — От волнения Тин-Рок стал делать в новоземском намного больше ошибок, чем обычно. — Я думал, нельзя, иначе вас сразу убить.

— У нас есть оружие. Внезапность поможет. Если сможем открыть, прорвемся, — объяснил док, косясь на освеномов.

Уверенные в том, что пленникам не выбраться, они даже не подходили близко к стеклу, полностью сосредоточенные на том, что происходило сейчас в лаборатории.

— Тогда я наберу код. Здесь нужно пять знаков. Сейчас...

Подойдя к коробке, роцеанец прикрыл глаза и принялся издавать привычный клекот. Потом нажал первую кнопку...

— У тебя же были завязаны глаза... — начал Кен и тут же замолчал, хлопнув себя ладонью по лбу.

Ну конечно! Завязывать глаза роцеанцу — это ведь совершеннейший идиотизм, на который способны лишь те, кто ничего не знает о жителях планеты Рока! Тот освеном еще скривился, срывая темные очки, думая, что это всего лишь признак пижонства. А между тем все то время, что они шагали по кораблю в темноте, клекот ни на секунду не прерывался. Жители подземных пещер не привыкли полагаться на зрение, для них гораздо важнее слух. И Тин-Рок с завязанными глазами слышал — или в своем особенном смысле видел — все вокруг. В том числе и то, как один из манкорианцев набирал на замке код, оставляя пленников взаперти, чтобы пройти в другую часть отсека.

Док, тоже сообразивший, что происходит, быстро раздавал указания собравшейся вокруг него группе. Спрятанный в сапоге миниатюрный пистолет уже потихоньку перекачивал в его руку. Гайка передала один из своих смертоносных инструментов Аркадайосу.

На то, чтобы определить по памяти расположение нужных кнопок, Тин-Року потребовалось секунд пятнадцать. В стекле появилась щель и за несколько секунд бесшумно увеличилась в размерах, превратившись в полноценный проход.

Первым внутрь скользнул Брэн, держа пистолет наготове. Тот был крохотным и внешне казался игрушечным, но первый же выстрел продемонстрировал, насколько ошибочно такое впечатление. Ближайший к «камере» освеном рухнул как подкошенный. Док тоже рухнул, но лишь для

того, чтобы не принять на себя ответный выстрел. Быстро перекатившись по полу, он спрятался за ближайшее кресло и продолжил пальбу уже оттуда. Пока он отвлекал на себя внимание, еще несколько пленников выбежали из-за стекла и заняли относительно безопасные позиции.

Иолетрия также сделала несколько выстрелов. Правда, попала всего один раз — и то лишь царапнула освеному руку. Боевого опыта у нее не имелось, как и ни у кого из присутствующих, за исключением дока. Однако и ее действия принесли пользу, на время отвлекая внимание манкорианцев. Это позволило Гайке подползти к телу освенума, подстреленного Брэном, и забрать его оружие, которое она передала Кену.

В очередной раз высунувшись из укрытия, Брэн снял пилота, после чего обеспечил прикрытие Аркадайосу, позволив ему короткими перебежками добраться до панели управления. В задачи дуэллийца, лучше всех разбиравшегося в подобных устройствах, входило заблокировать вход в командный отсек, изменить курс, фактически развернув корабль в противоположном направлении, и, едва это станет возможным, попытаться вызвать на связь Новую Землю. Что из всего этого окажется реализуемым, а также как долго Аркадайосу удастся удерживать управление в своих руках, не знал никто. Оставалось только надеяться на лучшее и делать все возможное, чтобы это лучшее состоялось.

С самого начала операции Кен ожидал от Линды какого-нибудь подвоха. То ли она поднимет шум, привлекая внимание освеномов к попытке прорыва, то ли окажет сопротивление сама, например, попытается закрыть появившийся в стекле проем или пригрозит экипажу Рейера собственным оружием. Но ничего подобного не произошло. Линда, заметившая неладное раньше своих сообщников, молча наблюдала, держась в стороне от стремительно развивавшихся событий. Никак не помешав пленникам, она укрылась от перестрелки за стеной лабораторного шкафа. Но, как вскоре выяснилось, переждать там всю заваруху до конца тоже не собиралась. Наоборот, стоило выстрелам утихнуть, а нескольким противникам сойтись в рукопашной, она вихрем ринулась к конусу, в креслах возле которого до сих пор сидели Рэй с Самантой. Сидели и кричали, поскольку, увидев, что происходит, Количаррен сдвинул рычаги так, чтобы усилить воздействие. Трудно сказать, какие соображения двигали им в этот момент. То ли желание отомстить, то ли стремление напугать и этим образумить взбунтовавшихся, то ли отчаянная попытка набрать как можно больше энергии, пока у него еще была такая возможность. Так или иначе, именно он получил роковой выстрел из небольшого пистолета. Почти такого же крохотного, как у

Брэна. Только в отличие от врача хозяйка этого оружия смогла беспрепятственно подойти близко к освенному, не вызвав ни малейших подозрений.

* * *

Плохо осознавая происходящее сквозь призму адской боли, краем глаза я все же смогла уловить приближение Линды и даже сумела повернуть голову. Слышала раздавшийся рядом выстрел и видела, как Количаррен упал без чувств. Мертвый или живой, не знала, но жаль его мне в любом случае не было.

Практически не останавливаясь, Линда метнулась к нам. Если я в своем нынешнем состоянии еще способна была испытывать какие-либо чувства за исключением физической боли, то, пожалуй, можно сказать, что я испугалась: мне показалось, что следующими мишенями станем мы с Рэем. Но она просто не успела спрятать пистолет, как выяснилось. Заткнув его за пояс, ученая преодолела последний шаг, отделявший ее от консоли управления, и одним рывком возвратила рычаг в исходное положение. От столь резкой смены состояния я чуть не потеряла сознание, но постаралась сжать кулаки и усилием воли сумела удержаться на грани. Похлопать себя по щекам не могла и вместо этого заставила работать мозг, мысленно проговаривая все, что происходило поблизости. Вот сейчас Линда переключит рычаг Рэя — так же, как только что сделала со мной. Потом подойдет к нему и расстегнет сковывающие ремни. И может быть, даже обнимет его в порыве чувств.

Полнейшим сюрпризом оказалось то, что Линда и не подумала заниматься вторым рычагом. Вместо этого она метнулась ко мне и, одарив успокаивающим взглядом, коснулась ремня. В этот момент раздался еще один выстрел. Почти рядом, судя по его громкости. Только я успела додумать последнюю мысль, как Линда начала медленно оседать на пол, а по ее аккуратной, идеально выглаженной рубашке стремительно расползлось багровое пятно. Тем не менее, неимоверным усилием воли удержавшись за подлокотник кресла, жена Рэя закончила расстегивать стягивавший меня ремень и лишь после этого позволила своей воле ослабить железную хватку и упала без чувств.

Я вжалась в кресло, ожидая следующего лазерного луча. Выстрел действительно не заставил себя ждать, вот только мишенью оказалась не я. Ранивший Линду освеном пошатнулся и рухнул как подкошенный, в

процессе падения выронив из руки собственное оружие. А я смотрела, как замороженная, еще не окончательно придя в себя, и с немалым удивлением отметила, до чего же их кровь похожа на нашу, человеческую. Пистолет в руках Кена, почему-то громоздкий, манкорианский, оставался наготове, но новых потенциальных жертв поблизости, кажется, не было.

Стоны Рэя вывели меня из состояния оцепенения. Он не кричал, то ли сдерживая себя, то ли потеряв последние силы. Резво высвободившись из ремней, я бросилась к консоли и изо всех сил дернула его рычаг. К счастью, в нужном направлении. Легкая вибрация кресла, сопровождавшая пытку, мгновенно прекратилась. Стоны тоже прервались, перейдя в тяжелое шумное дыхание. Подбежав к Рэю, я опустилась перед ним на колени и принялась ожесточенно отстегивать ремни. Из-за волнения и от слабости сделать это удалось не с первого раза.

Кэп пришел в себя быстро. Вскочил, одновременно разворачиваясь, чтобы оценить обстановку, обхватил меня с целью не столько обнять, сколько защитить. Но выстрелов больше не было. В командном отсеке наступила тишина, плохо сочетавшаяся с царившим вокруг разгромом. Перевернутая мебель, осколки пробирок, пятна вытекшей из них жидкости, не говоря уже о крови, обрывки проводов. И тела. Мертвых или раненых — на первый взгляд определить было трудно, но, к счастью, не наших. Среди лежавших на полу помимо Линды были только освеномы. Кен оказался ранен в левую руку, и Иолетрия делала ему перевязку. Лицо Гайки перепачкано кровью, я не могла понять, ее собственной или чужой, но девушка выглядела бодрой, как и обычно. Один из освеномов — я так и не смогла разобраться, который, их было слишком сложно различать — получил легкое ранение, и Джекки с Тин-Роком связывали ему руки за спиной. Хорошо хоть рук у этих гадов только одна пара в отличие от глаз... Потом ребята приступили еще к двоим, из чего я заключила, что те тоже живы, хоть и пребывали пока в беспамятстве.

А док... Док склонился над Линдой. Она еще дышала, но дело было плохо. Рана на груди выглядела жутко, рот был приоткрыт в отчаянной попытке поймать ускользающий воздух, взгляд заволокло туманом.

— Аркадайос! В каком мы положении? — спросил Рэй и, пошатываясь, двинулся к жене.

Я помогала ему, обхватив за талию и поддерживая, впрочем, он точно так же помогал мне. Наверное, мы выглядели сейчас как пара инвалидов, но некому было оценить столь специфическую картину.

— В интересном, — откликнулся пилот, и оставалось подивиться тому, что способность шутить, не слишком-то ему свойственная,

проявилась в такой непростой ситуации. — На самом деле все не так плохо. Заблокировать выходы удалось, поменять курс тоже. Линги помог разобраться со здешними надписями. — Лингуан взобрался по рукаву Аркадайоса повыше и довольно вытянул шею. — Держим курс на Новую Землю. Но связаться с ними пока не удастся, а если заявимся на этом корабле без предупреждения, нас расстреляют на подлете и правильно сделают. На звездолете действительно полно освеномов, и я не знаю, как долго их будут сдерживать запертые двери.

— Хоть до бесконечности, — сообщил хриплый, ослабевший, но не менее уверенный голос.

Все обратили взоры на Линду, над которой по-прежнему колдовал Брэн.

— Если вы все сделали правильно, отсек полностью герметизирован, — продолжила она после короткой паузы. — Это продумано на случай бунта на корабле. Внутри никто не прорвется, и можно спокойно доставить звездолет туда, где капитана поддержит подкрепление.

— Внушает оптимизм, — констатировал Рэй. — Примерно так мы и поступим. Если, конечно, удастся связаться с Новой Землей. Аркадайос, продолжай попытки. Позднее кто-нибудь тебя сменит.

Он сел на пол рядом с Линдой. Ее голова покоилась на коленях у дока. Кен подошел, держа в руках импровизированную подушку, попросту говоря, выломанную спинку одного из кресел. Я перехватила взгляд врача. Он пессимистично покачал головой.

— Линда, могу я тебя кое о чем спросить?

Рэй задал этот вопрос жене, но и на друга тоже покосился, готовый прислушаться к его рекомендациям.

— Можешь, можешь. — Губы женщины чуть растянулись, наверное, в усмешке, но понять это сейчас было сложно. — Только, Брэндан, будь так добр, вколи мне что-нибудь, чтобы я была в состоянии говорить нормально. И не говори, будто у тебя нет при себе хоть какого-нибудь завалящего стимулятора. В жизни не поверю.

— Да стимулятор-то найдется, — вздохнул док, — но пользы твоему здоровью это, знаешь ли, не принесет.

Последовавший булькающий звук абсолютно точно должен был изображать смешок.

— Пользы здоровью? Брэн, я не медик, но достаточно хорошо разбираюсь в анатомии. Шансы у меня нулевые. Давай так, положи руку на сердце. Если бы перед тобой стоял выбор — десять минут в адекватном

состоянии или полчаса бессознательного бреда, что бы ты предпочел?

Врач сжал губы, недовольный такой постановкой вопроса, но, видимо, Линда била не в бровь, а в глаз. Вздохнув, док все-таки извлек из нагрудного кармана крохотный кругляш и приложил к ее плечу, предварительно надорвав рукав блузы. Взгляд блондинки прояснился, дыхание немного выровнялось, лицо стало чуть менее бледным, хотя до нормального цвета ему все равно было далеко.

— Так-то лучше. — Линда немного поерзала, устраиваясь удобнее, и это тоже свидетельствовало о временном улучшении ее состояния. — Давайте, спрашивайте.

— Зачем ты во все это ввязалась?

— Почему вы меня спасли?

Вопрос сорвался с моих губ одновременно со словами Рэя. Я замолчала, понимая, что влезла не вовремя, но отступить было поздно.

Линда попыталась засмеяться, правда, далось ей это тяжело. Grimаса боли сменилась надрывным кашлем.

— Такие разные вопросы, — прохрипела она, — а ответ один. Я — пратонка.

— Вы?!

— Ты?!

Мы с Рэем снова высказались одновременно; похоже, так действовало на нас присутствие Линды, и к этому следовало привыкать.

— Ты никогда об этом не упоминала, — добавил Рэй.

Тут у меня параллельной реплики не нашлось.

— Конечно, — невозмутимо отозвалась Линда. — Мое происхождение скрывалось с самого раннего детства, практически с рождения. Я всю жизнь существовала под чужим именем. Но обо всем знала. И видела, как несколько близких мне людей умерли, не выдержав бесконечных облучений, которым их подвергали во время исследований. Ты спрашиваешь, зачем я во все это ввязалась? Я ненавижу Новую Землю.

Я слушала, забывая дышать, шокированная тем, насколько похоже то, что она рассказывала, на меня. Финальная фраза, точно копировавшая мою собственную, некогда сказанную Рэю на стареньком малогабаритном катере, послужила последней каплей, и меня передернуло.

— Я и естественными науками занялась, видя, что происходит с моей расой. И замуж вышла за перспективного молодого военного, которому прочили стремительную карьеру и который смог бы в случае необходимости меня защитить, если бы правда всплыла наружу.

— Рад, что ты высоко меня ценила, — хмыкнул Рэй.

— Я ценила тебя высоко, — словно не заметив иронии, подтвердила Линда. — И ты мне действительно нравился. Но это со временем прошло.

— Я догадался.

Сказано было без обиды, да и женщина всего лишь констатировала факт, без цели задеть за живое. Речь шла о делах давно минувших дней, которые ни в одном из них уже не вызывали сильных эмоций.

— Ну хорошо. Ты ненавидела Новую Землю. Решила отомстить. И при чем здесь я? — любопытствовал Рэй.

Это был очень странный разговор. Кэп действительно *любопытствовал*. Они не ссорились, не ругались, не бросались взаимными обвинениями. Они всего лишь обменивались фактами.

— Где-то за месяц до очередного дальнего вылета «Галалэнда» ты упомянул в разговоре, что планируешь нанести визит на Манкор. Дескать, тебя что-то там заинтересовало по профессиональной части. А я хорошо с тобой знакома и знаю тебе цену. Понятия не имею, что ты подозревал изначально, но, попав на место, точно разобрался бы, что к чему. И поломал бы нам всю игру. Что ты, собственно, и сделал в конечном итоге. Так что мои действия никак не касались наших с тобой личных отношений. Как говорится, только дело. Тебя пришлось убрать. И, заметь, я сделала это гуманно, не организовала твое убийство.

— Да, очень гуманно. Спасибо. — На этот раз ответ Рэя был пропитан сарказмом.

А мне подумалось, что очень странный, извращенный, но гуманизм все-таки был. Ведь и Кена она не убила, хотя, как в свое время заметила Гайка, вполне могла бы это сделать. Линда шла на многое, с легкостью шагала по головам как близких, так и незнакомых миллиардов людей. И все-таки первых предпочитала не убивать, находя проблемам иные, более энергозатратные решения.

— Я не знала, что ты пратонка. — Странно, но эта фраза показалась мне почти извинением. — Не так чтобы это что-то принципиально меняло, но когда Количаррен об этом сказал, а потом нажал на рычаг...

Она запнулась, не подобрав нужных слов, а может, даже не представляя, что именно хочет сказать.

— ...оказалось, что это изменило абсолютно все, — констатировал Брэн.

Линда пожала плечами, и это могло означать что угодно.

— Спасибо, — просто сказала я.

Она скривила губы и на миг закатила глаза — мол, забудь.

— Есть связь с Новой Землей! — взволнованно воскликнул

Аркадайос.

Рэй вскинул голову.

— И что? Какие новости?

— Они хотят говорить с капитаном. С *нашим* капитаном.

— Иду!

Кивнув, Рэй вскочил на ноги, от резкого подъема у него закружилась голова. Он пошатнулся и приложил руки к вискам. Я тоже встала, чтобы проводить его до панели управления и в случае чего поддержать.

* * *

— И все-таки не знаю, что вы оба в ней нашли, — заметила Линда, глядя вслед Саманте, одетой в простенький комбинезон-унисекс.

Кен тоже проводил взглядом девушку, шедшую бок о бок с Рэем.

— Может быть, то, что, возненавидев Новую Землю, ты пыталась ее уничтожить, а она — спасти? — задумчиво предположил он.

Глава 8

Просторный зал, в который нас отвели, давил на психику стерильной чистотой и деловой атмосферой. Огромный овальный стол белого цвета с многочисленными стульями на одинаковом расстоянии друг от друга заставлял невольно почувствовать себя крохотным и незначительным. Нас было девятéro, полный состав экипажа Рейера Макнэлла, но на фоне более чем сорока мест создавалось впечатление, что мы — лишь небольшая горстка людей. Перед каждым стояла бутылка с минеральной водой и пустой стеклянный бокал. На потолке — круглый прожектор для голографических изображений. Одна из стен зала легко превращалась в огромный экран, хотя сейчас это едва угадывалось по своеобразным отблескам света. Искусственное освещение было включено, несмотря на то, что за огромными окнами стоял день, а жалюзи не были опущены.

Высокие двери распахнулись без предупреждения, и девушка-секретарь в строгом костюме и с таким же строгим лицом торжественно объявила:

— С вами будет говорить госпожа Джорджия Клэр, лидер партии «Независимый Юг» и председатель временного кабинета министров.

Гайка неприлично присвистнула. Я отреагировала беззвучно, но в остальном была полностью с ней солидарна. После драматических событий двухнедельной давности, когда само существование человеческой цивилизации на Новой Земле оказалось под угрозой, структуры власти обоих континентов претерпели серьезные перестановки. В частности, президент нашего Южного континента был вынужден объявить о выходе в отставку. Организация выборов была делом продолжительным, и пока управление взяло на себя спешно сформированное временное правительство. А поскольку кредит народного доверия был утерян не только бывшим президентом, но и правящей партией в целом, именно лидер оппозиционной партии Джорджия Клэр возглавила нынешний верховный аппарат. Более того, почти со стопроцентной вероятностью именно ей предстояло стать следующим президентом самого сильного государства Новой Земли.

Большинство из нас не были посвящены в правила этикета, которые надлежало соблюдать в присутствии лиц такого ранга. Но, видя, что Рэй и Брэн поднялись на ноги, все члены команды решили последовать их примеру. Первыми в зал вошли двое широкоплечих мужчин с

отсутствующим выражением на лицах — не иначе как охрана. Причем на входе в здание нас тщательно обыскали и временно изъяли все, что могло быть использовано в качестве оружия. Следом проскользнула девушка с ноутбуком, вероятнее всего ассистент, секретарь или помощник госпожи Клэр, уж не знаю, как ее должность называется. И наконец в зал ступила сама исполняющая обязанности президента.

Это была высокая темноволосая женщина, в меру худая, одетая в строгий деловой костюм — светлая блузка, черные жакет и юбка-карандаш. Обтянутые тонким капроном ноги были обуты в классические черные туфли на высоких, но устойчивых каблуках.

— Здравствуйте, господа. — У женщины был приятный голос, звонкий и одновременно деловой. — Прошу вас садиться.

Она прошла к своему месту. Помощница остановилась справа от нее, охранники с тем же невозмутимым и обманчиво безразличным видом расположились позади на небольшом отдалении.

— Первым делом я хочу от лица правящего кабинета и от себя лично выразить вам благодарность за спасение нашей планеты.

— Мы выполняли свой гражданский долг.

По интонации Рэя невозможно было определить, говорит ли он искренне или дает стандартный, ожидаемый в подобных случаях ответ.

Только теперь Джорджия Клэр опустила на стул. Помощница незамедлительно наполнила ее стакан прозрачной водой.

— В мои планы не входит изнурять вас уточняющими вопросами, на которые вы, без сомнения, устали отвечать за последние недели. Я ознакомилась с записями покойной Линды Макнэлл, а также с отчетами, основанными на ваших показаниях, — перешла к делу председатель кабинета министров. — Однако, учитывая ваш вклад в спасение Новой Земли и, не побоюсь этого слова, в историю человечества, я сочла необходимым лично проинформировать вас о решениях, принятых специальными комиссиями по вашему вопросу. Некоторые из этих решений придутся вам по душе, другие, боюсь, нет. Однако будет справедливо, если вы услышите обо всем из моих уст. Если впоследствии у вас возникнут дополнительные просьбы, я готова буду принять их к сведению и рассмотреть.

Кратковременная пауза, во время которой исполняющая обязанности президента отпила несколько глотков из своего стакана, была призвана дать нам возможность осмыслить ее слова и подготовиться к предстоящему разговору. Речь Клэр была более-менее ясна, а вот с готовностью к дальнейшему делу обстояло сложнее. Положение некоторых

из нас оставалось весьма щекотливым, и мы не имели ни малейшего представления о том, как в конечном итоге будут решены эти вопросы.

— Начну с глобального. — Сделав это заявление, Джорджия Клэр посмотрела почему-то на меня. — Госпожа Саманта Логсон, события последних недель и ваши показания привели к сверхурочному созыву временного кабинета министров. Темой совещания явилось положение представительниц пратонской расы, имеющих новоземское гражданство. Наш вердикт однозначен: политика прежнего правительства в отношении пратонков была негуманна и неэтична, кроме того, неэффективна. К сожалению, прежней власти вообще была свойственна некоторая закостенелость и недалёковидность во взглядах и принимаемых решениях. Согласно документу, который я подписала сегодня утром, пратонки перестанут быть фактическими пленниками на собственной планете. Отныне им будет предоставлена свобода передвижения, как и право эмиграции на другие планеты. Участие в научных экспериментах допустимо исключительно на добровольной основе и под жестким контролем системы здравоохранения. Кроме того, ваша собственная история показывает, что — вне зависимости от исследований — генетические способности пратонских женщин могут принести огромную пользу в некоторых полицейских и даже военных операциях. Поэтому в ряде случаев им будут предлагаться срочные контракты. Впрочем, пока это не более чем предварительная программа, и разрабатывать ее будем не мы, а соответствующие органы. Отныне вы можете быть спокойны за судьбу своей расы, госпожа Логсон. Полагаю, что для вас это важная информация.

Я сдержанно кивнула.

— Благодарю вас, госпожа Клэр.

Информация была не просто важной, она была судьбоносной. Лишь бы она подтвердилась на деле, а не затерялась среди сотен никого не интересующих файлов... Убедиться в эффективности программы, надеюсь, удастся с течением времени. Доверять политикам на словах я разучилась. Да, глава континента постоянно подчеркивала различия между ее правительством и предыдущей властью, что во многом справедливо, но... Это подчеркивание само по себе звучало так политически. А впрочем, долой сомнения и мнительность. Во всяком случае, у пратонков впервые появился шанс на нормальную жизнь в системе Рейзы.

И все-таки любопытно, что заставило министров пересмотреть вопрос, уже давно никого в верхах не интересовавший. Был ли это, выражаясь словами главы оппозиции, мой «вклад в спасение Новой Земли» или скорее «вклад» Линды, чуть было не уничтоживший целую

цивилизацию? Полагаю, никто и никогда не даст прямого ответа на этот вопрос, а значит, и задавать его не имеет смысла.

— Теперь что касается личных обстоятельств каждого из вас, — продолжала Клэр. — Нам известно, что у многих были проблемы с законом в той или иной степени. Мы постарались принять как можно более благоприятные для вас решения, учитывая ваши заслуги. Однако же и полностью проигнорировать новоземское законодательство мы не вправе. Поэтому какие-то из наших решений порадуют вас больше, какие-то — меньше. Начну с лиц, не являющихся гражданами Новой Земли. Господа Тин-Рок, Аркадайос и Иолетрия покинули свои планеты не вполне законно. Члены комиссии единодушны во мнении, что капитан корабля Рейер Макнэлл не несет ответственности за эти нарушения, поскольку не был осведомлен о тонкостях местных правил.

Мы с Рэем переглянулись. Истина заключалась в том, что дуэллийцы не скрывали от экипажа причины бегства с родной планеты. Знала ли об этом и.о. президента или действительно пребывала в неведении? Так или иначе, ее слова мы приняли молча и вносить коррективы в предложенную ею версию событий не собирались.

— Господин Тин-Рок, — переключилась собственно на беглецов Джорджия Клэр, — представители службы межпланетных контактов свяжутся с вашими родителями. В случае если Рока потребует вашего возвращения, вы будете незамедлительно доставлены на корабль и отправлены домой. Новая Земля оплатит ваш перелет. Однако если ваши родители разрешат вам остаться, лучшие медики Южного континента займутся разработкой методики по улучшению вашего зрения. Вы также сможете пройти обучение в любом из континентальных университетов по вашему выбору.

— Я же говорил, — тихонько шепнул мне Брэн. — У этого паренька большое будущее в интерпланетной политике.

— Подожди, его еще могут забрать домой.

— Глупости, — отмахнулся док. — Какие родители в здравом уме откажутся от подобной карьеры для своего ребенка?

— Госпожа Иолетрия, господин Аркадайос, — продолжала лидер оппозиции. — Мы свяжемся с правительством Дуэллы и попросим смягчить решение по вашему вопросу. Гарантировать, что они пойдут нам навстречу, мы не можем, но в случае неблагоприятного ответа обещаем предоставить вам гражданство Новой Земли и помощь в трудоустройстве.

Джорджия заглянула в свой ноутбук и вновь подняла на нас глаза.

— Теперь что касается тех, кто является гражданином Новой Земли и

подпадает под местную юрисдикцию. Господин Джек Робертсон, госпожа Адаманта Калвенстоун. — Если фамилию Джекки я худо-бедно помнила, то сообразить, что Адаманта — это Гайка, удалось секунд через пять, не меньше. — Правительство Южного континента не имеет к вам никаких претензий. На ваши счета — впрочем, как и на счета остальных присутствующих — будет переведена определенная сумма. Помимо материального вознаграждения вы, господин Робертсон, получите лабораторию для исследований. Господин Брэндан Уолкс. — Женщина отодвинула ноутбук и полностью сконцентрировалась на враче. Тот понимающе улыбнулся. — Вы помогли беглому преступнику незаконно покинуть систему Рейзы.

— Мне это известно, — склонил голову Брэн, не пряча улыбки.

К последствиям своего поступка он был готов с самого начала.

— И тем не менее никаких доказательств этого факта нет. — Клэр на миг изобразила на лице недоумение, после чего с прежним деловым видом продолжила. — Никто не видел вас поднимающимся на борт принадлежащего вам звездолета. Незадолго до вылета вас действительно заметили в космопорту Истерны, затем вы на долгое время покинули спутник. Однако ни то ни другое не служит достаточным основанием для обвинений. Поэтому правительство Южного континента не имеет к вам претензий. Господин Рейер Макнэлл. — Голос ее посуровел. — Разумеется, обвинения в убийстве вашей жены с вас снимаются. Однако вы совершили побег из тюрьмы, а это является преступлением вне зависимости от того, был ли справедлив приговор. Законным действием в тех обстоятельствах была бы подача апелляции в высший суд справедливости.

— Но у него не было возможности... — попыталась вмешаться я, но Клэр вытянула руку в категоричном жесте, требуя тишины.

Рэй мягко коснулся моего запястья, призывая сдержаться.

Я с силой стиснула зубы.

— Согласно современному законодательству наказание за побег — тюремное заключение сроком до двух лет. Мы попросили специальную судебную комиссию, созданную для решения данного вопроса, принять во внимание все смягчающие обстоятельства, а также зачесть уже отбытый срок. Итоговый вердикт: два месяца тюремного заключения. При этом, — поспешила добавить она, перекрывая поднятый нами шум, — мы назначим инспектора, который лично проследит за соблюдением всех ваших прав. Кроме того, судимость не будет занесена в ваше личное дело. Мы уже связались с ВВС. По истечении двухмесячного срока вы будете приняты на

службу в прежнем звании. По предварительной информации, вам будет возвращена должность капитана «Галалэнда».

Рэй приподнял брови, затем кивнул в знак согласия.

— Что ж, ради такого исхода можно подождать два месяца.

— Но это же несправедливо!

Мы с Гайкой синхронно вскочили на ноги.

— Он не должен возвращаться в тюрьму!

— Он с самого начала был осужден за преступление, которого не совершал!

— Это все, что мы можем предпринять в данной ситуации, — развела руками Клэр. — Закон можно по-разному... э-э... интерпретировать, но полностью игнорировать его нельзя. Теперь мы переходим к вам, госпожа Саманта Логсон.

— Кто бы сомневался, — пробурчала я, морально готовясь к тому, что срок моего заключения может оказаться подлиннее, чем у Рэя.

— Надеюсь, вы понимаете, что не можете и дальше жить по поддельным документам. Впрочем, у вас больше и не будет такой необходимости. Отныне Сэм Логсон канет в небытие, а документы Саманты Логсон будут исправлены в соответствии с вашими сегодняшними данными. В частности, нам потребуется ваша фотография и расширенная биометрическая информация, в том числе данные по радужной оболочке глаза. Что же касается господина Кена Хендрейка...

— Постойте! — оборвала ее я. — А как же все остальное?

Клэр взирала на меня, вопросительно приподняв бровь, будто совершенно не понимала, о чем идет речь.

Я выразительно посмотрела на ее ноутбук, но и это не помогло. И.о. президента опустила глаза, уделила светящемуся экрану около двух секунд, и снова подняла на меня вежливый выжидающий взгляд.

— Я помогла заключенному бежать из тюрьмы, — не без раздражения напомнила, абсолютно уверенная в том, что Клэр ни на секунду об этом не забывала.

— В самом деле? — удивленно откликнулась она. — А у меня, — тонкие пальцы с идеальным маникюром коснулись черной рамки ноутбука, — есть другая информация. Здесь сказано, что содействие в побеге Рейеру Макнэлли оказал некий Сэм Логсон. Но поскольку, как мы только что установили, такого человека более не существует, эту тему можно считать закрытой. Или у вас есть какие-нибудь возражения?

Я промолчала. Возражений не было. Не стану скрывать: чувство облегчения я в тот момент испытала изрядное. Но несправедливости по

отношению к Рэю это не отменяло.

— Итак, Кен Хендрейк. — Клэр сцепила руки и опустила их на стол. — Ваше дело запутаннее, чем другие. На имитацию самоубийства мы еще могли бы закрыть глаза. Но она же плюс последующая попытка переложить вину на плечи другого человека — преступление более серьезное, невзирая на то, что в этом деле вы фигурируете как исполнитель, а не организатор. Правда, доказать вашу виновность с учетом ваших же способностей в компьютерной сфере, будет непросто. Но реально. В данном случае мы оставляем решение за пострадавшей стороной. Господин Макнэлл, если вы захотите выдвинуть обвинение против господина Хендрейка, дело будет передано в прокуратуру и расследовано со всей серьезностью. Вы не обязаны принимать решение прямо сейчас, у вас будет время все обдумать.

«Ну да, целых два месяца на размышления», — пронеслась мрачная мысль в моей голове.

— Я готов ответить за свои поступки, — заявил Кен, поднимаясь на ноги.

Охранники на всякий случай шагнули ближе, причем их движения были на удивление синхронны.

— Мне не требуется время. — Рэй не вставал, но он умел говорить так, чтобы заставить себя слушать, не прибегая к лишним телодвижениям. — Могу дать ответ прямо сейчас. Я не намерен выдвигать обвинения против Кена Хендрейка.

— Это ваше окончательное решение? — с нажимом спросила Клэр.

— Окончательное. Можете занести его в протокол. — Рэй улыбнулся секретарю, пальцы которой время от времени принимались скользить по ноутбуку.

А ведь он мог обвинить Кена и знал, что в этом случае даже расследование проводить не понадобится. Чистосердечное признание хакера, написанное на Грине, у него уже было. Но Рэй им не воспользовался. А я с самого начала не сомневалась, что именно так оно и будет.

— Хорошо. — Лидер оппозиции утвердительно кивнула помощнице. — В таком случае у меня все. Есть ли у вас какие-либо вопросы или, быть может, просьбы?

— Есть!

Я вытянула вверх руку, полностью игнорируя удивленные, а возможно, и неодобрительные взгляды соседей по столу. Да, я прекрасно понимала, что веду себя чрезмерно дерзко, что должна бы сидеть тише воды, ниже

травы, особенно учитывая все, что уже сделала для меня Клэр. Но речь шла не обо мне, и молчать я была не вправе.

— Я вас слушаю.

В словах главы правительства раздражения или неприязни не было. Она на миг повернулась к своей ассистентке, давая негласные указания, и снова сконцентрировала внимание на мне.

— У меня три просьбы. — Понимаю, это ни в какие ворота не лезло, но именно сейчас была уверена в себе как никогда. — Все они связаны с тюрьмами.

— Мы готовы ознакомиться с вашими предложениями, — подбадривающе откликнулась женщина.

— Во-первых, я бы хотела попросить разрешения продолжить вести курсы для заключенных в рамках образовательной программы для тюрем, — выпалила я. — Теперь я не смогу делать это в рамках планетарной службы, но, вероятно, можно оформить эту работу как-нибудь иначе. Например, волонтерская служба, университетская практика или еще что-нибудь в этом роде.

— Хорошо, — кивнула Клэр, дала знак секретарю, чтобы та внесла информацию в ноутбук. — Далее?

— Я прошу... — Это слово показалось мне недостаточным, и, собравшись с духом, исправилась: — Я настаиваю, что тюремщик по фамилии Кортон, служащий в 34-й городской тюрьме, должен быть уволен за жестокое обращение с заключенными.

Делайте со мной что хотите, но я не допущу, чтобы, пусть даже по чистой случайности, Рэй снова оказался в руках у этого садиста. И неважно, что речь идет всего о двух месяцах. Тем более что в таком контексте два месяца превращаются в долгий срок.

Клэр всем своим видом показывала, что слушает дальше.

— Последняя просьба касается одного заключенного в этой же тюрьме. — Замешкалась, с трудом воспроизводя в памяти имя и фамилию высокого толстяка. — Мэтт Дорн. Он защищал свою жену, на которую напал грабитель. Случилось так, что преступник погиб, и Дорна посадили в тюрьму за непреднамеренное убийство. Я прошу, чтобы его дело было пересмотрено.

— Что ж... — Сверившись с компьютером помощницы, Джорджия Клэр подняла на меня заинтересованный взгляд. — Первую и последнюю ваши просьбы мы удовлетворим. Волонтеры в образовательных программах требуются всегда, и мы позаботимся о том, чтобы вас определили в ту же тюрьму, куда будет заключен господин Макнэлл. Я также обращусь в

судебную комиссию с просьбой повторно рассмотреть дело названного вами человека. — Она бросила короткий взгляд на ноутбук, удостоверившись, что его имя было внесено в протокол. — Что же касается второго вашего ходатайства, то тут пойти вам навстречу мы не сможем, поскольку тюремщик по фамилии Кортон был уволен без права восстановления вскоре после вашего побега. То есть я, конечно, хотела сказать после побега господина Макнэлла.

Она впервые позволила себе заговорщическую улыбку. Она промелькнула и погасла за долю секунды, а Клэр уже обращалась к доку:

— Господин Уолкс, может быть, у вас есть какие-то пожелания, касающиеся возобновления медицинской практики?

— Благодарю вас. — Брэн просиял с джентльменским видом, виртуозно ему удававшимся в присутствии представительниц прекрасного пола. Если у него возникало такое желание, конечно. — Я предпочел бы пару месяцев отдохнуть. Последние недели выдались нелегкими, а мне следует прийти в форму перед возвращением на военную службу. Некоторые основания позволяют надеяться, что новый капитан «Галалэнда» примет меня в свою команду.

Короткий обмен усмешками свидетельствовал о том, что надежды дока были небеспочвенными.

И.о. президента поднялась на ноги. Секретарь последовала ее примеру, начав движение лишь на долю секунды позже начальницы, что говорило о хорошей реакции и продолжительном опыте. Мы тоже встали. Охрана приблизилась все с той же впечатляющей синхронностью.

— Что ж, господа. Если у вас нет других просьб и комментариев, я вас оставлю. Желаю вам благополучия и успехов в дальнейшей карьере на Новой Земле или других планетах.

За этим церемонным напутствием последовала официальная улыбка, и Джорджия Клэр покинула зал, звонко стуча каблуками в такт деловой походке. За ней вышли ассистент и охранники.

Нас ненадолго оставили одних — почти сразу же в дверь заглянула служащая, что прежде проводила нас в зал. Она объявила о приходе представителей службы межпланетных контактов, намеревавшихся побеседовать с Тин-Роком и дуэллийцами, затем известила о чиновнике, которому требовалась подпись Рейера Макнэлла. Потом желающим были предложены напитки и легкие закуски в соседнем помещении, и вскоре зал опустел. Я подошла к панорамному окну почти от самого пола до потолка и прижалась лбом к небьющемуся герцианскому стеклу. Внизу поблескивали посадочные площадки на крышах многоэтажек. В небе

медленно расплзлся белый след от недавно пролетевшего флаербуса.

— Ты как? — уже почти привычно прозвучал голос сзади.

— Ничего, — вздохнула, не отводя взгляда от вида, открывавшегося с двадцать второго этажа.

— То, что они решили насчет Рэя, несправедливо, — убежденно произнес Кен.

— Несправедливо, — согласилась с грустью, — но мы и не рассчитывали на справедливость со стороны властей Новой Земли. В конце концов, все могло бы сложиться значительно хуже.

— Могло бы, — признал Кен. И после короткой паузы спросил: — Будешь его ждать?

Я покачала головой.

— Нет. Я не собираюсь ждать два месяца. Я собираюсь быть рядом. Не знаю, что из этого выйдет, но такова цель.

— Значит, у тебя все получится. Ты очень целеустремленная девушка, Сэм.

Я хмыкнула, продолжая глядеть в окно. Целеустремленная? Раньше у меня вообще не было целей. Сейчас жизнь стала меняться. Будущее оставалось пока размытым, размазанным, как след от флаербуса, но его контуры постепенно вырисовывались.

— Ты мне очень нравишься, Сэм. С самого начала. Думаю, ты хорошо это знаешь. Время от времени это заставляет меня злиться на Макнэлла. Но если смотреть в корень, я понимаю, что все справедливо. Я увел у него жену, вернее, она сама ушла, но я все равно сильно напортачил. А его выбрала девушка, которая очень понравилась мне.

Я застыла на месте, словно замороженная, силясь понять, как себя вести в такой ситуации. Надо было сказать что-то очень правильное, но я представления не имела, что именно. Пока я лихорадочно соображала, Кен мягко поцеловал меня в щеку.

— Прощай, — сказал он и отступил.

— Мы больше не увидимся? — слетело с моих уст.

Такая перспектива меня не устраивала. Общество Кена всегда было мне приятно, хотя и не так, как он бы того хотел. И я надеялась, что наша компания — странная, разношерстная и образовавшаяся, казалось бы, случайно — не распадется окончательно, и мы хотя бы иногда сможем встречаться все вместе.

— Увидимся, конечно, — развеял мои опасения Кен. — Это я не тебе. Так... своим надеждам.

Я снова не знала, что сказать. Пальцы потянулись к нагрудному

карману, но доставать сигарету в зале совещаний правительственного здания было бессмысленно. Наверняка здесь все усеяно датчиками дыма. Рэй вообще настаивал на том, чтобы бросала курить, но я пока не сдавалась: обстоятельства не благоприятствовали. Слишком нервной была обстановка в ожидании решений по нашему вопросу. И я, пожалуй, права: в ближайшие два месяца сигареты мне пригодятся. А вот дальше — посмотрим.

Неловкость ситуации сгладила ворвавшаяся в помещение Гайка.

— О, ну хоть кто-то здесь! — Она всплеснула руками. — Народ, вы вообще понимаете, что пропуск в это здание у нас в первый и, может быть, последний раз в жизни? Знаете, какое здесь кафе на двадцать восьмом этаже? Простым смертным и не снилось! Кто составит мне компанию? — Она уперла руки в бока. — Хендрейк, я в первую очередь к тебе обращаюсь! Ты джентльмен или кто? Может, сводишь уже голодную девушку на кофе с тортиком?

Кен рассмеялся.

— Конечно, леди!

Он подошел к Гайке и подал ей руку.

— Время свидания заканчивается, — бесстрастно сообщил Раджер, с отстраненным видом прислонившийся спиной к двери.

Со времени моего предыдущего появления в тюрьме здесь произошло немало кадровых перестановок. Исчез не только Кортон, но и принимавший меня на работу заместитель, равно как и бывший директор, с которым мне так и не довелось познакомиться. Зато Раджер оставался бессменным, его даже повысили в должности.

Я посмотрела в глаза сидевшему напротив Рэю, не представляя, что говорить. Ну разве ж это не нелепо? Когда знаешь, что у тебя осталась ровно одна минута, наступает время отринуть мелочи, отвлекающие факторы и условности и озвучить самое главное, необходимое, судьбоносное. Но отчего-то в этот момент голова заполняется пустотой, как пробитый звездолет — вакуумом, и ее не посещает ни одна маломальски стоящая мысль. И я молчала, сжав руку Рэя, а он опустил сверху свою вторую ладонь, успокаивая и обещая, что все будет хорошо.

— Как часто здесь дозволяются свидания? — спросила я у Раджера.

По выражению его лица сразу поняла, что ничего приятного не услышу.

— Для близких родственников при благоприятных обстоятельствах можно добиться раз в неделю, — сообщил он. Смущенно кашлянув,

пояснил: — Близкие родственники — это родители, дети, братья и сестры, а также супруги. Остальные могут получить не больше одной встречи за весь срок.

Я стиснула зубы. Вот ведь напасть! Нет, я, конечно, собиралась добиться права вести курс по теоретической астрономии для группы, в которую сможет вступить Рэй. К счастью, условия его содержания это позволяли. Но во время лекции не поговоришь по душам, не сожмешь, как сейчас, теплую руку, даже передачу на занятия не принесешь!

— Раджер! — Я резко повернулась к тюремщику. — У вас здесь регистрации брака устраивают? Так, чтобы быстро, без проволочек?

— Ну... в общем, да. Есть один дом бракосочетаний, с которым мы сотрудничаем.

— Отлично. — Теперь я обратилась к Рэю: — Как тебе идея на мне жениться?

Кэп моргнул, ошалело уставившись на меня.

Еще немного, и я бы стушеввалась, в полной мере осознав вылетевшую фразу. Но Рэй не дал — сложив руки на груди и откинувшись на спинку стула, он с важным видом поинтересовался:

— А приданое у тебя есть?

— Есть! — Я тут же почувствовала себя в своей тарелке. — Во-первых, квартира, — принялась загибать пальцы, — весьма комфортабельная и в хорошем районе. Правда, ее слегка конфисковали... но в перспективе вернут. Может быть. Во-вторых, катер для малых космических дистанций. Правда, он на Истерне. И его тоже конфисковали. Но тоже вернут. Может быть. В-третьих, мне полагается приличная денежная премия за особые заслуги перед планетой. Правда, ее пока еще не перевели на банковский счет... Но переведут. Может быть.

— Завидная невеста! — не удержался от комментария второй охранник, присутствовавший при свидании и находившийся в противоположной от Раджера стороне комнаты.

Сам Раджер, увлекшийся неожиданным поворотом, который принял наш разговор, утратил профессионально-невозмутимый вид и даже забыл о том, что время встречи вроде как подходило к концу.

— Скажи ему, что у тебя еще и работа есть! — посоветовал он.

— У меня еще и работа есть, — с серьезным видом добавила я, вновь поворачиваясь к Рэю. — В весьма, кхм, серьезном учреждении с хорошей репутацией. Правда, я за нее денег не получаю. Но это мелочи.

— Ну, это и правда мелочи, — согласился Рэй. — Мне тут сообщили по секрету, что через два месяца тебе собираются предложить контракт с

ВБС. Будешь служить на военном звездолете в должности аналитика.

— Какое неожиданное предложение! Мне надо подумать. — Я кокетливо опустила глаза. — Все-таки я там никого не зна-а-аю...

— Ну почему же? — возразили мне. — Бортового врача знаешь. Аркадайос будет служить первым пилотом второго состава. Иолетрия — штатным лингвистом. Гайка — механиком. Вот насчет Хендрейка я пока еще не решил, хотя и есть вариант включить его в состав группы системных администраторов.

Обдумать все это определенно следовало, но позднее, пока Раджер не вспомнил об истечении срока свидания, а потому я с вызовом заявила:

— Ну хорошо, с моим приданым разобрались, а ты что можешь предложить?

— О, у меня очень внушительное недвижимое имущество! — заверил жених. — Отдельная койка в камере всего с двумя соседями.

— Койка — это не недвижимость, — педантично уточнил Раджер.

— Еще какая недвижимость, — фыркнул Рэй, — там ножки к полу привинчены.

— Ты пытаешься скрыть от меня трехразовое питание! — Я вытянула руку в обличительном жесте.

— Если будешь настаивать, я готов делить тюремную баланду с тобой пополам.

— Какую еще баланду?! — возмутился Раджер. — Ты на наших поваров-то не наговаривай! Суп и картошка с мясом — это баланда? А компот?

— Ладно, уговорил, — кивнула тюремщику. — Стало быть, жених выгодный.

— Но невеста тоже не лыком шита, — снова вмешался второй охранник. — Так что мы ее, может, еще и не отдадим.

— Зато у нее есть вредные привычки, — парировал Рэй.

— Какие это?

Охранник буквально-таки вошел в раж.

— Она курит! — Настал черед Рэя для обличительных жестов. — Кстати, Сэм, имей в виду. Если не бросишь, я лично тебя задушу.

— Знаешь, — задумчиво проговорила я, — по-моему, привычка убивать жен — более вредная, чем курение!

И тут Раджер все-таки посмотрел на часы.

— Черт! — выдохнул он. — Так, на этой оптимистической ноте дискуссию объявляю закрытой. Свидание окончено, дальше будете разбираться в следующий раз.

И меня быстренько выставили вон.

Я медленно шла по коридору, опустив глаза в пол, боковым зрением замечая сновавших мимо людей, в основном в форме тюремных охранников. Неизбежное свершилось: я в полной мере осознала, какое именно предложение сделала Рэю, и мои щеки быстро налились румянцем. О чем я только думала, когда это сказала? И как он должен был все воспринять?

Немного постояла у крохотного зарешеченного окошка, успокаиваясь, потом зашагала в сторону следующего помещения. Здесь обычно ожидали своей очереди те, кому удалось получить разрешение на свидание. И сейчас помимо переговаривавшегося по рации охранника здесь находился Брэн.

— Привет, Сэм! — приветливо окликнул он и, поднявшись, протянул мне руку для пожатия.

— Привет! Давно ждешь?

— Не очень. Скоро должны впустить.

Я кивнула.

— Это хорошо. Важно, чтобы у него была постоянная поддержка. Ты попроси других знакомых, ну, с «Галалэнда», из тех, у кого с Рэем были хорошие отношения, чтобы тоже подавали запросы на свидание. Если нет родственных связей, больше одной встречи не дают, но если люди смогут приходиться в разные дни... Плюс родители раз в неделю, плюс я сколько смогу... Это поможет двум месяцам пролететь для него быстрее.

— Сделаем, — пообещал Брэн. — Они тут сильно удивятся. Думаю, настолько востребованного заключенного у них еще не было.

Док весело подмигнул, и я решилась.

— Послушай... У меня есть одна просьба. Когда пойдешь к Рэю, скажи ему... — Я нервно прикусила губу. — Скажи, что все, что я предложила... Это не надо воспринимать всерьез. То есть я серьезно, но это только на время заключения. Чтобы я могла помочь. Потом он сможет запросто развестись и жить так, как захочет. Я знаю, звучит непонятно, но ты просто ему передай, хорошо?

— Ну почему же непонятно? — ошарашил меня врач. — Ваш дивный диалог обсуждает весь обслуживающий персонал.

— То есть как?..

Если недавно я краснела, то теперь, наоборот, начала бледнеть, что давало мне шанс в конечном итоге прийти к нормальному цвету лица.

— У одного из охранников, присутствовавшего на вашем свидании, была включена рация, — объяснил Брэн. Его ситуация явно забавляла. — Нет, ты не думай, само свидание он не транслировал, но вот когда дело

дошло до вашего незабываемого торга... Тут он, видно, посоветовал своему напарнику снаружи внимательно послушать, а вокруг того постепенно собралась целая толпа. Теперь история передается из уст в уста и, готов поспорить, уже обросла новыми подробностями. Так что у вас с Рэем есть все шансы превратиться в местную тюремную легенду.

— Оч-чень лестно.

От такой неожиданной новости ноги у меня подкосились, и я потихоньку сползла по стеночке на удачно подвернувшуюся скамейку.

— Воды? — участливо осведомился Брэн, хотя я подозревала, что участие это фальшивое. — Или сразу коньяку?

— Лучше сигарету, — мрачно ответствовала.

— Курение вредно для здоровья, — наставительно произнес он.

— А подобные банальности вредны для тех, кто их озвучивает, — угрожающе парировала я, прикидывая, чем бы в него запустить.

Спас дока тюремщик, вовремя появившийся со стороны коридора, ведущего к камерам.

— Брэндан Уолкс? — позвал он и, когда врач сделал шаг навстречу, объявил: — Следуйте за мной. У вас десять минут.

На следующий день я прилетела в тюрьму, чтобы окончательно уладить вопрос с курсами и моим расписанием. И очень удивилась, когда мне сообщили о предстоящем свидании с Рейером Макнэллом и предложили пройти для ожидания в ту самую комнату, где менее суток назад я общалась с доком. Отказываться, ясное дело, я не стала. Просидев четверть часа, стала свидетельницей занятого диалога. Один охранник передал другому небольшой сверток.

— Вот, три часа потратили, чтобы со всех сторон проверить, — проворчал он.

— Угу, я передам, — кивнул его коллега.

— Обнаглели сверх меры, — не переставал ворчать первый. — Еще бы пиццу сюда начали заказывать!

— Кому нужна та пицца при здешней кормежке? — беззлобно отозвался второй.

Наконец они разошлись, а меня вскоре пригласили пройти в предназначенную для свиданий камеру.

Рэй сидел на прежнем месте за столом, я заняла уже знакомый стул напротив.

— Как тебе удалось добиться повторного свидания? — выпалила я с места в карьер, слишком уж сильно смутил меня этот вопрос.

Я тут, понимаете, стараюсь, кручусь, как белка в колесе, бог знает что придумываю, чтобы выторговать одну встречу в неделю, а он вот так раз — и все устроил!

— Был повод, — уклончиво ответил Рэй.

Глаза его улыбались.

— Какой?

— Вообще-то я собирался поднять этот вопрос после заключения, — не давая прямого ответа, продолжил он, — но раз уж так сложилось... Вот.

И он протянул мне маленькую коробочку, в какие обычно упаковывают украшения.

Я осторожно ее открыла. Внутри действительно оказалось кольцо. Тонкое, из белого золота, покрытая сверкающими листиками ветвь изящно оплетала его верхнюю часть.

— Выходи за меня замуж. — Рэй сопроводил подарок традиционным предложением. Но сразу же испортил впечатление, убрав коробочку — правда, уже опустевшую — себе за спину и заявив: — Только с одним условием.

Это еще что за фокусы?!

— Опять курение? — обреченно проворчала я.

— Ладно, с двумя условиями, — тут же исправился он.

— Что за условие?

Высказывать дополнительные догадки я не стала: как выяснилось, это было чревато.

Жених подался вперед.

— Никакого развода после моего освобождения не будет. Мы можем подождать со свадьбой два месяца. Поверь, я очень ценю твое стремление оказать мне поддержку. Но я справлюсь. По сравнению с моим первым заключением то, что происходит сейчас — так, ерунда. Немного жизни в общаге. Мы можем пожениться сейчас, а можем после того, как я отсюда выйду, но у нас будет нормальный брак. Настоящий. Полноценная семья с общим домом, электрическим очагом, голографическими обоями, детьми, котлетами на ужин... ну и что там еще полагается.

— Я не умею готовить, — буркнула, стараясь скрыть наплыв чувств, который, как назло, проявлялся в застилавших глаза слезах.

— Неважно, закажем в ближайшем ресторане, — отмахнулся он.

— Котлеты? — Засмеялась, и слезы все-таки потекли по щекам.

— С картофельным пюре, — заверил Рэй, накрывая пальцами мою ладонь.

— Звучит страсть как романтично. — Я постаралась скрыть свои

эмоции за ехидством.

— Еще как романтично!

— Ладно, — согласилась я, утирая слезы свободной рукой. — Но у меня тоже условие. Женимся не через два месяца, а сейчас, как только здесь смогут организовать все необходимое. И от дополнительных свиданий ты увильнуть не сможешь. Будешь видеть меня два раза в неделю на лекциях и еще два — на личных встречах.

— Почему это два? — вмешался в разговор Раджер. — Положено не больше одного в неделю, даже молодоженам и с учетом особых обстоятельств.

— Считаю сам, — невозмутимо заявила я. Слезы уже высохли, так что в сторону тюремщика я повернулась спокойно. — Две лекции в неделю плюс одно положенное свидание — это три. Кроме того, подозреваю, что он, — я небрежно указала рукой на Рэя, — будет филонить и увиливать от выполнения домашних заданий. Стало быть, нужна еще одна встреча, чтобы проверять его продвижение по учебе. Это не свидание, а педагогическая необходимость. Это четыре.

Рэй рассмеялся, а Раджер пробубнил в ответ что-то неразборчивое. Главное, убедительных возражений у него не нашлось.

— Жених, можете поцеловать невесту! — торжественно объявил неизменный второй охранник, тот самый, что присутствовал при нашем вчерашнем свидании.

— Не имею никаких возражений, — заявил Рэй.

Против всех тюремных правил он поднялся на ноги, обошел стол и, склонившись надо мной, мягко поцеловал в губы. Сквозь заволакивающую сознание нежность я услышала бурные аплодисменты и выкрики, раздававшиеся из динамика включенной рации.

Церемония бракосочетания проходила в закрытом помещении с прозрачными стенами из герцианского стекла, благодаря чему гости, не вступая в непосредственный контакт с женихом, на свадьбе все же присутствовали. При этом они делились на две группы, расположившиеся в разных коридорах и между собой не пересекавшиеся. За одной стеной находились родители Рэя, Брэн, Гайка и еще пара человек из экипажа «Галалэнда», среди которых я опознала мужчину, «не видевшего» в свое время нашего корабля по причине усердной работы с паяльником. Еще одним гостем был Томас Дебург, в прошлом — старший помощник Рэя, ныне — капитан «Галалэнда», которому в скором времени предстоял перевод на новый звездолет с сохранением должности капитана. За

противоположной стеной стояли заключенные, сокамерники и сокурсники жениха, по совместительству — студенты невесты. К моему огромному удовольствию, Мэтт Дорн находился не здесь, а в первой группе: его дело было пересмотрено, а сам он выпущен на свободу. Тюремщиков можно было наблюдать с обеих сторон, и если судить по их количеству, далеко не все они пришли сюда ради выполнения служебных обязанностей.

Учитывая обстоятельства, одеты мы с Рэем были скромнее, чем традиционно полагается жениху и невесте. Правда, ему разрешили облачиться в костюм вместо арестантской формы. Я же пришла в обычном светло-бежевом платье длиной до колена.

К моменту нашего появления работница дома бракосочетаний уже ожидала в комнате. Здесь же установили портативную аппаратуру. Сначала брали кровь на анализ, в ходе которого проверялось, что ни один из будущих супругов не пребывает в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и способен отвечать за свои действия. Процесс длился не более минуты и был полностью автоматизирован, включая стерилизацию. Затем регистратор с улыбкой коснулась какого-то сенсора, и над аппаратом возникла голограмма. Два крупно написанных слова — «Да» и «Нет», над каждым из которых светилось изображение. Над положительным ответом красовалась счастливо улыбающаяся девушка в пышном свадебном платье, прижимающая к груди роскошный букет. Над отрицательным застыла та же девушка в идентичном наряде, но без цветов. Сложив руки на груди, сжав губы в тонкую линию и упрямо вздернув подбородок, она решительно отворачивала голову в сторону.

— Саманта Логсон, согласны ли вы выйти замуж за Рейера Макнэлла? — спросила женщина приятным голосом с благожелательными интонациями.

— Да.

Улыбнувшись, я коснулась пальцем парящего в воздухе «Да». Изображения тут же исчезли, процессор на миг зашумел, будто давая понять, что ответ принят, и снова затих в ожидании. Регистратор повторно нажала на сенсор.

Теперь над вариантами ответа был изображен жених. Над словом «Да» он улыбался и протягивал невидимой невесте уже знакомый роскошный букет. Над отрицательной версией — прятал руки за спиной и выразительно глядел в потолок.

— Рейер Макнэлл, согласны ли вы взять в жены Саманту Логсон?

— Да.

Рука Рэя, не дрогнув, коснулась соответствующего варианта.

— Прошу вас засвидетельствовать серьезность своих намерений, приложив к дисплею указательные пальцы. Правой руки, — уточнила она, видя, как я засомневалась, приподняв обе ладони.

На поверхности регистрационного аппарата уже возникли изображения двух пальцев, слева — для жениха, справа — для невесты, так что сложностей с этим этапом не возникло.

— Очень хорошо, — подбодрила женщина. — Теперь прошу вас обменяться обручальными кольцами.

Рэй надел мне на палец то кольцо, которое подарил еще на тюремном свидании, я же ему — мужское, без особых украшений, но тоже из белого золота.

— Рейер, Саманта, объявляю вас мужем и женой! — торжественно провозгласила регистратор.

Коридоры с обеих сторон от комнаты взорвались аплодисментами.

Все были довольны, и только Гайка позднее бурчала, что же это за свадьба, на которой невеста не бросает букет.

Эпилог

Букет я все-таки бросила. Но позднее, когда Рэй уже вышел из тюрьмы, и мы, после продолжительных раздумий и под действием уговоров, решили устроить «вторую свадьбу», празднование в более подходящих условиях. Правда, тоже не в традиционном зале торжеств, а на «Галалэнде». Огромный корабль находился в это время в космопорту приписки, в ближайшие дни вылетов не намечалось, а отсек, способный вместить всех желающих, там имелся.

На мне было настоящее свадебное платье, белое, пышное, в кружевах, а шею и левое запястье обвивали нити освальдийского кристалла — камня, внешне напоминающего алмаз и не менее дорогого. Подарок Рэя.

Букет, искусно составленный из нежно-лиловых орхидей, и чтобы он не завял, нижнюю часть стеблей окутывал сохраняющий влагу материал. Это гарантировало сохранность цветов, но вместе с тем основательно утяжеляло букет. И я всерьез опасалась, как бы этот символ замужества не выбил глаз кому-нибудь из девушек, рискнувших побороться за право его заполучить.

С другой стороны, из-за дополнительного веса я боялась вообще не добросить букет до сбившихся в толпу гостей. Именно поэтому, повернувшись к ним спиной, я постаралась размахнуться и забросить цветы как можно дальше. Итог оказался неожиданным. Букет благополучно пролетел над головами разочарованных девушек, добрался до дока, который тихо-мирно переговаривался с рядовым, исполнявшим на вечере роль бармена, и... приземлился прямо в его бокал. Стекло разбилось вдребезги, украсив костюм Брэна красными разводами. Осколки лишь каким-то чудом никого не поранили. Зато можно было смело сказать, что судьба сделала свой выбор, хотя... Что-то мне подсказывало, что восторг не пришел.

Так что в тот вечер я старалась Брэну на глаза не попадаться. Однако мне передали, что первой цензурной фразой, произнесенной им после случившегося, было что-то вроде:

— Нет, вторую диссертацию я с этой компанией все-таки напишу!

Торжество близилось к концу, и гости уже собирались расходиться, как вдруг к нам заглянул дежурный радист со срочным сообщением для капитана. Поначалу его не восприняли всерьез и даже попытались вытолкать наружу, поскольку члены экипажа, которым не повезло нести

вахту во время праздника, так и норовили просочиться внутрь под предлогом якобы срочных деловых вопросов. Но Рэй навел порядок, и выяснилось, что из командного центра действительно поступил приказ. Ознакомившись с его содержанием, мой муж велел остановить музыку и объявил:

— Дамы и господа, боюсь, я вынужден переключить ваше внимание с развлекательной программы на рабочую. В ближайшее время мы отправляемся на планету Нуба системы Апомакрос. Это недавно открытая планета второй категории. Население составляют гуманоиды, по свидетельствам очевидцев благожелательно настроенные к пришельцам. Три экспедиции благополучно возвратились оттуда на Новую Землю. Еще одна, отправленная второй по счету, пропала, хотя известно, что в атмосферу они вошли. Как вы знаете, такое случается, когда речь идет о мало исследованных небесных телах. Возможно, они приземлились во враждебной среде, возможно, взорвались, не успев зайти на посадку. Наша задача номер один — попытаться выяснить, что с ними произошло. Задача номер два — если удастся, забрать с корабля некую редкую аппаратуру. Задача номер три — параллельно укрепить контакт с аборигенами. — Он опустил руку, в которой держал электроблокнот. — Вылетаем завтра в десять тридцать утра по стандартному южно-континентальному времени. У кого-нибудь есть вопросы или замечания?

— Так точно!

Вперед выступил старший системный администратор «Галалэнда», имевший все шансы навсегда остаться для меня «тем парнем с паяльником». В его бокале, заполненном на треть, весело искрилось золотистое шампанское.

— Добро пожаловать на борт! Ура капитану Макнэллу!

— Ура капитану Макнэллу! — подхватили остальные.

И впервые в истории звездолета «Галалэнд» начало новой операции было ознаменовано звоном бокалов.

notes

Примечания

1

ВВС — военно-безвоздушные силы.

EQ (сокращенно) — коэффициент энцефализации.